

МОДЕРНИЗАЦИЯ VS. ВОЙНА

Человек на Балканах
накануне и во время
Балканских войн
(1912-1913)

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения Российской академии наук

Модернизация vs. война

Человек на Балканах
накануне и во время
Балканских войн
(1912–1913)

Фото из Альбома Самсона Чернова.
Архив Сербии (Белград)

Москва – 2012

Сборник подготовлен при поддержке
Программы фундаментальных исследований секции истории
Отделения историко-филологических наук РАН
«Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов»

Ответственные редакторы:
доктор исторических наук *Р.П. Гришина*,
доктор исторических наук *А.Л. Шемякин*

Рецензенты:
кандидат исторических наук *Е.Л. Валева*
(Институт славяноведения РАН),
кандидат исторических наук *О.А. Дубовик*
(Московский государственный университет)

Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913): сборник статей / Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. – М., 2012. – 435 с.

В сборнике статей предлагаются новые подходы к пониманию опыта Балканских войн 1912–1913 гг. В отличие от ранее преобладавшей в историографии тенденции сосредоточиваться преимущественно на военно-политических событиях и итогах этого регионального столкновения, авторы обратились к его «базе» и истокам – историческому контексту и внутренним реалиям стран полуострова. А именно: традиционной социальной структуре; особенностям менталитета и уровню политической культуры населения и элит; взаимоотношениям власти и общества и др. То есть к тому, что определяет степень «модерности» балканских государств и обществ. Отсюда и вопросы, на которые попытались ответить участники сборника – как имперская традиция Юго-Восточной Европы проявила себя в качестве одной из предпосылок Балканских войн; в чем состоит разгадка «массового национализма» в регионе; с чем в сфере «модернизации» сознания народы Балкан подошли к кануну Новейшего времени.

ISBN 10 5-7576-0253-8

ISBN 13 978-5-7576-0253-0

© Авторы, 2012

© Институт славяноведения РАН, 2012

В С Т У П Л Е Н И Е

Ровно столетие отделяет мир от начала Балканских войн, внимания которым (несмотря на все их значение) в отечественной науке уделено незаслуженно мало. Оно и понятно: оказавшись в буквальном историографическом «плёну» Великой войны, конфликт на Балканах надолго «завяз» на обочине серьёзного исследовательского интереса. Это обстоятельство создало лауну в изучении одного из важнейших «узлов» Новой истории региона – Балканские войны, как бы открыв XX век, одновременно завершили переходную, во многом – переломную, фазу развития балканской государственности.

Их результаты известны, однако, они требуют более глубокого осмысления, чем это представлено в традиционной историографии. Изучение балканского региона, которое проводилось в последние годы в рамках исследовательского проекта «Человек на Балканах», позволяет, на наш взгляд, не только расширить пространство научного поиска, в том числе за счет новых парадигм, но и попытаться найти корни пресловутого Восточного кризиса. Исходная база для этого – обращение к историческому контексту и внутренним реалиям государств полуострова: традиционной социальной структуре; особенностям менталитета и уровню политической культуры населения и элит; взаимоотношениям власти и общества, их реакции на вызовы предвоенного и военного времени. Иными словами, речь идет о рассмотрении теряющейся в веках «предыстории» конфликта, его сути и характера в начале XX в., и степени «модерности» балканских стран и народов. Ответа требуют, прежде всего, вопросы: как имперская традиция Юго-Восточной Европы проявила себя в качестве одной из предпосылок Балканских войн; в чем состоит разгадка «массового национализма» в регионе; как настройка на войну отразилась на консолидации балканских народов; с чем в сфере «модернизации» сознания подошли они к кануну Новейшего времени; как реальная история событий 1912–1913 гг. соотносится с их трактовкой в национальных историографиях?

Все эти вопросы, опираясь на обновленный исследовательский инструментарий, и попытались осветить авторы настоящего сборника статей: «Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн 1912–1913 гг.». Это – ученые Москвы (ИСл, ИВИ, ИЭА РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, МГИМО(У) МИД РФ); Нижнего Новгорода (Нижегородский Госуниверситет им. Н.И. Лобачевского); Екатеринбурга (Уральский Госуниверситет им. А.М. Горького); а также различных научных учреждений Сербии, Болгарии и Румынии. Сборник является продолжением серии трудов коллектива авторов (7-й выпуск) в рамках многолетнего проекта – «Человек на Балканах в процессе модернизации (середина XIX – XX в.)», и подготовлен при поддержке Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН.

* * *

Характерно уже само название сборника – «Модернизация против войны», которое необходимо объяснить. Принято считать, что, несмотря на разрушения и людские потери, войны способствуют научно-техническому прогрессу: путем создания новых видов вооружений, совершенствования средств связи, повышения уровня моторизации и т. д. Но ко всем ли войнам это относится? Мировые – дают «мировые» результаты, на них работают ученые, инженеры, писатели-фантасты. А региональные?

Балканские страны в начале XX в. сами оружия (в промышленных объемах) не производили, закупая оное во Франции, Германии, Италии. Всего меньше – в России, поставившей, в основном, обмундирование и винтовки. Оттого-то в полях Македонии и велись орудийные дуэли «сербских» Шнейдер-Крезо с «турецкими» и «болгарскими» Круппами. Конечно, овладение европейским оружием и современной тактикой солдатами балканских армий уже являлось прогрессом, однако и он не всегда очевиден. Так, при осаде Адрианополя и Скутари для «бомбежки»¹ и разведки впервые применялись аэропланы. Причем заказанные в Европе турками, но «приватизированные» по дороге в Стамбул славянскими союзниками², – болгарин Христо Топракчиев и серб Михайло Петрович открывают мировой мартиролог летных военных потерь³. Гарнизон же осажденного Скутари (тоже балканские жители), лицезрев в небе неведомые аппараты, впал в сильнейшую истерику. По словам бывшего коменданта крепости Эсад-паши, напуганные люди посчитали, что это – какие-то взвешенные существа, назвав их «хвостатыми дьяволами»⁴. Дру-

гой характерный пример (см. статью В.Б. Хлебниковой в настоящем сборнике) – обучавшаяся русскими офицерами армия Черногории начала свое участие в Балканской войне как регулярное войско, а не ополчение (впервые в истории страны), но вскоре оно разбилось на «племена и кланы»; вести современную войну патриархальная Черногория оказалась не в состоянии. Что лишь подтверждает один из главных выводов наших предыдущих исследований: «За фасадом европейских новаций (в виде конституций и парламентаризма, многопартийности, современной системы образования, воинской службы и т. д.) скрывались устойчивые структуры и стереотипы традиционного общества, определявшие поведение не только простого “селяка”, но и большей части балканских элит»⁵.

Между тем, и балканским «традиционалистам», как отмечает А.Ю. Тимофеев, было, что предложить миру – отлаженное движение четников (собранных в мелкие группы, активно «работающие» в тылу противника) стало прообразом войскового спецназа. Он вырос из практики антиосманской хайдучии в Сербии, хайдутства в Болгарии и так называемого андартства в Греции и Албании⁶. Таким образом, своеобразный социальный феномен и национальная традиция трансформировались в элемент военной тактики, оказавшийся востребованным и за пределами Балкан. Но это, пожалуй, исключение. Нелишне вспомнить также о «стрельбе по-македонски», с двух рук сразу.

Итак, если Балканские войны и сыграли определенную роль в развитии военного дела, то к вопросам индустриализации и иных «подсистем» модернизации, так недостающей на полуострове, это вряд ли относится. Чтобы служить базой для взрыва научной мысли и технического прогресса, в регионе не было условий, и войны 1912–1913 гг. мало чем могли «помочь». Соответственно, тема проблематичности связи между войной и модернизацией в слаборазвитых странах напрашивается сама собой.

* * *

Однако, соотношение: «война – модернизация», кроме чисто «технологического», интересует нас и в ином аспекте. Речь идет о проблеме выбора каждой страны в судьбоносном для Балкан 1912 году, из самой постановки которой и проистекает дилемма – «модернизация или война?». Ведь, несмотря на во многом схожий культурно-политический архетип *Homo Balkanicus*, проблема выбора в разных балканских государствах приобретала свой облик. Поясним нашу мысль.

Развитие «новой» государственности у всех южнобалканских народов было серьезно деформировано нерешенностью задачи «освобождения и объединения», т. е. нереализованностью «национального идеала», основанного на этно-исторических мифах. И если средством его осуществления большинство элит предполагало, в конечном счете, одно – войну, то отношение к ней в разных странах имело свою специфику. И это вполне объяснимо – возьмем здесь, для примера, сербов и черногорцев: многовековые сербско- и черногорско-турецкие конфликты привели к формированию у их славянских участников «конфронтационного сознания», что во многом определило их дальнейшую историческую судьбу, явившись прямым следствием пограничности положения с Турцией. Вследствие этого, жизнь в Сербии и Черногории строилась по принципу: «передышка между войнами». Здесь или воевали, или готовились к войне, которая становилась привычным делом, а нередко, в волнах «конфронтационного сознания», даже желательным и единственным средством решения насущных задач. «Война – мать родна», это отсюда!

Воспроизводимое исторической традицией и мифологией состояние внутренней мобилизации населения, постоянная готовность к реализации «национального идеала» (добиться чего без военных мер было невозможно) вступали в противоречие с задачей формирования «гражданского общества» в Сербии и Черногории. А это, в свою очередь, не могло не сказаться на ходе и характере процесса их «модернизации» (см. статью *А.Л. Шемякина*).

К тому же, в условиях незавершенности процесса национального освобождения защита патриархальной модели «народ – сообщество равных» (как результат «модернизации», не затрагивающей социальных основ) в системе традиционного, эгалитарного и аграрного, общества становилась средством и формой внутренней консолидации жителей Сербии и Черногории, поскольку малая расщепленность интересов внутри социумов позволяла сохранять единство народного духа – эту важнейшую внутреннюю предпосылку будущего освобождения. Социальное равенство отождествлялось в глазах их элит с национальным единством. Причем такое отождествление почти всегда санкционировалось «снизу», следствием чего было то, что героическое начало закладывалось в сознание сербов и черногорцев с младых ногтей...

В Болгарии, как представляется, дело обстояло иначе – в силу исторических причин. В отличие от «пограничных» и уже свободных Греции (с 1820-х гг.), Сербии (de facto примерно с 1830 г.), Черногории,

она находилась в «анклавном» положении внутри Османской империи. При этом, болгарская элита «под крышей» турок не была инкорпорирована в политическую и военную надстройку государства. Ей оставалась ниша «бизнеса». К тому же, – в ходе складывания единого османского рынка развивалась хозяйственная специализация регионов, в рамках которой нашлось место и для Болгарии («болгарский экономический ренессанс»). Крестьянская масса спонтанно формировала такую общественную ценность, как постоянный труд, настроенный на мир. Потому так отличались в Болгарии и, например, Сербии характер, уровень и качество грамотности; содержание школьных программ и учебников; хозяйственные предпочтения и отношение к труду. Поэтому же политическое негодование «патриотической» (национально-фрустрированной) части интеллигенции, которая и сама являлась продуктом «ренессанса», так и не смогло объединить болгар против оттоманского режима.

Так что, Болгария, как нам думается, имела все шансы эволюционировать по пути естественной модернизации: ментальные предпосылки для этого в народе складывались. Недаром, отличный знаток Балкан, генерал Н.Р. Овсяный указывал: «Что касается настойчивости в достижении целей, трудолюбия и бережливости, серб много уступает своему соседу, болгарину»⁷. Оно и понятно – по признанию самих сербов, «в нашем народе создался какой-то специфический ритм и темп жизни, слабо приспособленный к современным методам труда и созидания»⁸.

Не случайно, говоря о фазе строительства Болгарского княжества, современные исследователи отмечают пассивность народа в отношении внешней политики. В программах почти всех болгарских политических партий конца XIX – начала XX в. упор делался на просвещении, развитии школ. Предполагали даже особую культурную миссию Болгарии на полуострове (мечтали!). С другой стороны, от повышения образовательного уровня народа ожидали подъема его экономического благосостояния.

Но – и это важно! – в отличие и от Сербии, и от Греции, болгарская элита так и не составила *мобилизующего* письменного документа-программы объединения болгарского народа, хотя, в конечном счете, признавала, что главным средством его достижения будет война. Так что даже в 1911 г., по оценке *Р.П. Гришиной*, «политическое единение, необходимое для страны, намеревающейся вступить в войну, отсутствовало...»⁹. Перевод сознания болгар на военные рельсы был сделан позже – уже после заключения Балканского союза в феврале 1912 г., причем во

многим «искусственным» путем и все той же «национально-фрустрированной» интеллигенцией. Чем все закончилось, – известно!

Единственное, что объединяло сербскую и болгарскую («патриотическую») элиты – запросы. Решение национального вопроса в его «интегральном» виде принимало в их сознании «фантастические» формы и было связано либо с желанием восстановить границы средневековых королевств, либо с реализацией обретенных позднее «национальных идеалов» (держава Стефана Душана для Сербии и Черногории, Сан-Стефанская Болгария, – а то и больше! – для болгар). Таким образом, бал правили модели «великих государств», перехлестывающие границы соседей, что содержало в себе массу мин замедленного действия для отношений уже между ними. «Мы все немного мегаломаны», – признал сербский академик Йован Жуйович¹⁰, последствием чего стал развал Балканского союза 1912 г. и Вторая балканская (Межсоюзническая) война 1913 г. Прав *В.И. Косик*, с горечью отметивший в своей статье: «Славян испортил квартирный вопрос»...

Ну, а что победители в Балканских войнах, у которых теперь были развязаны руки для интенсивного внутреннего строительства? Привели ли триумф на фронтах и присоединение вожделенных «турецких» территорий к ускорению темпов модернизации в Сербии и Греции – ведь именно неопределенность сроков решения задач расширения внешних границ являлась одним из тормозов их движения по пути совершенствования внутригосударственной жизни? Так вот, ничуть не бывало! Завершение Балканских войн вызвало тяжелый внутренний кризис не только в потерпевшей поражение Болгарии, но и, сколь это ни парадоксально, – в странах-победителях. Большим вопросом для них (каждая приблизительно удвоила территорию и численность населения) стало «переваривание добычи». И происходило это далеким от цивилизованного способом.

В Сербском королевстве вхождение Вардарской Македонии и части Старой Сербии (что было закреплено в Бухарестском мирном договоре от августа 1913 г.) сопровождалось двояким кризисом. С одной стороны, усиление политического веса «людей в погонах» привело к ожесточенной борьбе за *modus* правления на новых землях между гражданской и военной властями. «Спор о приоритете», в котором активно участвовала офицерская организация «Черная рука», и твердая позиция, занятая кабинетом Николы Пашича, привели даже к попытке переворота – «чернорукцы» чуть было не двинули войска из Скопье на Белград! С другой стороны, в это же самое время политические противники Пашича из «ци-

вильных» (младорадикалы), в эгоистическом угаре – *любой ценой* свалить его, – пошли на тайный сговор с «Черной рукой», компрометируя и ставя под удар всю гражданскую систему власти. До модернизационных ли забот тут было!

В конечном итоге, кризис разрешился: путем вмешательства российского посланника Н.Г. Гартвига и ценой скрытого отречения короля Петра. В борьбе с «Черной рукой» (этим мощным *антиконституционным* фактором сербской политики) «парламентский» режим устоял, но... при поддержке другой *нелигитимной* силы, российской императорской миссии¹¹. Ну, «а завтра была война». Первая мировая! Она перетасовала все фишки и разложила их по-своему – на карте появилось Королевство сербов, хорватов и словенцев, со всеми старыми и новыми национальными проблемами, которые «решаются» до сих.

В 1913–1914 же годах гражданские, закрепив за собой управление новыми областями (первую скрипку теперь здесь играла не армия, а полиция), совсем не собирались инкорпорировать их в правовое поле Сербии. Был установлен «автократический провизориум»¹², в рамках коего, по словам современного событиям русского автора, совершались «многочисленные насилия, отсутствовали конституция и гражданские права»¹³. Спрашивается, – доколе сей порядок предполагалось применять? Ответ был прост: «До тех пор, пока те люди не начнут ощущать себя сербскими гражданами...»¹⁴. Как «культурные балканские европейцы» освобождали своих угнетенных соплеменников от варваров детально показано в статье *Я.В. Вишнякова*.

В Греции случилось еще «хлеще». Для «мегалистов» во главе с премьером Э. Венизелосом Балканские войны стали трамплином для дальнейшей борьбы за расширение территории «эллинского королевства» в границах бывшей Византийской империи¹⁵. Не прошло и двух лет после подписания Бухарестского мирного договора, как в результате крутого поворота от политики нейтралитета – к объявлению войны Центральным державам, *страна фактически раскололась*: в ней оформились «два соперничающих лагеря, для которых имена Э. Венизелоса и короля Константина стали своеобразными знаменами»¹⁶. Более того, дело дошло до «национальной схизмы» – открытой гражданской войны между «государством Афин», ориентированном на сохранение нейтралитета, и «государством Салоник», членом Антанты. Новая и Старая Греции вошли в клинч! И снова, одним лишь содействием «внешнего фактора» (а Антан-

та приложила все силы для свержения Константина), политический кризис в стране был *на время* урегулирован¹⁷.

В результате приходим к выводу: опыт Балканских войн говорит скорее об опасности и вредных последствиях региональных, «соседских» вооруженных конфликтов для целей модернизации, к которой каждая из балканских стран по-своему стремилась, чем о пользе для нее. Достигнутый в первом десятилетии XX в. на Балканах «цивилизационный уровень» – заимствование («пересадка») европейских политических образцов (конституционный режим, многопартийная система, парламентаризм) – носил во всех южно-балканских странах «имитационный» характер. В действительности же за фасадом европейских новаций скрывались устойчивые структуры и стереотипы традиционного общества, что мешало элите видеть главную задачу и способ развития страны в последующей внутренней *самомодернизации* и понимать *настоящие* национальные интересы государства.

Так что титул сборника: «Модернизация против войны» (или «Война против модернизации»), на наш взгляд, вполне уместен, хотя он и был встречен с некоторым недоумением на этапе обсуждения темы.

* * *

Наряду с проблемой соотношения сторон в паре «модернизация и война», авторы сборника уделили внимание и другим важным вопросам, перечисленным в самом начале Вступления. (Чисто военный аспект, – где, как и куда двигались войска, находившийся в центре внимания «атавистической» историографии, мы намеренно проигнорировали). Особое место уделено поиску новых теоретико-методологических подходов к изучению Балканских войн. В этот раздел вошли статьи трех авторов (Р.П. Субаева, Ар.А. Улуяна, В.И. Косика), каждая из которых на наш взгляд, достойна специального внимания и обсуждения. Кроме того, перед читателем пройдет ряд исторических фигур, прямо или косвенно захваченных вихрем Балканских войн – Иван Евстратиев Гешов, Димитр Ризов, Драгутин Димитриевич Апис, великая княгиня Милица Николаевна Романова (урожденная Петрович-Негош), Мирослав Крлежа. Представлены также деятельность сербской офицерской организации «Черная рука» и российского санитарного отряда на Балканах, как и реакция на балканские события югославянских эмигрантов в Америке. Сборник завершают статьи об одном из первых историографов военного конфликта и откликах на него в иностранной (британской) прессе.

Среди 23 участников сборника – шесть иностранных. Их статьи на русский язык переведены *Р.П. Гришиной, А.А. Силкиным, М.Л. Ямбаевым*. По желанию авторов в датировке материалов используется как старый, так и новый стили, а также географические названия, принятые в той или иной этнической традиции.

Редакторы настоящего сборника не стремились к концептуальной унификации работ, в него вошедших, уважая авторскую позицию и в случаях, когда они ее не разделяют.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Бомбежка» в интерпретации современников выглядела следующим образом: «Метание бомбочек с аэропланов» (*Рябинин А.А.* Балканская война // *Малые войны первой половины XX века. Балканы.* М.-СПб., 2003. С. 193 (1-е издание – СПб., 1913)).
- ² Там же. С. 145, 167. Кроме того, в начале войны болгары закупили в России несколько воздушных машин и захватили в Лозенграде 2 присланные из Германии. Еще несколько перегнали с собой русские летчики-добровольцы. Всего под Адрианополем было 14 летательных аппаратов; под Скутари – 4, из 6 конфискованных у турок (Там же. С. 141, 145, 167; *Милићевић М.* Рат за море. Београд, 2011. С. 243).
- ³ *Милићевић М.* Рат за море. С. 245–246.
- ⁴ Исто. С. 247.
- ⁵ *Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в. глазами русских // *Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.).* СПб., 2004. С. 29–30.
- ⁶ От южнославянского *хайдук* (гайдук) – человек, боровшийся против турок, от греческого *андарт* – повстанец, партизан.
- ⁷ *Овсяный Н.Р.* Сербия и сербы // *Русские о Сербии и сербах.* Т. I. СПб., 2006. С. 392.
- ⁸ *Дворниковић В.* Херојски тип и његове негативности // *Исти.* Борба идеја. Београд, 1995. С. 111.
- ⁹ *Гришина Р.П.* Болгария на пути к войне и Болгарский земледельческий народный союз // *Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в.* СПб, 2011. С. 14, 22.
- ¹⁰ *Жујовић Ј.* Дневник. Приредило Д. Тодоровић. Т. II. Београд, 1986. С. 57.
- ¹¹ *Шемякин А.Л.* Сербия в начале XX в. // *Югославия в XX веке. Очерки политической истории.* М., 2011. С. 36–37.

- ¹² Жујовић Ј. Дневник. Т. II. С. 15.
- ¹³ Погодин А.Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915. С. 366.
- ¹⁴ Жујовић Ј. Дневник. Т. II. С. 14–15.
- ¹⁵ Соколовская О.В. Греция в годы первой мировой войны. М., 1990. С. 48.
- ¹⁶ Семенов К.Н. Элефтериос Венизелос – в погоне за «Великой Грецией» // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. С. 174.
- ¹⁷ Там же. С. 174–176.

I

Балканы: история и судьба

Осмысление

**по этнопсихологическому и
иным параметрам**

**Имперская политическая традиция
в Юго-Восточной Европе
как идеологическая предпосылка
Балканских войн 1912–1913 гг.**

Для историка Балканских войн гром пушек у Куманово, Люле-Бургаса, Чаталджи и Брегалници, и все с этим связанное, представляет значительно меньший интерес, нежели долгая поступательная история зарождения, складывания и вызревания балканского конфликта как такового, нашедшего, наконец, свое разрешение в форме двух региональных войн.

Анализ причин и предпосылок, результатов и последствий Балканских войн и поныне сохраняет высокую степень актуальности для изучения проблем балканской истории. Конфликтно-силовое разрешение Балканскими войнами противоречий, накапливавшихся веками, оказалось временным, и они продолжают оказывать свое воздействие на ситуацию в регионе вплоть до сегодняшнего дня. К числу явлений новейшей истории, восходящих к Балканским войнам и более ранним событиям, можно отнести распад Югославии, сопровождавшийся Боснийской и Косовской войнами, греко-македонский спор из-за названия страны, интриги вокруг приема Турции в Европейский союз, неполное и неокончательное урегулирование косовского, эгейского и кипрского вопросов, греческий дефолт, далеко не первый в истории страны, международные миротворческие миссии и Гаагский трибунал.

Две Балканские войны имеют в историографии четко утвердившиеся определения своей природы и характера. Первая война балканцев с турками – это завершающий этап многовековой национально-освободительной борьбы балканских народов, прежде всего славян и греков, с чужеземным и чужеродным исламским завоевателем, обречшим их на века социально-экономического, национального, культурного и религиозного гнета. Вторая Балканская война – это ранняя европейская империалистическая война, одна из предшественниц Первой мировой войны.

Разумеется, оба эти фактора балканской истории: антиосманское движение христианских народов и зависимость молодых балканских государств от политики европейских держав – основаны на реальных исторических процессах и явлениях и не могут быть оспорены по существу.

Но при этом представляется, что подлинная картина балканской истории конца XIX – начала XX вв. выглядит сложнее монофакторной модели разрешения «векового конфликта» христианства и ислама и представляет собой гораздо более богатую оттенками палитру, нежели дихотомия, предлагаемая историографической традицией, в которой христианско-османский конфликт выступает главной линией разлома в регионе, а противостоящий османам единый блок балканских народов, крепко спаянный духом христианской солидарности, – монолитом, в котором возникают лишь отдельные, случайные трещины, да и то, в основном, под влиянием соперничества европейских держав в борьбе за влияние на Балканах¹.

Проблема кризиса исторического знания имеет как субъективное, так и объективное происхождение. Изучение и осмысление политической истории часто оказывается подвержено воздействию со стороны внешних идеологизированных факторов. Политизация и идеологизация истории всегда была функцией манипулирования массовым сознанием со стороны властных структур. Такова история Балкан. Здесь история как наука только начинает робко отделяться от «истории» как инструмента идеологического воспитания и политической пропаганды. Тому есть, однако, весьма характерные и многообещающие примеры. Из числа последних исторических исследований, посвященных Балканским войнам, хотелось бы особо выделить две работы: американского автора греческого происхождения Андре Геролиматоса и итальянского историка хорватского происхождения Эджидио Иветича².

Взгляды и концепции обоих авторов, весьма отличаясь друг от друга в принципе, служат показателем назревшей необходимости обновления гуманитарного знания о Балканских войнах, отхода от устаревшего взгляда на проблему «из 1912 года»³. Методологический принцип исследования феномена Балканских войн (как архетипа) Геролиматосом, полностью разделяемый нами, заключается в анализе его на максимально длинном горизонте, отталкиваясь от османского завоевания Балкан. Автор проводит мысль о конфликтности балканского сознания и политики (и христиан, и турок) как некой константы, о войне на Балканах как способе существования в веках. При такой постановке нуждается в корректировке классическая формула Клаузевица о войне как о простом продолжении политики, – здесь на Балканах война сама формирует политику.

Ограниченность работы Геролиматоса состоит в помещении им в фокус своего исследования проблем только западной части Балкан (Сер-

бии и Греции) и в отнесении начала перманентных Балканских войн к периоду появления на Балканах османов. В этом безусловно сказывается (и автор этого не скрывает) попытка замкнуть длинный цикл войн на конфликты 1990-х гг., вызванные распадом Югославии. При взгляде под таким ракурсом автор, глубоко вскрывая этно-психологические комплексы, выступающие подоплекой Балканских войн, проходит мимо второй важнейшей, по нашему мнению, компоненты балканских конфликтов, а именно – имперской традиции в регионе, формирующей идеологическое поле агрессивно-конфликтной политики. В ряде случаев Геролиматос почти касается ее, но не идет дальше в объяснении этого тезиса⁴. В результате, проблема «Мегало-идей», являющаяся одной из важнейших предпосылок Балканских войн в политике всех их участников, повисает у него в воздухе.

Что касается книги Иветича, то ее гуманистический, без преувеличения, пафос состоит в опровержении мифа о справедливом и прогрессивном характере Первой балканской войны с позиций, которые исследователи не занимали, пожалуй, уже около ста лет, со времени выхода в свет доклада комиссии фонда Карнеги, работ Дж. Янга, братьев Джорданов и А. Андоняна⁵. На прерывание разоблачительно-опровержительной традиции в изложении истории Балканских войн в огромной степени оказал влияние факт нахождения победителей в одном лагере с Антантой и антигитлеровской коалицией в двух последующих мировых войнах.

Иветич показывает нелицеприятную картину методов ведения военных действий балканскими союзниками, жертв и страданий мирного населения. Священные принципы освободительной борьбы христианских народов выливались в террор, развязанный против мусульманских крестьян.

Традиционализм же концептуального подхода Иветича к вскрытию предпосылок Балканских войн состоит в отнесении им исходного рубежа анализа к 1878 г. в качестве «контекста» (*il contesto*), а периода после 1908 г., форсировавшего подготовку к войне, в качестве «предпосылок» (*le premesse*)⁶. В результате, идеологический «контекст» подготовки Балканских войн полностью оказывается вытесненным у автора проблемами и соображениями реальной геополитики и дипломатии. Наша же точка зрения состоит в том, что «контекст» Балканских войн должен быть отодвинут далеко в прошлое, еще до создания в 1453 г. Османской империи, а «предпосылками» *обеих* Балканских войн следует полагать тот комплекс международных отношений, который сложился между *всеми* участниками балканского конфликта после 1453 г. вокруг переиг-

рывания ситуации с этническим наполнением имперской модели организации Балкан, восходящей к Восточному Риму.

Но у проблемы восприятия выводов исторической науки и устойчивости этих выводов в целом есть и другая сторона. Она связана уже не с субъективным воздействием на достоверность исторических заключений, а с природой и особенностями гуманитарного знания как такового. За очень редким исключением достижениям гуманитарной науки вообще свойственно стремительное устаревание. Можно сожалеть об отсутствии неопровержимости выводов, свойственной точным наукам, в науке гуманитарной. Но на самом деле, размывание платформы восприятия, пересмотр парадигмы, как некоего сложившегося консенсуса воззрений научного сообщества на суть явления, – есть проявление развития творческой мысли, когнитивного процесса постижения объективной истины⁷.

Вследствие этих процессов: демифологизации и деидеологизации балканской истории и переосмысления новой «критической массы» фактов – представляется вполне назревшей задача проверки на прочность ряда устоявшихся в предшествующий период взглядов, концепций и выводов, относящихся к такой судьбоносной проблеме балканской истории как Балканские войны 1912–1913 гг. Автор рискует предпринять такую попытку, будучи вдохновленным появлением новых свежих работ, во многом совпадающих в части постановок и выводов с мыслями, уже давно вынашиваемыми им самим.

В данной статье мы попытаемся обосновать ту точку зрения, что две Балканские войны, каждая из которых являлась проявлением политики, относящейся к разным историческим эпохам, велись, тем не менее, на во многом общем идейно-политическом базисе, сформированном фундаментальными длительными тенденциями развития региона. Идеологическая платформа Балканских войн была общей и более того – единой.

* * *

В изучении и трактовке Балканских войн присутствуют два подхода: широкий и узкий, применительно к рассматриваемому горизонту складывания их системных предпосылок. Первый восходит к традиции Дж. Янга и его классической работе «Национализм и война на Ближнем Востоке», второй – к не менее авторитетной работе Э. Хелмрайха «Дипломатическая история Балканских войн 1912–1913 гг»⁸. Работа Янга представляет собой развернутое и углубленное политико-идеологическое эссе, основанное на огромной эрудиции автора и его глубокой и тонкой научной интуиции⁹. Написанная по горячим следам войны по заказу

фонда Карнеги автором, укрывшимся под псевдонимом «Дипломат», и вышедшая в разгар Мировой войны книга испытала на себе удел многих работ на эту тему – она оказалась унесенной вихрем новых проблем всемирного масштаба. Лишь в сравнительно недавнее время интерес к работе Янга возродился с опозданием почти на целый век.

С точки зрения Янга, изучение причин Балканских войн следует отнести в прошлое – к дате падения Константинополя 29 мая 1453 г. Именно в этот день произошло очередное политическое переустройство Балкан на этно-конфессиональных принципах – империей овладели турки-мусульмане. По мнению Янга, империя на Балканах как институт и форма геополитического обустройства региона никуда не исчезла с утверждением здесь османов, она лишь видоизменила свою внешнюю оболочку.

Работа Хелмрайха представляет собой добротное и скрупулезное исследование хода дипломатической подготовки формирования и перипетий изменения коалиций накануне и в ходе двух Балканских войн, основанное на документах и материалах. Хелмрайх утвердил в историографии тезис, согласно которому Балканские войны стали неизбежны с 1908 г., с Младотурецкой революции и формального отхода от принципов сохранения имперской модели в регионе в результате Боснийского и Болгарского кризисов. С Хелмрайха также утвердился в историографии подход, противопоставляющий методологически обе войны друг другу.

Углубленный «дипломатический» подход Хелмрайха к изучению Балканских войн противостоит широкому политико-идеологическому и социокультурному подходу «дипломата» Янга к этой же проблеме. Если для рассмотрения исторического явления Балканских войн Хелмрайх, образно говоря, вооружился микроскопом, то Янг – телескопом. В методологическом же пространстве между позициями Янга и Хелмрайха содержится круг проблем, не получивших до сих пор в историографии однозначного объяснения. Прежде всего, остается неясным, в какой форме мыслилось освобождение народов Балкан из-под власти турок-османов самими балканцами и как на формирование их взглядов влияла имперская традиция («византийская» или «османская») в балканской политической мысли.

Мы полагаем главным идейно-методологическим пороком историографии Балкан невыраженность в ней сквозной политико-идеологической традиции, восходящей к истокам европейской цивилизации и пронизывающей собой все историческое развитие региона до 1918 г., традиции, отражающей преемственность исторического развития Юго-

Восточной Европы по отношению к Римской империи. В отличие от историографии Западной Европы, признающей имперский фактор в качестве константы политико-идеологической истории региона, в изучении Балкан роль преемственности по отношению к Восточной Римской империи (как Византии, так и других ее производных) сводится в основном к факторам культурно-религиозного влияния.

От ответа на поставленный выше вопрос зависит и ответ на более широкий вопрос: что же, в конце концов, было главной идеологической предпосылкой Балканских войн: национализм или империализм? За «национальное государство» (Грецию, Сербию, Болгарию) или за «этнически окрашенную Византию» сражались балканские народы? Или существовал, как мы попытаемся показать, некий противоречивый симбиоз двух идеологий, отразившийся в столь же противоречивом характере Балканских войн.

Исторический фактор имперской политической и идеологической традиции, издавна существовавшей на Балканах (в более широкой постановке: в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке), долго оказывался недооцененным как в балканских, так и в российской историографиях. Западная историография и политическая публицистика XIX–XX вв. уделяла этому фактору гораздо больше внимания, однако обобщающих констатаций этого явления как сущностного элемента подхода к проблеме балканской истории до сих пор не отмечалось и здесь. Намеченная, было, Янгом к постановке тема «византийского империализма» оказалась в итоге вытесненной в его работе, ставшей у него самого основной темой национализма.

Складывается впечатление, что сейчас до признания роли и значения имперского фактора в изучении истории Балкан остается всего один шаг. Работы многих российских балканистов полны предчувствия утверждения, наконец, в историографии этого фактора, сближающего и уравнивающего методологию и подходы к изучению истории Запада и Востока Европы в духовном, идеологическом и геополитическом аспектах. Указания на эти явления можно, например, обнаружить в работах В.Н. Виноградова, Р.П. Гришиной, И.Ф. Макаровой, В.И. Косика. Имперская традиция не прерывалась на Балканах и после османского завоевания, традиция «византизма» глубоко вошла в структуры османского государства и общества и предопределила больший вес фактора преемственности империй на основе социальных, идеологических и политиче-

ских аспектов по сравнению с их противопоставлением на основании религиозных и этнических¹⁰.

Завоевание османами империи установило новый порядок взаимоотношений этно-конфессиональных групп в регионе на основе иерархии: турки (и мусульмане вообще) в роли правящего сословия; греки в качестве второго по значению, функционально управляющего в административной сфере и политически и духовно господствующего сословия в отношении православного населения региона (милета Рум), главным образом, славян; все остальные этносы и конфессии. Турецко-греческий союз, переживший века, являлся основой стабильности османского господства в регионе. В политическом плане это был союз Высокой Порты и исламской улеммы с Константинопольской патриархией и сложившимся позже слоем администраторов империи – греков-фанариотов. Верховная власть султана в качестве и султана османов, и ромейского императора, и халифа правоверных возвышалась над данной структурой, тяготея к военно-религиозным связям с улеммой.

Греческая имперская модель в наибольшей степени претендовала на исторический континуитет в отношении Византии, поскольку она не была обременена этно-институциональным порогом – и империя поздних Палеологов была греческой, и формально греческим был православный милет Рум. В течение долгого времени в политических воззрениях греческой элиты сосуществовали две империи: империя, узурпированная османами (и являвшаяся лишь одним из элементов более сложной модели общественно-государственной организации ими региона: султанат-империя-халифат) и «империя ромеев», «находящаяся в неволе» у турок, совпадающая с милетом Рум¹¹ и представленная институтом Вселенской патриархии и всепроникающими структурами греков-фанариотов (особенно в Дунайских княжествах в 1711–1821 гг.)¹².

В историческом плане греки «не оправдали доверия» турок, не довольствуясь ролью второй нации в империи, господами славян и валахов в рамках милета Рум, и исходя из особых качеств своей духовной организации, не переставали претендовать на восстановление своего господства в империи. Залогом уравнивания греками их военного потенциала с османами для целей восстановления своей («Византийской») империи могла бы стать консолидация милета Рум как греческого квазигосударственного образования на основе духовной и этнической ассимиляции других этносов православной конфессии, главным образом, славян и валахов. При условии реальной угрозы физическому существованию этих

этносов со стороны турок-мусульман такая стратегия могла иметь шансы на успех. Коль скоро такая угроза в действительности перед славянами и валахами никогда не стояла, попытки их эллинизации вызвали обратную реакцию и привели к возникновению еще одной грани балканского конфликта – греко-славянской, не уступающей по остроте конфликту обоих этих этносов с османами.

Главной задачей освободительного движения балканских народов было не просто абстрактное освобождение от политического и религиозного господства турок-османов, но и восстановление собственной государственности. В каких формах? Решение этого вопроса столь долго откладывалось балканскими и отечественной историографиями, что они пропустили «превентивное наступление» турецкой¹³.

По нашему мнению, в течение периода 1821-1912 гг. на Балканах были предприняты три попытки восстановления «Византии»: греками, сербами и болгарами.

То, что Греческая революция 1821–1830 гг. была попыткой возрождения Византии и лишь под влиянием разности потенциалов греков и турок, расхождения взглядов идеологов освободительного движения и подходов великих держав к проблеме греческой независимости закончилась созданием малого независимого государства, а не обширной греко-славянской империи, давно признано историографией. Литература об эллинизме, как о причудливом симбиозе националистической и универсалистской идеологий, поистине необъятна.

Ввиду особой важности проблемы идеологии эллинизма в балканском конфликте, ее агрессивной, ксенофобской природы и антиславянской, и особенно антиболгарской, направленности автор планирует посвятить этой теме специальную статью. Здесь отметим только, что второй комплекс предпосылок Балканских войн – этно-психологического характера в сопоставимой степени проявлялся в отношениях как между турками и христианами, так и внутри христианского лагеря. Особую остроту этот комплекс неприятия приобрел в греко-болгарских отношениях. Начало ему в 1830 г. положил «тезис Фалмерайера», концепция баварского ученого Я. Фалмерайера, согласно которой население современной ему Греции являлось в этническом отношении славянским и албанским, а вовсе не прямыми потомками древних эллинов¹⁴. Попытки греков преодолеть негативные для них идеологические последствия выдвигания тезиса Фалмерайера придали политической практике эллинизма характер

информационно-психологической войны. Но это, как уже отмечалось, тема отдельной статьи.

Вторая половина XIX в. во всей Европе была эпохой перехода от имперской идеологии к идеологии национального государства, хотя и при сохранении кое-где внешних форм империй (Германская империя). Данная тенденция не могла не повлиять и на идеологические процессы на Балканах. Сербская и греческая модели все более эволюционировали от империи к национальному государству, впрочем, достаточно долго (пожалуй, до 1878 г.) сохраняя в себе рудиментарные признаки империи. Продолжая образный ряд, стремление Болгарии построить империю в начале XX в. на основе чисто национальной идеи консолидации нации, но с приданием ей некоего комплекса геополитической атрибутики (Царьград и пр.) следует отнести уже к разряду проявления имперского атавизма в сфере идеологии.

Последняя же попытка построить Византийскую империю, предпринятая греками под эгидой Э. Венизиоса, Д. Ллойд-Джорджа и Б. Захариаса в 1919–1923 гг. в новых послеверсальских условиях, была уже чистой авантюрой самого дурного тона¹⁵. Ее провал означал и крах идеологии эллинизма (как, впрочем, и филлэллинизма).

Великий Восточный кризис 1870-х гг. привел к дальнейшему укреплению идеи национального государства на Балканах. Новый порядок, установленный в Берлине в 1878 г., с неизбежностью вел к реализации идеи *раздела Османского наследства* между новыми балканскими государствами. Балканский же кризис 1860-х гг. вызрел на другой основе. Его лейтмотивом была идея *преобразования* Империи на Балканах из мусульманской (Османской) в христианскую. Освобождение от турецкого господства должно было совершиться в форме этнополитического преобразования самого института империи. Балканский кризис 60-х гг. имел своей кульминацией создание в 1867 г. Первого Балканского союза¹⁶.

В окончательном виде цели Первого Балканского союза предполагали после изгнания турок с Балкан сосуществование здесь двух христианских империй (сербской и греческой), раздел между ними болгарских земель и существенные компенсации в пользу Румынии. Основные перипетии кризиса были связаны с именем сербского князя Михаила Обреновича как кандидата на престол возрожденной славянской империи. Попытка воссоздания сербской империи окончилась трагически для ее инициатора, зверски убитого в белградском парке Топчидер, но столь же трагична она оказалась для отношений двух главных славянских этносов

Балкан – сербов и болгар. История создания Первого Балканского союза 1867 г. имела один важный урок – сербский имперский экспансионизм для реализации своих целей нуждался в поглощении значительной части болгарского этноса. Содержание договоров, заключенных между балканскими странами в 1867–1868 гг., неопровержимо свидетельствует об этом и позволяет сделать вывод о типологически сходном отношении геополитических борцов за возрождение «Византии» первого поколения: Греции и Сербии, к отстающему участнику гонки – болгарскому народу. Как и в случае с реализацией доктрины эллинизма ради самоусиления греческого потенциала, так и в варианте реализации национальной идеи сербизма, болгарам следовало цинично пожертвовать ради использования демографического потенциала этой нации в собственных интересах.

К выводам великолепного исследования В. Рудометова о глубокой типологической общности Греции и Сербии в качестве консолидирующих центров как собственных, так и тяготеющих к ним этносов православной конфессии Османской и Габсбургской империй, о примерной однотемповости их развития и достигнутых результатов в плане выработки идеологических доктрин, обосновывающих их политические притязания¹⁷, необходимо добавить еще одну констатацию очевидного совпадения позиций – явный антиболгарский курс обоих политических центров православной политической и идеологической мысли.

В связи с подготовкой заключения антитурецкого союза между Сербией, Грецией и Черногорией и ради привлечения болгарского национального движения в Белграде возник проект создания на Балканах «Югославянского царства» во главе с Сербией. На ранних этапах у этого проекта имелись сторонники со стороны российской дипломатии в лице Н.П. Игнатьева. Сербско-болгарские контакты дали свои плоды. 14(26) января 1867 г. в Бухаресте представителями сербского правительства и болгарской эмиграции была подписана «Программа политических отношений сербо-болгар (болгаро-сербов) или их добросердечных отношений». Сербско-болгарская Программа явилась кульминацией выражения «братских чувств» обоих народов. Ввиду исключительной важности положений Программы для обоснования наших дальнейших выводов приведем полностью текст ее основных статей.

«Статья 1. Славянские народы Сербии и Болгарии, которые соединены кровью и религией, которые вышли из одного корня и населяют смежные территории, призваны провидением отныне жить под одним правительством и единым знаменем.

Статья 2. В ожидании, пока они не составят единого целого и пока они не смогут достичь своей цели, под которой понимается общее существование, эти две братские нации примут в будущем имя сербо-болгар или болгаро-сербов, а их общая родина будет называться Сербо-Болгария или Болгаро-Сербия.

Статья 3. Его Высочество принц Михаил, который дал так много доказательств своего патриотизма, провозглашается верховным главой нации и главнокомандующим ее армии.

Статья 4. Национальное знамя будет образовано путем сочетания цветов флагов Сербии и Болгарии»¹⁸.

В развитие идеи единого сербо-болгарского государства там же в Бухаресте в апреле 1867 г. на совместном заседании представителей отдельных фракций болгарского национального движения и сербских представителей был принят «Протокол о создании Югославянского царства». Он предусматривал совместные военные действия для освобождения Болгарии и создание после победы над турками единого славянского государства, прообраза будущей Балканской Федерации, а до тех пор – союз народов однозначно конституировался в форме Империи южных славян (*l'Empire des Slaves du Sud*)¹⁹.

Идиллия славянского братства просуществовала, однако, недолго. В конечном счете, сербское правительство так и не подписало со своей стороны «Протокол». Причиной кризиса в сербско-болгарских отношениях стал свершившийся к тому моменту сербско-греческий геополитический сговор. Сговор за счет болгарского народа. Начавшиеся между Сербией и Грецией переговоры привели к подписанию 2 (14) августа 1867 г. в Афинах договора о союзе и совместных военных действиях против Османской империи. Весной следующего года сторонами была заключена военная конвенция²⁰. Согласно условиям сербско-греческого договора, балканские территории, населенные болгарами, должны были быть поделены между двумя странами: севернее Балкан к Сербии отходила территория к западу от реки Искыр (на ней стоит София! – *Р.С.*), территории Центральной и Южной Македонии и Фракии должны были отойти к Греции. Но и это еще не все...

В те самые апрельские дни 1867 г., когда сербские делегаты и болгарские эмигранты вырабатывали принципы объединения двух народов, князь Михаил Обренович нанес визит в Бухарест, где проинформировал князя Кароля Гогенцоллерна об этом проекте. Румыния согласилась присоединиться к антитурецкому союзу и будущей балканской кон-

федерации²¹. Сербско-румынское соглашение было подписано 20 января 1868 г. Стороны взяли на себя обязательства совместно содействовать освобождению христианских народов Балканского полуострова от турок. Соглашение было секретным. Публикация его статей спустя четверть века политическим публицистом, знатоком Балкан Э. Энгельгартом вызвала шок. Союз народов был окончательно заменен союзом монархов. Болгария и ее земли подвергались новому расчленению в рамках проекта общего передела Балкан между союзниками.

Согласно условиям договора 1868 г., дельта Дуная и территория Болгарии от линии Рушук – Варна до Черного моря присоединялась к Румынии. Старая Сербия, Босния, Герцеговина и западная часть той же Болгарии присоединялись к Сербии²².

Состав участников проекта раздела территории Болгарии, согласно Афинскому (1867 г.) и Бухарестскому (1868 г.) договорам, полностью предвосхищает ту коалицию и достигнутые ее договоренности, которая сложилась между балканскими союзниками Болгарии летом 1913 г., накануне Второй балканской войны. Это сходство отнюдь не случайное. Оно говорит о том, что такой вариант развития событий – достижение своих геополитических целей за счет принесения в жертву интересов Болгарии (и болгарского народа еще до восстановления его государственности) – изначально существовал в политических расчетах и дипломатической практике болгарских соседей: Сербии, Греции, Румынии. Этот момент нам представляется принципиально важным для понимания всей будущей истории дипломатических отношений и войн между Сербией, Болгарией и Грецией и геополитическими проектами передела и переустройства Балкан.

Отечественная историография неохотно и крайне скупо признает факт планов раздела региона между Сербией и Грецией. При этом суть вопроса сводится к разделу якобы только Македонии²³. Это является не просто сужением вопроса, а его принципиальной подменой. Не Македонию делили христианские союзники по Первому Балканскому союзу, а Болгарию! Болгарию – как полноправную, полноценную и наиболее пострадавшую в историческом плане потенциальную участницу антитурецкой коалиции. Предпосылки будущей Второй балканской войны были непосредственно сформированы договоренностями между участниками Первого Балканского союза. И пожалуй, столь же трудно было бы пытаться отделить антитурецкую составляющую конфликта от внутрехристианской в 1868 г., как и позднее в 1912 г. Обе Балканские войны идео-

логически и геополитически «проросли» друг в друга, почему мы склонны трактовать их как единый многосторонний вековой конфликт.

Очевидная одиозность положений Бухарестского договора 1868 г. и раньше, и теперь побуждает адептов идеологизированного подхода к освещению балканских проблем подвергать сомнению подлинность текста Энгельгарта (сам факт подписания договора опровергнуть невозможно).

Еще по горячим следам событий высказывались подозрения, что публикация является апокрифом, составленным Портой методом искусной компиляции слухов, циркулирующих в европейских дипломатических канцеляриях, и подброшенным Энгельгарту²⁴. Современным примером такого подхода является пассаж из недавно вышедшей книги видного отечественного балканиста В.Н. Виноградова, посвященный дипломатии сербского князя Михаила Обреновича в 60-е гг. XIX в.: «Переговоры с молодым румынским князем К. Гогенцоллерн-Зигмарингеном завершились заключением скромного (курсив наш – Р.С.) соглашения 20 января (1 февраля) 1868 года. Стороны заявили о своем стремлении способствовать прогрессу «в соответствии с их законными автономными правами» и выразили желание содействовать развитию взаимной торговли. Но главное, что молчаливо подразумевалось, – Румыния в случае войны обеспечивала сообщение с Россией»²⁵.

Автор настоящей статьи считает возможным опираться на статьи Бухарестского договора 1868 г. для обоснования своих выводов как на реальный исторический факт даже при отсутствии возможности проведения углубленного анализа источника. Во-первых, они полностью соответствуют характеру договоренностей между Сербией и Грецией полугодом раньше. Во-вторых, румынская экспансия сначала в Северную, а потом и в Южную Добруджу вполне подтверждается последующими событиями 1878 г. и 1913 г.

* * *

После Берлинского конгресса 1878 г. в европейской политической публицистике появились многочисленные проекты создания Балканской конфедерации. Среди главных причин этого следует назвать неожиданный реванш имперского начала в Берлине после торжества национального начала в Сан-Стефано и попытки выработать некую идеологию сосуществования этих начал. Инициаторами проектов федерализации региона выступили все главные участники «большой дипломатической игры» на Балканах.

Свой панславистский проект выдвинула российская политическая мысль. Видный писатель-славянофил Н.Р. Данилевский в книге «Россия и Европа» выступал за создание федеративной православной империи с центром в Константинополе, куда должен был переместиться фокус российской общественно-политической жизни из Петербурга и Москвы²⁶. Другой российский проект, замеченный европейской печатью, принадлежал профессору Московского университета графу Л.А. Камаровскому, видевшему решение Восточного вопроса в изгнании турок из Европы. Разница в подходах Данилевского и Камаровского к вопросу статуса Константинополя и Проливов состояла в требованиях российского контроля у первого и допущения их интернационализации у второго²⁷. Но оба публициста были едины в своих требованиях федерализации Балкан под эгидой России²⁸.

В Австрии и Германии были свои проекты подобной конфедерации, но только в интересах Габсбургов и германизма. Австро-Венгрия, будучи сама образована из многочисленных разноязычных этносов, якобы более чем какая-либо другая держава была способна объединить под скипетром Габсбургов дунайские и балканские народности, включить их в свою политическую систему и реализовать, таким образом, внутри империи «союз южных славян»²⁹. Этот тезис возродился с новой силой в 1908-1909 гг. в период кризиса, вызванного аннексией Боснии и Герцеговины, на страницах венской газеты пангерманистской ориентации «*Danzer's Arme-Zeitung*». В статье «Издержки войны против Сербии и Черногории», наделавшей много шума, ее автор, укрывшийся под инициалами «И.Р.», призывал имперское правительство сломить сопротивление Сербии путем применения открытой силы с целью заставить ее вступить в конфедерацию, организованную по примеру прежней германской конфедерации (Германского союза 1815–1866 гг. – *Р.С.*)³⁰.

Нас в данном контексте интересует, главным образом, имперская подоплека подобных геополитических конструкций. Стремление обеих центральных держав примерить на себя мантии двух империй, Запада и Востока, подгоняя идеологию под геополитику, просматривалось достаточно очевидно. Германия позиционировала себя в качестве империи Запада, Австро-Венгрию – как империю Востока. Константинополь при этом, однако, становился центром германских интересов на Востоке, австрийские же – концентрировались в Салониках. Политическая организация Балкан в рамках австро-германской имперской модели в принципе не предусматривала ликвидации турецкого присутствия в Европе. Более

того, его сохранение являлось важной предпосылкой формирования Монархией на Балканах системы «вассальных» отношений по образцу структуры Германской империи³¹.

Так, если сербскому режиму последних Обреновичей в политической системе Габсбургской монархии на основании тайного договора 1881 г. предназначалась роль неформального вассала, государства-протектората, при сохранении своего формального суверенитета, то в поздней габсбургской модели федерализации и Монархии, и Балкан, связанной с именем эрцгерцога Франца-Фердинанда и его идеями «триализации» империи, допускалась возможность включения югославянских и трансильванских земель в состав Сербии и Румынии в обмен на занятие ими в будущей реформированной структуре Монархии положения, аналогичного тому, в котором находились королевства Саксония и Бавария в структуре Германской империи³².

«Гевтонскому» натиску на Юго-Восток были противопоставлены итальянские или, вернее сказать, «латинские» планы переустройства Балкан. Некоторые балканские политики и общественные деятели активно искали поддержки у Рима, считая ее менее обременительной для себя, чем помощь Санкт-Петербурга или Вены. В Италии также формировалась собственная балканская политика. Ее идеологическим обрамлением выступала все та же имперская модель, замыкаемая на «латинский» вариант Восточной империи «образца 1204 г.». Зарождение и развитие этой модели прослеживалось в работах французских публицистов Ш. Луазо и Р. Пинона³³.

Еще в 1904 г. между Риччиотти Гарибальди, младшим сыном национального героя Италии, сторонником активной балканской антитурецкой политики, и хорватским депутатом-националистом Тресичем Павичичем в ходе неофициальных переговоров был разработан проект создания балканской конфедерации, имеющий целью расстроить планы германо-австрийского продвижения в регион³⁴.

С дальнейшим развитием этой идеи была связана публикация в 1905 г. во Франции одной любопытной книги, автор которой выступал под псевдонимом «Латинянин», и в котором были склонны усматривать румынского подданного³⁵. «Латинянин», исходя из предпосылки о прогрессирующем упадке Турции в Европе, предлагал заместить ее некой «Восточной Конфедерацией», в которую вошли бы как уже существующие балканские государства, так и новое образование – «Македоно-Албания», которое простиралось бы от Адриатического моря до границы

Фракии. Ново-Пазарский санджак подлежал бы разделу между Сербией и Черногорией с целью поставить преграду на пути австрийского проникновения в Македонию и к Салоникам. Румыния вошла бы в состав конфедерации по причине своих интересов в Добрудже и поддержки проживающих в районе горы Пинд куцо-влахов, от которой она не могла отказаться.

В подобной конфедерации не было бы гегемонии ни эллинизма, ни панславизма, ни германизма – их взаимное соперничество должно было бы обеспечить преобладание «латинизма». Каждое государство сохраняло бы свой суверенитет, армию, флаг, дипломатическое представительство, подобно конфедерации Германского союза после 1815 г. Итальянский принц правил бы в государстве Македоно-Албания. Король Италии, провозглашенный императором, стал бы протектором конфедерации, которая имела бы своей задачей гарантировать защиту региона как против России, так и против Австрии. Константинополь должен был стать вольным городом с Фракией в качестве примыкающего округа и управляться наместником императора, над храмом Святой Софии был бы водружен савойский крест, итальянский язык стал бы официальным государственным языком конфедерации³⁶. «Эпические грезы князя Черногории могли бы сбыться, – отмечал «Латинянин», – императрицей Востока стала бы его собственная дочь»³⁷.

Рене Пинон, автор многочисленных статей в «*Revue des Deux Mondes*» на темы балканской политики, отмечал, что этот «затейливо составленный», остроумный план на деле выступал индикатором совершенно определенных тенденций. Под предлогом отстранения от участия в решении судеб Балкан Австро-Венгрии и России он предполагал утверждение здесь Италии, аппетиты которой не уступали аппетитам ее соперников.

На практике южное, африканское, направление итальянской экспансии оказалось более перспективным для реализации имперских амбиций Италии в виде новой колониальной империи, нежели восточное, балканское. По поводу этого направления, подернутого флером имперской дымки прошлых эпох, Пинон вывел такое заключение: «Час латинской империи в Константинополе пробил семьсот лет назад и никогда не наступит вновь»³⁸.

Тем не менее, непосредственная связь между «латинским проектом» и Итало-турецкой войной 1911 г., вызвавшей политический кризис на Балканах, который привел к развязыванию Балканских войн, просмат-

ривается довольно четко. Бушующее уже третий год Великое албанское восстание 1909–1912 гг. и более чем странное сближение сербских и черногорских властей со своими вековыми непримиримыми врагами-албанцами, с одной стороны, и агрессивные действия итальянской военщины в Архипелаге: оккупация Додеканезских островов, атака и блокада Дарданелл, угрозы Салоникам, с другой, – обрисовывали контуры возможной схемы переустройства Балкан. Только жесткое требование Австро-Венгрии, поддержанное Россией, о нераспространении военных действий на Балканский полуостров остановило итальянское правительство. Не теряя времени, балканские страны, заключившие антитурецкий союз и закулисно поддерживаемые той же Россией, приступили к реализации своей собственной программы переустройства полуострова. Балканская война разразилась...

Последней из панидей переустройства Балкан, опиравшихся на имперскую идеологическую традицию, была внешнеполитическая программа Фердинанда Кобурга. До сих пор в историографии остается открытым вопрос о ступенях эскалации целей и задач болгарской национальной идеи на разных этапах ее развития и степени ее сопряженности с имперской идеологией, по своей сути наднациональной. Данный вопрос находится за рамками рассмотрения в данной статье в силу того, что он заслуживает отдельного самого пристального внимания.

На раннем этапе своего развития болгарское национальное движение допускало три варианта восстановления болгарской государственности: самостоятельно, при сохранении зависимости от Порты, или в составе конфедерации с соседними народами. В рамках второго варианта велась разработка собственного имперского проекта на основе «болгаро-османской» модели. Это политическая программа восстановления Болгарского царства (именно *царства*, т. е. структуры *имперской* по сути и по статусу) через модель дуалистической болгаро-турецкой империи в дальнейшем оказалась связанной с именем С. Стамболова в период его регентства³⁹. Но ее генезис приходится на более ранний период.

Не видя перспектив успеха вооруженного восстания, не доверяя больше ни сербам, ни румынам, Тайный болгарский национальный комитет 3 марта 1867 г. направил султану Абдул-Азису меморандум с предложением создания дуалистической болгаро-турецкой державы по образцу только что созданной Австро-Венгрии. Меморандум призывал султана предоставить автономию Болгарии в рамках Османской империи в качестве конституционного государства, со своим Народным собранием, пра-

вительством, армией, судом, независимой (от греков!) церковью, общинным самоуправлением, свободой печати и личности, веротерпимостью и другими демократическими свободами. Политической формой организации Балкан оставалась, однако, империя, в структуре которой турецкий султан принимал титул «царя болгар»⁴⁰.

Разумеется, проекты болгаро-турецкого дуализма в середине XIX в., особенно в части превращения султана в конституционного монарха, выглядели достаточно наивно и утопично. Но нас – в связи с целями, поставленными в данной статье, – интересует наличие в национальной болгарской политической мысли 60-70-х гг. XIX в. и позже дилеммы между концепциями независимости (восстановления государственности) и целостности всей территории, населенной болгарами («целокупностью» Болгарии). Это глубокое противоречие пролегло через всю историю развития болгарской национальной идеологии и внешней и внутренней политики второй половины XIX – первой половины XX вв. и лишь в последние десятилетия прошлого столетия после глубочайших перемен в политической архитектуре Европы, кажется, стало, наконец, достоянием истории, а не политики⁴¹.

В рассматриваемый же период кануна Балканских войн переплетение двух факторов: национального и имперского составляло специфическую особенность болгарской внешней политики и философии государственного строительства. При этом под имперским фактором понимается синтез рационального (целокупность, мощь) и иррационального (статусность в форме «царства», как элемента исторически-идеологической традиции). Дополнительную напряженность в болгарскую внешнюю политику вносила личность царя Фердинанда и его чрезмерные политические амбиции, отмечаемые поголовно всеми мемуаристами и исследователями⁴².

Болгарская политическая мысль накануне и в ходе самой войны билась в тисках стратегической и геополитической дилеммы: Македония или Царьград?⁴³ Обе цели приводили к противоречиям с Россией, хотя и в разной степени. Неожиданный успех болгарской армии на Фракийском фронте в ходе осенней кампании 1912 г. привел в действие «программу-максимум» политических амбиций Кобурга. Многие наблюдатели отмечали изменение тех политических целей, которые ставились Болгарией перед войной, на новые, которые должны были стать основанием мира теперь. Болгария Фердинанда Кобурга открыто замахнулась на ту роль, которую вот уже в течение двухсот лет готовила для себя Россия. Уже

претензии Болгарии на Адрианополь (Одрин) вызывали возражения России, планировавшей включение его в «буферную зону» перед Константинополем и Проливами, находящуюся под ее управлением. Тем более неприемлемыми для Санкт-Петербурга были попытки Болгарии утвердиться в Царьграде или вообще в зоне Проливов (требования Фердинанда об уступке Родосто)⁴⁴.

В своих далеко не беспочвенных расчетах Фердинанд исходил из того очевидного обстоятельства, что утверждение России в зоне Проливов привело бы к серьезному изменению баланса сил в Средиземноморье и Европе в целом, и отнюдь не поддерживалось безоговорочно союзниками России по Антанте, не говоря уже о ее противниках. При этом вопросы внешней политики оказывались для Кобурга тесно увязанными с теологией и теократией.

Главной потенциальной жертвой утверждения России в Константинополе и в силу этого ее главным противником и своим потенциальным союзником Фердинанд считал римский католицизм. Утверждение политически господствующего православия в Константинополе нанесло бы католической церкви удар, не уступающий по силе лишению папы светской власти в 1871 г. Это привело бы к такому изменению межконфессионального баланса сил в Восточной Европе, что все успехи католицизма прошлых веков в деле насаждения униатского исповедания были бы разом поставлены под сомнение. Поэтому не светский Рим (Квиринал), не Вена и даже не Потсдам полагал Кобург главным центром консолидации антироссийской коалиции. Таким центром, политическим и духовным одновременно, должен был стать именно Ватикан...

На чем же основывались расчеты Кобурга о поддержке его планов Ватиканом? Этим соображениям нельзя было отказать в оригинальности мысли и широте взглядов.

Во-первых, болгары, по мнению Кобурга, на протяжении веков были самым слабым звеном в системе греческого православия. Периодически они подпадали под влияние то Рима, то различных местных ересей: богомилов, павликиан, катарров. Успехи католической пропаганды в Болгарии после начала процесса национального возрождения также были очевидны. Болгарский клир, будучи настроен исключительно антигречески, обучался не только в семинариях Москвы и Киева, но также и в Монпелье (Франция) и даже в самом Константинополе в католических конгрегациях лазаретян и братьев христовой веры. Исходя из этих обстоятельств, Фердинанд считал возможным для болгар принятие униат-

ского варианта исповедания на основе признания духовной гегемонии Рима⁴⁵.

Во-вторых, после вступления болгарской армии в Константинополь Фердинанд планировал проведение специальной торжественной литургии в соборе Святой Софии, посвященной освобождению города от неверных, в ходе которой должно было состояться примирение церковью, разделившихся в 1054 г., с признанием приоритета Рима. Тогда папа понял бы, что крещение наследника в православие, которое он воспринял как проявление малодушия и приспособленчества перед Петербургом⁴⁶, на деле было великой услугой Кобурга делу католицизма, а сам он достоин быть не просто возвращенным в лоно церкви, а причисленным к числу выдающихся апостолических монархов типа Людовика Святого и Филиппа II Испанского⁴⁷.

Анализируя возможные варианты решения судеб Константинополя и Проливов, Кобург приходил к выводу, что ни один из них не мог бы полностью устроить участников латентной антироссийской коалиции, кроме его собственного варианта. Ни сохранение под контролем держав прогнившей турецкой администрации, ни передача города (Полиса) новоявленному «Константину XII» (греческому королю датской династии Константину I), ни превращение священного города в международный открытый город, что привело бы к созданию здесь «финансового рынка для европейских, американских и еврейских капиталов», ни тем более утверждение здесь России, «враждебной всем здоровым силам Европы», не являлось бы подлинным решением Восточного вопроса. Таковым могла быть только формула самого Кобурга: «Утверждение на берегах Босфора государства, достаточно сильного для охраны Проливов, но недостаточно могущественного для угрозы нарушения сложившегося в Европе баланса сил, то есть – Болгарии»⁴⁸.

Накануне подготовки решающего штурма Чаталджинских позиций, защищающих Константинополь, болгарский царь был в равной степени занят подготовкой оперативных вопросов предстоящего сражения и протокольных аспектов своего торжественного въезда в Царьград⁴⁹. В случае реализации «программы-минимум», предполагавшей только временную оккупацию Константинополя, мир с Турцией планировалось подписать там же, где и 35 лет назад – в Сан-Стефано, и желательно в тот же день 19 февраля (3 марта по новому стилю). В довершение церемониальных изысков перед своей торжественной коронацией в соборе Святой Софии императором Великой Болгарии Фердинанд планировал принять

новое тронное имя – Симеон и спустя тысячу лет реализовать-таки болгарскую имперскую идею построения ими, а не греками Империи Востока.

Действительность, однако, внесла свои коррективы в планы царя-фантазера. На огневых рубежах Чаталджи под торжествующий грохот своих батарей молодая турецкая нация, начинающая проникаться идеологией национализма, стряхнула с себя комплекс неполноценности, более двухсот лет прививаемый ей Европой и подражающими ей балканцами⁵⁰. С планами изгнания турок из Европы было покончено навсегда – они остались здесь в качестве европейцев. В их руках навсегда остался и имперский город Истанбул. Названия: Константинополь, Царьград, Полис – остались уделом истории. Сама империя, правда, стала азиатской, – в ней произошел разрыв Византии и халифата. Византия умерла. Халифат пережил ее на десять лет⁵¹.

Личность Фердинанда Кобурга должна быть причислена к числу самостоятельных факторов идеологического и этнопсихологического порядка в предыстории Балканских войн. В ней, как в капле воды, сфокусировались представления об имперской традиции в качестве стержневого идеологического фактора европейской истории, до конца так и не опровергнутого новой националистической традицией 1848 г., а также попытки синтезировать ее западноевропейский и балканский варианты. Особая роль, сыгранная этим монархом в истории взлета и падения идеи болгарского великодержавия, породила вопрос, на который, кажется, пока так и нет однозначного ответа, – кто виноват в двух болгарских национальных катастрофах: царь, элита или народ? Наш ответ – все. Все в равной степени, хотя и в разных проявлениях.

Точка зрения С. Константа, потомка нескольких видных представителей болгарской политической элиты, представляет собой отражение ее взглядов⁵². Вся вина возлагается на Кобурга, который изображен опереточным фигляром. Но элита активно соучаствовала в закладывании предпосылок национальной катастрофы, а народ и не безмолствовал, и не был простым статистом.

Вопрос усвоения имперских идей массовым сознанием болгар, этносом, позже других, с опозданием на целый «исторический такт», вновь вступившим на историческую арену, представляет особый интерес. Могущие показаться сниженными восприятия имперской традиции нацией, на протяжении пяти веков подвергавшейся денационализации и вытравливанию исторической памяти в ходе османского завоевания и последующей подмены духовно-исторических ценностей в народном соз-

нании греческим клиром, не находят, однако, подтверждения в историографии и в доступных автору отражениях (хотя и косвенных) в источниках⁵³.

Образованные слои болгарского общества (пусть, и не в полной мере обладающие набором признаков, позволяющих отнести их к категории «элиты») знали и разделяли точку зрения своих духовных и политических лидеров на историческую миссию будущей суверенной Болгарии как наследницы Византии. Не чужды были такие идеи и массам⁵⁴. В нации, освобожденной политически от турок и устоявшей духовно и дипломатически перед давлением греков и русских, процессы возрождения национального сознания с опорой на собственное имперское прошлое шли полным ходом. Они шли и на территории Княжества, и в ареале расселения болгарского этноса в Македонии.

В подтверждение данной констатации можно привести слова апокрифической версии болгарского национального гимна «Шуми, Марица!». Гимном «Шуми Марица!» стал принадлежащий перу Н. Живкова марш болгарских добровольцев, вступивших в сербскую армию после разгрома Апрельского восстания 1876 г. Марш первоначально назывался «Черняев марш», поскольку был посвящен русскому генералу М.Г. Черняеву, командующему сербской армией, что объясняло упоминание генерала в тексте припева:

«Марш! Марш!
С генерала наш.
Раз, два, три,
Марш, войници!»

Текст гимна менялся несколько раз в ключевые моменты болгарской истории: Русско-турецкую и Сербско-болгарскую (1885) войны. Последние изменения были внесены самим И. Вазовым в ноябре 1912 г. уже после начала Балканской войны. Главным их мотивом было приведение текста в соответствие с музыкой и придание ему более благозвучной литературной формы. В тексте Вазова припев звучал так:

«Марш, марш,
Генерале наш!
На бой да летим,
Враг да победим!»⁵⁵.

Примечательно, однако, что задолго до редакции Вазова у гимна «Шуми Марица!» появился апокриф, широко распространенный и в Болгарии, и в Македонии и Одрине. В данной версии, являвшейся, без со-

мнения, народной и отражающей, соответственно, категорию коллективного бессознательного, первые строки припева звучали так: «Марш, марш! Цариград е наш!». Любопытную иллюстрацию распространения этого апокрифа в массах мы находим в эпизоде трогательно-пронзительного рассказа «Припев» (*Nakarati*) турецкого писателя начала XX в. Омера Сейфутдина (османского Антона Чехова), явно отражающего личные впечатления автора в пору его офицерской юности в Македонии. У рассказа имеется подзаголовок: «Из дневника старого офицера, прошедшего молодость в Македонии». По сюжету рассказа, болгарская девушка, возлюбленная турецкого офицера, поет ему тот самый гимн с припевом: «Наш, наш, Цариград е наш!». Влюбленный офицер думает, что она поет ему любовные песни, но к суровой действительности его пробуждает старик-помак, поведавший ему об истинном смысле песни. Конкуренция за империю могла развиваться и на поле битвы, и на любовном свидании⁵⁶.

Сведения об этом же апокрифе приводит в своих воспоминаниях российский посланник в Софии А.В. Неклюдов. По его словам, уже в 80-е гг. XIX в. в Болгарии сложился слой ярких патриотов, которые смотрели на Константинополь как на законную долю наследства болгарского народа. Народная переделка строки гимна в «Царыград – наш!» отражала именно эти настроения⁵⁷.

Наконец, неопровержимые свидетельства того, что такие настроения не только были широко распространены среди болгар, но и были хорошо известны туркам, вызывая у них чувство протеста, приводит в своем дневнике болгарский посланник в Стамбуле М. Сарафов. В записи от 20 сентября 1912 г. (ст. ст.) он описывает демонстрацию турецких студентов перед болгарским посольством под лозунгами: «Долу България!» и с пением той же «Шуми Марица!», в которой искомая строка пелась: «Булгаристан е наш!»⁵⁸.

* * *

В ходе Балканских войн – нашли свое отражение противоречия и факторы политического развития региона, накопленные за огромный промежуток времени – с 1453 по 1912 г.. Младотурецкая революция 1908 г. в Османской империи явилась лишь непосредственной политической предпосылкой Балканских войн. Именно она привела к формированию антитурецкой коалиции балканских государств, в результате чего первая, антитурецкая, война стала неизбежной.

Однако главный вывод из исследования, предпринятого в нашей статье, состоит в следующем: какие бы ближайшие практические цели не ставили перед собой совместно союзники накануне Первой балканской войны («Войны за Освобожденье»), глубинный конфликт между ними предопределял недолговечность антитурецкой коалиции и неизбежность будущей новой войны между самими балканцами («Межсоюзнической» или «Братоубийственной») ⁵⁹.

Случись событиям на Балканах развиваться по другому пути – пути дальнейшей автономизации регионов и утраты Портой суверенитета над румелийскими провинциями (например, в случае успеха контрреволюции 1909 г.), вероятность возникновения первой войны между самими балканскими странами была бы значительно выше. Какие бы тогда наименования были даны этой и последующим войнам, остается только гадать (может быть, «Война за Османское наследство» или какое-то другое).

К таким выводам нас подталкивает трактовка информационно-пропагандистской (1878–1903 гг.) и партизанской (1903–1908 гг.) войн за Македонию, которые велись Турцией в союзе с греками и сербами против проболгарских македонских комитетов и болгарских паравоенных структур. Эти войны были прямыми предшественниками Второй балканской войны и, можно сказать, ее генеральной репетицией. После исторического *intermezzo*, вызванного Младотурецкой революцией и реакцией на нее балканцев в виде Первой балканской войны, глубинный разлом балканского конфликта вновь вышел на поверхность в мае–июне 1913 г. И мы не поймем основ внешней политики этих стран, выраженных в концепциях «Мегало-идей», если не будем учитывать всю предшествующую эволюцию имперской традиции на Балканах, которая во многом сформировала идеологию внешней политики в регионе.

Балканские войны не принесли, и не могли принести, в регион прочного мира. Итоги мирных договоров 1913 г. предопределили возобновление сербско-болгарской войны за Вардарскую Македонию (1915–1918 гг.), греко-болгарской войны за Южную Македонию (1917–1918 гг.) и греко-турецкой войны в Эгейском бассейне (1919–1922 гг.).

Однако в одном вопросе решение было окончательным – в вопросе идеологии. Когда В.И. Ленин в своей многократно цитируемой публицистической статье «Балканская война и буржуазный шовинизм» в 1913 г. писал, что «Балканская война есть одно из звеньев в цепи мировых событий, знаменующих крах средневековья в Азии и в восточной Европе», он, вероятно, даже не догадывался, насколько был прав по су-

шеству⁶⁰. Не «гнет местных феодалов и помещичье иго» над «балканскими крестьянами всяческих национальностей» похоронили Балканские войны. Они покончили с имперской политической традицией в Юго-Восточной Европе, с миражом Византии в его различных, этнически окрашенных ипостасях, целое столетие формирующих идеологическое сознание балканских элит.

То «объединенное национальное государство», о котором упомянул В.И. Ленин (на редкость удачный и почему-то явно недооцененный термин), которое было создано на Балканах в результате этих войн, тоже представляло собой «мини-империю», но на иной идеологической основе. То была гремучая смесь национализма и геополитики, которая очень скоро ввергнет континент в конвульсии двух мировых войн, в результате которых национальный принцип на новом историческом витке вновь окажется замещенным интеграционным⁶¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вот примеры подобных оценок: «Главной причиной Первой балканской войны являлось стремление стран-участников Балканского союза прекратить произвол и насилие Османской империи на подвластных ей европейских территориях... Именно алчность и неуступчивость при разделе европейских вилайетов Турции стали первоочередной причиной распада Балканского союза. Второй причиной являлись постоянные интриги... великих держав» (Абрамова А. Балканские войны 1912–1913 гг.: причины и итоги // Тези 58-й Міжнародної конференції молодих вчених «Каразінські читання». Харківський НПУ ім. Г.С.Ско-вороди. 22 квітня 2005 р.

([http://web.archive.org/web/20080108055105/http://www-](http://web.archive.org/web/20080108055105/http://www-history.univer.kharkov.ua)

[history.univer.kharkov.ua](http://www-history.univer.kharkov.ua)); «Независимо от целей государств балканской коалиции эта война (первая Балканская война) была борьбой за освобождение балканских народов, остававшихся под турецким владычеством» (Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. М., 1990. С. 246); «Соединение сотрудничества и соперничества на балканской арене отчетливо проявилось в войнах 1912–1913 гг.: разгромили Турцию и рассорились» (Виноградов В.Н. Предисловие // В «пороховом погребке Европы». М., 2003. С. 8)... Рассорились балканцы, как мы попытаемся показать ниже, гораздо раньше, чем соединились в 1912 г.

² Gerolymatos A. The Balkan Wars: Conquest, Revolution, and Retribution from the Ottoman Era to the Twentieth Century and Beyond. N.Y., 2002; Ivetic E. Le guerre balcaniche. Bologna, 2006.

- ³ Чего, кстати, совершенно лишены некоторые современные работы западных историков – С. Совардса, Р. Холла и Э. Эриксона (*Sowards S.W. Austria's Policy of Macedonian Reform. Boulder, 1989; Hall R.C. The Balkan Wars 1912–1913: Prelude to the First World War. L., 2000; Erickson F.J. Defeat in Detail: The Ottoman Army in the Balkans. 1912–1913. Westport, 2003*).
- ⁴ *Gerolymatos A.* Op. cit. Pp. 15–16, 82–83.
- ⁵ Carnegie Endowment for International peace. Report of the International Commission. To Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars. Washington, 1914; *Young G. Nationalism and War in the Near East. Boston & N.Y., 1915* (repr. 1970); *Jordan D.S., Jordan H.E. War's aftermath. A preliminary study of the eugenics of war. Boston & N.Y., 1914; Andonian A. Histoire illustrée des guerres balkaniques. Constantinople, 1913.* Имеется современный турецкий перевод: *Andonyan A. Balkan Savaşı. Istanbul, 1999* (2-е издание – 2000 г.).
- ⁶ *Ivetic E.* Op. cit. P. 13, 37.
- ⁷ Вышедший к 75-й годовщине Балканских войн сборник статей под редакцией руководителя и героя обороны Будапешта в 1956 г. Б. Кирали и Д. Джорджевича, представлявший в то время последнее слово науки по данной проблеме, ныне нуждается в уточнениях по целому ряду вопросов. См.: *Kiraly B.K., Djordjevic D.* (eds.). East Central European Society and the Balkan Wars (War and Society in East Central Europe. Vol. XVIII). N.Y., 1987... Пользуясь случаем, автор выражает глубокую благодарность профессору Б. Кирали за подаренную книгу и добрые напутственные пожелания.
- ⁸ *Young G. Nationalism and War in the Near East. Boston & N.Y., 1915; Helmreich E.Ch. The Diplomacy of the Balkan War 1912–1913. Cambridge (MA), 1938.*
- ⁹ Книга Дж. Янга практически лишена ссылок и научного аппарата как такового, она основывается на личном опыте и знаниях автора. Они действительно впечатляют, несмотря на некоторые формальные второстепенные ошибки, типа Эрфурта вместо Тильзита применительно к 1807 г., накладок в годах правления и последовательности российских императоров и пр. В главном, книга заслуживает самой высокой оценки.
- ¹⁰ См.: *Лемель П. История Византии, Кицикис Д. Османская империя // На перекрестке цивилизаций. М., 2006.* У В.Н. Виноградова можно встретить признания проимперского характера национально-освободительной идеологии Греции и отчасти Сербии. Но для него оказалось невозможным перешагнуть через исламский характер Османской империи для признания

исторического континуитета имперской традиции (того, что сделал Янг еще в 1915 г.). (Виноградов В.Н. Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914, М., 2010. С. 281, 279); обращение Р.П. Гришиной к теме «великих идей» сопровождалось настойчивым призывом к исследователям раскрыть, наконец, суть этого явления, подтвердить или опровергнуть его значимость «в качестве равного во всех случаях фактора» (Гришина Р.П. Конституционная монархия в Болгарии и ее подданные // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.), М., 2006. С. 145). В данной статье автор предпринимает скромную попытку дать посильный ответ. И.Ф. Макарова практически «перешагнула черту», о которой говорилось выше, но характер ее работы, более этнографической, нежели идеологической, не требовал от нее четких выводов в этом вопросе (Макарова И.Ф. Болгарский народ в XV–XVIII вв.: Этнокультурное исследование, М., 2005. С. 20); наконец, в выступлении В.И. Косика на конференции в Институте славяноведения РАН в апреле 2011 г. («Крылья бабочки») тема преемственности имперской традиции прозвучала наиболее близко к взглядам автора данной статьи.

¹¹ Runciman S. The Great Church in Captivity. Cambridge, 1970. Есть русский перевод Л.А. Герд: Рансимэн С. Великая церковь в пленении. СПб., 2006. Показательно в этом плане, что и современная православная богословская литература по-прежнему воспринимает исламскую Османскую империю лишь как «Османский султанат». Видимо, исторические традиции «империи в неволе» в этой среде не изжиты до сих пор (см.: Протоиерей Серафим Соколов. История Восточного и Западного христианства (IV–XX века). М., 2008. С. 210 и след.

¹² Непреходящее значение для осмысления преемственности имперской традиции в Юго-Восточной Европе имеет классическая работа румынского историка Н. Йорги «Византия после Византии» (Jorga N. Byzance après Byzance. Bucarest, 1934). Автор настоящей статьи с глубоким удовлетворением констатирует совпадение своих взглядов в этом вопросе с позицией румынского исследователя Ф. Соломона в ходе беседы в кулуарах конференции в Институте славяноведения РАН (апрель 2011 г.).

¹³ Турецкий историк К. Карпат в ряде своих работ отрицает национальную природу средневековых балканских государств, считая их простым слепком с византийской модели по форме и мультиэтничным набором по содержанию, объединенным случайными военными династиями. Такой подход позволяет Карпату естественным образом обосновать права османов на

византийское наследство (см., например: *Karpat K.H. The Balkan National States and Nationalism: Image and Reality // Karpat K.H. Studies on Ottoman Social and Political History. Selected Articles and Essays. Boston, 2002. P. 434–473* (особенно p. 442–447)).

- ¹⁴ *Fallmerayer J.Ph. Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters. T. 1. Untergang der peloponnesischen Hellenen und Wiederbevölkerung des leeren Bodens durch slavische Volkstämme. Stuttgart. 1830.* (История полуострова Морея в Средние века. Часть 1. Упадок пелопоннесских эллинов и повторное заселение пустых земель славянскими племенами).
- ¹⁵ О Б. Захариасе (или сэре Бэйзиле Захарове) см.: *Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Т. 3. М., 1975. С. 82–83.*
- ¹⁶ Рене Пинон прямо связывает идеи И. Гарашанина («Начертание» 1844 г.) с идеями Балканской федерации путем *замещения* Османской империи новым федеративным балканским государством на основе Сербии. Для этого требовалось преодолеть сопротивление России и Австрии, которые отстаивали идеи *раздела* Турции по линии Видин – Салоники. Идеи Гарашанина напрямую увязываются с делом Стефана Душана, прерванным на пять веков. Налицо явный континуитет имперской традиции (см.: *Pinon R. l'Europe et la Jeune Turquie. P., 1911. P. 447–448.*
- ¹⁷ *Roudometof V. Greece and Serbia in comparative historical perspective // East European Quarterly. 1998. № 4.* (Статья является рефератом диссертации автора). Более того, изначальное принесение сербами и румынами болгарского национального движения в жертву своим политическим интересам отмечалось еще авторами XIX в. (см., например: *Marquis of Bath. Observation on Bulgarian affairs. L., 1880. P. 19.*)
- ¹⁸ *Pinon R. Op. cit. P. 449.*
- ¹⁹ *Ibidem.*
- ²⁰ *Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986. С. 171.*
- ²¹ *Baron Jehan de Witte. Quinze ans d'histoire. P., 1905. P. 31.*
- ²² *Engelhardt E. La Confederation balkanique // Revue d'histoire diplomatique. T. VI (1892). P. 36.*
- ²³ См.: *Ари Г.Л. Греция и Восточный кризис 70-х годов XIX в. // Балканские исследования. Вып. 4. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы. М., 1878. С. 172–173; см. также: Ямбаев М.Л. Македония в 1878–1912 гг. // В «пороховом погребе Европы». М., 2003. С. 300. Правда, глава Ямбаева посвящена другой теме и касается указанного вопроса лишь вскользь.*
- ²⁴ *Pinon R. Op. cit. P. 450.*
- ²⁵ *Виноградов В.Н. Двуглавый российский орел на Балканах. С. 355.*

- ²⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
- ²⁷ *Le comte Katarovski*. La Question d'Orient // *Revue générale de droit international public*. P., juillet 1896. P. 89.
- ²⁸ Из новых работ тема российского «византизма» блестяще разработана в: Герд Л.А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006.
- ²⁹ *Pinon R.* Op. cit. P. 454.
- ³⁰ «Die Kosten eines Krieges gegen Serbien und Montenegro» // «Danzer's Armeezzeitung». 4 März 1909. S. 2–3.
- ³¹ Та же «Danzer's Armeezzeitung» в статье «Упущения нашей балканской политики» отмечала: «Для того, чтобы добиться полной гегемонии на Балканах, мы нуждаемся в установлении согласия с Турцией, которая любой ценой должна стать нашим покладистым и зависимым другом» («Versäumnisse unserer Balkanpolitik» // «Danzer's Armeezzeitung». 5 November 1908. S. 4).
- ³² Фэй С. Происхождение мировой войны. М.-Л., 1931. Т. 2. С. 46.
- ³³ *Loiseau Ch.* Le Balkan slave et la crise autrichienne. P., 1898; *Loiseau Ch.* L'équilibre adriatique, P., 1901; *Pinon R.* l'Empire de la Méditerranée. P., 1912.
- ³⁴ *Pinon R.* l'Europe et la Jeune Turquie. P., 1911. P. 455.
- ³⁵ *Un Latin.* Une confederation orientale comme solution de la Question d'Orient. P., 1905.
- ³⁶ *Un Latin.* Op. cit. P. 137, 174.
- ³⁷ *Ibid.* P. 175.
- ³⁸ *Pinon R.* Op. cit. P. 456.
- ³⁹ *Perry D.M.* Stefan Stambolov and the Emergence of Modern Bulgaria 1870–1895. L., 1993. P. 144, 152–153; *Pundeff M.* Bulgarian Nationalism // *Sugar P., Lederer I.* (eds.). Nationalism in Eastern Europe. Seattle, 1994. P. 93–166 (особенно p. 130).
- ⁴⁰ Константинов П. История на България с някои премъчавани досега исторически факти. 681–2001. (<http://chitanka.info/lib/text/2992>).
- ⁴¹ Крайним проявлением этого противоречия служит реприманд Стамболова князю Дондукову-Корсакову, военному губернатору Болгарии в 1879 г.: «Лучше бы вы вообще не приходили нас освобождать, если не имели сил отстоять Сан-Стефанскую Болгарию! Мы были под турками, но все вместе, у нас была надежда на более светлое будущее. А теперь? Мы рассечены на пять частей, наши надежды разбиты!» (Цанев Ст. Български хроники. София, 2008. С. 27).

- ⁴² Литература о Фердинанде Кобурге весьма обширна. Укажем основные работы: *Constant S. Foxy Ferdinand, Tsar of Bulgaria*. L., 1979; *Königslow J. Ferdinand von Bulgarien*, Munich, 1970; *Мадол Х.Р.* Фердинанд, цар на българите. Мечтата за Византия. София, 1992; *Давчева Д.* Лисицата и лъвът. Фердинанд I на фона българската психологическа и политическа действителност 1886–1902. София, 1994; *Crampton R.J. Bulgaria*. N.Y., 2007. Chs. 5–7; *Исаева О.Н.* Царь болгар Фердинанд Саксен-Кобург-Готский // До и после Версаля. М., 2009. С. 103–122.
- ⁴³ Кульминация этой дискуссии – книга И. Гешова «Преступно безумие» (София, 1913), осуждающая решение Фердинанда на штурм Чаталджинской укрепленной линии с целью вступления в Константинополь.
- ⁴⁴ Фундаментальное исследование вопроса о кризисе в российско-болгарских отношениях из-за Константинополя в 1912–1913 гг. см.: *Bobroff R. Behind the Balkan Wars: Russian Policy towards Bulgaria and the Turkish Straits, 1912–13 // The Russian Review*. № 59 (January 2000). P. 76–95.
- ⁴⁵ В октябре 1913 г., уже после поражения Болгарии, граф Бертольд писал императору Францу-Иосифу: «Секретно. Царь (Фердинанд. – Р.С.) спросил у меня, какова наша точка зрения на униатское движение в Македонии... Восточное православие должно быть раздавлено, и Болгария должна стать великой... на латинской основе» (*Мадол Х.Р.* Указ. соч. С. 139).
- ⁴⁶ *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. Минск, 2001. С. 66.
- ⁴⁷ *Nekludoff A. Diplomatic reminiscences before and during the World War. 1911–1917*. N.Y., 1920. P. 117–120.
- ⁴⁸ *Ibidem*.
- ⁴⁹ Источники полны данных о подготовке Кобургом парадного реквизита для вступления в Царьград. В принципе, это тема отдельной интересной статьи. Отметим только, что часто упоминаемое «облачение византийских императоров», заказанное Фердинандом, не отличалось от облачения болгарских царей (см.: *Atanassov G. Insignia of the medieval Bulgarian rulers*. Pleven, 1999. P. 148).
- ⁵⁰ О влиянии отношения западной и российской элит к Турции («восточное варварство») на воззрения новых балканских элит см.: *Neuburger M. Bulgaro-Turkish encounters and the re-imaging of the Bulgarian nation (1878–1995) // East European Quarterly*. № 1 (march 1997).
- ⁵¹ Замиряясь с кемалистской секулярной Турцией, англичане смирились и с ликвидацией халифата в 1923 г. Вряд ли это было правильное решение с точки зрения последующих взаимоотношений конфессий.

- ⁵² Стивен Констант – псевдоним Стояна-Константина Данева, правнука Т. Бурмова, первого болгарского министра-председателя, внука К. Хаджикалчева, политика, банкира и дипломата, первым встретившимся с Фердинандом в Вене, и С. Данева, дважды бывшего министром-председателем в правление Фердинанда. С. Констант большую часть жизни проживал и работал в Лондоне.
- ⁵³ О денационализации болгар в результате османского ига и ее проявлениях см.: *Макарова И.Ф.* Болгарский народ в XV–XVIII вв.: этнокультурное исследование. М., 2005.
- ⁵⁴ Здесь и далее автор пользуется случаем, выражая глубокую признательность Р.П. Гришиной за ознакомление с черновым вариантом данного материала и высказанные при этом ценные замечания, ответить в положительном смысле на вопрос – знали ли простые болгары о своей миссии потенциальных наследников статуса и традиции Византийской империи. Да, безусловно, знали и стремились ее реализовать.
- ⁵⁵ *Войников И.* История на българските държавни символи. (<http://www.protobulgarians.com>).
- ⁵⁶ Social environment and literature: The reflaction of the Young Turk Era (1908–1918) in the literary work of Ömer Seyfeddin (1884–1920) // *Karpat K.H.* Studies on Turkish Politics and Society: Selected Articles and Essays. P. 475. В статье К. Карпата на английском языке содержится ошибка в транслитерации слов «марш» и «наш» – «*Our, our, Tzarigrad is our*». Текст рассказа в оригинале см.: *Seyfettin Ö.* Seçme Hikayeler. Istanbul, 2000. P. 56–70.
- ⁵⁷ *Nekludoff A.* Diplomatic reminiscences before and during the World War. 1911–1917. P. 122.
- ⁵⁸ Последни дни преди обявяването на Балканската война. Из дипломатическия дневник на М. Сарафов 14.IX–4.X.1912 г. Цариград // Военно-исторически сборник. 2006. № 3. С. 53.
- ⁵⁹ Понимание этих обстоятельств отразилось в беседе, состоявшейся в первые дни войны между генералом Н. Ивановым, командующим 2-й армией, и царем Фердинандом. Хотя собеседники чересчур полагались на действенность Балканского союза, они, тем не менее, допускали гипотетическую возможность складывания иной коалиции – не против Турции, а против Болгарии (см.: *Иванов Н.* Спомени 1861–1918. Кн. 2. София, 1997. С. 83).
- ⁶⁰ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 23. С. 38.
- ⁶¹ К интеграционным моделям мы относим и НАТО, и СЭВ, и ЕС. Общая черта этих моделей – снижение уровня конфликтности в регионе вплоть до полного обуздания проявления т.н. «балканского синдрома».

Опыт невраждебного историописания: Балканские войны в контексте «новой историографии» региона

Окончание Холодной войны и изменение геополитической конфигурации Европы, разделение которой на Западную и Восточную в годы межблокового противостояния имело как военно-политическую, так и идеологическую составляющие, серьезно повлияло на гуманитарный аспект формирующегося общеевропейского пространства. Его частью в начале XXI в. стала и большая часть Балкан, которые в существующей традиции одновременно назывались и Юго-Восточной Европой. Образ Балканского полуострова в качестве одного из важнейших мировых конфликтогенных секторов мировой политики, с одной стороны, и интернационализация термина «балканизация», служащего для характеристики конфликтной этнополитической ситуации в различных регионах мира, с другой стороны, способствовали приданию большого веса проблеме минимизации негативных черт в представлениях о нём, как о вечном «пороховом погребе» в «мягком подбрюшье Европы».

Одним из первых признаков перемен стала диверсификация географической терминологии, получающей все большее распространение как в самих балканских государствах, так и за их пределами, прежде всего, в Европе. Некогда единое географическое понятие «Балканы» («Юго-Восточная Европа») с 90-х г. XX в. постепенно уступает место новым, обозначающим конкретные части региона: «южные», «западные» и даже «восточные» (Молдова) Балканы. Противопоставление Западной Европы, являвшейся на протяжении более 50-летнего периода символом Запада и так называемого Западного блока, и ее юго-восточной части, где, за исключением двух членов «западного сообщества» – Греции и Турции, существовало четыре коммунистических государства (Албания, Болгария, Румыния и Югославия), часть из которых принадлежала Востоку (читай «Восточному блоку»), – становится неприемлемым для посткоммунистических стран с политической точки зрения. Окончание Холодной войны и последовавшие за этим геополитические изменения, обусловили серьезные трансформации значения места и роли отдельных регионов Евразии, и особенно тех из них, которые находились в непосредственной бли-

зости от сформировавшегося к началу 90-х г. XX в. геополитического пространства евро-атлантического сообщества. В силу объективных причин Балканы превратились в один из важных геополитических элементов так называемой Большой Европы. Исторически сформировавшийся в мировом дискурсе на протяжении более столетия прежний образ региона как одного из наиболее опасных с конфликтогенной точки зрения оказывал негативное влияние как на политические круги, так и на общественное мнение стран евро-атлантического сообщества. Распад Югославии, сопровождавшийся этнополитическими кризисами и межэтническими гражданскими войнами, а также череда внутривосточных кризисов в посткоммунистических странах региона, при усилении этноцентристских политических настроений в обществе ряда государств лишь усилили отрицательные черты в восприятии внешними силами образа Балканского региона и оценок возможных рисков, исходящего из него в отношении евро-атлантического сообщества. Для посткоммунистических государств полуострова было важным подчеркнуть – при сохранении национальной культурно-исторической идентичности – отказ от негативной части «балканского исторического наследия».

Аналогичная точка зрения на перспективы реформирования балканского геопространства разделялась представителями политических и экспертных кругов большинства европейских стран и США. Обращение к историческому компоненту балканской политической реальности на фоне формулировавшейся в странах региона и за его пределами геоконцепции «Новые Балканы» могло иметь одновременно как положительные, так и отрицательные последствия. Они заключались в том, что противоречия возникали между евро-атлантическим вектором движения государств региона на международной арене и их стремлением сохранить собственно региональную идентичность. В ряде случаев интерпретация роли и места внутренних и внешних факторов балканских конфликтов производилась в форме констатации, но именно отдельные оттенки позволяли определить противоречивость нового проекта, направленного на «дебалканизацию» и «деконфликтизацию» Балкан. Если одни политические деятели и эксперты-аналитики отмечали в 90-е гг. XX в. внутренний потенциал «балканизма», то другие нередко обращались к влиянию внешних сил. Первые из них констатировали: «Войны памяти на Балканах колеблются между трагедией и фарсом. Македонцы и греки спорят по поводу Александра Великого и его звезды (имеется ввиду графический символ. – *Ар.У.*); сербы, хорваты и босняки, с одной стороны, а, с

другой, македонцы и болгары, занимаются разделом своего языка и культуры; болгары, греки и македонцы претендуют на братьев Кирилла и Мефодия – изобретателей кириллической письменности; албанцы, хорваты и словенцы считают себя потомками полумифического народа – иллирийцев... Страдают ли молодые национальные государства, двигаясь по дороге консолидации, комплексом предшественников?»¹. Вторые, наоборот, ссылались на то, что многие конфликты в регионе не произошли бы, если бы внерегиональные силы не вмешались во многие политические события на полуострове².

В контексте этого спора особое место занимает попытка, предпринятая М. Тодоровой – болгарской исследовательницей, работающей в США. В 1997 г. она опубликовала на английском языке монографию под названием «Воображая Балканы», которая через два года была издана в Болгарии как «Балканы и балканизм»³. Концептуальная основа предложенного М. Тодоровой историософского конструкта была в определенной степени похожей на известную среди востоковедов и арабистов идею «ориентализма» (изложенную в знаменитой работе Э. Саида «Ориентализм»), но применительно к балканским условиям.

Попытки, предпринимавшиеся рядом балканских экспертов-политологов и историков, с целью изменить представления о Балканах в качестве имманентно конфликтного региона, демонстрировали широкий набор аргументов исторического, политического, экономического и этнонационального характера с привлечением примеров мировой истории. В наиболее артикулированном виде они были сформулированы как объяснение позиций двух основных историографических направлений, сторонники которых были названы представителями противоположных школ: «рецидивистской» (от англ. *recidivist*) и «транзитёрской» (от англ. *transitionist*). Первая из них опиралась на утверждение, что война – это историческая характеристика ситуации на Балканах, а вторая, что это результат социально-экономической, политической неразвитости, и она не является характерной чертой какого-либо конкретного географического региона⁴.

Обращение к событиям Балканских войн 1912–1913 гг. – одной из наиболее конфликтных для региональной этнополитической истории проблеме – имеет в этой связи особое значение, так как после Берлинского конгресса 1878 г. они стали хронологически вторым, а по значимости – равным ему, этапом становления национальной государственности балканских государств. Существовавшая в странах полуострова ис-

ториографическая традиция изучения и репрезентации участия конкретного государств и/или народа в Балканских войнах отличается крайней степенью абсолютизации категорий вражды, противоборства, а в ряде случаев и чувств «национальной обиды», способствующих усилению настроений «исторического реванша». Императив пацификации и примирения, обусловленный фактом формирования Единой Европы, оказался в явном противоречии с традиционалистской балканской региональной исторической памятью и интерпретацией исторического нарратива в целом⁵. Развивавшийся с начала 80-х гг. XX в. как феномен «исторической политики», обязанный попыткам тогдашнего канцлера ФРГ Г. Коля осуществить в интересах возглавляемой им ХДС/ХСС так называемый «морально-политический поворот» («moralisch-politische Wende»), целью которого было развитие «позитивного патриотизма»⁶, приобрел на посткоммунистическом пространстве собственное содержание, и повлиял на общественно-политический дискурс, который нередко инициировали конкретные политические силы, находившиеся у власти.

Таким образом, как сами подходы к оценке и интерпретации конкретных событий национальной истории, историописанию, так и определение доминирующего «исторического конструкта» стали в новых условиях во многом зависеть, несмотря на установление демократической и плюралистической общественно-политической системы, от формулируемой властью и общеевропейской ситуацией повестки дня. Для балканских государств одним из ключевых в данной связи становилась тема нациостроительства и политогенеза, а Балканские войны 1912–13 гг. являются их конкретным воплощением. Имея в виду сложившуюся в балканских национальных историографиях практику историописания, место сформировавшихся взаимных образов народов в этом процессе⁷, а также роль историков в нём (что особенно проявилось в годы так называемого югокризиса)⁸, легко представить степень сложности отхода от конфронтационной модели «сконструированной истории» к её невраждебной форме.

Создание в 1998 г. Центра демократии и примирения в Юго-Восточной Европе (CDRSEE), а также регионального Пакта стабильности Юго-Восточной Европы в 1999 г., превратившегося затем в одноименную организацию, имело своей целью реализацию и гуманитарных проектов, особое место среди которых занял Совместный исторический проект (JHP), начатый под патронатом CDRSEE. Группа историков из балканских государств, а также Кипра была привлечена для создания так назы-

ваемых альтернативных учебных материалов по проблемам, интерпретация которых в национальных историографиях стран региона выступала как исторический аргумент в межэтническом и межгосударственном споре и как «идентификатор» этноцентристских идеологических построений: история Османской империи, развитие этносов и создание государств на Балканах, Балканские войны и Вторая мировая война. Именно по этим проблемам были созданы вспомогательные исторические материалы, опубликованные на протяжении 2005–2009 гг. в виде четырех отдельных книг и двух изданий как в бумажном, так и в электронном виде на 7 языках (албанском, английском, боснийском, греческом, македонском, сербском и хорватском)⁹. В соответствии с точкой зрения руководителя этой серии публикаций – так называемых рабочих тетрадей (workbooks) – председателя Комитета исторического образования Совместного исторического проекта К. Кулури, обращавшейся к школьным учебникам в балканских странах, «стереотипы содержатся в самой структуре исторического нарратива (повествования. – *Ар. У.*), в исторических концепциях, в периодизации, в используемой лексике и терминологии»¹⁰. Этот факт был учтен при написании рабочей тетради «Балканские войны» (первое англоязычное издание относится к 2005, а второе к 2009 г., публикации на национальных языках были осуществлены в 2005 г.)¹¹. Работа над материалом носила коллективный характер и невозможно говорить о конкретном авторстве. Структура работы, состоящей из пяти глав («Экономика и общество», «Политика», «Общества в войне», «Поле сражений и очевидцы», «После войны») призвана подчеркнуть основную идею этого издания: в центре внимания находятся не боевые события, действия глав государств и военачальников, а положение «простого человека» накануне, в период и после Балканских войн. Примечательным фактом этого издания является использование констатационной формы повествования для описания событий и активное цитирование свидетельств очевидцев – как балканских обывателей, политических деятелей, представителей творческой интеллигенции, так и высказывания иностранных политиков. Особый смысл темы повседневной жизни на Балканах накануне, в период и после Балканских войн, судя по всему, заключается, по мысли авторов рабочей тетради, в доказательстве утверждения, что жизнь людей протекала в условиях полиэтнических обществ балканских государств, и войны были её частью, но не основным содержанием¹². Не менее примечательным в контексте существующих балканских реалий было политически корректное примечание, сде-

ланное авторами материала по продолжающей оставаться болезненной для региона «македонской теме»: они специально отметили, что «не существовало специальной административной единицы Османской империи под названием «Македония», и поэтому конкурирующая статистика базируется на различных определениях того, из чего состоял географический регион «Македония». В целом, как считалось, Македония состоит из вилайетов Салоники, Косово и Монастир»¹³.

При подходе к Балканским войнам 1912–1913 гг. как «событию значительной важности в истории Юго-Восточной Европы 20-го века» авторы издания с самого начала обращают внимание на политический, социально-экономический и культурный аспект этой проблемы, а также на характер интерпретации этого события в национальной историографии стран региона, подчеркивая конфликтный характер толкования событий не только на межгосударственном уровне, но и в рамках национальных дискурсов самих этих государств¹⁴. При этом отмечается, что «корни Балканских войн уходят в последствия русско-османской войны 1877–1878 гг.», которая означала окончание Восточного кризиса. Его содержание даётся авторами рабочей тетради как сочетание «трёх основных элементов: дипломатическая борьба между Великими державами и за влияние на османских территориях, постепенный упадок империи султана и национально-освободительная борьба балканских народов, стремившихся создать свои национальные государства»¹⁵. Использование в рабочей тетради иллюстративного материала в форме открыток и карикатур того времени, публиковавшихся в средствах массовой информации балканских стран, лишь усиливает негативный образ brutального национализма как способа мобилизации общества в годы накануне и после Балканских войн.

Не менее важным является и объяснение авторами причин Балканских войн, что нашло своё выражение в их отказе от сведения причинно-следственных связей к росту национального самосознания (национализму), политике и идеологии, и обращение особого внимания на социально-экономические причины этих региональных конфликтов¹⁶. Обновленный подход нашел отражение и в уравнивании позиций балканских государств с помощью избранного авторами приема: демонстрации карты «национальных планов» – целей их территориального расширения (*National aspirations of the Balkan countries*)¹⁷, а также приведения в качестве примера результатов деятельности Международной комиссии, занимавшейся определением последствий Балканских войн (*Results of the*

wars as seen by the International Commission to Enquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars) ¹⁸.

Рабочая тетрадь «Балканские войны» представлена как самостоятельное издание, но уже в водной части отмечалось, что она должна использоваться в тесной связи с двумя другими рабочими тетрадями: «Османская империя» и «Нации и государства в Юго-Восточной Европе», в которых Балканские войны 1912–1913 гг., не рассматривались ¹⁹. Отказ от создания единой рабочей тетради по войнам на Балканах имеет ярко выраженный политически мотивированный характер и рассчитан на постепенное микширование конфликтной составляющей в региональной истории.

Попытка исторического конструирования в интересах невраждебного историописания, предпринятая CDRSEE, оказалась в определенном противоречии с тем, как к данной проблеме подошла Европейская ассоциация преподавания истории (European Association of History Educators – EUROCLIO), образование которой во многом было обязано принятию Комитетом министров Совета Европы 31 октября 2001 г. рекомендаций (Rec(2001)15) к преподаванию истории в Европе XXI в. В 2006 г. Ассоциация «Евроклио» опубликовала на английском и французском языках сборник «Перекрестки европейских историй – многосторонний взгляд на пять ключевых эпизодов истории Европы» ²⁰, содержащий материалы проведенных на протяжении 2002–2005 гг. научных конференций, основные темы которых стали названиями соответствующих разделов: «1848 г. в европейской истории», «1912–1913 гг. в европейской истории», «1919 г. в европейской истории», «1945 г. в европейской истории», «1989 г. в европейской истории». Таким образом, если в центре внимания «Евроклио» оказались достаточно «конфликтные вехи» европейской истории, то CDRSEE, наоборот, постаралась избежать «конфликтогенную хронологию» балканской истории. Попытка обеспечить нейтральность при освещении событий, но, в то же время, дать объективную картину ситуации до Балканских войн, происходившим во время неё событиям, оценкам боевых действий в общественном мнении стран региона, и, наконец, последствиям, выразилась в широком использовании документальных материалов в виде воспоминаний, публикаций прессы, изобразительных материалов и свидетельств очевидцев. Рабочая тетрадь «Балканские войны» была призвана играть вспомогательную роль в процессе обучения в школе, являясь дополнением к основному учебнику и

минимизирующим враждебно-конфликтную тональность, которая сохраняется в национальных учебниках истории.

Публикация рабочей тетради по Балканским войнам проходила в рамках избранной Совместным историческим проектом «языковой политики»: основное издание делается на английском языке. Судя по всему, использование греческого языка, а также албанского, сербского, боснийского, македонского и хорватского было обусловлено вполне конкретным фактором – «постъюгославским синдромом» и всем, что имело к нему непосредственное отношение, поэтому издания на болгарском, румынском и турецком языках не предпринимались. Несмотря на стремление авторов и переводчиков соблюсти нейтралитет и полное совпадение иноязычных версий рабочей тетради, при их сравнения все же выявляются определенные особенности. В частности, в греческой версии название параграфа «мобилизирующие идеологии» (англ. «mobilizing ideologies» переведено как «потенциал идеологий» (η δυναμική των ιδεολογιών), вместо более уместных вариантов в виде «κίνητολοιοητικές ιδεολογίες» – приемлемого для греческого языка выражения «движущие идеологии» или дословного перевода «επιστρατευτικές ιδεολογίες» (мобилизирующие идеологии). В македонской версии перевод полностью соответствует английскому оригиналу – «мобилизирачки идеологии», а в издании на албанском языке название этого же параграфа звучит как «предшествующие идеологии» – «ideologjitë paraprijëse»²¹. Весьма примечателен перевод в греческой версии тетради названия документа «Меморандум группы македонских интеллектуалов, живущих в Санкт-Петербурге, датированный 7 июня 1913 г., и адресованный «Правительствам и обществам союзных Балканских государств» (Memorandum by a group of Macedonian intellectuals living in Saint Petersburg, dated 7 June 1913, and addressed «To the governments and societies of the allied Balkan States»). В греческой версии оно звучало так: «Меморандум группы **славяно-македонских** (выделено мной. – *Ap. V.*) интеллектуалов, живших в Санкт-Петербурге, датированный 7 июня 1913 г., и адресованный «Правительствам и обществам союзных Балканских государств» (Μνημόνιο μιας ομάδας σλαβομακεδόνων διανοούμενων που ζούσαν στην Αγία Πετρούπολη, με ημερομηνία 7 Ιουλίου 1913 και παράλληλη «τις Κυβερνήσεις και τις κοινωνίες των σύμμαχων βαλκανικών κρατών»²². (Что, вероятно, отражает сложившуюся в современном греческом общественно-политическом дискурсе традицию и учитывает официальную интерпретацию «македонского вопроса»).

Не менее симптоматичной была замена в греческом переводе демонстративно нейтрального выражения английского оригинала текста «территориальные обновления на Балканах» (*territorial modifications in the Balkans*), сознательно использовавшегося в английской версии вместо «*territorial changes in the Balkans*», – на «территориальные изменения на Балканах» («*εδαφικές μεταβολές στα Βαλκάνια*») ²³ вместо нейтрального «*εδαφικές τροποποιήσεις*», что более соответствовало бы английскому оригиналу «территориальные модификации» и не противоречило традиции перевода на греческий язык подобных терминов. В свою очередь, македонская версия рабочих тетрадей «Балканские войны» содержит точный перевод с английского языка этого выражения: «территоријалните модификации на Балканот» ²⁴. Кажущиеся на первый взгляд малозначительными нюанса перевода, тем не менее, служат определенным маркером сохраняющегося даже в подобных изданиях, рассчитанных на минимизацию любых негативных проявлений «памяти вражды», реального восприятия событий Балканской войны на национальном уровне.

Сохраняющаяся дискуссионность темы Балканских войн как особого события регионального масштаба была отмечена в начале февраля 2012 г. редактором серии рабочих тетрадей Х. Кулури, являющейся преподавателем новой и новейшей истории в Университете Пандио (Πάντειο Πανεπιστήμιο). Она заявила, что «2012 год имеет особое значение для Балканского полуострова, так как в этом году исполняется 100 лет со времени Балканских войн. Интересно, что в традиционном преподавании истории Балканские войны считаются «началом» некоего периода изменений для Балкан, периода, который сопровождался самоопределением народов, национализмом и либерализмом... Однако мы решили отбросить эту идею, “поставить точку” применительно к Балканским войнам, и представить некое путешествие в предыдущий период, период, когда народы Балкан гармонично сосуществовали. Нашей целью было инициировать общественный диалог об общей истории Балкан с тем, чтобы оказать помощь в поддержании и развитии культурного наследия региона» ²⁵.

Подобная точка зрения достаточно жёстко оппонируется противниками отхода от национального историописания. Их основными аргументами являются утверждения об использовании методов «деконструкции истории» в целях ликвидации национальной идентичности балканских народов, максимально возможной «минимизации национального самосознания» в интересах международных наднациональных организа-

ций или государств, проводящих в регионе политику подчинения стран и народов²⁶. В национальной памяти и традиции большинства балканских народов Балканские войны 1912–1913 гг. сохраняют своё значение как важнейшее событие в деле освобождения из-под владычества Османской империи и отстаивания национального суверенитета, объединения конкретных народов, проживавших на территориях, входивших в состав других государств региона, в границах единого национального государства. Примечательной в этом контексте является официальная интерпретация болгарской стороной событий того времени, когда Национальный инициативный комитет празднования юбилея (Балканских войн. – *Ар. У.*), Союз ветеранов войн Болгарии при содействии Министерства образования, молодежи и науки Республики Болгария приняли решение о проведении в 2011–2012 учебном году Национального конкурса творчества учеников по теме «Балканская война 1912–1913 – война освободительная»²⁷. Более того, в решении Союза ветеранов войн Болгарии, в отличие от применявшегося в рабочей тетради «Балканские войны» политкорректного определения «османский», используется иной, более традиционный – «турецкое владычество»²⁸. Вполне логичная аргументация в пользу национального историописания высказывалась Новицей Вельянской – известным историком и автором учебников из Республики Македония, которая в одном из интервью заявила: «В действительности, мне не понятна эта работа по созданию интегрального взгляда на историю. В исторической науке не существует способ, с помощью которого можно создать один и тот же взгляд на вопрос. Например, Балканские войны для нас были захватническими, для Сербии – освободительными, а Болгария так и не признаёт Вторую балканскую войну. Поэтому, всё больше для меня она похожа на неисторию. Нельзя в новых македонских учебниках по истории писать «Македония», в других – «БЮРМ» (Бывшая югославская республика Македония. – *Ар. У.*)»²⁹. Особое значение Балканские войны имеют для истории албанцев и воссоздания их государства в 1912 г. Проблема выработки новых подходов к региональной истории в странах Балканского полуострова, несмотря на существование определенного числа представителей исторического академического сообщества, согласных с позицией Совместного исторического проекта (JHP) под патронатом CDRSEE, в действительности продолжает оставаться неразрешимой³⁰. Во многом это обусловлено объективными обстоятельствами самого исторического процесса нациостроительства на Балканах, но не в меньшей степени данный процесс испытывает на себе влияние и прово-

димой на официальном уровне так называемой исторической политики, основные положения которые являются базовыми элементами традиционного национального дискурса в государствах полуострова.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Dimitra P.* Writing and Rewriting History in the Context of Balkan Nationalisms // Southeast European Politics. 2000, October. V. 1. N. 1. P. 50.
- ² См. лекцию министра иностранных дел ФРЮ Г. Свилановича в Лондонской школе экономики (31.10.2002): *Svilanovic G.* The Burden of Historical Perceptions and the Way Forward in the Federal Republic of Yugoslavia and Balkans. – http://www.mfa.gov.yu/Policy/Minister/Govori/311002_e.html
- ³ *Todorova M.* Imagining the Balkans. New York, 1997; *Тодорова М.* Балканы и балканиззм. София, 1999.
- ⁴ *Couloumbis T., Ramaj E.* Debalkanizing the Balkans with the Kantian Theory of Democratic Peace. 2007. P. 2. – http://www.wilsoncenter.org/toics/docs/Debalkanizing_the_Balkans_FINAL1.doc.
- ⁵ О роли и месте исторического нарратива в формировании современных геопропространственных представлений на посткоммунистическом пространстве см.: *Улуян Ар.* Тема геопропространства в эстоноязычной общественно-политической публицистике и академическом дискурсе современной Эстонии // Историческая география (в печати).
- ⁶ См. об этом: *Assmann A.* Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München 2006.
- ⁷ *Улуян Ар.* Балканские народы друг о друге: явные пристрастия и тайные чувства в конце 20 века // Общественные науки и современность. 1999. № 4.
- ⁸ *Романенко С.* Закончилась ли на территории распавшейся Югославии Вторая мировая война? // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3; *он же.* История и историки в межэтнических конфликтах. (Югославия конца 80-х – начала 90-х годов) // Общественные науки и современность. 1997. No 5.
- ⁹ См. по адресу на сайте CDRSEE: http://www.cdsee.org/jhp/download_eng.html
- ¹⁰ *Koulouri Ch.* The Tyranny of History // *Clio in the Balkans. The Politics of History Education*, Ed. By Koulouri Ch. CDRSEE, Thessaloniki 2002 P. 17.

- ¹¹ The Balkan Wars. Teaching modern Southeast European History. Alternative Educational Materials. Workbook 3. Ed. by Valery Kolev and Christina Koulouri. Series editor Christina Koulouri. Second Edition. Thessaloniki, 2009.
- ¹² Ibid. P. 21–38.
- ¹³ Ibid. P. 41.
- ¹⁴ Ibid. P. 11.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Ibid. P. 21.
- ¹⁷ Ibid. P. 39.
- ¹⁸ Ibid. P. 118.
- ¹⁹ The Ottoman Empire. Teaching modern Southeast European History. Alternative Educational Materials. Workbook 1. Ed. by Bogdan Murgescu and Halil Berrktay. Series editor Christina Koulouri. Second Edition. Thessaloniki, 2009; Nations and States in Southeast Europe. Teaching modern Southeast European History. Alternative Educational Materials. Workbook 2. Ed. by Mirela-Luminița Murgescu. Series editor Christina Koulouri. Second Edition. Thessaloniki, 2009.
- ²⁰ Crossroads of European Histories – Multiple Outlooks on Five Key Moments in the History of Europe. Ed. By R. Stradling, Brussel, 2006.
- ²¹ The Balkan Wars. P. 5, 39; Балканските војни. Настава по модерната историја на Југоисточна Европа. Алтернативни наставни материјали. Приредиле: Валери Колев и Христина Кулури. Уредничка на серијата: Уредничка на македонското издание на серијата: Ирена Стефоска. Скопје, 2007. С. 6, 40; Luftërat Ballkanike. Mësimdhënia e historisë modernë të Europës Jugolindore. Materiale Mësimore Plotësuese. Libri i punës 3. Redaktore: Valeri Kolev dhe Kristina Koulouri. Redaktore e përgjithshme e serise: Kristina Koulouri. Shkup, 2007. F. 6, 41; Οι Βαλκανικοί Πόλεμοι. Εναλλακτικό εκπαιδευτικό υλικό για της διδασκαλίας της νεώτερης ιστορίας της Νότιοανατολικής Ευρώπης. Βιβλίο εργασίας 3. Επιμέλεια: Βαλέρι Κόλεφ και Χριστίνα Κουλούρη. Μετάφραση: Ιούλια Πεντάζου. Θεσσαλονίκη, 2005. Σ. 6, 42.
- ²² The Balkan Wars. P. 8, 98. Οι Βαλκανικοί Πόλεμοι. Σ. 9, 104.
- ²³ Οι Βαλκανικοί Πόλεμοι. Σ. 10, 112.
- ²⁴ Балканските војни. С. 10, 100.
- ²⁵ *Ισαηλίδου Ε.* Μια (διαφορετική) βαλκανική ιστορία. Η διαδραστική έκθεση «A Balkan tale» μας καλεί να ανακαλύψουμε τις αγνοημένες πτυχές της ιστορίας μας // Το Βήμα, 4.2.2012.

- ²⁶ Νίκος Α. Παπανικολαού, Ph.D. Columbia University, New York. Η «Τυραννία της ιστορίας» και η μεταμόρφωση της σε εργαλέο ηγεμονισμού. (Ανάλυση του κείμενου «The Tyranny of History», Έκδοση CDRSEE, της κυρίας Χριστίνας Κουλούρη, καθηγητού στο Πανεπιστήμιο Πελοπόννησου) // Αντίβαρο, Μάιος 2007.
- ²⁷ Γαρβανска М. Конкурс за балканската война // Посредник. Онлайн издание, 17.1.2012 – <http://www.posredniknews.com/site/kultura/istoriya/25338-konkurs-za-balkanskata-voina>.
- ²⁸ Регламент на национален конкурс за ученическо творчество на тема: «Балканската война 1912–1913 г. – война освободителна» // Официален сайт на Съюза на ветераните от войните на България. – <http://www.svv-bg.com/?go=news>
- ²⁹ Јордановска М. Во балканските учебници по историја останавме «поранешни» // Време, 11.03.2006.
- ³⁰ Подробное об этом в: Clio in the Balkans. The Politics of History Education. Center for Democracy and Reconciliation in Southeast Europe. Ed. by Ch. Koulouri. Thessaloniki, 2022.

«Крыло бабочки»

Территория Болгарии ли, Сербии ли – основных соперников в Балканских войнах – каждая из них по своим очертаниям напоминает крыло бабочки. Именно одно крыло, так как в процессе времени они так и не смогли восстановить второе, чтобы вернуть былое могущество. Сейчас речь уже идет о сохранении того, что имеют.

Если верить тому, что правда никогда не бывает сладкой, то не исключено, что славянство сгнило, не дождавшись зрелости. Славянский мир, о котором столь вдохновенно писали его мечтатели, не стал реальностью. К этому было множество известных и набивших всем оскомину причин.

Проблемы, сюжеты, методы, средства, дороги становления государственности у славянских народов в XIX–XXI вв. в простом вульгарном смысле одинаковы, учитывая, что многие из них прошли время своего имперского расцвета. Позднее, в период национального возрождения, у них, входивших тогда в ту или иную имперскую общность, наблюдается известная героизация исторического сознания при неизбежном, во многом механическом, следовании европейским путям.

Как в Балканских войнах, так и до, и после них в истории сербо-болгарских отношений важнейшая роль принадлежала македонским землям, которые каждая из обозначенных стран считала должным «возвратить» родине, т. е. себе. Замечу, что сам процесс обособления македонского «племени» имел свои особенные и типические черты, зачастую взаимосвязанные и взаимозависимые.

Первая – Восточный вопрос, в рамках которого традиционно и правомерно прослеживается македонская тема, является всего лишь частью обширного Славянского вопроса, который в отличие от Восточного не имеет решения. При этом македонский вопрос, создание македонского государства следует увязывать на первом этапе, прежде всего, с «ухо-

дом» Турецкой империи из Европы, нейтрализацией мусульманского элемента, племенного врага славянства.

Вторая – иноверное и иноэтническое владычество, утяжеленное соперничеством между балканскими странами, являвшимися в свою очередь сателлитами великих держав.

Третья – слабость самих соперничающих сторон в борьбе за обладание, если не македонскими душами, то населенной ими территорией.

Четвертая – незначительность «отряда» самой македонской интеллигенции и доминирование методов вооруженной борьбы с терактами. Только «популярный» терроризм, по убеждению многих его сторонников, мог «сломать» империю.

Наравне или почти наравне с факторами политического порядка имеют значение в истории и эмоции, чувства, переживания. Возможно, что именно эмоции и сыграли решающую роль в той же русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Впрочем, это относится в определенной степени ко всем русско-турецким войнам, в ходе которых балканское население постепенно освобождалось от прежних порядков. Безусловно, эмоциональный фактор имел сильнейшее значение и в Балканских войнах, особенно во Второй Балканской войне, когда те же сербы и болгары руководствовались старинной формулой: «нам чужого не надо, но и свое не отдадим».

Сербо-болгарские войны XIX и XX веков сформировали в сознании, памяти народов взаимный образ неприятеля. Чувство враждебности, неприязни, отстраненности надолго закрепилось в сербском и болгарском населении, и оказалось гораздо сильнее, нежели чувство славянской солидарности. Точнее, национализм, национальное чувство берет верх в сознании населения Балкан. В сущности, прагматика еще в позапрошлом веке пронизывала всю политику властей в балканских землях с их вечными спорами, ссорами, конфликтами, войнами из-за турецкого наследства. Кратко говоря – их испортил «квартирный вопрос».

И здесь представляется уместным поставить вопрос о «великой всеславянской империи» и роли России в ее строительстве. Да, конечно, в результате войны 1877–1878 гг. свою программу-минимум по Восточному вопросу Россия выполнила. В туманном будущем рисовалась заманчивая картина формирования восточно-православной политической, религиозной, культурной – но не административной! – конфедерации славянских стран. Именно эта конфедерация под гегемонией самой неславянской и в то же время самой славянской России должна была обеспечить «*новое разнообразие в единстве, все славянское цветение*».

Время не оправдало надежд. Потуги славянского мира к гармонизации отношений были безнадежно испорчены самими славянами. Можно даже сказать в запальчивости, что славяне «сожрали» императорскую Россию, чтобы потом, заплатив долг соцлагерем, уйти на Запад.

Для полноты общей картины расстройств славянского дела следует добавить, что Балканские войны, война империй, начавшаяся в 1914 г., заставили славян в очередной раз испытать и прочувствовать «позию борьбы», умирая за свою родину и чужую «свободу». И картины тех братоубийственных сражений крепко врежутся в историческую память народов, «оживая» всякий раз при очередной «разборке» отношений между теми же сербами, болгарами, хорватами. При этом нож, удавка, бомба, револьвер – обычный набор национального революционера; перо, бумага, готовность к жертве, в основном, к чужой – инструментарий диссидента. Понятие блага у них всех подменялось категорией свободы. Национализм победителей мог подчинить себе иные народы, но не мог нейтрализовать их национализм, зачастую только тлеющий.

В сущности, обращаясь уже к нашему времени, позволительно сказать, что оно может быть охарактеризовано как век подмен, прежде всего, в сфере самосознания, растворения национального в общечеловеческом, в решении проблем с использованием военной машины как «единственного» средства для эффективного урегулирования горячей ситуации где-либо далеко от Вашингтона.

И само становление государства, а для некоторых и его выживание, зависит в первую очередь от нахождения верной пропорции национального и европейского. Этот труднейший вопрос каждое государство решает на свой манер, исходя из собственной истории, забывая об ее тупиках. Здесь следует вспомнить, что «закат» страны, империи может отсрочить только культура в единстве ее оригинальных начал. Но для нашего времени характерна резкая поляризация культуры элиты и культуры масс, что не внушает особого оптимизма при взгляде на будущее. Далее. Процесс деления и разделения институтов власти продолжается до сих пор, и будет длиться до тех пор, пока «славянин» не превратится в «европейца». Конечно, это потребует больших инвестиций самого различного характера. Здесь и обычное вливание денежной евромассы, «раздача» денег остальным балканским славянским странам, отношения между которыми далеко не безоблачны. Тут – напряженная и трудоемкая работа по «промывке мозгов» с обязательным стиранием в памяти всего отрицательного, что должно быть уничтожено. Необходимо не забыть и о

привлечении специалистов к активной деятельности по подмене истории этнографией. На выходе должен получиться средний европеец. Будет ли он хорошим, судить трудно. Плохо одно – он средний. Иными словами он будет опять-таки той самой массой, почвой, на которой или не вырастет ничего «своего», или история пойдет по кругу.

P.S. Приспособление истории к потребностям современности, вернее, власти получило название *исторической политики*. Иными словами, речь идет о «правильной» истории, в которой нет места «неприятному». Применительно к Балканам, стремящимся в Европу, историческая политика в европейской оболочке может означать только одно – конец национальной истории со всеми ее «нехорошими» сторонами, что и делает ее живой. И от Балканских войн останутся только памятники, да и то ненадолго. Все же это не пирамиды.

Хотя остается иррациональность бытия, способная увести те же Балканы с прямой европейской дороги на кривые тропинки национальных историй, в которых еще «остался порох в пороховницах», пока ещё.

II

Балканская

МЕНТАЛЬНОСТЬ

**и ее отражение в деятельности
политиков региона начала XX в.**

**Национальные символы, идеи и мифы
болгарского освободительного движения
в Македонии и Фракии
в 1894–1912 гг.**

В последнее время в научной среде достигнуто согласие относительно того, что важнейшей составляющей модернизационных процессов в Восточной и Юго-Восточной Европе во второй половине XIX – начале XX вв. было национальное движение, выступавшее, по определению М. Хроха, в качестве организованных попыток по обретению всех атрибутов полноценной нации¹.

Современные отечественные исследователи неоднократно обращали внимание, в частности на то, что способность правильно (с учетом исторической перспективы) сформулировать и поставить национальные задачи (национальные идеи), а также мобилизовать общество на их решение, становится существенным компонентом процесса модернизации². При этом было замечено стремление модернизирующихся государств и обществ (в том случае, если этническая группа не обладала собственной государственностью) в качестве первостепенной задачи обеспечить всеобщую грамотность населения. Отечественная исследовательница Р.П. Гришина отмечала, что школа на Балканах выступала «своеобразным инструментом модернизации», а «уровень образованности людей являлся одним из исходных оснований для успеха модернизационных реформ»³. От себя добавим, что для реализации национальных задач в рамках модернизационного проекта, от интеллигенции требовалось добиться не просто повышения грамотности как таковой, но еще, что намного важнее, расширения представлений своих рядовых соотечественников о действительности в прошлом, настоящем и будущем.

Достижение указанной задачи облегчалась тем фактом, что вышедшая из народа молодая интеллигенция не спешила порывать связи с ним. Эту особенность в последней трети XIX – начале XX вв. отмечали многие отечественные наблюдатели. Известный знаток Сербии П.А. Ровинский, например, писал, что в этой стране интеллигенция «слишком мало отделяется от массы» и стоит, в отличие от других стран, практически на одном уровне с ней⁴. Ту же закономерность можно было наблю-

дать, как в освобожденной Болгарии, так и в населенных этническими болгарскими районами Македонии и Фракии, остававшихся и после Восточного кризиса 1875–1878 гг. вплоть до Балканских войн 1912–1913 гг. в составе Османской империи.

Проживший некоторое время в Болгарии и хорошо знакомый с болгарской действительностью Павел Николаевич Милуков, одну из основных причин успешного роста болгарского национального движения в Македонии и Фракии в конце XIX в., усматривал именно в отсутствии ощутимого интеллектуального барьера между основной массой болгарского, преимущественно сельского, населения в двух областях и местными болгарскими учителями, являвшимися главными организаторами и руководителями движения. По словам Милукова, «учитель сохранил почетную роль сельского интеллигента, советника и руководителя ... Он свой человек среди крестьян»⁵. Отвергая конструктивистский тезис, согласно которому «волнение в Македонии есть дело небольшой кучки агитаторов», Милуков указывал на следующий основополагающий факт: «При элементарном социальном строе и невысоком образовательном уровне, македонская интеллигенция всеми своими корнями остается в народе, оказывает на него непосредственное влияние и сама подвергается влиянию с его стороны (курсив мой – Д.Л.). ... Эта македонская интеллигенция и народ живут одними и теми же идеалами, настолько понятными и близкими для массы, что распространять приходится не сами идеалы, а только способы их осуществления»⁶.

Созданная в порабощенных болгарских областях в 1893–1894 гг. Внутренняя македоно-одринская революционная организация (ВМОРО) всего за несколько лет своего существования, хотя и не без помощи из Болгарии, смогла достигнуть колоссальных успехов в деле консолидации местной болгарской общности и сдвинуть наконец-то крайне болезненный для Болгарии македонский вопрос с мертвой точки, открыв путь к дальнейшему освобождению Македонии от османского владычества⁷. Понять причины этого успеха невозможно без использования элементов истории коллективных представлений, связанной с реконструкцией мыслительных (ментальных) структур не элиты, которая являлась творцом национальных программ и идеологий, а широких слоев населения, которые принимали или не принимали по каким-то причинам эти программы. При этом нельзя не учитывать тот факт, что в большинстве случаев элита формировала национальную идеологию, предназначенную для массового распространения среди рядовых соотечественников, не с чистого листа, а

на основе хорошо известных и понятных в народе более ранних форм этнической самоидентификации, проявлявшейся в мифах, символах, исторической памяти, фольклоре и т. д.

В данной работе мы поставили перед собой задачу на основе, главным образом, мемуарных источников, во-первых, рассмотреть используемые болгарскими революционными активистами в Македонии и Фракии в конце XIX – начале XX вв. национальные образы, символы, идеи, мифы⁸ и другие средства, которые могли стимулировать развитие национального самосознания болгаро-македонского населения, а, во-вторых, выявить причины и степень восприятия населением тех или иных агитационных приемов. В конечном счете нам следует дать ответ на вопрос, что побуждало огромные массы населения, принадлежавшие к разным социальным слоям, жертвовать, как выразился профессор Любомир Милетич, всем своим милым и дорогим⁹ и включаться в национально-освободительную борьбу.

Позволим себе еще раз повторить суждение, подтвержденное анализом большинства воспоминаний македоно-одринских деятелей, о том, что главным фактором, способствовавшим мобилизации национального чувства и вовлечению различных категорий населения в национальное движение являлось именно расширение его представлений о действительности в прошлом, настоящем и будущем. Доступ отдельного индивида в Македонии к информации о действительности в рассматриваемый нами период осуществлялся по различным каналам социальной коммуникации, таким как церковь, школа, национальное воспитание в семье, устные народные предания (фольклор). Однако в конце XIX в. к этим традиционным для эпохи болгарского Возрождения институтам добавилась пресса и другая печатная продукция, поступающая из свободной Болгарии, устная агитация национальных активистов, в том числе и революционных деятелей, и непосредственные наблюдения, ставшие возможными благодаря повышению социальной мобильности (прежде всего за счет отходничества и военной службы македонцев в Болгарии).

Итак, следует определиться с той информацией, которая поступала к населению по каналам социальной коммуникации и играла национально-мобилизующую роль. И здесь, прежде всего, следует остановиться на том влиянии, которое на македоно-одринское движение и ВМОРО оказал пример болгарских революционеров Раковского, Ботева, Левско-го, Каравелова, их публицистика и художественные произведения, а так-

же пример борьбы за освобождение Болгарии, удачно выраженной в художественных образах И. Вазова.

Активный участник, а позднее историограф болгарского македоно-одринского движения Христо Силянов имел все основания утверждать, что «македонский крестный путь был указан Левским и Ботевым, героями Апрельского восстания и мучениками Перуштицы и Батака»¹⁰. Мемуарная литература безапелляционно подтверждает тот факт, что целое поколение родившихся в 1870-х – начале 1880-х гг. македонских и фракийских болгар было воспитано на произведениях Хр. Ботева, Л. Каравелова, З. Стоянова и И. Вазова. Ссылки на их произведения как один из главных катализаторов национальной активности болгар в еще порабощенных землях содержатся в воспоминаниях подавляющего большинства образованных македоно-одринских деятелей. Значение этих работ, по всей видимости, было настолько велико, что знакомство с ними являлось не менее обязательным для умеющих читать новообращенных членов Внутренней революционной организации в Македонии и Адриано-польском крае, чем знакомство с революционным уставом. Георги Попхристов, в частности, так вспоминал об этом: «Дали мне прочитать устав, выработанный в 1893 г. в Салониках первым революционным комитетом. Тогда же я прочитал биографию Левского, Ботева, «Под игом» Вазова и другие революционные брошюры»¹¹. Таким образом, знакомство с опытом болгарских национальных революционеров 1860–1870-х гг. означало истинное введение в суть предстоящей революционной борьбы в Македонии и Фракии.

Сами испытывавшие влияние болгарской революционной традиции, македоно-одринские руководители, по справедливому замечанию Хр. Силянова, стремились использовать болгарские революционные сочинения, песни Ботева и патриотическую поэзию и беллетристику И. Вазова в качестве главного инструмента своей агитации «для революционирования македонской души»¹². Здесь, однако, необходимо сделать небольшое пояснение. Указанные произведения становились инструментом не только революционной агитации, но и национальной, формируя в сознании македоно-одринского населения героический образ уже освобожденной Болгарии и пробуждая чувство общности судьбы с ней.

Лидерство среди революционной литературы занимал вышедший в свет практически одновременно с рождением ВМОРО эпохальный роман Ивана Вазова «Под игом», в котором детально воссоздавалась картина Болгарии и дух болгарского общества накануне Освобождения. Напи-

санный простым и понятным языком, роман, тайно распространяемый молодыми революционерами, стал настоящим манифестом поработенного болгарского населения в Македонии и Фракии. Симеон Радев следующим образом описывал его появление в юго-западной Македонии: «Другая книга появилась в Охриде и таинственно распространялась. Это были большие желтые листы, несшитые друг с другом. Потом я понял, что это были страницы из романа «Под игом», который впервые был опубликован в издававшемся Министерством просвещения «Сборнике народного творчества, науки и литературы». Эти листы, изветшавшие от чтения, переходили из рук в руки, как некая святыня. «Записки» Захария Стоянова проникли в Македонию позже. «Под игом» была первой болгарской книгой, которая запалила революционный огонь там»¹³.

По замыслу революционных руководителей, сюжет романа И. Вазова, имевший так много общего с македонской действительностью конца XIX – начала XX вв., следовало донести до каждой болгарской семьи. Новообращенный член революционной организации Славейко Арсов вспоминал, что ему дали эту книгу, чтобы он прочитал ее вслух перед своими домашними¹⁴. В иных случаях книги просто раздавались посвященным в члены ВМОРО грамотным болгарским крестьянам и горожанам¹⁵. И подобная агитация имела осязаемый успех. О том, насколько популярен был роман Вазова, прочитанный или услышанный в пересказе, говорит тот факт, что различные высказывания его героев закрепились в лексиконе местного болгарского населения. Христо Куслев, в частности, вспоминал, что «по населению пошла фраза Боримечки “Майка му стара!”». «До этого такая фраза никогда даже не употреблялась в Македонии», – добавлял Хр. Куслев¹⁶.

Раздача литературы по освобождению Болгарии дополнялась и устными рассказами революционеров. Анастас Разбойников, в частности, вспоминал, как один из районных начальников ВМОРО в Адрианопольском крае Коста Калканджиев во время ночных агитаций долго рассказывал крестьянам «о восстании болгар в 1876 г., о турецких зверствах», «сравнивал положение болгарского народа с положением других народов, которые выступили против турок с оружием в руках»¹⁷. В подобном же духе агитация повсеместно велась и в Македонии.

Не получивший должного образования участник македоно-одринского движения Димитр Ташев вспоминал, что услышанные им вне школы рассказы «об Апрельском восстании, Бенковском и баташской резне» были для него «первыми уроками по болгарской истории», кото-

рые «пробудили патриотические чувства и настроили воинственно против турок»¹⁸. Национальная агитация в данном случае нашла почву, поскольку Ташев с самого детства был свидетелем борьбы крестьян его села за землю с пришлыми мухаджирами (мусульманскими беженцами) из Болгарии и бесчинств турецких соседей. Как он сам выразился, «материалов [личных наблюдений – Д.Л.] было предостаточно. Не хватало только искры, которая бы запалила огонь». Информация о славном революционном прошлом Болгарии и явилась, по его словам, той искрой, которая разожгла его «молодецкое рвение, часто приводившее к ссорам с турками-мухаджирами»¹⁹.

Точно так же более восприимчивыми к проповедям национальных активистов оказались те представители рядового болгарского населения, которым благодаря решительному росту в конце XIX – начале XX вв. уровня социальной мобильности удалось самостоятельно расширить представления об окружающей действительности, вывести их за рамки родного села, района или племени. Особая роль в этом плане принадлежала гурбетчйству (от араб. *gurbet* – заграница, уход на сезонные заработки, в основном в Константинополь или Болгарию), которое в последней четверти XIX в. приобрело в Македонии массовый характер. Ежегодно число отходников достигало 100 000 человек²⁰. В некоторых районах западной Македонии гурбетчйством занималась большая часть мужского населения раятских сел. Из одной только небольшой Ресенской околии в 1890 г. розничной торговлей зеленью и овощами в Константинополе занимались 7 000 болгарских крестьян²¹. По свидетельству ченического воеводы ВМОРО Сл. Арсова, от каждого села этой околии на заработок «на чужбину» отправлялось по 100 человек, так что в селе оставались лишь старики, дети и случайно вернувшиеся на отдых отходники – всего не более 20–30, в редких случаях около 100 мужчин. При этом от внимания Сл. Арсова не ускользнул крайне важный для нас факт того, что «в Ресенской околии, как и в других местах, начальное семя организации сеяли более сознательные жители, путешествующие по чужим краям»²².

Костурский учитель и активист ВМОРО Иван Нелчинов вспоминал: «Гурбетчйство позволило населению пробудиться и стать более состоятельным. Благодаря большой любознательности и тяге к просвещению, костурчане не только возвращались с гурбета в свои родные места с возросшим национальным самосознанием, но и с воодушевлением встречали организационных деятелей, которые посвящали их в революционную организацию». Вернувшееся с гурбета население, по словам Нелчи-

нова, было намного более податливо к национальной агитации. Даже взрослые крестьяне приходили в школу, чтобы послушать «патриотические рассказы: биографию Левского, «Под иггом» Ив. Вазова и пр.»²³.

Данную закономерность отмечали и другие революционные активисты, причем не только применительно к экзархистам*. Так, Георгий Попхристов следующим образом объяснял причины быстрого приобщения болгар патриархистов села Невольяни в подведомственной ему Леринской казе к ВМОРО: «Крестьяне, хотя и были грекоманами, оказались более восприимчивыми [к революционной агитации], поскольку большинство из них работало садовниками в Константинополе»²⁴.

Типичная история македонского революционера описана в исповеди бывшего гурбетчии Деяна Димитрова, 1873 г.р., которому, как и многим другим детям его поколения, не довелось ходить в школу. В возрасте 17 лет Деян из своего родного села Лактинье в Охридской казе отправился на заработки в Варну. Чтобы ориентироваться в Болгарии и быть конкурентоспособным на рынке труда, пришлось осваивать грамоту и приобрести для этого букварь. Национальное воспитание для многих тогда начиналось именно с этой книги²⁵. «Сам мало-помалу научился читать, стал прочитывать и некоторые книжки, бунтарские, о Стефане Карадже и др.», – вспоминает Деян свое первое знакомство с самой распространенной тогда болгарской литературой. Так, по его признанию, он сформировал для себя «идею» (освободительную идею – Д.Л.)²⁶. К вступлению в Революционную организацию, о которой он узнал позже, он был уже готов.

Но и те гурбетчии, которым не удавалось соприкоснуться с болгарской революционной традицией прошлого, не могли не видеть поразжающего контраста между свободной жизнью в Болгарии и даже в Константинополе с бесправным существованием болгарина в Македонии и Фракии. Первый председатель ЦК ВМОРО Христо Татарчев, прошедший детство в Ресене в условиях постоянного албанского террора, когда с трепетом, по его словам, приходилось ожидать, вернется ли тот или иной «из наших» домой живым, так воспроизводил свои детские впечатления от первого посещения Болгарии: «Как только мы перешли границу в

* Экзархисты – адепты Болгарской православной церкви, имевшей статус экзархии, одной из целей которой была духовная и просветительская деятельность в Македонии и Фракии, патриархисты – болгары-грекоманы, остававшиеся в лоне Вселенской греческой патриархии.

Кюстендиле, увидели свободную жизнь. Контраст с ужасным существованием по ту сторону границы еще более поразил мою детскую душу. Когда мы прибыли в Софию, в парке играла военная музыка, ночью люди свободно передвигались, свет и музыка в гостиницах. Я просто не мог надивиться, не мог поверить своим глазам, что такая свободная жизнь вообще возможна»²⁷.

Подготовке успешного восприятия патриотической агитации и национальной программы освобождения и объединения болгарских земель мог способствовать и такой элемент этничности, как семейная память, передававшаяся от поколения к поколению. Эта семейная память, как правило, содержала в себе две константы – негативное отношение к турецкой действительности и представление о собственном славном прошлом. Для примера приведем два высказывания. П.Г. Ников (революционный деятель в Адрианопольском крае, родом из Бургасского округа, 1872 г.р.): «С самого рождения я был вскормлен на воспоминаниях и рассказах моих родителей и прадедов, которые, как и все наши соотечественники, пережили неопишуемые издевательства, страдания и муки рабства за время пятивекового османского ига»²⁸. Коце Ципушев (родом из Радовиша, 1877 г.р.): «В Радовишской околии, как и во всех болгарских краях, еще до моего рождения и в дни моего раннего детства, до того, как началась организованная повстанческая борьба, действовали отдельные небольшие четы под начальством воевод-гайдуков. Огромное впечатление на меня произвели подвиги и рассказы о деятельности наших народных гайдуков, защитников веры, чести и собственности ... Они (рассказы о Филиппе-воеводе – Д.Л.) оставили в моей душе глубокие следы и чувство восторга и почтения к смелому болгарскому борцу»²⁹.

Всего же, по наших подсчетам, ссылки на национальное воспитание в семье, на пример национальной твердости родителей как факторе, предопределившем выбор революционного пути, содержатся в воспоминаниях, по меньшей мере, 15–20% македоно-одринских деятелей. В большинстве случаев эти воспоминания касались осознанного участия родителей, имевших неплохое для своего времени образование, в церковной греко-болгарской борьбе и в антитурецком движении 1870-х гг. Имеются и такого рода свидетельства: «Я хотел пойти в школу, как другие дети, но мой отец, который не ходил в школу и был неграмотным, отвечал мне: “Ты не будешь ходить в эту школу, потому что она греческая. Мы бугары, и я отдам тебя в славянскую школу”»³⁰. В данном случае мы можем говорить о проявлении совершенно определенного национального

чувства, основанного на осознании своей этнической идентичности, со стороны неграмотных родителей, особенно при выборе ими школы для своих детей. И многочисленные подобные примеры содержатся не только в мемуарной литературе.

Семейная память дополнялась или, в случае ее отсутствия, компенсировалась опять же такими важными факторами, как непосредственные повседневные наблюдения за окружающей действительностью и негативный опыт контакта с чужаком. Предоставленный сам себе, не ходивший в школу и росший вообще без особого родительского надзора Алексо Стефанов вспоминал, что детство свое он проводил в постоянных драках с соседскими детьми. При этом он с наивной простотой отмечает: «Я не знал, что турки были господами райи, и дрался без различия и с турецкими, и с болгарскими детьми»³¹. Позже, судя по его воспоминаниям, непосредственный контакт с турецким окружением позволил Стефанову в полной мере ощутить чувство бесправия, социальной несправедливости, незащищенности. Раздражение и обиду порождали и наблюдения за поведением греков в Македонии. Говоря современным языком, пришло осознание «кризиса легитимности»³², максимально благоприятствовавшее восприятию национальной агитации с ее проповедью новой жизни³³. Служба в Революционной организации позволила Стефанову найти выход для собственной обиды и фрустрации. «От турок, которые разорили нашу семью, впоследствии ни корня не осталось – всех перебили», – с удовлетворением вспоминал он³⁴.

Следующим (после устной проповеди и распространения печатной продукции), и, возможно, наиболее эффективным, инструментом национальной агитации ВМОРО среди простого болгарского населения в Македонии и Фракии были песни, которые, судя по мемуарной литературе, являлись неотъемлемым атрибутом каждого революционного сельского собрания. Обычно они исполнялись хором после всех агитационных речей и дискуссий³⁵. Тодор Александров так сообщал об этом: «В каждом селе мы пребывали 20–30 минут, чтобы отдохнуть. За это время воеводы успевали сделать некоторые организационные распоряжения, после чего мы пели некую патриотическую или, как их называют крестьяне, “народную” песню»³⁶. По сохранившимся свидетельствам, содержание песен также было связано с недавним революционным прошлым Болгарии. Священник и деятель ВМОРО (1863 г.р.) Тома Николов, сообщал, что после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Македонию наводнили сборники болгарских повстанческих и военных песен, которые лю-

ди заучивали наизусть. На свадьбах, праздниках и других народных торжествах можно было слышать песни «Руски цар един на земята», «Жив е той, жив е! Там на Балкана» («Хаджи Димитр» Хр. Ботева) и «Войници се записват на Софийско поле»³⁷. Популярна была и песня Хр. Ботева о казне Васи́ла Левского³⁸:

О, майко моя, родино мила,
защо тъй жално, тъй милно плачеш?

* * *

Плачи! Там близо край град София
стърчи, аз видях, черно бесило,
и твой един син, Българийо,
виси на него със страшна сила.

Поколение македонских и фракийских болгар, заставшее Освободительную войну, принимало эту новую фольклорную традицию как свою собственную, поэтому не удивительно, что на рубеже XIX–XX вв. македонские крестьяне считали многие революционные «патриотические» песни, главным образом Хр. Ботева и И. Вазова, уже своими «народными». Неизвестный участник македоно-одринского движения, вступивший в ВМОРО будучи гимназистом в Битоле, вспоминал: «Ботев был главным нашим учителем и вдохновителем. Благодаря ему мы научились сильно любить Родину и сильно ненавидеть врага»³⁹. Такой же эффект песни Ботева производили и на неграмотных крестьян. Воевода ВМОРО Пандо Кляшев рассказывал, что посещение болгарскими учениками (гимназистами) сел в Костурском крае произвело настоящий переворот в душе крестьян. Ученики пели «патриотические песни, рассказывали и т. д.» «Особенно песни оказывали влияние, – замечал П. Кляшев, – затем дружеские встречи и пр. Все это повышало национальное сознание у крестьян грекоманов и экзархистов. Вследствие этого вражда [между ними] угасала, и почва [для революционной деятельности – Д.Л.] становилась более пригодной»⁴⁰. Не случайно то, что тайная курьерская служба ВМОРО придавала доставке в Македонию и Фракию песенных сборников (песнопоек) из Болгарии ничуть не меньшее значение, чем доставке революционной литературы и прессы⁴¹. Песни являлись наиболее простым способом донести до неграмотного населения информацию о героическом прошлом Болгарии и актуальные задачи политической борьбы.

Болгарские революционные песни иногда совмещались со старой фольклорной традицией, что культивировало осознание преемственности

этнического прошлого и современных задач национальной и политической консолидации болгар. Так, четник Стойно Черногорски сообщал, что на сборном пункте в Западной Болгарии в селе Мусабег Радомирско-го края каждый вечер после ужина четников с местными крестьянами чифликчиями «начинались пения многочисленных революционных песен, которые то там, то здесь разбавлялись “букетами” из местной шопской народной поэзии, отличающейся своей звучной монотонностью и логической сухотой. В конце обязательно плясали несколько шопских и македонских хоро»⁴². Однако встречаются свидетельства и полной замены старой фольклорной традиции. Например, Пандо Кляшев вспоминал, что в Костурском крае четники «заменяли песни, которые до этого пели, песни с албанским припевом, на болгарские военные и школьные песни и этим внесли значительное оживление среди людей»⁴³.

Военные песни македонские крестьяне перенимали, кроме всего прочего, и у своих земляков, добровольно прошедших военную службу в болгарской армии⁴⁴. Один из них – костурский воевода Иван Попов, рассказывал, что при завершении общесельских революционных собраний, его четники торжественно исполняли такие песни, как «Боят настана, тупат сърца ни» (И. Вазов 1875 г.), «Жив е той, жив е! Там на Балкана», «Напред, напред, за слава на бойно поле и македонска свобода», «Обичам, мамо, обичам, в гора зелена да ходя, отбор юнаци да вода, до триста мина дружина»⁴⁵. О степени восприятия населением в Македонии болгарских военных песен говорит и тот факт, что их практически наизусть знали даже македонские дети, использовавшие эти песни в своих ролевых военных играх. Македонские воеводы, собравшиеся в апреле 1903 г. на знаменитый Смилевский конгресс с задачей определить тактику предстоящего восстания в Битольском революционном округе, могли, в частности, наблюдать военные «репетиции» детей, которые во время «битвы» пели песню: «Бой, бой искаме ний, да победим врага зли, мир и правда да царува, българин да добрува». После сражения дети построились в шеренги и вслед за командой «ходом марш» (взятой тоже из болгарской армии) затянули другую болгарскую военную песню: «Ние идем от полето, дето славно се бихме, излез, мило либе, посрещни ме и ти, майко, целуни ме»⁴⁶.

Указанные свидетельства позволяют предположить, что инициатива фольклорной реконструкции, отражавшей объективный процесс болгарской национальной консолидации, шла не только сверху (со стороны интеллектуальной элиты), но и снизу и являлась показателем реак-

ции болгарского общества в Македонии и Фракии на меняющийся мир вокруг. Ильинденско-Преображенское восстание 1903 г. дало мощный импульс созданию уже собственной македоно-одринской революционной традиции в фольклоре. Однако и новые, т. н. даскальские (т. е. созданные сельскими учителями) песни, выстраивались на основе гайдуцкой и революционной доосвобожденческой традиции ⁴⁷.

Обращение к исторической памяти как главному мифо-мотору, стимулирующему развитие национального самосознания, предполагало использование информации не только о болгарском Возрождении и борьбе за освобождение Болгарии, но и ряда образов более далекого прошлого. Тема славного средневекового прошлого, нетерпимого настоящего и прекрасного будущего, которое следует создать в результате национальной борьбы, занимала важное (если не центральное) место в идеологии любого классического национального движения XIX – начала XX вв. в Восточной и Юго-Восточной Европе, и македонские болгары в этом плане не являлись исключением, несмотря на наличие все же ряда специфических моментов ⁴⁸ в развитии болгарского национального движения в Македонии и Фракии в самом начале XX в.

Македонские болгары не могли похвастаться таким же мощным мифо-мотором, каким для их ближайших соседей – сербов – являлось предание о Косовской битве или Душановом царстве. Память о средневековой болгарской государственности и ее утрате практически не сохранилась в Македонии. Изредка в воспоминаниях рядовых македоно-одринских деятелей можно встретить упоминания такого рода: «Мой дед, священник ..., рассказывал мне о прошлом, что также побуждало меня мечтать об освободительной борьбе» ⁴⁹. Однако определить, о каком именно «прошлом» идет речь в данном случае практически невозможно. Симеон Радев утверждал, что в его родном Ресенском крае «о царе Самуиле не осталось ни воспоминания, ни предания». Самые ранние народные воспоминания, по его словам, касались закрытия Охридской патриархии в 1762 г., о чем сложил песню знаменитый болгаро-македонский возрожденец Григор Прличев: «Об утере Охридской патриархии, однако, и поминали, и скорбели. Песня Прличева была неким душераздирающим описанием этой трагедии в болгарской национальной судьбе, она находила отзвук в душах всех болгар, наполняла их гневом к фанариотскому коварству. ... Я и до сегодняшнего дня не могу без содрогания слушать эту песню. Когда я был ребенком, она раздирала мое сердце. Бескрайнюю ненависть ко всему греческому внушала она мне» ⁵⁰.

Пробелы в исторической памяти македонских и фракийских болгар первоначально восполнялись школьным образованием и учебниками по истории. Причем преподавание истории являлось настолько важным компонентом национальной агитации, что зачастую походило на процесс приобщения к некой тайне или святыне. Радев, в частности, вспоминал об уроках по истории прилепчанина Дудева в Битольской гимназии: «В его речах отсутствовал какой-либо пафос, однако когда он рассказывал нам о далеком болгарском прошлом и превратностях болгарской судьбы, мы его слушали с затаенным дыханием. Обстановка, в которой он читал лекции, еще более усиливала наше волнение: прежде чем начать урок по болгарской истории, он просил нас накрепко закрыть окна, чтобы его не было слышно снаружи, и понижал голос»⁵¹.

В воспоминаниях, по меньшей мере, двух македоно-одринских деятелей содержатся прямые указания на изучение древней болгарской истории как на главный стимул роста их национального самосознания в детском возрасте. Один из них, Смиле Войданов (1872 г.р.), признавался, что еще в школе, когда он читал болгарскую историю, сильное впечатление на него произвел рассказ о восстании Петра и Асеня, и он захотел «что-нибудь подобное сделать и в Македонии»⁵². Другое свидетельство находим в воспоминаниях одного из основателей ВМОРО Ивана Хаджиниколова (1861 г.р.), который в возрасте 10 лет впервые прочитал учебник по болгарской истории Д.В. Манчова: «Изучая эту историю я говорил себе: “Значит, у нас было царство, и турки у нас его отняли. Но почему наши отцы не прогонят турок и не вернут себе царство обратно?”. И с этой мыслью зажил. Из той же истории я узнал, что и Фессалия была некогда населена болгарами, и что греки ее эллинизировали. ... С того момента я возненавидел и греков и решил, что и Фессалию мы себе снова вернем». Утвердившиеся в сознании юного Хаджиниколова идеи вскоре подтвердились и опытным путем: «Позже, – писал он, – у меня появилась возможность ознакомиться и с управлением и правосудием турок, и ненависть моя к ним стала безграничной. В управлении господствовал полный произвол и беззаконие. Абсолютно произвольные штрафы и аресты граждан были нормой. ... А ограбления болгар на больших и малых дорогах происходили почти каждый день. Имели место также и убийства. ... Наблюдая за всем этим произволом и беззаконием турок, я говорил себе: ... однажды и мы станем правителями, тогда все увидят, какой порядок и какая справедливость будет господствовать в нашем государстве»⁵³.

Приведенный эпизод крайне интересен в качестве демонстрации логики национального мышления юных македонцев, получивших доступ к информации о славном прошлом своего народа и имевших возможность сопоставить эту информацию с картиной окружающей действительности в настоящем. Продуктом этого сравнения повсеместно являлось чувство фрустрации, горечи и обиды, открывавшее путь к восприятию национальной агитации с ее проповедью новой национальной жизни, основанной на реконструкции своего самостоятельного этнического прошлого.

Четнические воеводы ВМОРО в отличие от экзархийских учителей (по совместительству в большинстве своем тоже активистов Революционной организации⁵⁴) должны были быть намного более осторожными в своей революционной проповеди и не афишировать приверженность болгарской национальной идее перед неэкзархийскими этноконфессиональными группами, которых также следовало привлечь к освободительной антитурецкой борьбе. Именно поэтому в патриархийских или смешанных селах революционным руководством, и, прежде всего, Гоце Делчевым, предписывалось вести исключительно социальную агитацию с обращением к несносным условиям жизни, следовало «говорить, что цель чет состоит не в том, чтобы превращать кого-либо в болгар или греков, а в том, чтобы освободиться от турок, после чего будет видно, кто кем станет»⁵⁵.

Однако Славейко Арсов, один из тех, кому и были адресованы эти инструкции, мимоходом оставил для нас и другое, поистине бесценное, свидетельство. Оказывается, в чисто экзархийских селах Делчевым предписывалось вести несколько иную агитацию: «делать беглый исторический обзор турецкого ига», «объяснять каким сильным было болгарское царство одно время, каковы были причины его порабощения турками, т.е. отсутствие единства» и т. д.⁵⁶

Национально-патриотическая агитация с апелляцией к болгарскому историческому прошлому сохранилась в экзархийских селах и после принятия в 1902 г. нового интернационалистского устава ВМОРО. Новая клятва «бороться за свободу отечества нашего Македонии и Адрианопольского края» (вместо: «бороться за свободу болгар в Македонии и Адрианопольском крае») даже образованными воеводами объяснялась, как правило, по-старому. С. Арсов, например, в декабре 1903 г. вспоминал: «Я объяснял [крестьянам], что означает “отечество наше Македония и Адрианопольский край”, а именно то, что мы говорим на одном языке,

что у нас одна вера, что мы должны действовать заодно, а не по отдельности»⁵⁷. Придерживался он и классической формулы национальной агитации: собирал крестьян на сельское собрание в церкви, где «объяснял им их *нынешнее* положение, рассказывал о *прошлом* и о мерах, которые необходимо предпринять в *будущем*, указывал им на примеры из болгарских восстаний, Греческого восстания и др. (курсив мой – Д.Л.)»⁵⁸.

Таким образом, можно видеть, что образы национального прошлого, настоящего и будущего, взятые на вооружение еще в 1762 г. родоначальником болгарского национального движения Паисием Хилендарским, продолжали использоваться и в начале XX в., теперь уже в агитации национальных революционеров, выполняя все ту же функцию мобилизации национального самосознания этнических болгар и приобщения их к задачам национального движения.

Наряду с исторической памятью в ходе национальной агитации ВМОРО происходило обращение и к разнообразной символике Болгарии, такой как герб, цвета национального флага⁵⁹, боевой клич «ура» и военные команды, болгарская военная форма и пр.

Однако совершенно особым символом общebolгарского национального единства, приобретшим в конце XIX – начале XX вв. самостоятельное смысловое значение, являлся болгарский литературный язык, который по мере распространения болгарской национальной идеи в Македонии все более вытеснял собой местные болгаро-македонские диалекты. Этот процесс пока затрагивал только наиболее образованную и мобильную часть общества, однако был весьма ощутимым. Так, например, русский путешественник А. Амфитеатов в 1901 г. подметил, что владение болгарским литературным языком было предметом особой гордости гурбетчиев, возвращавшихся с заработков из Болгарии⁶⁰.

Указанным переменам способствовали не только болгарская школа и уход на сезонные заработки в Болгарию, но и живой пример агитации болгарских национальных активистов. В том числе и выходцев из Македонии. Гоце Делчев, например, сознательно употреблял литературный язык в своих проповедях перед болгаро-македонским населением. При этом некоторые, хотя и с трудом понимали его речь, но все же восхищались тем, как «красиво он говорит»⁶¹. Большим авторитетом среди македонского населения пользовались болгарские офицеры, говорившие на литературном болгарском языке. Так, Хр. Силянов, описывая четнического воеводу ВМОРО Марко Леринского, замечал: «Даже его восточное

наречие, к которому он не примешивал ни одного местного слова, оказывало влияние на неграмотных четников и более сознательных крестьян»⁶².

Таким образом, именно рассмотренные нами классические формы национальной агитации, включая обращение к теме славного прошлого (далекого и недавнего революционного), к фольклору (старой и новой традиции), к символам и образам болгарского национального единства, позволили ВМОРО в сотрудничестве с Экзархатом уже в предильнденский период добиться качественного роста национального самосознания македонских и фракийских болгар⁶³ и подготовить массовую базу для болгарского национального движения в двух поработенных областях. Этот процесс вполне можно выразить словами священника Т. Николова: «Ото дня на день организация усиливалась, а одновременно с этим и церковное дело преуспевало. Эллинизирующиеся болгары ... начали отказываться от ведомства Патриархии и принимать у себя дома болгарских священников. ... Болгарщина получила перевес над другими народами (прежде всего над основными соперниками болгар в Македонии – сербами и греками – Д.Л.)»⁶⁴. Как заключал Хр. Силянов, «освободительная идея оказалась средством более радикальным для [пробуждения] национального самосознания, чем Слово Божие на болгарском языке»⁶⁵.

Справедливости ради, конечно, следует предоставить слово не только апологетам ВМОРО, но и их оппонентам, которые имели свое видение причин массового вовлечения македонского и адрианопольского населения в революционную борьбу. В частности, сербские и греческие авторы, особенно начала века и межвоенного периода, подчеркивали, что влияние болгарской национальной идеи в Македонии и Фракии в начале XX в. основывалось исключительно на терроре ВМОРО, насильно вовлекавшей македонское христианское население с размытым или еще не сформировавшимся самосознанием в болгарское национальное (читай: ирредентистское) движение. Современный турецкий историк А. Коюнджу, опираясь на материалы османских архивов, рисует типичный, на его взгляд, образ болгарского революционера, который обходил грекоманские села славян патриархистов с револьвером в одной руке и прощением о переходе под ведомство Экзархата в другой, убивая отказавшихся подписать данное прошение⁶⁶.

Вне всякого сомнения, ВМОРО возникла и развивалась как террористическая организация (в том числе и с позиции сегодняшнего дня), а насилие и принуждение в отношении собственного болгарского населения (экзархийского и патриархийского) было неотъемлемым спутником

революционной деятельности в Македонии и Фракии на всех ее этапах. Тем не менее, отнюдь не страх перед санкциями, не привычка к повиновению, не насилие и не принуждение явились главными факторами национальной мобилизации болгар в Македонии и Фракии в начале XX в. Ценные материалы в этом плане нам оставили официальные представители России на Балканах, которых едва ли можно было заподозрить в сочувствии болгарским революционерам. Один из них, военный атташе России в Константинополе Э.Х. Калинин, рассуждая в марте 1903 г. о соотношении принуждения и добровольного участия македонского населения в революционной деятельности, пришел к выводу, что «никакие реформы [турецкого управления] не могут рассчитывать на сочувственный прием среди болгарского населения Македонии», которое «хорошо знает турок и всю невозможность улучшения своего положения при их господстве», а поэтому «в массе все-таки сочувствует мысли об освобождении от Турции» и поддерживает революционные комитеты, которые «добиваются отторжения Македонии от Турецкой империи». «Правда, нередко указывают, что банды повстанцев терроризируют население и угрозами и насилиями заставляют служить себе и своим целям», – признавал Калинин. Однако тут же парировал: «Но вряд ли это было бы возможно, если бы население не сочувствовало идеям, за которые борются эти банды. Не надо забывать, что задолго до настоящего кризиса болгарское население Македонии подвергалось воздействию многочисленных агентов Македонских комитетов и лиц, сочувствующих их идеям: церковь и школа одинаково заботились о том, чтобы в народе не заглохло сознание связи его с освобожденной Болгарией и надежда соединиться когда-нибудь с нею»⁶⁷.

После подавления Ильинденско-Преображенского восстания 1903 г., когда повсеместно наблюдалась деморализация, усталость и разочарование населения в вооруженных формах борьбы против турецкого господства, ситуация несколько изменилась. Падение влияния различных структур ВМОРО среди населения в этот период признавали даже самые высокопоставленные чины Революционной организации. Один из них, Христо Татарчев, в частной переписке в декабре 1905 г. говорил о невозможности опереться исключительно на насилие и принуждение: «Все наши институты: центральные, окружные, околийские, сельские руководящие органы, четнический институт и [заграничное] представительство скомпрометировали себя в глазах населения. И все, что еще крепится сего-

дня по ту сторону [болгаро-македонской границы], крепится благодаря силе. Но и последняя уже бессильна, поскольку для народа все помутнело»⁶⁸.

Было бы, однако, ошибкой считать изменившееся отношение к ВМОРО лакмусовой бумажкой национального самосознания рядовых македонских болгар экзархистов. Взоры большинства из них, окончательно разуверившихся после 1903 г. в успехе четнической деятельности, были обращены теперь на Болгарию и ее армию как главный фактор будущего национального объединения, который должен был привести к освобождению и от турецкого гнета, и от четнических бесчинств. Болгарский военный разведчик в Битоле Манол Ракаров, в частности, противопоставляя политику ВМОРО стремлениям болгарской народной массы в Македонии, замечал в одном из своих донесений в 1908 г.: «Народ, осознавая, чего ему не хватает в борьбе, с превозношением говорит о боевых качествах нашего солдата. Я сам слушал подобные рассказы, которые могли бы казаться комичными, если бы не были пронизаны патриотизмом. Наблюдая такое почти обоготворение братской мощи, невольно испытываешь негодование против той части болгарской интеллигенции, которая ... вместо того, чтобы способствовать еще большему сплочению этого народа, ... старается продлить невыносимые условия его существования или готовит ему новое порабощение и жизнь, наполненную бесконечными кровавыми расправами и самоистреблением»⁶⁹.

Ситуация не изменилась и после младотурецкого переворота 1908 г. в Османской империи, на короткое время восстановившего конституционный режим. Не случайно наиболее массовую поддержку среди македонских и фракийских болгар в 1908–1909 гг. получил Союз болгарских конституционных клубов, выступивший за «абсолютное самоуправление Македонии» и заручившийся доверием болгарского правительства⁷⁰, а не Народно-федеративная партия Яне Санданского, ограничившаяся требованием реформирования «единой конституционной Турции»⁷¹.

Отдельно следует остановиться и на роли школы. Значимость этого института для развития национально-революционного движения в Македонии признавали абсолютно все видные деятели движения. Глава II политотделения МИД Болгарии Т. Карайовов в 1906 г. прямо указывал на то, что экзархийские «школы создали болгарский народ» в Македонии⁷². Они же, по мысли Хр. Силянова, «стали неисчерпаемым резервуаром, который постоянно снабжал [революционную организацию] руководящими кадрами»⁷³.

Причина этого кроется в самой организации и направленности учебного процесса, характерного для экзархийских школ в Македонии и Фракии. По инерции возрожденческой эпохи вся экзархийская образовательная система была строго запрограммирована на воспроизводство, т. е. на непрерывную подготовку, новых педагогических кадров и прочих национальных будителей. Средние учебные заведения за редким исключением были представлены реальными или педагогическими гимназиями. Экзарх Йосиф I и не скрывал (в разговоре со своим сторонником Иваном Гарвановым в 1899 г.), что «план» его деятельности в Македонии состоит в том, чтобы «иметь больше архиереев и подготовить больше интеллигенции, чтобы она *сама решала вопрос* (курсив мой – Д.Л.)»⁷⁴.

Целью образования, таким образом, ставилось не овладение навыками, которые могли бы быть реально применимы на практике во взрослой жизни, а развитие через гуманитарные предметы национального самосознания, причем зачастую в самых элементарных формах. Особенно, если учитывать, что даже в 1906–1907 гг. около половины всех сельских учителей имели образование ниже среднего⁷⁵. В итоге выпускники экзархийских учебных заведений имели весьма ограниченные возможности для самореализации в турецких условиях. Та подготовка, которую давала экзархийская учебная программа, перекрывала им любые пути в низшие эшелоны турецкой административной системы, что, например, заметно отличало их от греческой или армянской молодежи.

Выбор жизненного пути для болгарских выпускников в Македонии и Фракии, по признанию современных болгарских авторов, по большому счету, сводился к трем возможностям: устроиться за мизерную зарплату экзархийским учителем в сельскую школу, отправиться на поиски службы в Болгарии или поступить в четы ВМОРО⁷⁶. Видный болгарский поэт и революционер Пейо Яворов в 1904 г. красноречиво выразил эту безысходность следующими словами: «Расплодившаяся интеллигенция, лишенная какого-либо культурного поля приложения своих сил, не могла оставаться спокойной»⁷⁷.

Не удивительно, что, выполнив свою возрожденческую миссию, Экзархат уже в начале 1890-х гг. стал стремительно терять влияние среди «пробужденного» им населения. Многочисленное молодое поколение македонских и фракийских болгар, воспитанное на «Записках» болгарского национального революционера Захария Стоянова и эпохальном произведении И. Вазова «Под игом», на рубеже XIX–XX вв. сделало выбор в пользу революционной борьбы. В документах МИД Болгарии

1906 г. совершенно верно отмечался тот факт, что «на долю Его Блаженства [эксарха Йосифа] выпала в равной степени заслуга как в пробуждении национального самосознания у македонских болгар, так и в увлечении их революцией»⁷⁸.

В Болгарии прекрасно осознавали ограниченность образовательной модели Экзархата. В итоге осенью 1905 г., в разгар реализации австро-русской Мюрцштегской программы реформ в Македонии, болгарское правительство выступило с широкой программой модернизации (реформирования) экзархийской системы школьной подготовки (к слову сказать, это был далеко не первый пример вполне хозяйского поведения болгарских властей по отношению к европейским вилайетам Турции).

Экзархийская школа в Македонии и Фракии, согласно проекту, утвержденному Министерским советом, должна была, учитывая новые условия и требования времени, не только заботиться о национальном воспитании молодых болгар, но и обеспечить их профессиональную конкурентоспособность с представителями иных христианских народов Османской империи и самими турками. Документ призывал «дать возможность нашему народу глубже проникнуть во все сферы жизни и тем самым занять в Турции то политическое и социальное положение, которое соответствует его численности и которое могло бы служить средством достижения нами более широких целей»⁷⁹. Мюрцштегское реформирование, навязанное великими державами Турции после Илindenского восстания 1903 г., и предусматривавшее реальное уравнивание в правах мусульман и христиан, как и определенную степень местного самоуправления, казалось, содержало в себе условия для всего вышесказанного. Под «более широкими целями», безусловно, подразумевалась постепенная автономизация Македонии, в управлении которой местная болгарская элита должна была занять ключевые позиции.

Говоря более точно, программа болгарского правительства, адресованная эксарху, предусматривала учреждение в Македонии и Фракии под эгидой экзархийских учебных заведений профессиональных сельскохозяйственных (земледельческих) и коммерческих (торговых) курсов и особенно курса т. н. административно-юридической подготовки с углубленным изучением турецкого языка. Причем для реализации данного проекта правительство изъявило готовность незамедлительно выделить необходимые финансовые средства с тем лишь условием, что контроль за их расходом будут осуществлять специальные доверенные лица, которые войдут в экзархийский Учебный совет⁸⁰.

Щедрые посулы болгарского правительства, однако, не заинтересовали Йосифа I⁸¹, который посчитал, что время для создания в Македонии профессиональных училищ еще не наступило⁸². Свою позицию экзарх заявил задолго до появления проекта, в личной беседе с одним из своих воспитанников Симеоном Радевым, которому экзарх недвусмысленно посоветовал больше изучать французский язык, нежели турецкий. «Мне не нужна армянская интеллигенция», – заявил он, имея в виду тех армян, которые благодаря учебе в турецких школах и отличному знанию турецкого языка и культуры, включались в правящую турецкую элиту⁸³. Экзарху, таким образом, нужна была интеллигенция, которая не покидала бы национальное движение, а то в свою очередь в условиях неправового и неконституционного государства неизбежно переходило к нелегальным формам борьбы за политическое освобождение.

Армия выходивших из экзархийских школ молодых болгарских революционеров в Македонии и Фракии, которые рвались «сами решать вопрос», ширилась с каждым годом. Если накануне Ильинденского восстания на 1621 учителя приходилось 46128 учеников, то накануне Балканских войн штат экзархийских учителей увеличился до 2266 человек (только 15 из них были родом из Болгарии), а количество учеников выросло до 78854 человек⁸⁴. Цифры весьма внушительные для того времени, если учитывать, что все экзархийское население Македонии и Фракии насчитывало чуть более миллиона человек⁸⁵.

Рассмотренные выше материалы позволяют, помимо прочего, объяснить и тот факт, что в 1912–1913 гг. македонские и фракийские болгары отнюдь не были безучастными свидетелями или молчаливыми заложниками войны, инициированной соседними с ними балканскими государствами. Сами всеми силами приближавшие эту войну, они в итоге оказались одними из ее активных участников. Свидетельством тому является формирование македоно-одринского ополчения из добровольцев, самоотверженно сражавшегося в составе болгарской армии⁸⁶, действия многочисленных чет и т.н. сельской милиции по установлению болгарской администрации в освобожденных своими силами от турок районах, многочисленные петиции и обращения населения разных краев с требованием не допустить раздела Македонии, Тиквешское восстание 1913 г. в тылу сербской армии и пр. А трагедия македоно-одринского болгарского населения, заплатившего крайне высокую цену за свое стремление к осуществлению общеполитического национального идеала, нашла отражение в детальном докладе международной комиссии Карнеги, посвящен-

ном расследованию военных преступлений на Балканах в 1912–1913 гг.⁸⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм.* М., 2002. С. 124.
- ² *Гришина Р.П.* Предисловие // *Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.): Сб. статей.* СПб., 2007. С. 6.
- ³ Там же. С. 8.
- ⁴ *Перович Л.* Сербия в модернизационных процессах XIX–XX вв. // *Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.): Сб. статей.* СПб., 2007. С. 38.
- ⁵ *Милюков П.Н.* Письма из Македонии // *Русские ведомости,* № 4, 4.01.1899.
- ⁶ *Милюков П.Н.* Из поездки в Македонию (Европейская дипломатия и македонский вопрос) // *Вестник Европы,* 1899, № 5. С. 52–53.
- ⁷ См.: *Лабаури Д.О.* Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг.: идеология, программа, практика политической борьбы. София, 2008.
- ⁸ В данном случае мы используем этот общепризнанный термин для обозначения актуальной для мобилизации национального самосознания информации, используемой национальными активистами.
- ⁹ Материалы за историята на македонското освободително движение. Кн. I. Въстаническото движение в Югозападна Македония (до 1904 год.) по спомени на Славейко Арсов. София, 1925. С. 4.
- ¹⁰ *Сялянов Х.* Освободителните борби на Македония. Т. 1. София, 1983. С. 4.
- ¹¹ Революционната борба в Битолския окръг. Спомени от Георги п. Христов. София, 1953. С. 8.
- ¹² *Сялянов Х.* Указ. соч. С. 4.
- ¹³ *Радев С.* Ранни спомени. София, 1994. [Электрон. ресурс]: Адрес доступа: http://www.promacedonia.org/sr1/sr1_index.html
- ¹⁴ Материалы... Кн. I. С. 10.
- ¹⁵ Лазар Димитров, в частности, вспоминал: «Первоначально работа состояла в агитации и распространении литературы – газет и книг». См.:

- Илинденско-Преображенското въстание 1903–1968 / Отг. Редактори – Д. Кьосев и Л. Данаилов. София, 1968. С. 3120150313.
- ¹⁶ Материали... Кн. VII. Движението отсам Вардара и борбата с върховистите по спомени на Яне Сандански, Черньо Пеев, Сава Михайлов, Хр. Куслев, Ив. Анастасов Гърчето, Петър Хр. Юруков, Никола Пушкарров. София, 1927. С. 107.
- ¹⁷ Приноси към историята на възстаническото движение в Одринско (1896–1903). Кн. II. Борбата в Бунархисарския район. София, 1929. С. 84.
- ¹⁸ Там же. С. 9-10.
- ¹⁹ Там же. С. 10.
- ²⁰ История Югославии. Т. 1. М., 1963. С. 626.
- ²¹ Радев С. Указ. соч.
- ²² Материали... Кн. I. С. 41, 47.
- ²³ Централен държавен архив (ЦДА). Ф. 770. Оп. 1. А.е. 30. Л. 2. Из спомени на Иван Н. Нелчинов за Костурско.
- ²⁴ Революционната борба в Битолския окръг. Спомени от Георги п. Христов. София, 1953. С. 19.
- ²⁵ Чего только стоят диалози под названием «Вера и народность» из букваря македонца Кузмана Шапкарева (1868 г.):
«Вопрос: Что самое святое для человека? Ответ: Вера и народность. В.: Кто ты по вере? О.: Христианин, потому что следую заветам Иисуса Христа. В.: А по народности кто ты? О.: По народности я болгарин. В.: Почему? О.: Потому что мои родители – отец и мать – болгары, и я говорю по-болгарски. В.: Может ли человек изменить свою веру и народность? О.: Есть такие люди, которые меняют свою веру и народность, но они совершают самый тяжкий грех; таких людей весь свет считает предателями. Они никому не дороги, их все презирают и ненавидят, поэтому я никогда не прощу себе, если даже такая мысль придет мне в голову, и всегда буду пытаться образумить заблудших». Цит. по: Македония. Сборник документов и материалов. София, 1980. С. 247.
- ²⁶ Материали... Кн. III. Борбата в Костурско и Охридско (до 1904 год.). По спомени на Иван Попов, Смиле Войданов, Деян Димитров и Никола Митрев. София, 1926. С. 71.
- ²⁷ Материали... Кн. IX. В Македония и Одринско, спомени на Михаил Герджиков. Първият централен комитет на ВМОРО, спомени на д-р Христо Татарчев. София, 1928. С. 95–97.

- ²⁸ Дневници и спомени за Илинденско-Преображенското въстание. София, 1984. С. 255.
- ²⁹ *Ципушев К.* 19 години въ сръбските затвори. Спомени. София, 1943. С. 10.
- ³⁰ Борбите в Македония. Спомени на Отец Герасим, Георги Райков, Дельо Марковски, Илия Докторов, Васил Драгомиров. София, 2005. С. 147.
- ³¹ Материали... Кн. XI. Революционната дейност в Демирхисарско по спомени на Алексо Стефанов (демирхисарски войвода). София, 1931. С. 1.
- ³² Под «кризисом легитимности», свързаным с социальными, моральными и культурными деформациями, в общественном сознании принято понимать ситуацию, в которой правомерность существующего социального порядка подвергается сомнению и открыто выражается недоверие к существующей власти, неспособной или нежелающей справиться с проявлениями насилия и произвола.
- ³³ *Хрох М.* Указ. соч. С. 133.
- ³⁴ Материали... Кн. XI. С. 4.
- ³⁵ Всего, по нашим собственным подсчетам, об использовании фольклора в ходе национальной агитации ВМОРО в своих воспоминаниях упоминают, по меньшей мере, 12–13% участников македоно-одринского движения.
- ³⁶ *Александров Т.* Първият редовен окръжен конгрес на Скопския революционен окръг в 1905 година // Борбите в Македония и Одринско, 1878–1912. Спомени. София, 1981. С. 662.
- ³⁷ *Николов Т.* Спомени от моето минало. София, 1989.
- ³⁸ Дневници и спомени... С. 239.
- ³⁹ ЦДА. Ф. 933. Оп. 1. А.е. 99. Л. 2. Насколько популярны были песни Хр. Ботева среди македонских революционеров говорит и тот факт, что отдельные их куплеты стали настоящим девизом Революционной организации, запечатленном на революционных знаменах в период Илинденско-Преображенского восстания.
- ⁴⁰ Материали... Кн. II. Освободителната борба в Костурско (до 1904 год.). По спомени на Пандо Кляшев. София, 1925. С. 13.
- ⁴¹ Из спомените на Георги Василев // Илинденско-Преображенското въстание 1903–1968. С. 287.
- ⁴² *Черногорски С.* Една светла страница от 1903 год // Дневници и спомени... С. 301–302.

- ⁴³ Материали... Кн. II. С. 109.
- ⁴⁴ Формально оставаясь подданными Османской империи, македонские болгары не встречали никаких препятствий для поступления в болгарскую армию или софийское военное училище. В итоге число таких добровольцев росло с каждым годом. Многие при этом в дальнейшем использовали опыт военной службы и приобретенные в болгарской армии связи, а часто и содержимое болгарских военных складов, для расширения четнической деятельности в Македонии.
- ⁴⁵ Материали... Кн. III. С. 14.
- ⁴⁶ Русински Н.П. Моятя дейност в Битолското поле и в Моравско // Борбите в Македония и Одринско. 1878–1912. Спомени. София, 1981. С. 439.
- ⁴⁷ См.: Динчев К. Илинденско-Преображенското въстание в Пиринските народни песни // Македонски преглед. 2003. № 4. С. 79–86.
- ⁴⁸ Мы имеем в виду, прежде всего, широкое распространение анархистских и социалистических идей среди революционеров, а также использование ими в тактических целях доктрин македонского политического сепаратизма и интернационализма.
- ⁴⁹ Из спомени на Яни Попов // Илинденско-Преображенското въстание 1903–1968. С. 363.
- ⁵⁰ Радев С. Указ. соч.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Материали... Кн. III. С. 69.
- ⁵³ Билярски Ц. Първите програмни документи на ВМОРО до есента на 1902 г. // Известия на държавните архиви, 2004 Кн. 87. С. 258.
- ⁵⁴ К 1907 г., по сведениям болгарского дипломата А. Тошева, в сельской местности в Македонии активистами ВМОРО являлись уже до 90% экзархийских учителей и священников. См.: Свирачев П., Илиева Д. Поверителен доклад от Андрей Тошев по македонския въпрос от 1907 г. // Известия на държавните архиви. 1992. Кн. 64. С. 114–115.
- ⁵⁵ Материали... Кн. I. С. 26.
- ⁵⁶ Там же. С. 26–27.
- ⁵⁷ Там же. С. 32.
- ⁵⁸ Там же. С. 23.
- ⁵⁹ Показательны слова рядового четника из Адрианопольского края: «Оделся я по-четнически. Нравилась мне одна шапка с тремя цветами болгарского знамени. Носил ее, когда был четником». Приноси към ис-

- торията на възстаническото движение в Одринско (1896–1903). Кн. II. С. 134.
- ⁶⁰ *Амфитеатров А.* Страна Раздора. Балканские впечатления. СПб., 1907. С. 17.
- ⁶¹ Материали... Кн. VII. С. 140.
- ⁶² *Сиянов Х.* Освободителните борби на Македония. Т. I. С. 136.
- ⁶³ Оставив за скобками многочисленными свидетельства данного факта, зафиксированные сторонними наблюдателями или самими революционными активистами, приведем лишь одно весьма характерное высказывание представителя того самого рядового населения, на которое и была направлена агитация ВМОРО: «Революционная организация помогла нам почувствовать себя болгарами, какими мы и были по рождению и языку. Благодаря этому позже мы отделились от Патриархии». Приноси към историята на възстаническото движение в Одринско (1896–1903). Кн. II. С. 112.
- ⁶⁴ *Николов Т.* Спомени от моето минало...
- ⁶⁵ *Сиянов Х.* Освободителните борби на Македония. Т. I. С. 68.
- ⁶⁶ *Коюнджу А.* Основаването на Българската екзархия и националните проблеми в Македония (1870–1903) / 100 години от Илинденско-Преображенското въстание (1903 г.) Сборник доклади от международната научна конференция, София, 26–27 септември 2003 г. София, 2005. С. 309.
- ⁶⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 186.
- ⁶⁸ *Биярски Ц.* Новооткрити документи за живота и дейността на д-р Христо Татарчев // Военноисторически сборник. 1993. № 4. С. 170.
- ⁶⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 274–274об.
- ⁷⁰ Националноосвободителното движение на македонските и тракийските българи (1878–1944). Т. 3. София, 1997. С. 229–230.
- ⁷¹ Там же. С. 234–235.
- ⁷² *Михов М.* Един рапорт на Второ политическо отделение при Министерството на външните работи и на изповеданията по македонския въпрос (1906 г.) // Македонски преглед. 1998. № 2. С. 127.
- ⁷³ *Сиянов Х.* Освободителните борби на Македония. Т. I. С. 119–120.
- ⁷⁴ Материали... Кн. V. Спомени на Дамян Груев, Борис Сарафов и Иван Гарванов. София, 1927. С. 124–125.
- ⁷⁵ Националноосвободителното движение на македонските и тракийските българи (1878–1944). Т. 3. София, 1997. С. 90.
- ⁷⁶ Там же. С. 91.

- ⁷⁷ Яворов П.К. Гоце Делчев. София, 1904. С. 15.
- ⁷⁸ Михов М. Един рапорт на Второ политическо отделение... С. 127.
- ⁷⁹ Националноосвободителното движение на македонските и тракийските българи (1878–1944). Т. 3. С. 91.
- ⁸⁰ Там же. С. 91.
- ⁸¹ Интересно будет сравнить позицию экзарха с позицией ВМОРО, которая с 1905 г. взяла курс на саботирование Мюрцштегской программы и, в частности, ввела строжайший запрет на вступление македонских болгар в местную реформированную жандармерию.
- ⁸² Профучилища для болгар в Македонии появились лишь накануне Балканских войн.
- ⁸³ Радев С. Ранни спомени...
- ⁸⁴ Петров П., Темелски Х. Църква и църковен живот в Македония. София, 2003. С. 122.
- ⁸⁵ Български екзарх Йосиф I. Дневник. София, 1992. С. 565, 622.
- ⁸⁶ Согласно запискам П. Дървингова, возглавлявшего Македоно-одринское ополчение, всего в Балканских войнах на стороне Болгарии приняли участие до 90 000 македонцев и жителей Адрианопольского вилайета, около 15 000 из них в составе ополчения. См.: Национално-освободителното движение на македонските и тракийските българи (1878–1944). Т. 3. С. 269; Минчев Д. Военнореволюционната дейност на Петър Дървингов (1898–1918). София, 1990. С. 61–87.
- ⁸⁷ См.: Carnegie Endowment for International peace. Report of the international commission to inquire into the causes and conduct of the Balkan wars, Washington, 1914.

Актуальность героического прошлого: история и политика в предвоенной Сербии

Бурное патриотическое воодушевление (с переходом в националистическую горячку), охватившее европейские страны в начале Первой мировой войны и вошедшее в историческую память как «дух 1914 года», стало следствием долговременных, планомерных педагогических и пропагандистских усилий интеллектуальных и политических элит, что прекрасно продемонстрировано в изучении Третьей республики во Франции и Второй Германской империи¹. Националистический нарратив, созданный историками-позитивистами (ранкеанцами) в этих странах во второй половине XIX века, закреплялся в ряде ритуально-мемориальных практик, которые вовлекали в свою орбиту большую часть населения, в первую очередь молодежь. Одним из ярких примеров является практика государственных торжеств (национальных праздников), сложившаяся в последней трети столетия, в частности празднование Дня взятия Бастилии, введенное в обиход Третьей республикой².

Ситуация в предвоенной Сербии не может быть рассмотрена по полной аналогии со странами Западной Европы, учитывая сравнительно низкий уровень грамотности и специфику местной политической культуры³. Сказанное не исключает возможности обнаружения *частичных* аналогов названных феноменов в ритуальных практиках с общегосударственным и региональным статусом или в попытках создания национально-исторического нарратива, инициированных сербской элитой.

Базовая идеологическая модель мемориально-мобилизационных усилий, характерных для Сербии предвоенного времени, складывалась на протяжении XIX века и состояла из двух основных компонентов: Косовской легенды, сочетающей мотивы жертвы и воздаяния, гибели и воскрешения, и образа восстаний 1804–1815 гг. как сербского реванша – пролога к восстановлению средневекового Царства. Эта историко-идеологическая схема была намечена еще во время Первого восстания и обрела окончательную форму на торжествах по поводу 500-летия Косовской битвы в 1889 г. Именно тогда Косовская годовщина или Видовдан – 15 июня по старому стилю – приобретает окончательный вид дня поми-

новения всех павших борцов за отечество («за крест честной и свободу золотую»), вид главного национального праздника⁴.

Единство двух исторических комплексов – Средневековья и Нового времени – обрело зримое воплощение в Памятнике косовским героям, установленном в Крушевце в 1904 г., тем более, что его открытие было приурочено к столетней годовщине с начала Первого сербского восстания и на нем присутствовал король Петр I, внук верховного вождя повстанцев Карагеоргия. Задуман же монумент был еще в 1889 г. – к 500-летней дате легендарного сражения. При этом проект, выполненный сербским скульптором Д. Йовановичем в духе французского академизма, получил золотую медаль в Париже в 1900 г., так что влияние западноевропейских образцов монументальной скульптуры здесь очевидно. Стелу венчают фигуры одного из главных косовских героев Бошко Юговича и вилы – символа сербской судьбы. На барельефах, украшающих восточную и западную сторону постамента, – два ключевых эпизода эпической легенды: княжеская вечеря накануне сражения и убийство султана Мурата Милошем Обиличем. На северной стороне помещен герб царя Стефана Душана с датой открытия памятника, а на южной – герб Сербии (1888 г.) и дата провозглашения Королевства (1882 г.). У подножия памятника помещена фигура эпического певца, ассоциируемая с Филиппом Вишничем – «Гомером Первого восстания».

Дни поминовения павших героев относятся к разновидности гражданской литургии. Они получили особенно широкое распространение после Первой мировой войны⁵. Интегрирующий и мобилизационный заряд праздника, на котором встречаются живые и мертвые, очевиден: он мотивирует перед лицом «великой тайны» необходимость новых жертв на «алтарь отечества». Однако, сохраняя религиозную подоплеку, данный ритуал подменяет церковь сообществом граждан, а веру – историей⁶.

В случае с Видовданом говорить о полной секуляризации невозможно. Церковный ритуал в виде торжественного богослужения, молебнов и проповедей священников сохранял значение сердцевины праздника, в основе которого лежал культ святого князя Лазаря, сделавшего выбор в пользу Царствия Небесного. Сам косовский миф был «чудесным сплавом» церковной легенды и полуязыческих народно-эпических мотивов, отсылающих к патриархально-родовым традициям, которые имели, быть может, еще большее значение для большинства сербского общества. Традиции села определялись иным ценностным содержанием, нежели идея гражданского долга и государственного служения. Поэтому совре-

менные, светские мотивы, привнесенные в символику торжеств сербской элитой, прочитывались крестьянской массой, скорее всего, в традиционном ключе, их смысл улавливался не полностью. Впрочем, традиционализм сербского общества в данном случае не противоречил задачам мобилизации: необходимость жертв с началом полосы войн в 1912 г. мотивировалась снизу обязанностью постоять за сербский род, отмщением Косова, долгом перед предками ⁷.

* * *

Приход к власти внука вождя Первого восстания в 1903 г. совпал с подготовкой к празднованию столетнего юбилея с начала этого поворотного этапа в Новой сербской истории. Первые предложения на этот счет были высказаны министром народного хозяйства Д. Генчицем, который намеревался приурочить к юбилею Всесербскую выставку с демонстрацией экономических и культурных свершений нации. Очевидно, это предложение ориентировалось на аналогичные мероприятия (всемирные и национальные выставки), осуществленные ранее в европейских столицах. Помимо экспонатов, свидетельствующих об успехах фабричной и домашней промышленности, сельского хозяйства и культуры страны, на выставке предлагалось представить «жизнь сербских крестьян» в виде традиционной архитектуры, национального костюма, предметов быта; организовать отдельные павильоны для Черногории, Старой Сербии и Македонии, Боснии и Герцеговины, Воеводины и Далмации. Таким образом, выставка должна была стать компактной моделью сербского мира во всей его широте, воплощая экспансионистский максимум национальной идеи.

В плане народных гуляний значились конкурсы на лучшую драму, поэму, рассказ, соревнования гусяров, гимнастов, борцов, стрелков, пловцов и т. д. Обсуждались площадки в Белграде и пригородах, где бы могла разместиться выставка. Ее открытие планировалось приурочить ко дню коронации Петра I 11 июля 1904 г., а закрытие – ко дню Сабора сербских просветителей 30 августа. Сербская академия наук должна была подготовить историческую экспозицию, посвященную эпохе восстаний 1804–1815 гг. Сама Академия предложила создать коллективный труд о Сербии и сербском народе с привлечением к нему известных ученых, писателей, художников, т. е. и здесь угадывалась определенная этнополитическая и пропагандистская направленность. Общая смета планируе-

мых торжеств составила около 1 млн. динаров, что было явно неподъемной суммой для сербской казны⁸.

Политическая сумятица, внутренние конфликты и негативный международный резонанс, вызванный жестокостью майского переворота 1903 г., также стали препятствием для реализации планов полномасштабных торжеств. В сентябре покинул правительство вдохновитель замысла Всесербской выставки Генчич, и до конца года вопрос о праздновании юбилея восстания вообще лежал без движения. Наконец, 24 декабря последовало решение короля, согласно которому обязанности по подготовке торжеств возлагались на правительство, при этом центром этой работы стало теперь Министерство просвещения и церковных дел. 12 января 1904 г. (за месяц до юбилейной даты начала восстания!) был учрежден новый Главный комитет по организации празднований во главе председателем Академии наук С. Лозаничем, который утвердил их программу. Она была более скромной по сравнению с планами Генчича. Между тем, комитет предложил провести конкурс на лучшую музыку и текст для сербского гимна, установив денежную премию в размере 1000 динаров, а также провести по округам перепись участников освободительной борьбы XIX века, с тем чтобы увековечить их имена в церквях по всей Сербии. Последняя инициатива укладывалась в парадигму поминовения павших борцов, воплощенную в Видовдане⁹.

Торжества начались 14 февраля благодарением в Белградском кафедральном соборе в присутствии короля Петра I (аналогичное мероприятие состоялось в Орашце). Столичный Народный театр показал представление по мотивам восстания. Вероятно, подобные инсценировки организовывались и в других городах. Еще ранее министр просвещения Л. Стоянович отправил циркуляр школьным надзирателям о проведении соответствующих мероприятий в учебных заведениях страны. В год юбилея были открыты Военный и Этнографический музей, выросший из этнографического отделения Народного музея в результате приобретения около 8000 новых экспонатов, а также Музей сербской земли (ныне – естествознания). Музеефикация эпохи восстаний и в целом «славного прошлого сербского народа» сделала за этот год гигантский шаг вперед, а «живая» традиция и памятники природы, маркирующие широту и разнообразие географического либо культурного пространства *родины*, поселились в белградских паноптикумах. Кроме того, юбилей восстания был увековечен в ряде мемориально-символических практик (учреждение ордена Звезды Карагеоргия, эмиссия памятных монет). Спустя время, в

1911 г. первой сербской кинолентой стал фильм, посвященный эпохе восстания. Он назывался «Жизнь и дела бессмертного Карагеоргия».

* * *

В 1906 г. впервые увидела свет внешнеполитическая доктрина уставобранителей, знаменитое «Начертание» (1844), финальной целью которого являлось воссоздание царства Стефана Душана. Его опубликовал близкий к правящим верхам М. Вукичевич. В предисловии к тексту он не скрывал политико-пропагандистский смысл публикации, появившейся в канун формирования правительства Н. Пашича: «Нам, потомкам тех людей, ... не будет лишним увидеть, как этот редкий сербский государственный деятель и политик (И. Гарашанин. – М.В.) понимал тогда внешнюю политику сербского государства и интересы сербского народа»¹⁰. Иными словами, «Начертание» должно было стать «историческим фундаментом» для внешней политики радикалов, поставивших задачу расширения границ государства и объединения сербских земель. Назначение публикации, готовившейся в спешке, повлияло на ее научную корректность¹¹. Существует версия, что Вукичевич мог получить оригинал документа из архива династии Карагеоргиевичей, однако все последующие попытки проникнуть в этот архив не увенчались успехом. Так что подтвердить существование оригинала «Начертания», равно как и изложенную выше версию первой публикации пока не представляется возможным¹².

Стоит заметить, содержание пропагандистской деятельности определялось в «Начертании» лишь в самых общих чертах. Консерватизм этого бюрократического проекта заключается в том, что очаги пропаганды намеренно выносились вовне. Внутри Сербии не предусматривалось создание массовой базы национального движения. Гарашанин исключил из текста «Начертания» предусмотренный «Планом» Ф. Заха раздел «О внутренней политике Сербии, которая бы назначенной внешней отвечала», где, среди прочего, шла речь о воспитании сербских патриотов¹³. Любопытно и то, что в довоенной Сербии «Начертание» не стало предметом пристального научного изучения. Первые исследования о нем были написаны уже в 1930-е гг. Д. Страняковичем.

Однако не будет преувеличением сказать, что в это самое время центральное место в работе историков заняла тема национально-освободительной борьбы, прежде всего – эпоха восстаний, облик которых подвергся существенной трансформации. В своих вершинных дос-

тижениях (С. Новакович, М. Вукичевич и, особенно, М. Гаврилович) сербская историческая наука начала XX века приблизилась к стандартам европейского позитивизма. Как справедливо указывал Р. Самарджич, новый этап в изучении восстаний было бы неправильно связывать лишь с приходом к власти в Сербии внука Карагеоргия или юбилейной актуальностью, одна из причин этого «быстрого взлета» кроется во «внутреннем развитии научного метода», а именно: в возникновении «критического» направления в сербской исторической науке эпохой ранее¹⁴. Впрочем, квазипозитивистская тенденция начала XX века сохранила и в ряде случаев усилила государственный фетишизм в толковании эпохи «национального возрождения», предвкушая предначертанное территориальное расширение во имя объединения сербского рода. Как указывалось выше, эта тенденция в целом не противоречила общеевропейскому тренду.

Видный историк и государственный деятель Сербии Стоян Новакович (1842–1915) за короткий период между 1903 и 1907 гг. опубликовал пять монографий, посвященных повстанческой эпохе. Ранее Новакович был известен в науке как специалист по средневековой Сербии, публикатор источников и знаток древней книжности. Правда, еще будучи студентом, в 1864 г. он опубликовал перевод первой половины книги Л. фон Ранке «Сербская революция», а позднее под его редакцией выходили мемуарные свидетельства о восстании. Плотный интерес 60-летнего Новаковича к этой теме был для многих неожиданностью еще и потому, что он слыл консерватором и работал в правительствах Обреновичей. По видимому, политик и историк в одном лице, он хорошо осознавал значимость интерпретации повстанческой эпохи для сербской национально-государственной идеологии в новых условиях.

Несмотря на единство замысла, созданная им позитивистская концепция внутренне противоречива и фрагментарна: наряду с воззрениями О. Конта и влиянием ранкеанства в его сочинениях можно обнаружить явные рудименты просветительских подходов¹⁵. Так же часто использовались формально-правовые шаблоны, характерные для всей европейской историографии того времени. В результате, в трудах Новаковича содержатся диаметрально противоположные оценки таких важных документов и вопросов истории восстания как Ичков мир, «конвенция Карагеоргий–Паулуччи», «Основание правительства сербского», конституционный акт 1808 г., деятельность К.К. Родофиникина и т. д.¹⁶. Конечно, как исследователь-аналитик Новакович нередко выступал в роли первопроходца. Знакомство с новыми архивными материалами заставля-

ло его корректировать прежние выводы. Но они также менялись либо заострялись по мере укрепления у власти династии Карагеоргиевичей и милитаризации общественного климата в стране. Апологетическую (в отношении верховного вождя восстания) версию прежних времен Новакович перелицевал в объективную историческую концепцию с обоснованием монархической власти в Сербии как водительницы борьбы за освобождение всех сербских земель.

Первым последователем Новаковича в сербской историографии восстания стал упоминавшийся в связи с публикацией «Начертания» Миленко Вукичевич (1867–1930), автор более 400 работ, в том числе монументального «Карагеоргия» (т. 1–2, 1907–1912). Здесь уместно вспомнить, что Вукичевич, помимо прочего, являлся личным другом и биографом короля Петра Карагеоргиевича¹⁷.

Еще до отъезда в Петербург в качестве сербского посланника осенью 1900 г. С. Новакович встречался с Вукичевичем, обещая содействие его поездке в Россию для работы в архивах. В северной столице Новакович в 1903–1905 гг. содействовал младшему коллеге и использовал материалы, собранные им в архивах МИД и Главного штаба¹⁸. Центральные выводы Вукичевича близки, а порой и дословно повторяют суждения Новаковича, и, может быть, следует говорить об их двойном авторстве. При этом Вукичевич обладал меньшей профессиональной подготовкой и был скорее историком-любителем. В его книге приведено большое количество новых документов, но их анализ хромает. В концептуальном плане позиция Вукичевича компромиссна по отношению к донаучной историографии XIX века. Если, по Новаковичу, Карагеоргий своей борьбой с оппозицией лишь объективно способствовал укреплению сербского государства, то, по Вукичевичу, и во внутренней, и во внешней политике он это делал совершенно сознательно. Право вождя выражать сербские национальные интересы зиждется не на абстрактной политической функции, а на достоинствах его личности¹⁹. Само название книги Вукичевича анахронично персонифицировало процесс. Отдавая отчет в этом, историк дал второму тому подзаголовок: «История восстания 1804–1807 гг.». Публикация книги была прервана на середине изложения. Предполагается, что рукопись третьего тома «Карагеоргия» погибла во время оккупации Белграда в 1915 г. или в конце 1917 г. в России. Так или иначе, история восстания в изложении Вукичевича осталась незаконченной.

Среди названных трех столпов сербской историографии начала XX века Михаило Гаврилович (1866–1924) единственный, кого можно было бы отнести к образцовым европейским позитивистам. Он изучал Средние века и вспомогательные исторические дисциплины в одном из главных центров тогдашней науки – в Париже, защитил докторскую диссертацию по франко-английским отношениям в XIII веке и, возвратившись в Белград, занял пост управляющего Государственным архивом (ныне – Архив Сербии). Гаврилович – автор фундаментального трехтомного труда о правлении Милоша Обреновича (1908–1912). Кроме того, он опубликовал извлечения из французских архивов о Первом сербском восстании и ряд статей о нем. Далекий от националистической экзальтации, Гаврилович дистанцировался в своих работах от откровенных политических оценок, и уж тем более от морализаторства, иногда допуская лишь легкую иронию в отношении героев документального повествования. Неслучайно он вступил в полемику с С. Новаковичем, исповедовавшим гораздо более «идеологичный» подход²⁰. Но именно академизм и фундированность Гавриловича делали его недостижимым для широкой публики: его «идеальным читателем» являлись, скорее, европейские интеллектуалы-позитивисты. Образованные сербы удовлетворяли исторический интерес в компактном изложении Новаковича (книга «Возрождение сербского государства» 1904 г. была написана за несколько месяцев по заказу Матицы сербской). А для необразованного и полуграмотного большинства существовали балаганные представления и синематограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Франсуа Э. «Места памяти» по-немецки: как писать историю? // Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сб. статей. М., 2011. С. 44. Прим. 12; Джэйдт Т. «Места памяти» Пьера Нора. Чьи места? Чья память? // Там же. С. 63–64. Хуже изучены факторы, обусловившие патриотическую волну в России, что отчасти обусловлено маргинальностью Первой мировой войны, оттесненной Революцией 1917 г., в советской историографии.

² Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб, 1998. Гл. III; Hobsbaum E.J. Mass-producing traditions: Europe 1870–1914 // The Invention of Tradition / Eds. by E.J. Hobsbaum, T. Ranger. Cambridge, 1983. Ch. 7.

- ³ *Шемякин А.Л.* Политическая культура в независимой Сербии // Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.): Сб. статей. СПб., 2009. С. 64–85.
- ⁴ *Тимотијевић М.* О произвођењу једног националног празника: спомен дан палим у борбама за отаџбину // Годишњак за друштвену историју. Год. IX. Св. 1–3. 2002. Београд, 2004. С. 69–76; *Белов М.В.* У истоков сербской национальной идеологии: специфика формирования и механизмы развития (конец XVIII – середина 30-х гг. XIX века). СПб., 2007. С. 493–503.
- ⁵ *Джадт Т.* Указ. соч. С. 64–65; *Манојловић-Пинтар О.* «Благо и њима јер су славно пали за отаџбину, краља и слободу»: култ палих војника у Италији и Југославији у годинама изеђу два светских рата // Годишњак за друштвену историју. Год. IX. Св. 1–3. 2002. Београд, 2004. С. 79–98.
- ⁶ *Уорнер У.* Живые и мертвые. М.–СПб., 2000. С. 278–311; *Мутерауэр М.* Миленијуми и друге јубиларне године: Зашто прослављамо историју? Београд, 2003.
- ⁷ Югославия в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 41–46 (текст А.Л. Шемякина). Вместе с тем, следует иметь в виду амбивалентность традиционного сознания. Архетип Номо Militans (человека войны) оказался слабо востребован в эпоху Великого восточного кризиса 1875–1878 гг., когда русские добровольцы, прибывшие в Сербию, были шокированы малой популярностью войны, привязанностью местных крестьян к дому, земле. Включение тех или иных моделей традиционного поведения, очевидно, обусловлено сочетанием ряда факторов, еще нуждающихся в прояснении.
- ⁸ *Поповић Љ., Јовановић М.* Стогодишњица Првог српског устанка 1904. године – документи Владе, Министарства народне привреде и просвете Краљевине Србије // Мешовита грађа. Miscellanea. Нова серија. Књ. XXIII (2004). Београд, 2004. С. 137–179.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Вукићевић М.* Програм спољне политике Илије Гарашанина на концу 1844. године // Дело. Београд, 1906. Књ. 38. Св. 3. С. 321–336; *Дурковић-Јакшић Љ.* О настанку «Начертанија» 1844. године // Илија Гарашанин (1812–1874): Зборник радова са међународног научног скупа одржаног 9. и 10. децембара 1987. поводом 175. годишњице рођња / Уредник академик В. Стојанчевић. Београд, 1991. С. 42–43.
- ¹¹ *Младеновић А.* Нека текстолошка питања «Начертанија» Илије Гарашанина // Там же. С. 65–69.

- ¹² *Љушић Р.* Книга о Начертанију. Национални и државни програм Кнежевине Србије (1844). Београд, 1993. С. 5–7, 11–17.
- ¹³ Там же. С. 149–150. См. подробнее: *Белов М.В.* Манифест сербской национальной бюрократии (историографические заметки о «Начертании» И. Гарашанина 1844 г.) // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1. С. 205–211.
- ¹⁴ *Самарцић Р.* Историчари српске револуције и културни преображај почетком XX века // *Он же.* Писци српске историје. Књ. 3. Београд, 1986. С. 222.
- ¹⁵ Ср.: *Грачев В.П.* Кризис в балканских владениях Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. и его взаимосвязь с предпосылками и начальным этапом сербского восстания 1804–1813 гг. (1792–1805 гг.). Автореф. дис. ... д.и.н. М., 1990. С. 9.
- ¹⁶ См. подробнее: *Белов М.В.* Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия: события, документы, историография. Н. Новгород, 1999. С. 114–117.
- ¹⁷ *Самарцић Р.* Миленко Вукићевић. Карађорђе // Указ. соч. С. 157–168.
- ¹⁸ *Недельковић Б.М.* Преписка Стојана Нвоковића и Валтазара Богишића // Зборник за историју, језик и књижевност српског народа. I одељење. Књ. XXVIII. Београд, 1968. № 164. С. 186. № 167. С. 192–193. № 169. С. 198.
- ¹⁹ См. подробнее: *Белов М.В.* Первое сербское восстание... С. 117–118.
- ²⁰ Ср.: *Самарцић Р.* Предговор // *Новаковић С.* Из српске историје. Нови Сад, 1972. С. 41–42.

**Сербские четники
накануне и в ходе Балканских войн:
социальный феномен,
национальная традиция и
военная тактика**

Славянские народы Балканского полуострова в течение столетий находились под иноверческой властью, не имея собственных национальных государств. На протяжении пяти веков османского ига у этих членов европейской семьи народов часть общераспространенных общественно-политических институтов исчезла, а часть – значительно видоизменилась, приобретя особые черты и формы; наряду с ними возникли новые, типично «балканские», социокультурные явления. Одним из таких явлений, характерных для горных и труднодоступных районов Западных и Центральных Балкан, стала «хайдучия» – уход (выражающийся в сербском языке глаголом «одметнути се») из мира закона и подчинения властям в горы в поисках свободы и независимости ¹.

Веками у сербов развивались особые традиции и представления о поведении участников «хайдучии», сохранявшиеся в причудливом переплетении эпической поэзии, обычного права, этнографических особенностей и народного православия. День Св. Георгия («Джурджевдан»), 6 мая, считался днем «хайдучьей встречи», когда зазеленевшие склоны позволяли уйти в горы, а день Св. Димитрия («Митровдан»), 8 ноября, – днем «хайдучьего расставания», когда «хайдуки» («гайдуки») из-за начинавшихся холодов спускались с гор и пережидали зиму в тайных убежищах у доверенных лиц. Такой доверенный пособник (*сербск.* – «ятак») доставлял скрывающемуся «хайдуку» провиант, размещал его у себя дома, снабжал информацией, получая взамен часть награбленного. Грабеж был одним из основных занятий участников «хайдучии», однако здесь также имелись свои правила и ограничения, которые защищали бедных («честным» считался налет лишь на торговцев и сборщиков налогов) и ограничивали убийства (они допускались только из мести за предательство, а также в качестве «самообороны» при нападении властей или сопротивлении жертв грабежа). Кроме грабежей, еще одним из занятий «хайдуков» было похищение с целью выкупа. Иногда они

объединялись в отряды – «четы», во главе которой стоял атаман – «харамбаша»².

Во времена турецкого господства «хайдучия» представляла собой аналог настоящей повстанческой деятельности в миниатюре. Она была одной из форм сопротивления иностранному господству, в условиях многократного численного превосходства захватчиков. «Хотя в начале XIX в. подобные проявления сопротивления обычно приводили к увеличению, а не к уменьшению степени угнетения, они действовали как стимуляторы для поднятия национального духа, что можно понять из прославления повстанческих лидеров и групп в южнославянской народной эпической поэзии. Они помогали сблечь в народе надежду на возможное освобождение от иностранного ига. Конечно, вооруженные действия отдельных людей или небольших групп порой превращались или граничили с бандитизмом. Но если бандитизм был обращен против иностранного угнетателя, он считался героизмом»³.

Однако после появления независимых национальных государств на Балканах «хайдучия стала выражением цивилизационного отставания и неразвитости аграрного общества, хотя в ней было и отражение конфликта между государством и крестьянами, в том числе сопротивления крестьянского населения новой и примитивной бюрократии, что привело к тому, что в народе она (хайдучия. – *А.Т.*) воспринималась упрощенно романтизировано, а ее представителей чувствовали как смелых и свободных “горных царей”»⁴. Это двойственное отношение к участникам хайдучии описал в своем романе «Горный царь», вышедшем в 1897 г., сербский писатель Светолик Ранкович⁵. К середине XIX в. хайдучия на территории Сербии вырождалась в бандитизм (именно так стали переводить этот термин на сербский язык). Властям обновленной Сербии удалось ее почти полностью ликвидировать, хотя рецидивы все-таки случались в наиболее отдаленных гористых районах страны⁶.

Исчезая в горах Сербского королевства, хайдучия не исчезала из сердец его населения и соплеменников из сопредельных империй, сохраняясь в менталитете в форме представлений о возможности (в случае необходимости) вмешательства частного лица (частных лиц) в *sancta sanctorum* любого государства – применение вооруженной силы (насилия) для решения внутренних и внешних конфликтов⁷. Впрочем, и само сербское государство, возникшее в результате народного восстания, в силу слабости, в течение долгого времени было вынуждено делегировать часть этих своих обязанностей и прав собственным гражданам.

Вплоть до начала 1880-х гг. сербская армия оставалась народной в буквальном смысле этого слова, т. е. состояла из вооруженного народа. Попытки отойти от такой практики и отделить народ от силовых инструментов, изъяв у граждан оружие, привели к Тимокскому восстанию 1883 г. Это восстание стало не только следствием активности политической оппозиции (Радикальной партии), но и результатом неготовности и нежелания широких масс сербского народа следовать за ускоренной европеизацией государства⁸. При этом стоит отметить, что определенный отзвук «хайдучии» как части национального менталитета современники находили не только у сербов, но и у других «потуреченных» южнославянских народов Балкан, как считал, например, генеральный консул Германии в Белграде в 1867–1875 гг. Г. Розен.⁹ Насилие как способ решения внешнеполитических задач («мегали»-идей) стало основой политики на Балканах к концу XIX в. «Хайдучия», как использование неподзаконного насилия, стала асимметричным ответом на насильственное поведение великих держав, кроивших карту Балкан по своему собственному усмотрению¹⁰. Традиционная склонность к использованию насилия для решения «нерешимых задач» (а'la «хайдук») вовсе не была прерогативой одного только рурального населения, исторически приверженного традициям. Лоск образования лишь придавал убедительности и последовательности тем представителям национальной интеллигенции, которые не могли найти других способов решения национальных задач, кроме насилия. Как писал самый известный сербский ученый-гуманитарий Йован Цвиич: «Сербскую национальную проблему нужно решить насилем. Оба маленьких сербских государства должны, в первую очередь, военным путем и образованием готовиться к этому самым активным образом, поддерживать национальную энергию в оккупированных частях сербского народа и первое же подходящее обстоятельство использовать, чтобы решить сербский вопрос...»¹¹.

Говоря о возникновении тайной революционной организации «Объединение или смерть», Драгутин Димитриевич-Апис в заключительной речи на Салоникском процессе еще более конкретно рассказал о роли высокообразованной части общества в том, что «хайдучия» превратилась в инструмент решения международных проблем: «Я еще в 1904 г. вошел в один комитет, организованный для деятельности в Старой Сербии и Македонии... При образовании его мы попросили совета у наших самых известных и компетентных профессионалов в этих вопросах. Один из них, очень уважаемый и с мировой известностью профессор нашего уни-

верситета, пользуясь крайне убедительными аргументами, доказал нам, что только винтовкой, гранатой и кинжалом можно сербов из Старой Сербии и Македонии спасти от неминуемой гибели...»¹².

Впрочем, стремление к применению «асимметричного» ответа и внеинституционального насилия для достижения определенных внешнеполитических целей было характерно и для других балканских государств. Они черпали «вдохновение» в действиях Порты, которая использовала своих башибузуков из албанцев и славян-мусульман для усмирения и оказания давления на непокорные христианские народы. К этому же располагала и ситуация, сложившаяся на Балканах в последней четверти XIX в. Под властью Стамбула все еще оставались обширные христианские территории в Европейской части Турции, крупнейшей из которых была Македония. В этих областях турки активно проводили политику уменьшения численности местного христианского населения, поощряя выселения, ограничивая местных христиан в правах и прибегая к помощи местных анархически настроенных фанатичных мусульман. В то же время, после Берлинского конгресса ведущие государства Европы пришли к определенным договоренностям и более или менее последовательно стремились к политике поддержания статус-кво. Произошло несколько неудачных попыток прямого военного противостояния армий обновленных христианских государств с одряхлевшей Портой (сербско-турецкая война 1876 г. и греко-турецкая война 1897 г.). С ними контрастировала сравнительно удачная болгарская политика опоры на пропаганду учителей и священников, и одновременно на винтовки и кинжалы комитов, проводимая в Македонии (Битольский и Салоникский вилайеты) и примыкавших к ней районах Старой Сербии (Косовский вилайет) и Фракии (Одринский вилайет) в последнем десятилетии XIX в. Болгарские комиты служили важным фактором в усилении роли экзархистской церкви и болгарских школ. После 1903 г. их примеру стали следовать Сербия и Греция, наряду с болгарскими комитетами стали действовать сербские четники и греческие андарты¹³. Вооруженная пропаганда болгарских, сербских и греческих революционных комитетов превратила Македонию в огромный кипящий котел, мир же впервые столкнулся с такими явлениями как «терроризм» и «международные полицейские силы».

А россияне, посещавшие по различным делам Европейскую Турцию, привезли на родину такие выражения как «бомба-македонка» и «стрельба по-македонски». Характер этих балканских нововведений в военную науку достаточно показателен. «Македонки» были примитив-

ными ручными гранатами – литыми шарами, начиненными самодельной взрывчаткой (бертолетова соль с сахаром), герметизованной воском. Эти «комитские яблоки» снабжались фитилями, которые перед броском четники поджигали от набитых душистым македонским табаком ядерных самокруток. «Македонки» имели слабую убойную силу, непредсказуемый радиус разлета и были в большей степени орудием устрашения, действуя на очень ограниченном расстоянии. Таким же террористическим видом оружия была и стрельба «по-македонски», т. е. из короткоствольного огнестрельного оружия с двух рук, что повышало огневую мощь стрелка, существенно снижая точность. Это «македонское» веяние также наносило скорее психологический, чем физический урон, будучи эффективным лишь в ближнем бою¹⁴.

В то же время, нельзя не заметить и еще одно схожее, но, тем не менее, отдельное явление, в конечном итоге повлиявшее на рассматриваемый феномен, – сербских четников как участников Балканских войн. Для югославянских народов (а точнее сказать, для носителей штокавского диалекта сербскохорватского языка) военные действия «асимметричного» характера вовсе не были новинкой. Своеобразное геополитическое положение их Родины (в гористом пограничье двух великих империй – Австрии и Турции) способствовало развитию в XVII–XVIII вв. не только такого явления, как «хайдучия», но и особых навыков и способов ведения боя, необычных в эпоху, когда боевые действия велись строем, подходящим на нынешние парадные «коробки». Эти навыки южнославянских народов активно использовались соседними государствами для формирования частей легкой пехоты и легкой кавалерии. Согласно авторитетному западному исследователю истории иррегулярной тактики В. Лакиеру, вплоть до середины XVIII в. европейская военная мысль сравнительно мало знала о тактике боевых действий небольших воинских частей¹⁵. «Специфические работы по партизанской войне стали появляться лишь к середине восемнадцатого века и они в основном возникали под влиянием действий маленьких, легких, высококомобильных частей, которые находились на службе в австрийской армии с семнадцатого века. Эти части, состоявшие из пандуров (т. е. сербов. – А.Т.) и хорватов, получили значительный боевой опыт в областях, примыкавших к Турции»¹⁶.

Впрочем, для развития идеи партизанской войны непосредственно в самой Сербии куда большее значение имела деятельность еще одной австрийской воинской формации – сербского фрайкора. Части эти формировались из сербских добровольцев и предназначались для того,

чтобы препятствовать турецким фуражирам, движению отдельных небольших частей и курьеров, а также для рейдов вглубь подконтрольной туркам территории¹⁷. Значительную часть операций Первого сербского восстания также можно рассматривать в контексте «малой войны». После создания автономного Сербского княжества идея о применении в сербской армии партизанских операций возникла не сразу, шел диаметрально противоположный процесс – выстраивание регулярной армии, – завершившийся лишь во времена правления Милана Обреновича. При этом, само слово «четник» фиксировал в своем толковом словаре сербского языка в 1818 г. еще Вук Караджич¹⁸. Первая написанная сербом книга о партизанской войне вышла на русском языке в России, однако она вряд ли привлекла внимание соотечественников автора¹⁹. В то время в самой Сербии куда большей популярностью пользовались переводы иностранных авторов²⁰. Первая относительно самостоятельная работа, окончательно закрепившая терминологию организованной «четнической войны», появилась лишь в 1868 г.²¹. Нельзя не отметить, что эти работы появлялись в качестве отражения остроактуального момента (сербского восстания в Австрии в 1848 г. и планировавшегося общеславянского восстания в Турции в 1867 г.).

Впервые сербская армия попыталась использовать четнические/добровольческие части во время Восточного кризиса 1875–1878 гг., под командованием Милоша Милоевича и Никифора Дучича²². Опыт восстания в Боснии и Герцеговине в дальнейшем сильно повлиял на поколение сербских четников, действовавших в начале XX в. в Македонии и Старой Сербии²³. Тогда же сформировался *modus vivendi* деятельности организации четников в мирное время на сопредельной территории, как формально неправительственного движения, не имевшего официального одобрения парламента или решения правительства, но существовавшего с ведома государства, при индивидуальной поддержке его действий активными государственными чиновниками и офицерами, с опорой на финансирование и вооружение из государственных арсеналов. Стоит отметить, что подобная модель действий была и у болгарских («македонских») комитов и греческих андартов. В Сербии четниками с 1903 г. руководила Сербская революционная (четническая) организация, как объединение частных лиц (среди которых были видные военные и политики); с 1906 г. четникам стало помогать тайное «Верховное правление» при консульском отделении министерства иностранных дел Сербии, в 1908–1909 гг. деятельность чет была приостановлена, но кадрами чет-

ников заинтересовалась новосформированная «Народная оборона»; в 1911 г. сербская четническая деятельность возобновилась под непосредственным влиянием энтузиастов из организации «Объединение или смерть», тесно связанной с сербской военной разведкой. В результате командование над сербскими четами перешло к участникам узкой, с доминированием офицеров, организации «Объединение или смерть», действовавшей под прикрытием своего членства в преимущественно гражданской и широкой организации «Народная оборона», а иногда и напрямую – в качестве офицеров разведки сербского Генерального штаба²⁴. Подобная неформальность и в целом была характерна для действий сербской военной элиты. Так, отставной генерал русской армии Е.И. Мартынов вспоминал о своих наблюдениях времен Балканских войн: «Состав штаба верховного командования совсем невелик. Например, в оперативном отделе работало всего два офицера... Особо бросаются в глаза близкие отношения между офицерами различных отделов, которые выполняли почти все свои задания непосредственным договором, без всякой излишней бюрократической переписки»²⁵.

Это тесное переплетение возможностей военного аппарата, тайных обществ и частной инициативы особенно проявилось в начале XX в. в деятельности сербской четнической организации. В то время подготовкой четников из граждан Сербии и сербов из сопредельных государств занимались отдельные офицеры военной разведки Королевства с использованием армейского оборудования, но в условиях полной конспирации. Подготовка кадров для четнического движения активно осуществлялась в 1903–1912 гг.²⁶. При этом подготовка организовывалась не только для жителей Турции, но и для проникнутой националистическими настроениями сербской молодежи из Австрии. Согласно воспоминаниям члена организации «Объединение или смерть» майора А. Благоевича, в 1908 г., во время Аннексионного кризиса, он привез во Вранье (центр сербской четнической деятельности, направленной на Македонию и Старую Сербию) студентов из Венского и Загребского университетов, среди которых были и Б. Жераич, В. Гачинич и Д. Коканович. «Этих студентов я готовил 4 месяца во Вранье для работы в селах в Боснии и Хорватии с целью подготовки народа к восстанию против Австрии»²⁷. Сохранилось описание такого курса от 1912 г., когда группа молодежи, прибывшая без паспортов в конце июня в Белград через австрийский город Земун, в течение шести недель в горных палаточных лагерях проходила обучение на том же юге Сербии.

Курсанты в полевых условиях занимались теорией и практикой партизанских действий, выживанием в природных условиях, стрелковой подготовкой, изготовлением самодельных и использованием фабричных гранат, практикой использования взрывчатых веществ для диверсий на мостах и железных дорогах. Проводилась и более ускоренная подготовка в городских условиях, где применялись учебные пособия по минно-подрывным действиям и тактике четнических операций²⁸. В дальнейшем часть этих подготовленных четников вошла в состав добровольцев: например, группа ученической молодежи из Боснии (в том числе и Г. Принцип) не позднее 25 сентября 1912 г. прибыла в Прокупле, где в начале октября самые подготовленные из них были приняты в отряд четнического воеводы Воина Танкосича, майора сербской военной разведки и одного из руководителей организации «Объединение или смерть»²⁹.

О подобной деятельности было известно и австрийским властям, испытывавшим по этому поводу оправданное волнение³⁰. Впрочем, в 1912 г. на очереди пока еще была не Австрия, а Турция. Между этими двумя странами официальные сербские власти и большая часть образованного общества все еще видела значительную разницу, что мешало развязыванию полномасштабных четнических операций на территории Австрии. Патриарх сербской политики Никола Пашич убеждал ретивых военных, что «не одно и то же пользоваться террористическими методами в Турции и Австро-Венгрии». Спустя 5 лет после начала Балканских войн в 1917 г. он все еще утверждал, что «в Турции было необходимо так действовать, ибо там и болгары, и греки, и турки имели такую организацию, и поэтому ее нужно было иметь и нам. Но Европа об этом знала. Мы ей сообщили, что в Турции мы можем защищаться только оружием, и это Европа знала и осудила Турцию на большие страдания. Но это не могло быть разрешено в Австрии. Это старое государство. У нее тысячелетняя династия. Европа бы этого не потерпела, и мы бы выглядели очень скверно в ее глазах в этом случае, так как нам и так приписывают разные заговоры и убийства»³¹.

Впрочем, согласно воспоминаниям Василия Трбича³², определенные сербские подготовительные мероприятия по отношению к Австрии имели место. Трбич приехал из Велеса в Белград весной 1912 г., где с удивлением узнал от престолонаследника о переговорах с Болгарией, планах раздела Македонии и совместном плане балканских стран об изгнании турок с Балкан. Сербские военные круги были озабочены воз-

возможностью того, что на помощь Турции придет Австрия. На следующий день на личной встрече к В. Трбичу обратился майор М. Васич, секретарь организации «Народная оборона» и член организации «Объединение или смерть». Васич обратил внимание Трбича на то, что «необходимо разведать ситуацию на дунайском мосту Ердут-Богоево и узнать, есть ли возможность в случае необходимости вывести мост из строя». Трбич, уроженец Восточной Славонии, сразу же вспомнил о своем родственнике Йоване, служившем стрелочником на этом стратегически важном мосту через Дунай в глубине австро-венгерской территории. С фальшивым турецким паспортом он отбыл в Австрию, посетил своего брата Йована и с его помощью тщательно осмотрел мост. После этого В. Трбич убедил родственника, что в случае «необходимости для сербского народа», тот должен помочь уничтожить мост путем дистанционного подрыва, закладки противопоездной мины или мины с часовым механизмом. Для непосредственного выполнения этого задания Трбич пообещал прислать в нужное время «мастера» с «подарком», после чего отбыл назад в Белград, откуда вновь вернулся в Македонию³³.

В конце августа В. Трбича на месте начальника Горного штаба сменил Милан Джокич, подпоручик сербской армии, который до обучения в Сербии был сержантом в сербской чете, действовавшей в Македонии до 1908 г. Новый командир Горного штаба принял командование над четами³⁴ и перешел к необходимой разведке вспомогательных дорог, потайных троп и горных проходов. Трбич вновь отбыл в Белград, где с середины августа до середины сентября работал вместе с майорами сербского Генерального штаба М.Ж. Миловановичем и М.Гр. Миловановичем-Пилцем над уточнением карт Македонии для непосредственного ведения боевых действий. Наконец, 2 октября, около 7 часов вечера, престолонаследник Александр посетил здание Генерального штаба и вновь лично разговаривал с В. Трбичем. На следующий день офицеры сербского Генерального штаба, работавшие с Трбичем, обратились к нему с пожеланием о том, чтобы он вновь отбыл в Македонию, в результате в тот же вечер без паспорта, но с деньгами и револьвером, тот сел в поезд, отправлявшийся в Скопье...

Когда 3 октября 1912 г. последний до закрытия границы в связи с войной сербский поезд пересек границу с Турцией, турки задержали состав. Среди прочих подозрительных В. Трбич был задержан турецкой полицией, от которой ему удалось сбежать и добраться до своего дома и семьи в селе Теово, расположенном в населенном просербским право-

славным славянским населением горном районе Азот, к юго-западу от Велеса у горы Бабуна. Через родственников Трбич оповестил нескольких односельчан из сельской четы о том, что ждет их с оружием и припасами в условленном месте в горах. Таким образом, уже вечером 4 октября 1912 г. чета Василия Трбича (6 четников и воевода), начала то, к чему столько готовилась – борьбу за окончательное освобождение родных краев от турок.

Эти действия были начаты на следующий же день, 5 октября 1912 г., с изгнания турецкого налогового инспектора и двух турецких полицейских из села Ораов До, которым посланцы Трбича сказали, что дальнейшее пребывание турецких чиновников в христианских селах закончится для них плачевно. В тот же день к ушедшему в горы авторитетному воеводе примкнули еще несколько четников, и к вечеру в чете уже было 15 человек. На следующий день 6 октября 1912 г., отряд Трбича увеличился до 30 человек. Воевода также вошел в контакт с командиром Горного штаба М. Джокевичем и передал ему известия из Белграда. В список приоритетных задач входило нарушение турецких коммуникаций в тылу врага, срыв призыва и мобилизации транспортных средств и обозников для замедления мобильности турецких войск, а также поощрение хаоса и дезорганизации в тыловых районах противника. Первыми за это предстояло заплатить 6 октября 1912 г. шести турецким жандармам, которые прибыли для сбора телег, коней, обозников и солдат резервистов. Прибывшие в село Мокрени жандармы решили для начала выпить по чашечке кофе в кафане, где на них без лишних слов накинулись 12 четников Трбича и присутствовавшие в кафане 4 крестьян. После того, как жандармов связали, а в кафану зашел сам Трбич, который «всех этих людей хорошо знал, как, в общем-то неплохих людей... Но времени на сантименты не было»³⁵. Четники прикладами вытолкали жандармов из села и повесили их в ближайшей роще, а винтовки передали примкнувшим к ним крестьянам из села Мокрени, на месте вступившим в чету под влиянием обстоятельств.

Начальник полицейской станции в селе Согле, не досчитавшийся своих подчиненных, вызвал из Велеса полполка турецкой конницы, которая прибыла на следующий день для ведения расследования в селе Мокрени. Оставшиеся в селе крестьяне в панике разбежались, а след четников и подавно уже простыл. Аскеры схватили местного священника отца Дамиана и расстреляли его, после чего покинули село. С тех пор

полицейские в селе более не появлялись, снятых с дерева жандармов крестьяне закопали на опушке леса и стали ожидать дальнейших событий...

В тот же день 7 октября 1912 г. турецкие власти направили в Азот еще одну экспедицию из 250 человек ополчения – башибузуков (т. е. слабовооруженной и недисциплинированной местной мусульманской бедноты), которые разграбили дом и имение В. Трбича в селе Теово, убили его малолетнего сына, а его брата, маленькую дочь, жену и ее родственников отвели в качестве заложников в Велес. В то время сам Трбич с четой был в районе города Прилеп, где занимался дальнейшей активизацией сельских чет. Узнавший спустя несколько дней печальную весть он не покинул чету, а лишь послал старейшине ближайшего к Теово крупного мусульманского (албанского) села Соглье просьбу походатайствовать в Велесе об освобождении его семьи. В противном случае воевода пообещал незамедлительно сжечь Соглье со всеми его жителями. В. Трбич вспоминал: «Больше времени для того, чтобы помочь моей семье, у меня не было. В тот же вечер моя семья была отпущена»³⁶.

К тому времени чета Трбича насчитывала уже около 100 человек, дальнейшие инструкции из Белграда должны были поступить с голубиной почтой. А дополнительное оружие было получено от командира Горного штаба Джокича. Чета Джокича контролировала район Поречье, а Трбич решил вернуться со своей четой в Азот для продолжения действий на коммуникациях турецкой армии. Четники прервали телеграфную линию Велес – Прилеп в 50 местах, а также разгромили скопившийся на дороге Велес-Прилеп обоз в районе Црничка Река. Сопровождавшие обоз несколько охранников разбежались, а оставшимся крестьянам-обозникам четники позволили выпрячь своих волов из телег и уйти, после чего турецкий воинский обоз с телегами был подожжен. Развивая свой успех, Трбич решил перейти в наступление с оказанием психологического давления на врага и рассчитаться за разграбленный дом. Воевода узнал, что командиром местного ополчения был назначен Адем-ага, имевший пятерых взрослых сыновей, каждому из которых этот состоятельный торговец из Прилепа купил по богатому имению в местных селах, а к тому же держал на склонах горы Бабуны около 2 тысяч голов овец. В. Трбич посоветовал Адем-аге не покидать со своими подчиненными пригородов Прилепа и не нападать на сербские села, чтобы не рисковать головами сыновей и имуществом. После этого в горных сербских селах Азота больше не появлялись не только полицейские, но и военные, а начальник полицейской станции и оставшаяся полиция покинули село Соглье. Ста-

рейшина Соглье обратился к Трбичу за покровительством и защитой для села. Воевода пообещал не тревожить село при условии оказания помощи в связях с Велесом, куда, в силу сложившихся обстоятельств, православным крестьянам из Азота путь был заказан. Так В. Трбич восстановил связь с сетью осведомителей в Велесе, который турки выбрали в качестве сборного места для армии на македонском направлении. Думая на перспективу, В. Трбич стал с помощью местных крестьян готовить обходной путь для подхода частей сербской армии к Велесу...

Первые выстрелы Балканской войны прозвучали 9 октября 1912 г. на черногорско-турецкой границе³⁷. Проведенная во Вранье мобилизация четников, начатая еще 28 сентября, позволила сформировать из прибывавших из Сербии, Черногории и Австро-Венгрии добровольцев несколько отрядов под командованием Главного четнического штаба, получавшего приказы от начальника Верховного командования сербской армии генерала Радомира Путника. Мобилизацией, организацией и координацией отрядов четников занимался майор пограничной стражи Алимпие Марьянович. Приказы командирам четнических отрядов отдавали командиры воинских соединений, на участках которых действовали отдельные четы и отряды. А секретные приказы передавал лично прибывший на фронт майор М. Васич, который был назначен начальником Четнической организации в Разведывательном отделе Верховного командования. На территории самой Македонии действовало два Горных штаба – один в районе Скопска Црна Гора – Крива Паланка, и другой – уже упоминавшийся – завардарский штаб в районе Азот – Поречье³⁸. Под командованием опытных сербских воевод было сформировано несколько отрядов, которые должны были действовать в зоне ответственности отдельных армий. План сербских боевых действий был таков: 1-й сербской армии предстояло действовать вдоль долины Южной Моравы к Куманово и Скопье, 2-й сербской армии – на территории Болгарии у Кюстендила и Дупницы, 3-й сербской армии – на территории от Куршумлии по направлению к Косово, Ибарскому отряду – в направлении Новопазарского санджака.

Четническая поддержка регулярной армии предполагалась в различной мере. У 2-й армии эти действия не предполагались, в зоне ответственности 1-й сербской армии поддержку четников должен был обеспечить отряд воеводы Вука (В. Поповича) и местные четы (которые был послан организовывать В. Трбич), в зоне действия Ибарского отряда эти действия должны были проводиться всего лишь силами нескольких чет, а

основная концентрация сил четников планировалась на направлении деятельности 3-й сербской армии, где действовали 4 четнических отряда – Лапский, Гнилянский, Лисицкий и Луковский. Лапским отрядом командовал капитан В. Танкосич, собравший под свое командование 505 человек. Четники этого отряда были первыми вступившими в бой сербскими воинами, напав на пограничный турецкий пост. Стоит отметить, что это нападение не было санкционировано Верховным командованием и в некоторой степени являлось отражением желания В. Танкосича вызвать войну за освобождение сербских земель, помешав возможности мирных переговоров с Турцией³⁹. В ходе дальнейших боевых действий четники использовались в качестве авангарда для наступающих армий, размягчая линию обороны противника и облегчая продвижение основных сербских сил⁴⁰.

Уже 23–24 октября сербские пушки, грохотавшие под Куманово, были слышны сербским четникам, засевшим на горе Бабуне. Через 2 дня отряды разбитой турецкой армии потянулись из Велеса в Прилеп. Четники В. Трбича засели на горном перевале на Бабуне, оставив родные села на попечение жителей села Соглье. Последние из всех сил старались отвлечь внимание отступавших турецких войск от православных сел, предвидя возможность мести со стороны четников. Наконец, 1 ноября 1912 г. к вечеру чета Трбича соединилась с передовой частью сербской армии – четой В Поповича, а 3 ноября она уже принимала участие вместе с регулярными частями сербской армии (I батальон XV полка XVI моравской дивизии) в попытке овладеть перевалом Мукос на горе Бабуна. Впрочем, подошедшие вскоре части 17-го полка Моравской дивизии сменили четников и позволили им выйти из боя, совершить маневр и вслед за отступавшими частями турецкой армии октября 1912 г. войти в Прилеп.

Отдельные солдаты разбитой турецкой армии все еще проходили по улицам Прилепа, а сербские войска находились в 3 часах марша от города. Тем временем четники В. Трбича во главе со своим отчаянным воеводой заняли здание городского совета (общины), где собрались городские посланники. Поскольку регулярные сербские части взяли высокий темп наступления, они оторвались от обоза, и четники передали городским представителям приказ о сборе продовольствия и подготовке к встрече сербских войск. После вхождения в город сербских войск, четники В. Поповича выполняли функцию боевого охранения и разведки перед частями сербской армии, размещавшимися в городе. В то же время, эти

четники арестовали и расстреляли некоторых наиболее открытых противников сербской армии.

Командир Дринской дивизии полковник Павле Юришич-Штурм направил чету В. Трбича для обеспечения фуражировки армии – поддержки интендантских закупок по реквизиционным обязательствам, а также для опечатывания турецких государственных складов в соседних селах. Кроме того, В. Трбич не преминул ограбить имения Адем-аги, командира башибузуков, напавших на дом воеводы. Однако основное имущество (скот) башибузук-баши В. Трбич передал сербским армейским интендантам. В то же время для его четников нашлось не менее важное задание. В район Прилепа прибыл майор М. Васич⁴¹. Он рассказал о том, как в селениях Десово и Браилово был обманом окружен и разбит размещившийся там на ночлег полк сербской кавалерии. Васич потребовал «арнаутов из сел Десово и Браилово схватить; всех мужчин расстрелять, села сжечь, а потом на место албанских сел привести и поселить тут надежных сербов, которые имеют заслуги перед нашей организацией». В Десово Трбич и 30 его четников схватили и расстреляли всех местных мужчин-албанцев (111 человек), а село сожгли, оставив местных женщин и детей без крова. В Браилово, в котором албанцы поселились за несколько десятилетий до этого, изгнав почти всех местных православных жителей, Трбич поступил мягче. Он лишь выяснил, кто участвовал в нападении на сербских кавалеристов и расстрелял еще 66 албанцев, но село жечь все-таки не стал. Во-первых, в селе, кроме 20 албанских семей, все еще жила одна православная славянская семья. Во-вторых, как вспоминал сам Трбич, «я понял, что ошибся, когда сжег село Десово. Так поступали турки в 1903 г., во время македонского восстания, сжигая христианские православные села в Битольском вилайете, а я не хотел в этом стать похожим на турок»⁴². В дальнейшем, четники Трбича занимались патрулированием сел, установлением местной администрации в районе городов Прилеп и Велес.

После начала Второй балканской войны, 30 июня 1913 г., В. Трбич получил телеграмму от Верховного командования сербской армии, подписанную Р. Путником, с приказом мобилизовать четников на правобережье Вардара, сформировать Вардарский отряд и во главе этой части очистить от неприятеля территорию от Градского до Джевджелии. Кроме своего отряда (200 человек), В. Трбичу оказались подчинены все сербские четы, в том числе прославленных Й. Бабунского и Й. Долгача, кроме отряда В. Поповича, который выполнял особое задание на другом

участке фронта. Эти несколько сотен четников должны были ликвидировать проникшие на занятые сербской армией территории отряды болгарских комитов, а после этого предотвратить новые прорывы комитов, не входя без особого на то приказа в боевое противостояние с частями регулярной болгарской армии. После отступления болгарской армии четники В. Трбича занялись также поиском и ликвидацией агентурной сети, оставленной отступавшим противником.

Выполняя эту задачу, Трбич столкнулся еще с одной проблемой, создававшей немало трудностей для местного населения. Дело в том, что после начала боевых действий начальник сербского гарнизона на железнодорожной станции Демир Капия самовольно организовал отряд из местных турок под командованием нескольких бывших сербских четников-добровольцев, действовавших в передовых отрядах сербской армии. Этот отряд также провозгласил себя «сербскими четниками», но прославился лишь тем, что полностью ограбил торговый центр города Джевджелия, мотивируя это тем, что он «все равно достанется болгарам». Четники Трбича обезоружили самозванцев, турок наказали батогами и отправили их по месту жительства, а сербских поделщиков после столь же последовательного применения батогов связали и отослали в распоряжение Верховного командования сербской армии. Награбленное было возвращено жителям Джевджелии. Кроме того, люди Трбича участвовали в раскрытии нескольких бандитских замыслов местных турок, попытавшихся начать грабить те местные села, где действовали церкви болгарского Экзархата.

Мир не пришел на землю Македонии и после подписания Бухарестского договора (август 1913 г.). События, происходившие в 1913 г., В. Трбич называет «Третьей балканской войной» или войной с Албанией, в рамках которой подчиненные ему четники продолжали выполнять функции аналога «полевой жандармерии для поддержания администрации в новоосвобожденных районах и для умиротворения местного населения, что порой приводило к террористическим действиям против гражданских лиц...»⁴³.

В целом, стоит отметить, что использование Сербией четников в триединой роли «диверсантов-разведчиков-жандармерии» конвергентно схоже с подобным же использованием комитов в болгарской и андартов в греческой армиях⁴⁴. В этих действиях причудливо переплетались крайне отсталые и самые передовые тенденции в военной науке и организации. С одной стороны, речь шла о явлении многофункциональном и импрови-

зированной, опиравшемся на стихийные «хайдучьские привычки» местного православного населения. С другой – несомненной новизной отдавали идеи об асимметричном ведении боевых действий, о заброске зафронтовых диверсионных групп до начала ведения полномасштабных боевых действий, о применении пропаганды для создания боевых повстанческих групп в тылу противника из рядов местного населения, когда любое насильственное действие противника только разжигало пламя сопротивления. Помимо неприкрытого насилия и жестокости, граничащих с военными преступлениями, в этих действиях можно было увидеть черты войны нового времени, которую один из лучших умов современной военной мысли ван Кревельд называет «нетринитарной»⁴⁵. Важно отметить, что всю эту традиционную привычку к «хайдучии» и к четничеству сербские военные (как, впрочем, и их болгарские коллеги) продолжали дополнять активной переводческой деятельностью, знакомя четников и комитов с новейшими достижениями мировой военной техники в области партизанских действий⁴⁶.

Необходимо признать, что отряды четников и комитов Балканских войн выступили намного более удачно, нежели отряды партизан-охотников, сформированные в России во время Первой мировой войны, несмотря на давние традиции разработки партизанской войны в России⁴⁷. Невероятно, но даже кажущиеся примитивной импровизацией «македонки», которые болгарские и сербские четники применяли в конце XIX – начале XX вв., а с 1904 г. фабрично изготовлял военный завод в Крагуевце, – герметизированный в специально отлитом корпусе кусок низкобрызгантного взрывчатого вещества, снабженный бикфордовым шнуром с обжатым капсюлем-детонатором внутри гранаты, – были для начала XX в. также достаточно перспективным оружием. В годы Русско-японской войны русские и японские солдаты применяли в качестве ручных гранат снарядные гильзы и свинцовые трубки, начиненные динамитом, а японцы – стволы бамбука и жестяные банки из-под мармелада с пероксилином. Лишь после окончания Русско-японской войны крупные европейские армии начали вновь возрождать забытое оружие гренадеров⁴⁸. Недаром через 2 года после окончания Балканских войн именно сербским военным удалось сделать вызвавший признание современников прорыв в проведении специальных операций – в 1916 г. в Македонии и Сербии сербские четники впервые в военной истории высаживались в тылу противника с самолетов для организации диверсий и восстаний⁴⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Конвергентно схожие явления возникали и у других народов Балканского полуострова (турецкие «кирджалии» и албанские «качаки»). Частичная схожесть идеи ухода и бегства в «вольные люди» типологически могут быть найдены и в других эпохах – от Робин Гуда до Стеньки Разина. И тем не менее, специфическое явление «хайдучии» представляло в течение шести веков характерную типологическую черту социокультурной истории Балканского полуострова.
- ² Поповић Д. О хайдучима. Д. 1–2. Београд, 1930–1931; Вулемић В. Последњи хайдучи у Лици и другим неким нашим крајевима. Београд, 1923; Стојановић М. Хайдучи и клефти у народном песништву. Београд, 1984.
- ³ Tomasevich J. The Chetniks. Stanford, 1975. P. 115.
- ⁴ Митровић А. Устаничке борбе у Србији 1916–1918. Београд, 1987. С. 128.
- ⁵ Ранковић С. Горски цар. Београд, 1897.
- ⁶ Фејк О., Гоблач Д. Хайдучија у Подрињу у XIX и почетком XX века // Годишњак Историјског архива. Шабац, 1976. Бр. 3; Љушић Р. Хайдучија у Ужичком крају у време владавине кнеза Милоша и кнеза Михаила // Ужички зборник. Ужице, 1985. Бр. 14; Марјановић В. Иван Бабејић – последњи горски цар Хомоља: хайдучија у Хомољу и Звизду. Кучево, 2000; Ђенић М. Злочини у име правде: златиборска хайдучија. Чајетина, 2005; Антонијевић М. Хайдучи Хомоља: монографија о хомољској хайдучији. Петровац на Млави, 2006; Милосављевић О. Хайдучија у Ужичком округу у време друге владавине кнеза Милоша // Историјска баштина. Ужице, 2010. Бр. 19. С. 17–25; Милосављевић О., Хайдучија у Чачанском округу средином 19. века // Зборник радова Народног музеја. Чачак, 2009. Књ. 39. С. 117–148.
- ⁷ Perović L. Između anarhije i autokratije. Srpsko društvo na prelazima vekova (XIX–XXI). Beograd, 2006. S. 387–420.
- ⁸ В то же время следствием этой неготовности к ускоренной европеизации можно считать и создание идеологии партии радикалов – самого мощного политического движения независимой Сербии (подробнее см.: Шемякин А.Л. Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998).
- ⁹ Rosen G. Die Balkan-Heiducken: Ein Beitrag zur Inneren Geschichte des Slawentums. (Nachdruck von 1876 mit Einem Vorwort von B. Valtchev). Berlin, 2009. Некоторые авторы прослеживают влияние эпической

- традиции хайдуков на менталитет и повседневное поведение населения Западных Балкан вплоть до настоящего времени (см., например: *Žanjić I.*, *Prevarena povijest: Guslarska estrada, kult hajduka i rat u Hrvatskoj i Bosni i Hercegovini, 1990–1995. godine.* Zagreb, 1998.
- ¹⁰ Это было единственной отдушиной против «классического» стиля поведения «великих» государств по отношению к «малым», что спустя полвека пронизательно констатировал Стэнли Кубрик: «The great nations have always acted like gangsters, and the small nations like prostitutes». (*Guardian* (London). June, 5. 1963.
- ¹¹ *Цвијић Ј.* Анексија Босне и Херцеговине и српски проблем. Београд, 1908. С. 62.
- ¹² *Нешкович Б.* Истина о Солунском процесу. Београд, 1953. С. 202.
- ¹³ *Dakin D.* The Greek struggle in Macedonia. 1897–1913. Thessaloniki, 1993; *Тимофеев А.Ю.* Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда. 1878–1912. СПб., 2007.
- ¹⁴ *Трбић В.* Мемоари. Књ. I. Београд, 1996. С. 33; *Симић С.* Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији. 1903–1912. Београд, 1998. С. 66; *Краков С.* Пламен четништва, Београд, 1990. С. 88–89.
- ¹⁵ Надобности в частях, которые будут беспокоить неприятельский тыл, практически не было до того, как в XVIII в. появилась «магазинная система» снабжения армии, т. е. тыл в современном понимании этого термина.
- ¹⁶ *Laqueur W.* Guerrilla warfare: historical and critical study. New Brunswick (New Jersey), 1997. P. 101–102.
- ¹⁷ *Белић В.* Ратови српског народа у XIX в. Београд, 193. С. 6–15.
- ¹⁸ «Четник» – сербское обозначение воина-партизана. Четники обязательно объединялись в отряды – «четы». Во главе четы стоял «воевода». Перемещение четы в горах и боевое взаимодействие с противником называлось «четование» (аналог рейда, но в отличие от него заданием был не маршрут, а район постоянного действия). Для координации деятельности чет в отдельном районе образовывался «Горный штаб», который поддерживал связь с центральной организацией.
- ¹⁹ Эту книгу написал обрусевший серб, ставший в молодости прототипом лермонтовского «Фаталиста», полковник русской службы Иван Вуич, профессор кафедры стратегии, военной истории и тактики Николаевской Императорской военной академии (см.: *Вуич И.*, *Записки малой войны.* СПб., 1850).

- ²⁰ Правила о четничкой войни. Протолмачио изъ польскога са некимъ променама, изметцима и додатцима Матія Банъ. Београд, 1848; Начела четовања. Написао Дон Сантијаго Паскуал и Рубијо, бив. офицер у штабу ђен. Мине. С немачког превео Драгашевић – офицер и професор. Београд, 1868.
- ²¹ *Ивановић Љ.* Четовање или четничко ратовање. Београд, 1868.
- ²² *Хаци-Васиљевић Ј.* Споменица Друштва св. Саве 1886–1936. Београд, 1936. С. 60–63; Народна библиотека Србије. Збирка Ј. Хаци-Васиљевића. Ратна архива М. Милојевића. Писма 1–331 (1876–1889); *Мартиновић Д.* Портрети. Т. II. Цетиње, 1987. С. 33–61.
- ²³ *Дедијер В.* Сарајево 1914. Београд, 1966. С. 63–65, 72.
- ²⁴ *Вучетић Б.* Српска револуционарна организација у Османском царству на почетку XX века // Историјски часопис. 2006. Бр. 1. С. 359–374; *Пејић П.* Четнички покрет у краљевини Србији 1903–1918. Крагујевац, 2007. С. 73–108; *Тимофеев А.Ю.* Крест, кинжал и книга... С. 140–148.
- ²⁵ *Мартинов Е.И.* Срби у рату са царем Фердинандом. Београд, 1913. С. 44.
- ²⁶ *Поповић Ч.* Четничка школа у Прокупљу // Нова Европа. Књ IX (1927). Бр. 10–11. С. 323–327; *Тимофеев А.Ю.* Крест, кинжал и книга... С. 140–162.
- ²⁷ *Дедијер В.* Сарајево 1914. С. 903.
- ²⁸ Sarajevskij atentat. Pisma i saopštenja. Priredio V. Bogićević. S. 26, 88, 90, 92, 93, 95, 115, 120.
- ²⁹ *Дедијер В.* Сарајево 1914. С. 318.
- ³⁰ Там же. С. 694.
- ³¹ *Живановић М.* Пуковник Апис. Солунски процес хиљаду деветсто седамнаесте. Београд, 1955. С. 602.
- ³² Трбич В. – грађанин Австро-Венгрии, без воинског звања, окончил в 1902–1903 г. богословское училище в Карее (Св. Афон), с тех пор занимался организацией сербского четнического движения в Македонии. В 1912 г. В. Трбич в возрасте 31 года был командиром Горного штаба в Македонии. За 15 лет, проведенных в Македонии, он оброс обилием родственных, кумовских и дружеских связей, выучил местные языки. На полученные из Сербии деньги (и с помощью неформальной силовой поддержки четнической организации) Трбич сумел обзавестись семьей и завел обширное хозяйство.
- ³³ *Трбић В.* Мемоари. Књ. I. Београд, 1996. С. 280–284.

- ³⁴ Реально в то время речь шла об организационной сети, большинство же четников (из состава т. н. сельских отрядов четников) находились по домам, с припрятанным оружием и в ожидании сигнала.
- ³⁵ *Трбић В.* Мемоари. Књ. II. Београд, 1996. С. 7.
- ³⁶ *Трбић В.* Мемоари. Књ. II. С. 8.
- ³⁷ «Открытие военных действий Черногорией ранее других союзников имело целью отвлечь часть турецких сил, действовавших против Сербии, а потому еще 21 сентября (4 октября – А.Т.) начались пограничные стычки между черногорскими и турецкими войсками... 26 сентября (9 октября – А.Т.) черногорцы начали наступление, перейдя границу тремя колоннами...» (Балканская война 1912–1913 гг., М., 1914).
- ³⁸ *Стојанов П.* Македонија во времето на балканските и првата светска војна (1912–1918). С. 84–87; *Пејић П.* Четнички покрет у краљевини Србији. 1903–1918. Крагујевац, 2007. С. 122–124; *Илић В.* Учесће српских комита у Кумановској операцији 1912. године // Војноисторијски гласник. Бр. 1–3. Београд, 1992. С. 214–216.
- ³⁹ *Мишић Ж.* Мемоари. Београд, 1927. С. 179. Впрочем, это не было первым приграничным столкновением. Уже 4 октября албанцы напали на сербский пост в районе Мердаре (см.: *Лилић Б.* Успомене српских ратника (1912–1918). Београд, 2005. С. 73).
- ⁴⁰ *Трифунковић И.* Трновитим стазама. Београд, 1933. С. 40–99.
- ⁴¹ Нижеописанный случай «внесудебной расправы» не был единственным, который четнические воеводы выполняли по приказу М. Васича. Например, И. Трифуневич описывает и другой случай, произошедший в начале сентября 1912 г., когда В. Попович, за месяц до начала Первой Балканской войны, получил от Васича письмо, в котором последний сообщал «Дорогому В.», что, «если война начнется», то полицейский инспектор Абдул Х. «дожить до нее не должен». Это «пожелание “Народной обороны”» было беспрекословно выполнено, инспектор Абдул Х. с несколькими его сослуживцами были застрелены из засады (см.: *Трифунковић И.* Трновитим стазама. С. 40).
- ⁴² *Трбић В.* Мемоари. Књ. II. С. 17–19.
- ⁴³ *Tomasevich J.* The Chetniks. P. 117.
- ⁴⁴ *Dakin D.* The military operations of the Greek Macedonian Bands // The Greek struggle in Macedonia. 1897–1913. Thessaloniki, 1993. P. 447–450; *Петров Т.* Действия на партизанските чети в тила на противника // Национално-освободителното движение на македонските и тракийските българи 1878–1944. Т. 3. София, 1997. С. 274–282.

- ⁴⁵ Т. е. без четкого разделения трех компонентов (населения, армии и государства.), как в классических войнах по К. Клаузевицу (см.: *Crevelt van M.L. The Transformation of War*. NY., 1991).
- ⁴⁶ Например, использовавшийся при подготовке четников перевод-компиляция М. Джорджевича «Четник» (на основании книг английского героя Англо-бурской войны генерала Р. Баден-Пауэлла: *Baden-Powell R. Reconnaissance and Scouting*. L., 1884; *Baden-Powell R. Aids to Scouting for NCOs and Men*. L., 1899; *Baden-Powell R. Scouting for Boys*. L., 1908.), переводы Ж. Мишичем работ прусского эксперта по истории партизанских и специальных операций В. Балка (*Балк В. Тактика. Наука о бою. Но́йне борбе. Борбе око шума и места. Борбе око теснаца. Борбе око речних токова. Планински рат. Четничко ратовање и етапна служба*. Београд, 1912), или обобщение русской теории партизанской войны болгарским военным теоретиком Т. Пановым (*Панов Т. Партизански набеги*. София, 1911).
- ⁴⁷ *Вершигора П.П.* Военное творчество народных масс. М., 1961. С. 682–695.
- ⁴⁸ *Прибылов Б., Кравченко Е.* Ручные и ружейные гранаты. М., 2008. С. 15–17; *Λιάσκογ Α., Νικόλτσιος Β.* Τα όπλα του μακεδονικού αγώνα (1904–1908). Θεσσαλονίκη, 2008. С. 108–109.
- ⁴⁹ Практика малой войны в оккупированной Сербии. Для Военной академии РККА им М.В. Фрунзе. Об. Рыбаков по данным ген. Керхнаве и кап. Маули. М., 1936; *Ehrhardt A.* Der Kleinkrieg. Geschichtliche Erfahrungen und künftige Möglichkeiten. Potsdam, 1934. S. 64–78.

**Сербия и сербы
накануне Балканских войн
глазами русских
(к дискуссии о «современном» государстве)**

«Война будет популярна и бестрепетна к жертвам»

(Никола Пашич)

«Вся Сербия была мастерской для воспитания народа в едином духе.

Каждый солдат с малых лет знал о Прилепе и Скопье,

Косовском бое и героях, боровшихся на просторах старой сербской державы.

*Он страстно верил в то, что столетиями передавалось из поколения в поколение, –
однажды Косово должно быть отмщено!».*

(Станое Станоевич)

«Все селяки, грамотные и неграмотные, на память знают свои героические былины;

и славные имена сербской истории, действительно,

могут считаться народным достоянием.

Я искренне желал бы, чтобы наш русский крестьянин стал, наконец, знаком

с историей Владимира Мономаха, Дмитрия Донского или Ивана Грозного,

*хотя бы наполовину так хорошо, как знакомы сербские селяки
со своими историческими преданиями»*

(Е.Л. Марков)

В отечественной историографии имеется суждение, будто «Балканские войны и их историческая значимость изучены наукой»¹. На наш взгляд, согласиться с таким тезисом никак невозможно...

История Балканских войн 1912–1913 гг. до сих пор не написана, ибо они сразу же оказались в историографическом плену Великой войны 1914–1918 гг. Это обстоятельство создает лагуну в изучении одного из важнейших периодов в истории балканских народов. Балканские войны завершили не только «долгий» XIX век, но и переходную (во многом – переломную) эпоху в развитии всех государств региона. Их военные и геополитические итоги известны, однако они требуют научного осмысления, каковое (в свою очередь) вряд ли станет плодотворным без обращения к *внутренним* реалиям: традиционной социальной структуре; осо-

бенностям менталитета и уровню политической культуры населения и элит; взаимоотношениям власти и общества, их реакции на вызовы предвоенного и военного времени. Иными словами, без рассмотрения степени «модерности» балканских государств и обществ. Ответа требуют вопросы – в чем состоит разгадка «массового национализма» на Балканах, как войны отразились на национальной консолидации балканских народов, с чем в сфере «модернизации» сознания они подошли к кануну Новейшего времени.

Данные вопросы, применительно к Сербии и сербам, мы предполагаем рассмотреть ниже, привлекая в качестве основных источников свидетельства русских наблюдателей, в первую очередь, – дипломатов и военных корреспондентов (среди последних находились писатели и инженеры, активные и отставные офицеры, профессиональные журналисты и общественные деятели)^{*}. О непреходящей ценности подобных свидетельств для изучения социокультурной истории Сербии на разных этапах ее развития уже писалось не раз².

* * *

Известно, что объявление мобилизации вызвало в Сербии общее ликование³. «Все три призыва мобилизованы, – писал очевидец событий, – начинается радость и взаимные приветствия; невозможно замислить, что речь идет об отправке на фронт, где кладутся жизни, а не на сватовство^{**}»⁴. Русский глаз также подметил сей факт: «На станциях было много резервистов. Настроение у всех бодрое, а, главное, – совершенно спокойное, будто они ехали на самое обычное дело. И

^{*} Данные военных корреспондентов особо важны для нас, ибо, как справедливо заметил российский журналист Н.И. Гасфельд, «бытописатели юго-славянских земель, наблюдавшие сербов из вагон-салона и изучавшие их по рассказам и со слов сербских политических деятелей, лишены возможности видеть и слышать сербов в серенькие будни, когда они не надевают париков и не накладывают грима...» (*Шевалье Н. (псевдоним). Правда о войне на Балканах. Записки военного корреспондента.* СПб., 1913. С. 97–98).

^{**} Этот мотив «свадьбы» при объявлении мобилизации звучал и в русских СМИ: «Запасные стекались на призывные участки как на свадьбу!» (Родина. 7 октября 1912 г. № 41. С. 1. Приведено по: *Гусев Н.С.* Тема славянского единства в русской периодической печати во время Балканских войн 1912–1913 гг.) // *Историки-слависты МГУ. Кн. 8. Славянский мир: в поисках идентичности.* М., 2011. С. 464–465).

провожающие родственники также не обнаруживали никаких внешних проявлений горя в виде плача, криков и причитаний»⁵.

Как докладывал позднее инженер И.П. Табурно, «в течение трех дней явилось 95% призывных, через неделю их было 98%, лишь 2% оказались больными, но и из этих многие явились, прося их взять, в надежде поправиться в дороге». И далее: «Вы думаете, что слышен был плач матерей, жен, сестер, отправляющих своих близких на возможную смерть... Нет, если какая-нибудь баба и проливала тихо невольные слезы, ее сейчас же останавливали, пристыжая: “Как не стыдно плакать – такое святое дело”. Устыженная отвечала: “Я не плачу, что жалею, а плачу от умиления, что с такой радостью идут все освобождать наших братьев; плачу от того, что дождалась это увидеть”»⁶.

«Люди были так воодушевлены, – вспоминал секретарь русской Миссии в Белграде В.Н. Штрандтман, – что бросали работу, чтобы сразу же явиться на сборный пункт. Мне известен случай, когда работавший в частном доме серб не закончил чистку сапог, узнав о призыве его возраста в войска; он бросился опретью к хозяину, наспех попрощался, не взял причитавшихся ему денег и бегом отправился в местную комендатуру». Не он один – «в других случаях кучера оставляли экипажи и лошадей на дороге, дабы поспеть на место призыва. Кухарки тоже бросали все и спешили уехать в деревню, чтобы заменить мужчин на работе». Словом, «воодушевление было неопишное»⁷, порой приводившее к казусам, – под впечатлением одного, «старый майор Ковачевич, участник войны 1876 г., покончил с собой из-за сознания, что физическая немощь не позволяет ему принять участие в войне»⁸.

«Война, которую желали все!», – назвал вторжение в Турцию современный сербский историк⁹. Понятное дело, она ведь «была самой популярной в истории Сербии», – вторит ему соотечественница¹⁰.

* * *

Пытаясь объяснить данный феномен, сербские исследователи утверждают, что после смены династий (1903) в Королевстве произошел «переход элитарного типа национализма в массовый»¹¹. Аргументацию своему заключению они черпают в том, что, на основании «демократической» конституции 1903 г. и избирательного права, большинство мужского населения получило возможность активно участвовать «в элементарной политике», – а это является одним из двух необходимых условий для «эволюции национального движения в сторону массовости». Второе условие: грамотность *как минимум* трети населения. Причем указывается,

что «в реальной жизни читать умело *более* трети сербских граждан, а потому “читательская революция”, как то условие названо в литературе, в Сербии после 1903 г. имела место».

И в итоге, «современный («modern». – А.Ш.) человек, вдохновленный национальной идеей, воспринимает подобную эволюцию как участие в жизни суверенного государства, которое зависит и от него. Он больше не является пассивным наблюдателем»¹².

Мы уже говорили, что объяснять «необыкновенную популярность» войны у сербов, прибегая к категориям и значениям *современного общества* (а «массовый национализм» к ним, несомненно, относится) не совсем корректно. Разгадку ее, по нашему мнению, надо искать в стереотипах *традиционного мышления*¹³. Однако, специфика жанра той работы (обобщающий труд) не позволила нам «развернуть» данный тезис¹⁴ – ниже это и будет сделано...

Что касается массового участия мужского населения («в элементарной политике»), то в ряде работ мы попытались показать чисто *традиционное* «качество» такого участия, как, впрочем, и самой политики¹⁵. Принято даже считать, пишет К.В. Никифоров, что «жизнь в традиционном обществе вообще не знает политики в современном смысле этого слова»¹⁶. И ведь точно – не знает!

По оценке русского дипломата В.В. Муравьева-Апостола-Коробьина, данной спустя два месяца после Майского переворота, «исчезли в мгновение ока Обреновичи, воцарился быстро и по всем правилам конституции Карагеоргиевич, но сербы остались все теми же. Одна ночь, хотя бы и столь значительная, не смогла их переродить. Уснули на время страсти, встрепенулись некоторые чистые надежды и патриотические благие порывы. Однако для осуществления последних требуется время, ... тогда как для пробуждения природных инстинктов, зависти и ревности, оказался вполне достаточным и протекший двухмесячный срок»¹⁷. А Б.Н. Евреинов чуть позже дополнил коллегу: «Партийная борьба делается все непримиримее и несдержаннее, переходя все границы такта и приличия. Она охватывает все слои общества, прежде к ней непричастные, и возрастающие под ее пагубным влиянием поколения, неизбежно будут все более и более усиливать и обострять ее до тех пор, пока не настанет тот, могущий оказаться спасительным, кризис»¹⁸, или же, говоря иначе, «встряска, которая заставила бы здешних политических деятелей отказаться от преследования своих личных и партийных, корыстолюбивых и

властолюбивых целей и обратиться к единодушной деятельности в пользу своего отечества»^{19*}.

Словно в воду глядел: Боснийский кризис 1908 г. консолидировал сербскую элиту, что и проявилось столь успешно во время Балканских войн. «Сербы за свое возрождение должны быть благодарны Австрии, графу Эренталю», – констатировал И.П. Табурно²⁰. И он же далее о войне: «Дисциплина образцовая. Селяне, начальники департаментов, судьи, адвокаты, инженеры, прислуга, рабочие одинаково и пунктуально исполняют приказания старших – беспрекословно и даже охотно, как бы тяжело не было. Безропотно переносят всякие лишения. Куда исчезла критика мирного времени? Как будто ее и не было...»²¹. Но стоило наступить миру, как бывшие политические язвы вновь обнажились²². Повоенному прямолинейный генерал Панта Драшкич назвал вещи своими именами: «Лишь только для нас, сербов, проходит опасность, мы тотчас перегрызаемся между собой»^{23**}. Это одна из констант сербской «политики», весьма характерная и для периода 1903–1914 гг., – якобы «золотого века сербской демократии и парламентаризма»²⁴, что (как не раз отмечалось) является явной натяжкой²⁵ – «современной мистификацией того времени», или же «самым устойчивым историческим мифом»²⁶.

Сей тезис о «золотом веке» проистекает из слишком буквального следования чисто институциональному подходу, который (кроме формальной фиксации наличия в Сербии тех или иных институтов) мало что объясняет по сути. Неоднократно упоминалось, что, при относительно корректном соблюдении парламентской формы в указанный период, по-

* Российские военные еще более откровенны: «Внутренний быт подвержен разъедающему влиянию политических партий». И значит, «для сплочения сербов нужна популярная, имеющая целью осуществление заветных пожеланий народа, война» (Из секретной «Записки» Главного штаба. Петербург, 10 ноября 1902 г. // *Потанов Н.М.* Русский военный агент в Черногории. Т. I. Донесения, рапорты, телеграммы, письма. 1902–1915. М. – Подгорица, 2003. С. 37).

** Не избежала такой особенности и сама армия. Полковник Мирко Милосавлевич говорил Слободану Йовановичу: «Пока идут военные операции, мы действуем совместно, как братья; но стоит им прекратиться, словно какой-то дьявол вселяется в нас...» (Цит. по: *Јовановић С.* Апис и сукоб између војних и грађанских власти у Македонији // *Сабрана дела С. Јовановића.* Т. XI. Из историје и књижевности. I. Београд, 1991. С. 338–339).

литическое содержание институтов парламентаризма и их функционирование заметно отступали от базовых принципов (да и самой природы) *классического* парламентарного государства²⁷. Причина очевидна: и в эпоху «золотого века» сербский социум сохранял аграрно-патриархальный характер – с почти 90-процентным крестьянским населением; в нем практически отсутствовал *средний класс*, главный людской ресурс любого прогресса. И, следовательно, начало парламентской практики в Сербии предшествовало становлению в ней «гражданского общества», что шло вразрез с опытом Европы, где все происходило наоборот – там именно гражданин стоял в центре политики. А значит – «парламентская форма» и содержание расходились весьма ощутимо. Поэтому ясно, и здесь мы солидарны с учеными-политологами в том, что «один лишь институциональный анализ не способен объяснить, почему одинаковые по форме институты государственной власти в различных странах порой действуют совершенно по-разному»²⁸. И, соответственно, что уже давным давно сформулировал Л.Д. Троцкий, записавший в 1912–1913 гг. на основе увиденного: «Парламентаризм и демократия имеют в Сербии крайне примитивный характер»²⁹. И еще, он же, – «На странах Ближнего Востока можно во всех областях жизни проследить, как готовые европейские формы, идеи, иногда только имена заимствуются для того, чтобы дать выражение потребностям более отсталой эпохи. Политический и идейный маскарад есть удел всех запоздалых народов»³⁰. Как видим, за вербально-европейским «фасадом» в мышлении сербских политиков часто скрывались *традиционные* навыки и подходы.

Их происхождение не менее понятно – когда общественная дисциплина, да и весь *политический процесс*, базируются на личностных (в рамках патриархальной местечковой лояльности), а не формальных (порождаемых индустриализацией) принципах, то чувство долга к своему ближайшему кругу – родственников, земляков, друзей, – как того требовал старый *обычай*, проявляется у его участников значительно сильнее, чем общегражданская ответственность, закрепленная *законом*. Соответственно, «другой» в их глазах предстал не как представитель *своего* сообщества, думающий по-иному, но как *чужак*, отношение к которому было негативным... Что ж! Как заметил все в том же 1912 г. Йован Жуйович – академик и министр, «даже у интеллигенции не всегда присутствуют основные понятия о государственной организации»³¹. А четверть столетия ранее Никола Крстич констатировал сей факт еще более опре-

деленно: «В Сербии нет интеллигенции, независимой и созревшей для парламентской жизни, – той, которая существует в Европе...»³².

Касательно же высказанной мысли о «зависимости» жизни Сербии после 1903 г. от «сознательной» деятельности ее гражданина (именуемого, помнится, уже «современным человеком»), приведем иллюстрацию этой довольно *неожиданной* в «запоздалой стране» особенности политического процесса.

В одной неподписанной сербской рукописи 1914 г. автор охарактеризовал оную в виде чеканной формулы: «Партизанский дух есть отличие нашей расы. И я сомневаюсь, что когда-нибудь политические страсти обретут у нас более мягкие формы. Партизанство – это наша культура, оно питает наш дух. А сектантство и интриганство – составные части нашей политической морали. Ни одна сербская партия в своей борьбе не руководствуется принципами, заложенными в ее программе, личные интересы доминируют в политической жизни»³³. При этом, как водится, все сопровождается призывами к народу – «вот только простой селяк из Черной Травы очень бы удивился, узнав, что острая борьба ведется ради него. Он так и помрет, не оценив столь глубоко осознанных народных интересов»³⁴.

А данный селяк, как известно, давно связал себя с Радикальной партией, ведомой Николой Пашичем (этим, по выражению Троцкого, «абсолютным властителем Сербии»), причем так прочно, что даже в самые тяжелые для него минуты фаталистически замечал: «Зна Баја^{***}, шта ради!», и значит – все образуется... «В Белграде, – продолжал будущий «соавтор» российского Октября, – все политические разговоры вертятся вокруг личности Пашича... Про короля Петра вспоминают только в исключительных случаях, да и то по чисто внешним поводам. А Пашич всегда у всех и на уме и на языке. Он думает за всех, он знает, что нужно»³⁵.

В *традиционном обществе* отношения вождя и массы строятся на базе харизмы. Очевидно, что Пашичу удалось добиться этой *харизматической* степени доверия народа: не зря он более 20 раз возглавлял пра-

* Выражение Л.Д. Троцкого из его статьи в «Киевской мысли» от 18 ноября 1912 г. (см.: *Станчев М., Чернявский Г.* Л.Д. Троцкий, Болгария и болгары. София, 2008. С. 66–67).

** От *партизан* (сербск. разговорн.) – страстный приверженец какой-либо партии.

*** *Баја* – сербское прозвище Н. Пашича, означающее: *тятя, тятенька*.

вительство, а в самые сложные, военные, годы (1912–1918) – бесценно. При этом, как вспоминал Г.Н. Трубецкой, «он так олицетворял свою Сербию, как ни один государственный человек в Европе не олицетворял своей страны»³⁶. Отец родной – да и только! Но где же здесь «сознательная деятельность гражданина»?

Как видим, обратная связь между «верхами» и «низами» в Сербии действительно имелась, но, правда, иной природы, чем в государстве, где *современный человек* осознанно участвует в политике^{*}. Соответственно национальное согласие в Королевстве вызревало после 1903 г. на основе *традиционно-патриархальных понятий* о власти и ее носителях, о чем уже приходилось писать³⁷.

* * *

Теперь обратимся к вопросу о грамотности. Официально накануне Балканских войн в Сербии было чуть более 30% грамотных³⁸. Так, по крайней мере, утверждает статистика, из чего, как мы наблюдали, исследователи подчас делают далеко идущие выводы. Нас, однако, это число совсем не убеждает. И сомневаться в том заставил П.А. Ровинский, рассуждавший о сербской школе еще в конце 60-х гг. XIX в.

С одной стороны, он отдает должное властям в развитии школьного дела: «Нельзя не признать, что Сербия сделала значительные успе-

* Приведем наглядный пример такой «осознанной» обратной связи. «Один мой приятель, – писал на рубеже столетий британский путешественник Герберт Вивиан, – присутствовавший на великом радикальном митинге в Белграде в 1896 г., рассказывал мне, что из четырнадцати тысяч участников лишь три или четыре десятка слушали ораторов, остальные же ели дыни (по другим данным, – арбузы, чьи корки потом неделями валялись по белградским улицам. – А.Ш.). Он также добавил, что каждый из них получил по три динара... И вообще, радикалы могут рассчитывать на крестьян в любой момент. В удовольствии совершить экскурсию за партийный счет, те, по первому зову, соберутся где угодно и проголосуют за любую резолюцию, которую предложат их вожди» (*Вивиан Х. Сербия – рај сиромашних. Београд, 2010. С. 62*). Или еще: «У радикалов сознательные партийцы – только их лидеры, остальная масса идет за ними, слепо им доверяя» (*Тодоровић П. Како је у Србији (последњи извештај покојном краљу Александру) // Исти. Огледало. Зраке из прошлости. Приредила Л. Перовић. Београд, 1997. С. 892*).

хи», причем, «опередив числом школ Россию»³⁹. Имеется в виду, на душу населения. Но, с другой, ситуация выглядела не столь благобно – «зная, какими она располагала средствами, и сколько тратится на все, нельзя не потребовать больше того, что сделано». И даже, «не требуя многого, можно требовать, чтоб в том, что делается, были толк и польза, а мы этого-то последнего и не находим...»⁴⁰. И, правда, школ немало, но они «содержатся весьма бедно, и ни один порядочный учитель не идет в них»⁴¹.

В результате, как формулировали сербские власти свою сверхзадачу, «грамотность распространяется, а дальнейшее потом». Мы – государство маленькое, молодое, и «дело идет так, чтоб нельзя было сказать, что ничего не делается»⁴². «Чего вы хотите от нас? Мы недавние, слава Богу, что и это имеем»⁴³ – рефреном звучит в передаче Ровинского логика сербов.

Как видим, в условиях, когда государство не поощряло *прогресса* в школьном деле (в частности, не связывало получение образования с обретением каких-либо конкретных преимуществ), оно развивалось формально, для внешнего потребления: самостоятельному *de facto* Княжеству *пристало* иметь институт школы... П.А. Ровинский первым разглядел это несоответствие между формой и сутью, буквально возопив (на фоне быстрого-то роста числа школ): «Где же оно, истинное образование»⁴⁴ и поставив под сомнение все значение официальной сербской статистики об успехах страны в данной сфере – «Какое после этого неверное понятие вы составите о Сербии по тем отчетам, которые всякий раз читают перед скупщиной»⁴⁵. Вот где начало нашего неверия в статистику! Которое провоцирует следующий вопрос.

Распространялась ли в реальности эта самая грамотность в народной, и особенно сельской, среде, и откуда тогда замеченное Ровинским и принципиально важное: «Учат, учат в школе, а дети все-таки читать не могут»⁴⁶? В последнем и содержится негативный ответ, ибо в аграрной, патриархальной Сербии мотивация для получения образования еще не созрела. Традиционный образ жизни предполагал, что большинство детей проследует по ней путем родителей, наследуя их занятия и обычаи. Для чего «домашнее воспитание» («присмотр за скотиной» и т. д.) было куда важнее полученного на стороне *абстрактного знания*. В свое время мать Еврема Груича – одного из зачинателей либерального движения в Сербии – так пыталась отговорить мужа от идеи отдать его в школу: «Оставь его. Твои родители тоже не знали грамоты и ничего,

жили неплохо»⁴⁷. Все точно: «Зафиксированная и аккумулированная в бесписьменной народной культуре, хранящаяся в живой памяти и передаваемая механизмами неукоснительных традиций, ограниченная совокупность знаний и навыков вполне обеспечивала хозяйственный процесс»⁴⁸. И следовательно, как с полным правом заключает Александра Вулетиц, «представления о значении просвещения у большинства крестьян были весьма туманными»⁴⁹.

Но это относится к концу 1860-х гг. И, быть может, через полвека, в интересующие нас годы, все поменялось: школа из праздной *институции* превратилась-таки в рассадник *реального* знания, а «читательская революция» в Сербии совершилась? Понаблюдаем...

В 1882 г. министр просвещения Стоян Новакович выпустил закон об *обязательном* обучении «каждого ребенка, живущего в Сербии». По своим целям (в патриархальной-то стране) закон был чересчур амбициозен, почему и предусматривал некоторый переходный период. Сроком его окончательного применения определялся 1890 год. И что ж мы видим в этом году? Количество охваченных школой детей не дотянуло и до половины всех, кто достиг школьного возраста; число грамотных вообще составило чуть более 14%. Десять лет спустя количество грамотных достигло 21%⁵⁰, а накануне Балканских войн, как уже говорилось, едва перевалило за 30%. И это при том, что закон об обязательном начальном образовании (в редакциях 1897 и 1904 гг.) действовал постоянно. В чем же тут дело?

Думается, что, наряду с рядом объективных обстоятельств (нехваткой школьных зданий, учителей), главную причину медленного роста уровня грамотности в независимой Сербии следует искать все в том же отношении самого сербского селяка к просвещению – насколько знание являлось для него жизненной ценностью и внутренней потребностью?

Снова прибегнем к помощи российских авторов. Фиксируя формальную сторону («число первоначальных школ в Сербии в последнее время начинает увеличиваться»), они обращали пристальное внимание на суть дела: «При обучении в первоначальных школах правительство мало соображается с нуждами народа, с его нравами и условиями жизни. Сербский народ вовсе не против просвещения, но в своих школах он не находит того, что требует. Детей не обучают ни рукоделиям, ни ремеслам; мало того, родители замечают, что их дети, окончив курс в первоначальной школе, очень часто отказываются от простой работы. Серб, будучи по природе человеком в высшей степени практическим,

находит излишним посылать в школы своих детей, которые в школьный возраст нужны ему для присмотра за скотиной и для всевозможных услуг в хозяйстве. Хотя обучение в этой стране обязательно и бесплатно, но сербские поселяне всеми правдами и неправдами стараются удерживать своих детей дома, и вследствие этого много сербов остается безграмотными»⁵¹.

Ну, а для тех, кто все же заканчивал школу, полученное знание действительно было во многом абстрактным, поскольку «мало соображалось с нуждами народа, с его нравами и условиями жизни» и, соответственно, – никак не применялось на практике. Как таковое (невостребованное), оно не являлось первой повседневной необходимостью, что, в свою очередь, не могло не влиять на судьбу *номинально* грамотных людей. Речь здесь идет о *типическом* для всех традиционных обществ феномене «вторичной неграмотности»⁵².

Проиллюстрируем данную мысль фрагментом записок одного из редких ученых сербов – по должности окружного врача. «Нет лучшего школьного ревизора, – писал он на исходе XIX в., – чем окружной или срезский (уездный. – А.Ш.) врач, так как у него есть возможность при призыве в армию видеть тех детей, которые десять лет назад посещали школу. В селе, где школа существует тридцать лет, и где почти все прошли через нее, при призыве в армию оказалось, что из 40 бывших учеников только двое умеют читать и писать; 15 человек не умеют писать, но кое-как читают, а остальные и не читают, и не пишут. В том, что эти дети, по окончании школы, уходят в горы пасти скот и никогда больше не берут книгу в руки, виноваты не учителя. Просто у нас никто не желал об этом думать – ни одно правительство не предложило лекарства от болезни. И какой смысл в том, что такие большие деньги тратятся на учителей и школы, если в действительности народ не имеет от них ни малейшей пользы, ибо те, кто после сельской школы решает продолжить занятия, идут в чиновники, священники или становятся сельскими писарями – остальные дети забывают все...». И далее звучит уже знакомый мотив: «Крестьяне бы и хотели иметь школу в каждом селе, но при том условии, чтобы власть не требовала от них, что она должна быть по единому плану»⁵³.

Полтора десятилетия спустя (1908 г.) члены Шумадийского учительского общества, опрашивая в окрестностях Крагуевца крестьянскую молодежь, 10 лет назад окончившую первоначальную школу, были вынуждены констатировать, что «у огромного большинства парней и девушек исчезло почти все полученное в школе знание, а многие из них

вообще разучились и читать, и писать! Большинство из них за время, прошедшее после школы, не написало ни единого слова и ничего не прочло!»⁵⁴. Но уже то, что «они были в состоянии, мучительно и обливаясь потом, вывести свой автограф, – подчеркивает Момчило Исич, – относило их к категории грамотных»⁵⁵. Таковы были критерии.

Важно отметить, что указанный феномен «вторичной неграмотности» отличался в Сербии стабильностью – между поездкой Ровинского и подготовкой отчета Учительского общества прошло ровно сорок лет. А следовательно, и в самом сербском социуме к началу Балканских войн мало что изменилось *по существу* – в сравнении с уже довольно далеким прошлым.

В своей недавно вышедшей монографии французский исследователь Майкл Паларе пришел практически к тем же выводам: «Власти открывали школы все больше и чаще, но при этом мало прислушивались к тому, что действительно надобно крестьянам. И многие из них (хотя формально и образованные) оставались *функционально неграмотными**, а те, кто имел пользу от образования, считали его лишь средством бегства из деревни... Школа выглядела негативно в глазах крестьянина, который полагал, что получившие образование дети будут потеряны для его хозяйства»⁵⁶.

Причем негативно настолько, что в 1905 (!) г. депутаты Народной скупщины с села без сожаления ввели налог на торговлю учебниками, однако не решились на ту же меру в отношении выгонки домашней ракии⁵⁷. Или еще пример – накануне Мировой войны (!!!) в Мачве, самом плодородном и богатом крае Сербии, было 32 школьных здания, из которых лишь 5–7 соответствовало своему назначению. Современник констатировал: «В Мачве и еще некоторых краях крестьяне начинают массово строить вполне современные конюшни для правильного выращивания лошадей и другого скота; детей же оставляют во влажных, тесных, и во всех отношениях убогих хибарах, которые зовутся начальными школами»⁵⁸. Иерархия ценностей налицо!..

Итак, несмотря на общее число закончивших школу (весьма, кстати, и невеликое), *реально* грамотных людей в Сербии было много меньше, что наглядно подтверждает всю относительность формальной

* Тот же термин – «функциональная неграмотность» – употребляет и немецкий исследователь Хольм Зундхаузен (см.: Зундхаузен Х. Историја Србије од 19. до 21. века. Београд, 2009. С. 190).

стороны (статистики!). Как и в случае с парламентаризмом, между de-jure и de-facto в школьном деле образовался «зазор»* – абстрактное знание со временем выветривалось, не получая возможности адекватного применения в жизни, ибо традиционное общество не поощряло новаций, – «предшествующее» в нем «становилось нормой для последующего»⁵⁹.

И, следовательно (повторим этот системный для патриархальной Сербии принцип), одна только голая форма, в частности, – принятие законов об обязательном образовании, наличие почти что в каждом селе

* Такой «зазор» имел *системный* характер, распространяясь на *все* «новые» надстроечные элементы и порождаясь «старым» типом базиса. Покажем сей факт и на примере сербского здравоохранения. В 1876 г. русский врач-доброволец писал: «В каждом из 17-ти округов Княжества существовала небольшая больница, но жители неохотно обращались туда за помощью, так что те больницы пользовались скорее *официальным*, чем действительным значением» (*Коломнин С.* Общий медицинский очерк Сербско-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время Турецкой войны 1877 г. // *Русские о Сербии и сербах.* СПб., 2006. С. 251). Прошло два десятилетия, но они мало что изменили: «Бывали случаи, что во время эпидемий правительство посылало врачей в селения, но к ним никто не обращался...» (*Овсяный Н.Р.* Сербия и сербы. СПб., 1898. С. 162.). Или же: «Ориент начинается к югу от Будапешта. Здесь в первый раз, если следовать от Гамбурга, хозяева поколотили тех, кого власть послала дезинфицировать их жилье после смерти холерного больного» (*Димитријевић Л.* Како живи наш народ. Београд, 2010. С. 62). А больницы-то были, но «сделала ли хоть что-нибудь для народа государственная медицинская служба, кроме содержания окружных больниц, ставших в провинции *настоящей божьей благодатью для бездомных?*» (Там же. С. 47). Негативный ответ очевиден... Итак, даже на рубеже веков крестьяне больниц не посещали, ибо, по словам русского очевидца (1897 г.) «они в болезнях и не лечатся», считая, что «их посылают какие-то неведомые враждебные силы», – поэтому «селяк и прибегает к ворожеям и знахаркам, полагая, что они в состоянии тем же самым способом, каким напущены на него болезни, и прогнать их – при помощи волшебства, колдовства, чар и т. д.» (Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 1179. Д. 92. Л. 6).

школы и т. д., автоматически не являлась свидетельством успешной модернизации. Немалые по меркам Сербии вложения в просвещение, которых в конечном итоге все равно не хватало, часто прокручивались вхолостую; соответственно и результаты крайне амбициозных школьных реформ были весьма скромны. Очевидно, что сербские власти не преуспели к Балканским войнам и в обычном-то «ликбезе», не говоря уж о создании условий для «читательской революции».

* * *

И еще несколько суждений, касательно природы и качества грамотности в Сербии, на сей раз – с привлечением элементов «компаративности».

Для «затравки» – процитируем болгарского историка Наума Кайчева: «Несмотря на крупный исторический гандикап, сербская государственная машина в начале 1880-х была вынуждена решать те же задачи, что вплотную встали и перед болгарским государством-младенцем, – создание регулярной армии, национального банка, современной судебной системы. Не на последнем месте в списке реформ стояли введение всеобщего начального образования и организация целостной системы просвещения»⁶⁰. При этом (что важно для нашей темы), процент грамотных после проведения школьной реформы, число учеников и объем госвложений в образование на душу населения, были в Болгарии много выше, чем в Сербии⁶¹, – ведь еще в середине 80-х гг., после принятия амбициозного закона о всеобщем начальном образовании, сербское правительство в расчете на одного жителя вкладывало в школьное дело всего-то 0,63 динара, тогда как Хорватия и Славония, к примеру, – 1,35; а Восточная Румелия (под османским суверенитетом!) – вообще 2,48 динаров⁶².

Еще 25 июля 1878 г., на заседании Совета российского комиссара в Болгарии, М.С. Дринов докладывал, что в ней «существует два вида училищ: начальные и так называемые главные. Первые из них, т. е. начальные училища, находятся почти в каждом селении, за исключением губерний Софийской и Видинской, где их сравнительно менее. Главные же – почти во всех городах и местечках Придунайской Болгарии. В главных училищах дается общее образование, и они обыкновенно состоят из четырех классов, кроме габровского, в котором уже имеется семь классов»⁶³. И следом – *принципиальнейшее* замечание: «До сего времени все вообще училища в Болгарии носили название народных и устраивались и содержались исключительно населением, с живым интересом относившимся к народному образованию»⁶⁴.

Последнее наглядно иллюстрирует отрывок из послания генерала

Э.И. Тотлебена (весьма удивленного виденным во время путешествия по Болгарии и Восточной Румелии весной 1879 г.) императору Александру II: «Особого внимания заслуживают устройство и распространение народных школ. Не только в городах, но и в каждой деревне выходили ко мне мальчики и девушки с их учителями и учительницами». И далее – «Преподавание весьма простое и практичное, обучение детей обязательно для всех. В крае, какой столько лет находился под гнетом мусульман, подобное явление невольно возбуждает удивление», при том, что «в Габрове и Казанлыке существовали до войны институты для образования учительниц»⁶⁵.

Но почему же, спрашивается, практически независимое государство так уступало в *реальных* результатах «колониальным» странам, в первую очередь – Болгарии?

Нам представляется убедительной высказанная Майклом Паларе мысль о том, что болгарская элита под крышей турок не была инкорпорирована в политическую и военную надстройку государства. Ей оставалась ниша «бизнеса», для чего оказалось необходимым *подлинное знание*. При этом, – в ходе складывания единого османского рынка развивалась хозяйственная специализация регионов, в рамках которой нашлось место и для Болгарии («болгарский экономический ренессанс»), что опять-таки требовало грамотности. Причем программы образования были привязаны к реальным потребностям (вспомним Тотлебена: «Преподавание весьма простое и практичное»), ибо само оно «санкционировалось» *снизу*, в отличие от Сербии, где «государство приспособило всю образовательную систему своим собственным надобностям: для рекрутации чиновников, поставив содержательный акцент на *национальных ценностях*, – в ущерб привитию практических навыков»⁶⁶ *.

* Упомянутый англичанин записал свои впечатления от посещения *провинциальной* школы: «Совсем маленькие мальчики читали патриотические стихи с воодушевлением и гордостью. Когда же учитель вывел ученика к карте балканских стран, то я пожелал услышать, что он знает о Боснии, и тут же получил ответ – Боснию населяют сербы, но, к несчастью, в настоящий момент она томится под властью австрийцев. Кроме православных сербов, в ней живут и сербы-мусульмане, которые большие патриоты из-за своего сербского происхождения» (*Вивијан Х. Сербја – рај сиромашних*. С. 208)... В Болгарии все было иначе. Поскольку у болгар было мало возможностей для самореализации на государственной службе, упомянутый «ренессанс» (кроме «бизнесме-

Потому-то к началу XX в. в числе грамотных *сельских* обывателей, болгар и сербов, и «зиял» такой разрыв – 28,4 * и 12% ⁶⁷; к тому же

нов») создал и «национально фрустрированную интеллигенцию», обучаваемую, вплоть до паранойи, националистическими мечтами. Так, в Габрово (и это наглядно иллюстрирует их «столкновение») шла многолетняя борьба между «реформистскими» учителями и главами городского самоуправления, в ходе которой реформисты хотели освободить школьные программы и планы от «языка торговцев», дабы вознести националистические ценности выше той цели, ради которой, собственно, школы и создавались: сохранения и приумножения материальной культуры. А так как ситуация на османском рынке – и институциональные перемены в Империи – весьма способствовали «болгарскому экономическому ренессансу», то политическое негодование «патриотической» части интеллигенции (которая сама-то являлась продуктом «ренессанса») не смогли объединить болгар против оттоманского режима (См.: *Паларе М.* Балканске привреде око 1800–1914. Еволуција без развоја. Београд, 2010. С. 197). Наум Кайчев также подчеркивает, что «иерархия ценностей» в болгарских учебниках отличалась от таковой же у сербов: «Военные ценности не доминируют в учебниках. В них редко встречаются стихи, величающие в глазах маленьких читателей смерть за Родину. Гораздо чаще описываются добродетели просвещения, культуры, грамотности (Кирилл и Мефодий, Климент Охридский), как и красоты родной земли» (*Кайчев Н.* Македонию, възжелана. Армията, училището и градежът на нация в Сърбия и България (1878–1912). София, 2006. С. 92). Неслучайно, говоря о фазе строительства Болгарского княжества, Диана Мишкова отмечает пассивность народа, «невозможность вызвать его энтузиазм». И даже в 1911 г., по наблюдению Р.П. Гришиной, «политическое единение, необходимое для страны, намеревающейся вступить в войну, отсутствовало...» (*Гришина Р.П.* Болгария на пути к войне и Болгарский земледельческий народный союз // *Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в.* СПб, 2011. С. 14, 22). Перевод сознания болгар на военные рельсы был сделан позднее, «искусственным» путем. Чем все закончилось, – известно!

* В селах Тырновского округа, жители которого специализировались в садоводстве и огородничестве для *продажи*, грамотных было 43,3% (*Паларе М.* Балканске привреде око 1800–1914. Еволуција без развоја.

грамотность (подчеркнем) в болгарском варианте была, в основном, «активной»⁶⁸. Так что, Болгария, как нам думается, имела все шансы эволюционировать по пути естественной модернизации: ментальные предпосылки для этого в народе складывались. Недаром, отличный знаток Балкан, генерал Н.Р.Овсяный указывал: «Что касается настойчивости в достижении целей, трудолюбия и бережливости, серб много уступает своему соседу – болгарину»⁶⁹. Да и некоторые сербы отдавали себе в том отчет. «Народ трудолюбив, повсюду видны обработанные и полные плодов нивы, ... на которых в разгар страды старательно копошатся селяки», – записал в 1894 г., по пути из Белграда в Константинополь, Пера Годорович. Причем, «даже работая в поле, они хорошо одеты; приятно видеть их белые, будто снег, рубашки»⁷⁰. Словом, как отметил еще в ходе болгарского Освобождения едва оглядевшийся русский воин, – «деревни благоденствуют, жатва снимается»⁷¹...

Перед нами, таким образом, – очередной аргумент в пользу того, что, уж если вести разговор о «читательской революции» на Балканах в начале XX в., то гораздо корректнее делать это применительно к Болгарии, нежели к Сербии.

* * *

В сербской историографии подчеркивается, что «при переходе в стадию массового национализма главным и самым эффективным оружием становится печатный станок». И далее: «Накануне Мировой войны сербский народ имел весьма развитую периодическую печать»⁷², что являлось очередным свидетельством успешности все той же «читательской революции». И впрямь, по словам Л.Д. Троцкого, «Война застала в Белграде четырнадцать ежедневных газет – это на город с населением немногим более 80 тысяч душ... Благодаря развитой политической жизни, пресса играет здесь огромную роль. Она явилась одним из решающих факторов, создавших психологические предпосылки войны (имеется в виду – I Балканской. – А.Ш.)»⁷³.

Но, приглядевшись, Лев Давидович дал хлесткую характеристику ее природы: «С 1903 г. здесь политическим полем почти полностью владеет Радикальная партия». Однако она «не имеет в своих руках пресс-

С. 372). Показательно, но даже те «овощи, которые потребляются в Белграде, возделываются болгарями на другом берегу Савы и каждое утро привозятся из Землина...» (*Лавелз де Э. Балканский полуостров. Ч. 2. М., 1889. С. 12*).

сы». Поэтому «с 1903 г. в сербской политике все резче вырабатывается противоречие между официально-радикальным курсом и прессой». Далее – «Прессой руководит молодое поколение, которое не проделало революционной борьбы с Обреновичами, но успело разочароваться в ее результатах... Создался слой городской полуинтеллигенции, которая мало чему училась, не имеет за собой идейных заслуг, но проникнута уверенностью, что будущее Сербии принадлежит ей^{*}. Эти деклассированные элементы, стоящие на границе люмпенства и, во всяком случае, проникнутые духовным люмпенством насквозь, безраздельно владеют сербской прессой», чья «оппозиционность – есть лишь другая сторона ее жадного цинизма». И, наконец: «Бездарная, малограмотная, низменная сербская пресса вносит гниение в идейную жизнь страны и является самым зловредным фактором сербской общественности»⁷⁴.

Показательно, но и сербский суверен высказал о данном предмете весьма схожую мысль. 5 апреля 1905 г. российский посланник в

* Эти рассуждения Л.Д. Троцкого о сербской «полуинтеллигенции» полностью легитимны, что лишь подчеркивает глубину его проникновения в сербские (балканские) реалии. Классик сербской исторической науки Слободан Йованович называл данный тип людей «полуинтеллектуалами», которые «хотя и завершили школу, не обрели никакого культурного образования и морального воспитания». По причине ли врожденной неспособности, либо недостатков школьной системы, полуинтеллектуал «не получил никакого импульса для духовного саморазвития. Он не понимает значения духовных ценностей, уважая лишь то, что способствует успеху в жизни, а сам успех воспринимает совсем помещански – в смысле сугубо материальном... Диплом об образовании, как пропуск в круг интеллигенции, дал ему преувеличенно высокое мнение о себе самом. В общественном соревновании такой примитивец с дипломом бьется без всяких правил, с полным уверением, что тем самым он обеспечивает свое право. Соперников он убирает с пути немилосердно: так, словно те – не живые люди, а обычные физические препятствия». Его «политическая амбиция – на самом деле, совсем не политическая. Она состоит только в том, чтобы, войдя в политику, обогатиться и покомандовать с высоких постов. Он совсем не представляет, что могут быть какие-то высшие и общие цели...» (Йовановић С. Један прилог за проучавање српског националног карактера // Сабрана дела С. Јовановића. Т. XII. Из историје и књижевности. II. Београд, 1991. С. 571–572).

Белграде К.А. Губастов сообщал в МИД об аудиенции у короля Петра: «Его Величество откровенно заметил, что ему пришлось во многом разочароваться относительно сербских деятелей. Судя их издали, он не думал, что они были так деморализованы, поверхностны и легкомысленны. Причины этого он видит отчасти в самом характере сербов, но, главным образом, в печати, коя имеет на общество и на народ развращающее влияние. “У нас нет, – сказал с горечью король, – ни серьезных писателей, ни честных газет. Все они изошряются лишь в ежедневной брани друг с другом и живут скандалами”»⁷⁵.

Крайне точное суждение: острое внутреннее противостояние (та самая «константа» сербской политики) традиционно выплескивалось на страницы печати, причем в жесткой форме. Что, впрочем, уже давно никого не удивляло. Так, в 1881 г., в момент образования политических партий, прибывшему из Вены в Белград для редактирования партийного органа напредняков («прогрессистов») Тодору Стефановичу-Виловскому Пера Тодорович посоветовал «писать не “в перчатках”, но так, как публика в Сербии привыкла»⁷⁶. А год спустя, в ответ на вопрос П.А. Кулаковского о том, что пишут сербские писатели, король Милан Обренович ответил: «Сербские писатели пишут по газетам ругательного свойства статьи»⁷⁷. В последнем русский профессор и сам сумел убедиться совсем скоро. «Следует заметить, – сообщал он Н.А. Попову, – что общий вывод из всей сербской журналистики теперь тот, что здесь нет теперь ни авторитета, ни почтения к лицу какому бы то ни было, нет никакой идеи, никакого морального правила, какое бы руководило жизнью общества. Грустная картина разрушения!...»⁷⁸.

Не изменилась такая практика и далее. В 1892 г. газета «Отпор» («Сопротивление») назвала Николу Пашича (в это время уже премьера!) «лжецом, клеветником и изменником родины», закончив столь привычным для сербской политической практики призывом: «На виселицу Пашича»⁷⁹. А накануне выборов 1905 г. Коста Кумануди писал Милану Ракичу, как орган независимых радикалов («самостальцев») «Одъек»

* Традиция эта не утасла и в период «золотого века». Прибывший из России Н.И. Гасфельд заметил, что нередко мишенью для газетного обстрела «являются министры, стоящие у власти, которых обвиняют в уголовном прошлом и государственной измене, и предлагают заменить немедленно своими ставленниками» (*Шевалье Н. Правда о войне на Балканах... С. 98–99*).

(«Эхо») и старорадикальная «Самоуправа» («Самоуправление»), «с кровавой пеной у рта бросают друг другу одни и те же оскорбления и самые жуткие обвинения, из коих наиболее мягкое – “предательство” и “служба интересам Австрии”»⁸⁰. Схожих примеров можно привести немало.

Жесткость характеристик (особенно в «национальном» контексте) можно понять – многовековое противостояние с Османской империей привело к формированию у сербов *конфронтационного сознания*, и это во многом определяло специфику внутренней жизни. В условиях незавершенности процесса всесербского «освобождения и объединения» (что оставалось для большинства «сербянской» элиты задачей первой; в том числе после появления в 1878 г. на границе Княжества Австро-Венгрии – нового врага, «сменившего» турок и водворившегося в Боснии и Герцеговине), оно органично экстраполировалось и на отношение к «другому» внутри страны. Соответственно, мир для ее граждан (не важно – внешний ли, внутренний) был по-прежнему окрашен в *черно-белые* тона. Оттого в диалоге политических сил столь часто и присутствуют взаимные упреки в «измене родине».

Это внешнее «воздействие», заметим к слову, есть второй важный фактор (наряду с «местечковой» лояльностью), объясняющий высокую степень политического антагонизма в Сербии.

Владан Джорджевич (премьер в 1897–1900 гг.) впоследствии писал: «Тяжела была судьба ответственных политиков в семидесятые, восьмидесятые и девяностые годы XIX в. Страна тогда раздиралась борьбой вошедших в кровавый клинч нескольких партий; при этом каждая из них полагала, что она-то и есть хранительница сербского патриотизма»⁸¹. После переворота 1903 г. число «хранителей» возросло – с претензией на патриотическую монополию выступили офицеры-заговорщики, основавшие в 1911 г. тайную организацию «Объединение или смерть» (другое ее название «Черная рука»), с собственным печатным органом – газетой «Пьемонт»⁸². Да и радикалы, как мы видели, окончательно раскололись, поделив свой былой «монополизм» пополам. Все это привело к еще большему «накалу» в столичных СМИ.

Разочаровавшись в принципах «парламентского» государства, не дававших, как они полагали, возможности *скорого* решения сербского национального вопроса, и видя в них лишь источник перманентных межпартийных склок, лидеры «Черной руки» выступали с позиций централизма, милитаризма и национализма, становясь (чем дальше – тем больше) угрозой гражданскому правлению. «Пьемонт» в первом же по счету

номере от 3 сентября 1911 г.) «привычно» обвинил все партии «в аморализме, бескультурье и непатриотизме». Единственным лекарством объявлялся «централизм», с опорой на армию⁸³. Особо жесткие филиппики доставались от газеты правящим старорадикалам и их лидеру Николе Пашичу. Что опять же понятно, – слишком уж по-разному (при *единстве* стратегического курса на освобождение и объединение сербов) смотрели военные и гражданские на тактические и функциональные задачи власти.

Психологию такого антагонизма описал видный сербский социолог и этно-психолог Владимир Дворникович: «Борьба лишь обостряется, когда речь идет о разнице в понятиях близкого (родственного) порядка. Психология фанатичного борца требует определенную и эксклюзивную цель. Она должна быть предельно просто сформулирована, иметь характер догмы и не допускать никаких комплексов, никаких полутонов и переходных нюансов; никакой конкуренции родственных идей, которые, быть может, направлены к той же цели, но подразумевают иной темп, иные методы и иные формулы. Именно в отношении самых близких нюансов, границы и противоположности намеренно углубляются... Гражданские войны между партиями, принадлежащими к одной нации и государству, – более страшны, чем войны между разными государствами и народами *»⁸⁴. Боян Йованович назвал данное явление «нарциссизмом малых различий»⁸⁵. «Нарциссоидное настояние на различиях есть показатель недовольства „качеством“ совместной идентичности, в той же мере, насколько она не достигнута и на более низком уровне общности (выделено нами. – А.Ш.)»⁸⁶. Круг замкнулся...

Из наших кратких размышлений о белградской (но совсем не сербской! – очевидно ведь, что не «сербский народ» имел «весьма развитую печать» **) периодике и ее манерах следует несколько заключений.

* П.А. Кулаковский еще в 1882 г. констатировал – «Меня больно поражало всегда в Сербии... то, что здесь партии ненавидят друг друга больше, чем общего врага...» (Рукописное отделение Института русской литературы РАН. Ф. 572. Д. 44. Л. 27об. (П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 3 марта 1882 г.)).

** Весной 1883 г., в момент первого всплеска «газетной войны» в Сербии, Милан Миличевич записал в дневнике: «Когда человек читает, что газеты пишут о Сербии, но при этом сам в ней не находится, он может подумать, что здесь за малым не вспыхнул порох. А когда видит, что происходит в народе, он должен скорее смеяться, чем удивляться бес-

Во-первых. Она оставалась, по выражению Сюзаны Раич, настоящим «полем боя»⁸⁷ различных политических сил. «Сопровождая» и ретранслируя партийную борьбу, которая, помнится, становилась «все непримиримее и несдержаннее, переходя все границы такта и приличия» (и это не случайно), пресса следовала в том же *традиционном* русле, переводя *государственное и общее* на уровень *личного*. «Когда вы читаете передовицы тех газет, и особенно партийных, – заключает Дубравка Стоянович, – то складывается впечатление, что их главная цель – оскорбить противника, высмеять его, подвергнуть поруганию. Так, словно нет никаких ограничений того, что можно говорить». И далее: «Возникает вопрос, был ли данный тип печати индикатором демократизации общества, или, напротив, таким способом создавалась анархическое политическое пространство, в котором возможно все, ... где не действуют никакие правила и принципы? При таком понимании свободы печати создается стиль, когда личные оскорбления напрочь вытесняют дискуссии о политических вопросах, а политика сводится к ошибкам главных участников». И следовательно, «общий и государственный интерес заменяются выяснениями личных отношений». В результате – «все важное отходит в сторону, а общество лишается возможности четко артикулировать перспективы своего развития...»⁸⁸.

Во-вторых. «Сербиянская» элита (за исключением, возможно, редких напредняков – сторонников *гражданской* опции) всегда была настроена *патриотически*. Национальная сатисфакция оставалась для нее святой и «наследственной» целью. В 1895 г. специальная комиссия, в которую вошли представители академического сообщества, давала названия белградским улицам: огромное большинство новых топонимов было связано с географией (городами, горами, реками) предполагаемой «Великой Сербии», кроме одного – Москва⁸⁹. Равно и программы в школах, военно-учебных заведениях и т. д. были соответствующим образом сориентированны. Так, в Белградской унтер-офицерской школе, по свидетельству русского военного туриста, среди прочих предметов, преподавали «историю и географию Великой Сербии от моря до моря (!? – А.Ш.)»⁹⁰.

совестности газет и всех этих газетных недовольных» (Архив Српске академије наука и уметности. Бр. 9327. Дневник М. Милићевића. Књ. 11 (запись от 16 апреля 1883 г.)).

И, в-третьих. «Читательская революция» произошла к началу Балканских войн не в Сербии, а в Белграде, – что подтверждается процентом грамотных столичных жителей* и количеством газет; основанием в 1905 г. Университета (в числе его студентов было даже 14 девиц⁹¹) и наличием как *европейски* образованной бюрократии, так и отдельных, там же признанных, ученых (И. Паннич, Й. Жуйович, Й. Цвийич, Дж. Даничич, Ст. Новакович)...

Однако, Белград, напрямую граничивший с Европой через Саву, представлял собой островок культуры и модерности⁹² в море не желавшей отступать патриархальности. И 14 студенток Университета не должны вводить в заблуждение, заслоняя главное, – остальные женщины были практически исключены из сферы образования**; общий же его уровень в Сербии оставался катастрофическим⁹³. Влияние столицы на окружающий руральный мир, таким образом, было минимальным – сербский селяк буквально «в штыхы» воспринимал город и городскую культуру. Русские очевидец фиксировал, что «пастухи и земледельцы, сербы не видят необходимости селиться в городах»⁹⁴. И далее: «Крестьянин, убежденный селяк, поразительно равнодушен к городу. Он кончает свои сделки на окраине, запивает могоарычи в ее душных кафанах и, со спокойным духом, возвращается восвояси, в глушь деревни, потерянной между гор и лесов»⁹⁵. Соответственно, не терпел он и вмешательства горожан: «Селяки буянят на сходках: не хотим людей в пальто!», – писал один белградец в 1905 г.⁹⁶. А радикальный официоз «Самоуправа» вообще призывал: «Село и крестьянин еще сохраняют сербскую народную мысль, и им необходимо уничтожить влияние города – этого гнезда иноземщины»⁹⁷.

* В 1900 г. в Белграде было всего 27% неграмотных; в то время как на селе 88% населения не умело ни читать, ни писать (*Зундхаузен Х. Историја Србије од 19. до 21. века. С. 188*)... Однако, и здесь не все так однозначно. Сохранились данные о количестве книг, прочитанных жителями столицы в 1903–1908 гг. И что мы видим? В 1903 г. сто белградцев прочли 16 книг; в 1906 – 22; а в 1908 – 15 (*Ђуровић А. Модернизација образовања у Краљевини Србији. 1905–1914. Београд, 2004. С. 109*). Несколько странная для «читательской революции» динамика.

** В начале XX в. только 9% замужних женщин могли написать свои имя и фамилию (*Зундхаузен Х. Историја Србије од 19. до 21. века. С. 188*).

Примечательно, но столь же «антигородской» настрой сохранили и внуки крестьян, маршировавших в 1912 г. по «Европейской Турции». Добрица Чосич, описывая земляков из своего села Великая Дренова уже в титовские и посттитовские годы, запечатлел одного, что «любил старые дома и сельскую старину, не перенося на дух ничто городское, кроме стиральной машины, которую считал самым выдающимся изобретением XX в., ибо она освободила женщину от унизительного труда»⁹⁸. Другой, «не то, чтобы ненавидел город, однако никогда не согласился бы в нем жить»⁹⁹. Даже интеллигент (известный философ и литературовед Сретен Марич), родом из села Субела в Ужицких горах, «любил все старое, сербское, невозвратно исчезавшее, и презирал выскочек и порочную балканскую черту – буквально очаровываться чужим, “современным” европейством...»¹⁰⁰. А Латинка Перович вспоминает, какие призывы слышались в сербской глубинке во время местных выборов в конце 60-х: «Голосуйте за него, он – наш, он носит гунь (крестьянскую куртку из грубого сукна. – А.Ш.). За учителя же не голосуйте, – кто знает, куда он нас заведет»¹⁰¹. Сословная мужицкая ментальность, как видим, несмотря на все попытки коммунистов вытравить ее, так и не поддалась...

Сравнивая Белград, с его образованными жителями (к каким вполне может подойти понятие – *массовый национализм*), и «остальную» (крестьянскую и неграмотную) Сербию, Слободан Йованович в одном послевоенном письме высказал мысль, которая заслуживает глубокого осмысления: «Перед войной я совсем уж было потерял веру в наше будущее, но сейчас мне кажется, что мы... оказались тогда слишком большими пессимистами. Белград – не Сербия; это то, чего не следует забывать, – мы ошибались, когда по тому, что видели в столице, делали вывод, что точно так же происходит и во всей стране»¹⁰² *.

* * *

А как, собственно, «происходило во всей стране»? Какие механизмы (если это – *не школа*) обусловили всеобщий подъем накануне Балканских войн?

Пытаясь объяснить данный «феномен», Миле Белаяц замечает: «нам весьма близка мысль о том, что основы сербского национального

* На рубеже столетий Герберт Вивиан проницательно заметил: «Все сербы – пламенные патриоты... И нет большего заблуждения, чем полагать, что готовность к войне – характерная черта одних лишь высших классов» (*Вивијан Х. Сербја – рај сиромашних*. С. 90).

сознания закладывались в последней четверти XIX в. домашним патриархальным воспитанием крестьянского света, когда мать, которая всегда рядом, формирует у детей первые взгляды на мир, сами же дети... долгими вечерами в тысячный раз распевают народный эпос»¹⁰³.

Должно сказать, что мы также разделяем эту мысль и ниже постараемся показать ее справедливость...

Уже неоднократно упоминалось, что сербское аграрное общество в своем «бытии» всецело опиралось на традицию, воспринимая в качестве источника всякой деятельности *прошлое*¹⁰⁴. Иллюстрации ради, приведем фрагмент из мемуаров Милана Стоядиновича о выступлениях знаменитого оратора, члена ЦК Радикальной партии, ужицкого священника Милана Джурича. «Главным его аргументом, – писал премьер межвоенной Югославии, – была апелляция к „прадедовским костям“. Обычно он провозглашал: “Прадедовские кости требуют от нас”. Или: “Кости прадедов зывают к нам из могил”. Такой патриотический настрой его речей всегда имел большой успех»¹⁰⁵. Его так и называли – «прадедовские кости»¹⁰⁶. В 1913 г., после сербских побед в Балканской войне, поп Милан собрал в Ужице огромный митинг, на котором заявил: «Братья! Косово отмщено, отмщены прадедовские кости, мы снова видим блеск Душановой короны!...»¹⁰⁷. Данный пример подтверждают всю оправданность тезиса, что одной из базовых традиционалистских установок являлась идея преемственности – т. е. «солидарности поколения живущего с поколениями умершими»¹⁰⁸, или «участия минувших поколений в современности»¹⁰⁹.

Особо наглядно это «участие минувших поколений в современности» проявлялось в подходе родителей к воспитанию, когда (в передаче П.А. Ровинского) отцы заставляют своих чад «выучивать в виде катехизиса историю падения сербского царства на Косовом поле, причем делают такие выводы, что Милошу Обиличу – на вечные времена слава, Вуку Бранковичу – проклятие, а турку и швабу нужно посечь голову...»¹¹⁰. С течением времени в данной системе воспитания мало что

* В 1889 г., выступая в Народной скупщине, М. Джурич предложил, чтобы на всех торжественных заседаниях депутаты появлялись в национальном платье эпохи Неманичей – «в таком, какое носили тогда на наших старых саборах» (*Терзић С. Патријархалне црте Тајсићевог радикализма (Ранко Тајсић као посланик 1889–1892.) // Ранко Тајсић у политичком животу Србије. Зборник радова. Чачак, 1994. С. 22).*

изменилось. Спустя *почти полвека* после путешествия Ровинского, другой русский автор констатировал: «Когда старый дед учит внука владеть саблей или кинжалом, тогда жилище серба наполняется избытком высокого наслаждения и удовольствия. Преемственно, от поколения к поколению, передаются имена освободителей народа от турецкого ига, и в честь их слагаются песни»¹¹¹.

Образованные сербы, признавая явный перекося «героического» воспитания, тем не менее так объясняли его необходимость: «Видите, в каком мы положении: мы должны из наших детей готовить вместо гуманных граждан – диких солдат, потому что нам грозит война с турками, борьба с варварами, с которыми нужно мериться тем же оружием, каким они пользуются против нас»¹¹². Сей мотив грядущей войны и необходимости подготовки к ней с самого «нежного» возраста тиражировался на всех уровнях. Прота Милан Джурич с парламентской трибуны требовал от учителей так воспитывать детей, «чтобы они знали заветную мысль (об освобождении и объединении сербства. – А.Ш.), знали о косовских героях, ... и в будущем, став гражданами, отомстили бы за Косово и создали Великую Сербию». Или другой его пассаж: «Мать пасет овец или жнет ячмень и пшеницу, но при этом поет сыну песню и готовит его к отщепеню Косова»¹¹³. А автор знаменитых «Десяти дней, которые потрясли мир» Джон Рид отписывал о сербах: «Каждый солдат из крестьян знает, за что он сражается. Еще когда он был маленьким ребенком, мать приветствовала его: “Здравствуй, маленький мститель за Косово”...»¹¹⁴. Отметим этот *эсхатологический* мотив – мать заранее готова к возможной гибели своего ребенка! Что оставляло сильное впечатление на европейцев. Швейцарская медсестра Катарина Штурценегер зафиксировала в дневнике: «Как это просто, естественно, но и глубоко... С патриотизмом сербских дам мир должен считаться! Вместо того, чтобы советовать своим супругам, отцам, братьям и друзьям уклониться от вооруженной защиты нации, или страстной рекой слез задерживать расставание, они, напротив, его ускоряют: долг в отношении нации у них на первом месте – в сравнении с собственным сердцем»¹¹⁵.

Итак, *юнацкое* (т. е. героическое) начало закладывалось в сербских детей с младых ногтей. Не только в школе, как мы уже наблюдали, но (что значительно важнее) вне ее – известный сербский историк Панта Сречкович вспоминал: «Хозяин трактира, у которого я столовался, был хорошим человеком и всегда рассказывал о Прилепе и королевиче Марко. Хозяин лучше учителя знал, где находился дворец Марко, где были

Душановы палаты, где Вукашиновы, и как Вукашин убил Уроша... Про эти детали Чира (учитель. – А.Ш.) нам не говорил»¹¹⁶ *. Оно не могло не сказаться на формировании детского мироощущения, которое всегда оставалось сугубо конфронтационным в рамках оппозиции «свой – чужой». И даже когда *чужие* менялись (то есть, когда к туркам добавились «соседи» из-за Савы и Дуная), отношение к ним оставалось столь же жестко-одномерным. В «Катехизисе для сербского народа» читаем: «Кто неприятель сербов? – Самый главный враг сербов – Австрия... Что надобно делать? – Ненавидеть Австрию, как своего самого главного врага... А кто друг сербов и Сербии? – Единственный искренний и надежный друг сербов, который был и есть: великая и мощная Россия. – В чем долг каждого серба? – Любить свое отечество и монарха и умирать за них, уважать своих друзей и ненавидеть врагов...»¹¹⁷.

Данный подход проявляет себя особенно контрастно в сравнении с другим типом мышления. Иллюстрации ради, приведем разговор Владана Джорджевича (воспитанного в Европе и отнюдь не фанатика-радикала, вроде проты Джурича) с чешским национальным деятелем Ладиславом Ф. Ригером. На реплику Ригера, что «австрийское ярмо становится для чешского народа слишком тяжелым», собеседник задал ему естественный для *всякого* серба вопрос: «Почему же тогда чешский народ не сбросит его?». На что им был получен характерный ответ – «На-

* Известный российский педагог Е.Л. Марков, путешествовавший в 1895 г. по Сербии, оставил яркое свидетельство о встрече с сербскими крестьянами в одной придорожной механе (трактире): «Когда разговор зашел о Косовом побоище, то все заговорили разом и так горячо, что ничего понять было нельзя; но хозяин мианы сердито крикнул что-то и к нашему столику выдвинул высокого молодого парня. “Вот он лучше всех может рассказать про Косову битву!”, – кричали кругом. “Пусть он рассказывает”. Я подумал, что малый, вероятно, не очень давно учился в школе и почерпнул уже из книг свои сведения о великом побоище. Но оказалось, что он неграмотен, в школе никогда не был, а одарен необыкновенной памятью и знает наизусть все, что когда-нибудь читали и рассказывали ему. Действительно, он удивил нас подробным и складным рассказом обо всех подробностях Косовского погрома, об убиении Мурада, об измене Вука, о смерти царя Лазаря» (Марков Е. Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки // Русские о Сербии и сербах. Т. I. СПб., 2006. С. 310).

род, у которого почти в каждом втором доме стоит пианино, не поднимает революций»¹¹⁸. Перед нами два наглядных проявления двух систем мышления, названных Ю.М. Лотманом *бинарной* и *тернарной*. Вторая «стремится приспособить идеал к реальности», тогда как первая – «осуществить на практике неосуществимый идеал»¹¹⁹, в случае с сербами: реализовать *мегаломанскую* мечту – восстановить свою средневековую державу, т. е. Душаново царство*. В 1880 г. П.А. Кулаковский делился с Ап.А. Майковым: «“Царство Душана не дает сербам спать”, – недавно где-то я читал, и это правда: не было бы вредно, если б этим историческим славным воспоминанием сербы поддерживали свой дух, но беда в том, что это историческое воспоминание заставляет их разыгрывать роль, им не подходящую, заставляет их обманывать и нас, и себя; заставляет их больше мечтать и меньше делать»¹²⁰.

Прошли десятилетия, но в системе мышления одних и других опять же ничего не изменилось. В начале рокового 1914 г. оказавшийся в сербской столице русский турист писал: «Белград делает сейчас заем в 40 миллионов франков, из которых 20 миллионов предназначено на постройку общественных зданий. Многие находят, что для Белграда это расход чрезмерный», утверждая, «что украшать город хорошо, ... но, что пушки, пожалуй, надежнее. Не лучше ли иметь лишних 20 скорострельных пушек, чем построить один дом?». В ответ на это, гость вспомнил о своей встрече с мэром Праги, «когда он показывал народный банк, который обошелся чуть ли не в четыре миллиона франков. Я спросил, как может маленькая Чехия возводить такие дворцы, которые считались бы роскошью даже в России или во Франции. Он ответил, что положение России и Чехии несравнимо, чешский крестьянин знает, что он окружен со всех сторон немцами, которые хотят задавить его самосознание, ему тяжело, его надо подбодрить. Вот и строятся дворцы для обслуживания народных нужд, чтобы показать народу его силу и мощь его единения. Каждая такая постройка есть новая крепость, она придает крестьянину веру в самого себя, в свои силы и укрепляет его дух...»¹²¹.

* Легитимность данного заключения вполне подтверждается выводом национальной историографии: «Обновление царства Душана являлось идеалом для многих сербских националистов XIX в.» (*Макуљевић Н.* Уметност и национална идеја у XIX веку. Београд, 2006. С. 85).

Кстати, о фортепиано. В 1898 г. (спустя двадцать лет после диалога Джорджевича и Ригера) в старой сербской столице Крагуеваце имелось одно-единственное (!!!) пианино, принадлежавшее переселенцам из Срема¹²². Музыкальные запросы сербов из Королевства были иными: героические песни, исполняемые на гусях, помогали им усиливать *участие минувших поколений в современности*. П.А. Ровинский описал финал исполнения одной из таких песен – «А когда дело дошло до Вука Бранковича, что выдал царя на Косове, и пропел ему певец: “Проклят будь и род его и племя!” – “Проклят!”», крикнули тут все и повскачили с мест, как будто бы ища изменника, предавшего сербство...»¹²³. И много лет спустя, на пороге XX в., эстетические пристрастия «сербиянцев» не менялись: «Поставили скамейку, посадили гусяра, и он начал напевать весьма немелодичным речитативом, однообразно попиливая лучком по единственной струне, старинные народные песни все о тех же царях и битвах, поминая и Косово поле, и Призрен, и Приштину, и Митровицу, все исторические местности своей незабвенной “Сербии под Турском”». И, как заключение: «Сколько я (Е.Л. Марков. – *А.Ш.*) не слышал потом песен в Сербии, всегда темы их были одни и те же – воспоминания о старых битвах, о старых народных героях»¹²⁴.

А пианино, в основном, и далее оставалось принадлежностью «иностранцев». Лаза Димитриевич – окружной врач, в своих (недавно переизданных) записках с юмором писал о том, что смогло бы изменить его карьеру: «Закончив медицинский факультет, я получил должность окружного доктора в Крагуеваце. Тогда еще не было железной дороги, и мне, как женатому человеку, переселение на воловьих повозках доставило бы массу проблем. Особенно пианино, которое моя жена (вывезенная из Вены, где он учился. – *А.Ш.*) ни за что не желала бросать. С того момента я этот инструмент возненавидел. Однако, назавтра оказалось, что и в Смедерево есть свободное место, и я подумал – пианино, корабль, город на берегу. Все планы поменялись... Так что, не будь пианино, был бы я окружным врачом в Крагуеваце, и вся моя жизнь потекла бы по другому руслу»¹²⁵. Вот так!..

* * *

В.Н. Штрандтман вспоминал, как накануне Балканских войн сербы ему «говорили, что они живут изо дня в день под страхом набегов соседей. Когда я их спрашивал, почему их столица так невыгодно с

* *Турска* (сербск.) – Турция.

внешней стороны отличается от столицы Болгарии, они мне отвечали, что не имеет смысла отстраивать большие дома, потому что рано или поздно они подвергнутся вражескому разрушению»¹²⁶. Отмотаем пленку на полвека назад. И что мы обнаруживаем? То, что Ровинский *и тогда* наблюдал идентичное: Сербия «производит впечатление какого-то полувоенного лагеря» – все в ней «временное, неустановившееся, все в каком-то ожидании чего-то»; вся «она живет накануне, вся в каком-то воинственном настроении», стоя «вечно на карауле»¹²⁷.

Этот исторически и географически *зыбкий* экзистенциальный фундамент сербского дома породил особый образ существования его обитателей – частую смену защитных (или наступательных) действий и передышек: с новым ожиданием, терпением, собиранием сил. Соответственно, сербы Княжества (Королевства) практически и *не жили*, постоянно воюя, либо готовясь к войне, находясь в никогда не спадавшем психологическом напряжении*: в 1876–1918 гг. страна пережила *шесть* военных конфликтов. В таких условиях, как писал Владимир Дворникович, «в нашем народе создался какой-то специфический ритм и темп жизни, слабо приспособленный к современным методам труда и созидания»¹²⁸. Понятное дело: вместо естественного поступательного развития – всплески отчаянного напряжения и относительно мирные паузы, заполненные не «органичной работой», а ожиданием того, ради чего сербские дети и воспитывались отнюдь не в добродетелях чешских «бюргеров», с их «малыми делами» и пианино в каждом втором доме¹²⁹.

Известный литератор Велько Петрович, накануне I Балканской войны написал, что «Сербия возжелала войну, ибо ее не было больше трех десятилетий. За это время выросли новые поколения, уже не помнившие войны, но только слышавшие о ней от стариков. А в рассказах тех звучали и упреки молодым за недостаток патриотизма и слабость к западной культуре с ее комфортной жизнью без жертв»¹³⁰. Что ж, на эти упреки «новые поколения» и ответили осенью 1912 и летом 1913 гг. Согласно завещанию стариков!..

Таким образом, как мы старались показать, коллективный портрет серба начала XX в. вполне можно было бы подписать – Номо Мили-

* Л.Д. Троцкий донес до нас определение «балканского мира», данное сербским министром финансов Лазой Пачу: «Балканский мир – это постоянная частичная изнурительная война...» (*Троцкий Л.Д. Балканы и Балканская война // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 507*).

tans¹³¹, или «человек вечной войны», как его называли русские очевидцы¹³² *.

Явления подобного рода («Humanitas Heroica») свойственны культурам *пограничья*, каковым издавна были Балканы, формируя у их носителей своеобразный этос поведения и идеалы героизма. Характерными чертами «образцового» защитника собственного этноса и культуры являются те, что объединены «драматизмом мученичества»¹³³, когда «отдельная личность» приносится в жертву «всему сообществу».

Здесь, как нам кажется, корни «популярности» войны у сербов, что подтверждает и русский наблюдатель: «Общий народный подъем коренился в целых столетиях пережитой истории, в былинах и песнях, в наглядных политических уроках момента»¹³⁴.

Именно поэтому, – когда настала пора решающих столкновений, во имя *отмщения Косова*, они (словно доказывая мысль В.О. Ключевского, что «цементирующая сила – это традиция и цель»¹³⁵) все, как *один* **, и ринулись в бой. Да так, что выдавшие виды русские дивились:

* Мы согласны с мнением М.В. Белова об амбивалентности традиционного сознания. «Архетип Homo Militans (человека войны), – пишет он, – оказался слабо востребован в эпоху Великого восточного кризиса 1875–1878 гг., когда русские добровольцы, прибывшие в Сербию, были шокированы малой популярностью войны, привязанностью местных крестьян к дому, земле. Включение тех или иных моделей традиционного поведения, очевидно, обусловлено сочетанием ряда факторов, еще нуждающихся в прояснении» (Белов М.В. Актуальность героического прошлого: история и политика в предвоенной Сербии // Модернизация vs война: человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913 гг.). М., 2012. С. 100. Несомненно, «внешние» события 1860-80-х гг. и реакция на них сербов еще подлежат анализу и объяснению – с точки зрения задействия именно *конкретных* «моделей традиционного поведения».

** И это – не метафора автора. Патриархальная модель общества (согласно формуле: *сербский народ – сообщество равных*) в условиях незавершенности процесса общесербского «освобождения и объединения» становилась средством и формой консолидации сербов Королевства, ибо малая расщепленность интересов внутри социума позволяла сохранять единство народного духа – эту важнейшую внутреннюю предпосылку будущего освобождения. Социальное равенство, как видим, ото-

«Здесь узловой пункт. Нет шума, нет пьяных, нет плачущих женщин. Вообще ничего похожего на наши родные картины при отправке на войну запасных...». И в глазах провожающей сына матери «ни единой слезинки». В них только одно – «Напред, сине, с Богом!»¹³⁶.

Как и несколько лет спустя, во время Первой мировой войны, только сербская, как нам кажется, женщина могла написать сыну, оказавшемуся в австрийском плену: «Я все думаю, что, если тебя все-таки пленили, то ты, наверное, был ранен и не мог защищаться. Но, сынок, если ты сдался сам и при этом даже не был ранен, домой не возвращайся. Ты осрамил бы наше село, которое положило на алтарь отечества жизнь восьмидесяти трех героев из ста двадцати, сколько их всего было призвано в армию. Твой брат Милан погиб у Рудника. Должно быть, он был счастлив, когда видел, как его старый король стреляет из первых шеренг...»¹³⁷.

ждествлялось с национальным единением... Объясняя подоплеку всеобщего подъема, захлестнувшего Сербию в начале I Балканской войны, российский наблюдатель писал: «В ряду причин того удивительного объединения, которое приходится наблюдать здесь, следует, разумеется, отметить и сравнительную неразвитость социальных отношений, а, следовательно, и социальных антагонизмов. Личность не успела еще выделиться из коллектива, а экономическое развитие не успело вырыть психологической пропасти между управляющими и управляемыми» (*Вольский Ст. Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 538*)

- * Отцы также не выбивались из *традиционного* правила. «Бывали случаи – найдет отец сына, а тому в бой идти уже нужно, в цепь становиться, и отец идет с сыном в цепь... Если сын ранен, он счастлив, что находится возле него, выносит его из огня, а если убит, то без слез хоронит, приговаривая: “Он исполнил свой долг, я счастлив, что имел такого сына”» (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1348 (*Табурно И.П. Доклад о ходе и результатах Балканской войны*). С. 61)... А в октябре 1912 г., жена русского посланника в Сербии Н.Г. Гартвига зафиксировала: «Только что хоронили чиновника министерства иностранных дел Ковачевича, тело которого привезли в кусках из-под Куманова. Старик-отец перед прощанием обратился к сыну словами: “Прощай, юнак, ты видишь, я не плачу, ступай с миром к престолу Всевышнего и скажи царям Душану и Лазарю, что Косово поле освобождено”. Это был

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Нюркаева А.З.* Балканы во взглядах Л.Д. Троцкого. Пермь, 1994. С. 37.
- ² *Шемякин А.Л.* «Мир детства» сербов в путевых записках П.А. Ровинского // Славянский альманах. 2003. М., 2004. С. 72–93; *Он же.* Введение // Русские о Сербии и сербах. Т. I. СПб., 2006. С. 5–11; *Он же.* Специфика политического процесса в независимой Сербии глазами русских очевидцев (1878–1918) // Српске студије. Књ. 1. Београд, 2010. С. 241–263; *Он же.* Русская профессура о Сербии и сербах (последняя треть XIX в.) // Историки-слависты МГУ. Кн. 8. Славянский мир: в поисках идентичности. М., 2011. С. 346–360.
- ³ *Барби А.* Српске победе. Београд, 1913. С. 11–12.
- ⁴ Цит. по: *Милошевић К.* Од савезништва до непријатељства. Србија у Балканским ратовима 1912–1913. Београд, 2007. С. 38.
- ⁵ *Мартинов Е.И.* Сербы в борьбе с царем Фердинандом. Заметки очевидца // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 556.
- ⁶ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1348 (*Табурно И.П.* Доклад о ходе и результатах Балканской войны). С. 9–10.
- ⁷ *Шtrandман В.* Балканске успомене. Београд, 2009. С. 195.
- ⁸ Вестник Европы. 1913. № 1. С. 353. Приведено по: *Гусев Н.С.* Тема славянского единства в русской периодической печати во время Балканских войн 1912–1913 гг. // Историки-слависты МГУ. Кн. 8. ... С. 465.
- ⁹ *Глигоријевић Б.* Краљ Александар Карађорђевић. Т. I. У ратовима за национално ослобођење. Београд, 2002. С. 75.
- ¹⁰ *Велмар-Јанковић С.* Капија Балкана. Београд, 2011. С. 578.
- ¹¹ *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992). Београд, 2007. С. 302; *Радојевић М.* Научник и политика. Политичка биографија Божидара Марковића (1874–1946). Београд, 2007. С. 78, etc.
- ¹² *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања... С. 302–303; 306.
- ¹³ *Шемякин А.Л.* Сербия в начале XX века // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 43.
- ¹⁴ Впервые этот тезис был высказан нами на конференции «Славянский мир в глазах России» в 2008 г. Ее материалы опубликованы в конце 2011 г. См.:

единственный сын старика» (Центральный Исторический архив Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3017. Л. 31; *Козлов В.Ф.* Москва – Сербии. Из истории русско-сербских связей XVII – начала XX в. М., 2001. С. 51).

- Шемякин А.Л. Относительность самооценок: сербский крестьянин глазами русских путешественников // Славянский мир в глазах России. М., 2011. С. 177–194.
- ¹⁵ Шемякин А.Л. Обреченная конституция: сербский Устав 1889 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 64–81; *Он же*. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.). СПб., 2004. С. 10–53; *Он же*. Народ и власть в независимой Сербии // Двести лет новой сербской государственности. СПб., 2005. С. 176–201. *Он же*. Политические партии в независимой Сербии (1878–1918) // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.). СПб., 2006. С. 199–214; *Он же*. Политическая культура в независимой Сербии // Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). СПб., 2009. С. 64–85; *Он же*. В плену у традиции: русские путешественники о Сербии и сербах (вторая половина XIX – начало XX века) // Политическая культура и международные отношения в новое и новейшее время. Нижний Новгород, 2009. С. 120–136.
- ¹⁶ Никифоров К.В. Парламентаризм в Сербии в XX веке // Славяноведение. 2004. № 3. С. 8.
- ¹⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2868. Л. 212 (В.В. Муравьев-Апостол-Коробьин – графу В.Н. Ламздорфу. Белград, 29 мая 1903 г.).
- ¹⁸ Там же. Д. 2869. Л. 67 (Б.Н. Евреинов – графу В.Н. Ламздорфу. Белград, 11 июля 1906 г.).
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1348 (Табурно И.П. Доклад о ходе и результатах Балканской войны). С. 13.
- ²¹ Там же. С. 15.
- ²² См.: Вучковић В. Унутрашње кризе у Србији и Први светски рат // Историјски часопис. Књ. XIV–XV. Београд, 1965. С. 173–229; Батаковић Д. Изазови парламентарне демократије – Никола Пашић, радикали и «Црна Рука» // Никола Пашић. Живот и дело (Зборник радова). Београд, 1997. С. 309–329, etc.
- ²³ Драшкић П. Моји мемоари. Приредио Д. Батаковић. Београд, 1990. С. 117.
- ²⁴ Поповић М. Борбе за парламентарни режим у Србији. Београд, 1939. С. 89; Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд,

1982. С. 282–283; Историја Српског народа. Београд. 1983. Књ. 6. Т. 1. С. 92; *Екмечић М.* Стварање Југославије. Београд. 1989. Књ. 2. С. 546; *Живојиновић Д.* Краљ Петар I Карађорђевић. Београд, 1990. Књ. 2. С. 115; *Протић М.* Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881–1903). Београд, 1990. С. 17; *Љушић Р.* Историја српске државности. Књ. 2. Србија и Црна Гора – нововековне српске државе. Нови-Сад, 2001. С. 203–204, etc.
- ²⁵ Из последних работ, где затрагиувається даний сюжет, см.: *Popović-Obradović O.* Mit o zasecima parlamentarizma u Srbiji 1903–1914: «zlatno doba srpske demokratije» // *Ista.* Kakva ili kolika drzava. Priredila L. Perovic. Београд, 2008. С. 224–253; *Вишняков Ј.* Политика у Србији крајем XIX и почетком XX века виђена очима руских дипломатских, војних и полицијских агената // Војно-историјски гласник. Београд, 2010. Бр. 2. С. 87–109; *Вишняков Я.В.* Последние Обреновичи глазами русских наблюдателей // Человек на Балканах глазами русских. С. 185–188; *Он же.* Балканские войны 1912–1913 гг. и организация «Черная рука» // Модернизация vs война: человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913гг.). М., 2012. С. 271–291; *Шемякин А.Л.* Сербия в начале XX века... С. 22–37.
- ²⁶ *Лазич М.* Друштвени односи у Србији у време закаснелог капиталистичког развоја // Годишњак за друштвену историју. Београд, 2009. Св. 3. С. 24; *Stojanović D.* Steeplechase. Politicka kultura kao prepreka modernizaciji Srbije // *Ista.* Уље на води. Ogledi iz istorije sadasnjosti Srbije. Београд, 2010. С. 61.
- ²⁷ См.: *Шемякин А.Л.* Народ и власть в независимой Сербии...; *Он же.* Политические партии в независимой Сербии...; *Он же.* Политическая культура в независимой Сербии...; *Он же.* Сербия в начале XX века...
- ²⁸ *Пугачев В., Соловьев А.* Введение в политологию. М., 2004. С. 325.
- ²⁹ *Троцкий Л.Д.* Балканы и Балканская война // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 526.
- ³⁰ Там же. С. 510.
- ³¹ *Жујовић Ј.* Дневник. Т. I. Приредило Д. Тодоровић. Београд, 1986. С. 226.
- ³² *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот. III. Приредило М. Јагодић. Београд, 2007. С. 316 (запис от 3 июня 1887 г.).
- ³³ Архив Српске Академије наука и уметности (далее – АСАНУ). Заоставштина Милана Живановића. Бр. 14434/719 («Конфликт 1914. године»). С. 2–3.
- ³⁴ Там же. С. 12.
- ³⁵ *Троцкий Л.Д.* Балканы и Балканская война... С. 516.

- ³⁶ Трубецкой Г.Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 613.
- ³⁷ См.: Шемякин А.Л. Народ и власть в независимой Сербии... С. 191–196.
- ³⁸ Ђуровић А. Модернизација образовања у Краљевини Србији. 1905–1914. Београд, 2004. С. 63.
- ³⁹ Ровинский П.А. Белград. Его устройство и общественная жизнь. II // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 56; Он же. Болгарский хайдук Панайот и его записки // Отечественные записки. 1878. Т. III. Кн. 8. С. 350.
- ⁴⁰ Он же. Белград. Его устройство и общественная жизнь. II. ... С. 56.
- ⁴¹ Там же. С. 57.
- ⁴² Ровинский П.А. Сербская Морава. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1868 г. // Вестник Европы. 1876 г. Т. II. Кн. 4. С. 523.
- ⁴³ Он же. Белград. Его устройство и общественная жизнь. II. ... С. 56.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Ровинский П.А. Сербская Морава... С. 523.
- ⁴⁶ Там же. С. 522.
- ⁴⁷ Цит. по: Вулетих А. Породица у Србији средином 19. века. Београд, 2002. С. 82.
- ⁴⁸ Кузьмин М.Н. Переход от традиционного общества к гражданскому: изменение человека // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 60.
- ⁴⁹ Вулетих А. Породица у Србији средином 19. века. С. 82.
- ⁵⁰ Трговчевић Ј. Планирана елита. Београд, 2003. С. 27.
- ⁵¹ Водовозова Е.Н. Как люди на белом свете живут. Болгары, сербы, черногорцы // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 371.
- ⁵² См.: Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. М., 2001. С. 330–331.
- ⁵³ Димитријевић Ј. Како живи наш народ. Београд, 2010 (1-е издание – Белград, 1893). С. 46.
- ⁵⁴ Цит. по: Исид М. Писменост у Србији у 19. веку // Образовање код Срба кроз векове. Београд, 2003. С. 78.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Паларе М. Балканске привреде око 1800–1914. Еволуција без развоја. Београд, 2010. С. 371.
- ⁵⁷ Самоуправа (Београд). 28. новембра 1905. г. Приведено по: Паларе М. Балканске привреде око 1800–1914. Еволуција без развоја. С. 372.
- ⁵⁸ Цит. по: Исид М. Писменост у Србији у 19. веку... С. 66–67.
- ⁵⁹ Гордон А.В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1988. С. 70.

- ⁶⁰ *Кайчев Н.* Македонијо, възжелана. Армијата, училището и градежът на нацията в Сърбия и България (1878–1912). София, 2006. С. 29.
- ⁶¹ Там же. С. 50, 59, 71–72.
- ⁶² *Зундхаузен Х.* Историја Србије од 19. до 21. века. Београд, 2009. С. 187.
- ⁶³ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в 3-х тт. Т. III. М., 1967. С. 180.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же. С. 498–499.
- ⁶⁶ *Паларе М.* Балканске привреде око 1800–1914. Еволуција без развоја. С. 203, 370–372.
- ⁶⁷ Там же. С. 372.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ *Овсяный Н.Р.* Сербия и сербы // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 392.
- ⁷⁰ *Тодоровић П.* Дневник. Приредила Л. Перовић. Београд, 1990. С. 189–190.
- ⁷¹ Рукописное отделение Института русской литературы РАН (далее – РО ИРЛИ). Ф. 253. Д. 719. Л. 52 (М.Н. Раевский – М.Г. Раевской. Черноводы, 2 августа 1877 г.)... Подробнее о впечатлениях русских освободителей от освобожденной ими страны см.: *Калиганов И.И.* Болгары глазами русских в XIX столетии (национальный характер и взаимовосприятие) // Славянский мир в глазах России. С. 107–137.
- ⁷² *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања... С. 306.
- ⁷³ *Троцкиј Л.Д.* Балканы и Балканская война... С. 523.
- ⁷⁴ Там же. С. 523–524.
- ⁷⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2869. Л. 133 об. (К.А. Губастов – графу В.Н. Ламздорфу).
- ⁷⁶ Мемоари Т. Стефановића Виловског (1881–1920). Приредио В. Крестић. Нови-Сад, 2010. С. 62.
- ⁷⁷ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 27 (П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 3 марта 1882 г.).
- ⁷⁸ Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 239. Папка 12. Д. 3. Л. 14 (Белград, 4 апреля 1882 г.).
- ⁷⁹ Живети у Београду. Документа Управе града Београда. Књ. 6. 1890–1940. Београд, 2008. С. 168–170.
- ⁸⁰ Цит. по: *Радојевић М.* Научник и политика. Политичка биографија Божидара Марковића (1874–1946). С. 115–116.
- ⁸¹ Рукописно одељење Матице Српске (даље – РОМС). Бр. М.14.045. *Ђорђевић В.* Успомене: културне скице из XIX века. Књ. 3. «У војсци». С. XI.

- ⁸² *Батаковић Д.* Изазови парламентарне демократије – Никола Пашић, радикали и «Црна Рука»... С. 311.
- ⁸³ Там же. С. 316–317.
- ⁸⁴ *Дворниковић В.* Национализам и социјализам, или «биологија идеја» // *Исти.* Борба идеја. Београд, 1995. С. 130.
- ⁸⁵ *Јовановић Б.* Пркос и инат. Београд, 2008. С. 42.
- ⁸⁶ Там же. С. 44.
- ⁸⁷ *Рајић С.* Александар Обреновић. Владар на прелазу векова. Сукобљени светови. Београд, 2011. С. 212.
- ⁸⁸ *Стојановић Д.* Калдрма и асфалт. Урбанизација и европеизација Београда. 1890–1914. Београд, 2008. С. 251–252.
- ⁸⁹ *Stojanovic D.* Steeplechase. Politicka kultura kao prepreka modernizaciji Srbije... S. 78–79.
- ⁹⁰ *Rittich П.А.* По Балканам. Путевые впечатления военного туриста // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 494.
- ⁹¹ *Зундхаузен Х.* Историја Србије од 19. до 21. века. С. 189.
- ⁹² Подробнее о развитии Белграда в начале XX в. см.: *Prosic-Dvornic M.* Odevanje u Beogradu u XIX i pocetkom XX veka. Beograd, 2006; *Стојановић Д.* Калдрма и асфалт. Урбанизација и европеизација Београда. 1890–1914; *Мишковић Н.* Базари и булевару. Свет живота у Београду 19. века. Београд, 2010. С. 291–371; *Велмар-Јанковић С.* Капија Балкана. С. 475–582.
- ⁹³ *Зундхаузен Х.* Историја Србије од 19. до 21. века. С. 191.
- ⁹⁴ *Вейнберг Е.* Сербия и сербы. Этнографический очерк // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 473.
- ⁹⁵ *Амфитеатров А.В.* Славянское горе // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 461.
- ⁹⁶ АСАНУ. Бр. 12877.
- ⁹⁷ Политички елементи у Србији пре 60. година // Самоуправа. 20. јануар 1941. Бр. 1144.
- ⁹⁸ *Ћосић Д.* Пријатељи мога века. Београд, 2011. С. 334.
- ⁹⁹ Там же. С. 337.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 388.
- ¹⁰¹ *Lakicevic M.* Ispred vremena. Beograd, 2011. S. 87.
- ¹⁰² Календарски преглед // Сабрана дела С. Јовановића. Т. XII. Из историје и књижевности. II. Београд, 1991. С. 741.

- ¹⁰³ *Bjelajac M.* Uloga udzbenika u epohama nacionalne integracije XIX i pocetkom XX veka kod Srba // *Bjelajac M., Krivokapic-Jovic G.* Prilozi iz naucne kritike. Srpska historiografija i svet. Beograd, 2011. S. 192.
- ¹⁰⁴ См. например: *Шемякин А.Л.* Сербское общество на рубеже XIX–XX вв.: традиционализм и модернизация. Взгляд изнутри // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений. СПб., 2002. С. 31–49; *Он же.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в. глазами русских...
- ¹⁰⁵ *Стојадиновић М.* Ни рат, ни пакт. Ријека, 1970. С. 11.
- ¹⁰⁶ *Јовановић-Стојимировић М.* Прота Ђурић // *Исти.* Силуете старог Београда. Књ. 2. Београд, 1987. С. 151.
- ¹⁰⁷ Цит. по: *Игњић С.* Народни трибун прота Милан Ђурић. Ужице, 1992. С. 169.
- ¹⁰⁸ *Шацкиј Е.* Утопија и традиција. М., 1990. С. 230.
- ¹⁰⁹ *Манхейм К.* Консервативна мисаљ // *Он же.* Диагноза нашег времена. М., 1994. С. 610.
- ¹¹⁰ *Ровинскиј П.А.* Сербскаја Морава... С. 556–557.
- ¹¹¹ *Кожухов А.Н.* Сербия и сербы. Каменец-Подольск, 1915. С. 12.
- ¹¹² *Ровинскиј П.А.* Белград, его устройство и общественная жизнь. II. ... С. 74–75.
- ¹¹³ Цит. по: *Поповић-Обрадовић О.* Војна елита и цивилна власт у Србији 1903–1914. године // Србија у модернизацијским процесима 19. и 20. века. Књ. 3. Улога елита. Београд, 2003. С. 204.
- ¹¹⁴ *Рид Д.* Вдоль фронта. М. – Л., 1928. С. 66.
- ¹¹⁵ Цит. по: *Мишковић Н.* Базари и булеварии. Свет живота у Београду 19. века. С. 269–270.
- ¹¹⁶ Цит. по: *Bjelajac M.* Uloga udzbenika u epohama nacionalne integracije XIX i pocetkom XX veka kod Srba... S. 193.
- ¹¹⁷ Катихизис за народ српски // Златибор. Народни лист. Ужице. 17 априла 1888 г. Бр. 17.
- ¹¹⁸ РОМС. Бр. М.14.045. *Ђорђевић В.* Успомене: културне скице из XIX века. Књ. 3. «У војсци». С. XXVIII.
- ¹¹⁹ *Лотман Ю.М.* Култура и взрив // *Он же.* Семиосфера. СПб., 2000. С. 142.
- ¹²⁰ ОР РНБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 277. Л. 8–8 об. (Белград, 18 октабра 1880 г.).
- ¹²¹ *Комаров Г.В.* В Белград на Пасху // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 575.
- ¹²² *Каниц Ф.* Србија. Земља и становништво. Београд, 1985. Књ. 1. С. 301.
- ¹²³ *Ровинскиј П.А.* Сербскаја Морава... С. 530.

- ¹²⁴ Марков Е. Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 310.
- ¹²⁵ Димитријевић Л. Како живи наш народ. С. 99.
- ¹²⁶ Штрандман В. Балканске успомене. С. 124.
- ¹²⁷ Ровинский П.А. Сербская Морава... С. 557–558.
- ¹²⁸ Дворниковић В. Херојски тип и његове негативности // *Исти*. Борба идеја. С. 111.
- ¹²⁹ О специфике «образа существования» чешских «бюргеров» см.: *Сератионова Е.П.* Чешская деревня глазами русских с первой трети XX в. // *Славянский мир в глазах России*. С. 195–217.
- ¹³⁰ Цит. по: *Глигоријевић Б.* Краљ Александар Карађорђевић. Т. I. ... С. 76.
- ¹³¹ О происхождении данного термина и его первоначальном значении см.: *Тананаева Л.И.* Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979. С. 154–155.
- ¹³² *Ровинский П.А.* Белград, его устройство и общественная жизнь. II. ... С. 75.
- ¹³³ Подробнее см.: *Angyal E.* *Swiat slowian'skiego baroku* (перевод с венгерского оригинала на польский язык). Warszawa, 1972. S. 327–331.
- ¹³⁴ *Вольский Ст.* Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 538.
- ¹³⁵ *Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 67.
- ¹³⁶ *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 23, 28.
- ¹³⁷ Цит. по: *Лафан Р.* Срби – чувари капије. Приредио Д. Батаковић. Београд, 1994. С. 275.

**Скутари 1913 г.:
проверка
российско-черногорского союза
на прочность**

В 1910 г. Россия и Черногория стали официально, хотя и секретно, союзниками, подписав «Военное между Россией и Черногорией соглашение», которому предшествовала длительная и острая борьба в высших эшелонах российской власти. Глава правительства и представители финансового ведомства России, анализируя накопленный в конце XIX – начале XX вв. опыт, весьма скептически оценивали результаты и перспективы военно-политического сотрудничества двух стран, полагая, что денежные вложения в Черногорию неоправданно велики. Дипломатическое и военное ведомства смотрели на будущий военный союз более оптимистично, считая, что, как партнер, Черногорское королевство может быть полезно в случае войны на Балканах. На эту оптимистическую позицию изрядно повлиял черногорский двор, который через дочерей короля Николая Милицу и Анастасию сумел преодолеть сомнения и мрачные предчувствия российских покровителей.

Соглашение было подписано 2 декабря 1910 г. в Петербурге. 1-я статья обозначила главную мысль документа: «Деятельное содействие развитию и совершенствованию черногорской армии, с целью поддержания вооруженных сил Королевства на высоте современных боевых требований». Для достижения этой цели российское правительство брало на себя обязательство: «оказывать королевскому правительству помощь в форме субсидии на военные нужды наличными деньгами и материалами».

Во 2-й статье говорилось о том, что, по необходимости, российское военное министерство будет отправлять в Черногорию русских офицеров для обучения ее армии. А правительство Черногории обещало «не приглашать военных инструкторов из состава армий какой-либо другой державы». Статья 3 гласила: «Королевское правительство обязуется предоставить по первому призыву Его Императорского величества все вооруженные силы Королевства в распоряжение Его Императорского величества». Черногорский король в мирное и в военное время оставался «верховным вождем своей армии», действия которой должны были ограничиваться Балканским полуостровом.

4-я статья содержала положение о немедленной подготовке и регулярном обновлении оперативных планов Черногории, в соответствии с планами российского Генерального штаба. 5-я – предусматривала, что в случае войны начальником штаба черногорской армии будет русский офицер, «по выбору и назначению Его Императорского величества». Статья 6 разрешала российской стороне проводить регулярные проверки боеготовности черногорской армии.

Самой важной для России была 7-я статья соглашения, где было записано: «Королевское правительство обязуется не предпринимать своей армией никаких наступательных операций без предварительного соглашения с императорским правительством и не заключать военных соглашений ни с каким другим государством без согласия Его Императорского величества».

Статьи 8 и 9 назвали соглашение секретным и бессрочным. Завершала договор 10-я статья, которая также имела ключевой смысл: «В случае, если одна из договаривающихся сторон усмотрит явное несоблюдение условий настоящего соглашения и особого акта, приложенного к нему другой стороной, причем этой последней не будет предоставлено своевременно удовлетворительных по сему поводу объяснений, то первая имеет право отказаться от соглашения во всякое время. Отказ сообщается соответствующему правительству в форме мотивированного уведомления».

Особый акт, о котором говорилось в 10-й статье, дополнял текст соглашения. В нем были четко определены условия, порядок выдачи и объем военной субсидии: ежегодно Россия должна выплачивать «сумму в пределах до 600000 руб.» и присылать перечисленный в акте набор боеприпасов и военной амуниции. Обязательными условиями были секретность и составление при участии российского военного агента в Черногории специального бюджета расходов черногорской армии, который должен быть одобрен Генеральным штабом России (статья 4 акта). В 5-й статье акта было записано, что все средства «будут передаваться королевскому военному министерству через посредство русского военного агента в Черногории в мере действительных расходов, удостоверяемых Военным Агентом и производимых в соответствии с предусмотрениями бюджета»¹. По мнению черногорского исследователя Р. Распоповича, такое соглашение выглядело «необычно с точки зрения военного командования», так как одна суверенная держава отдавала другой право руководить своими вооруженными силами².

Но удивляться такому характеру соглашения не стоит, его условия были разработаны на основе многолетнего опыта российско-черногорского сотрудничества. Опыт этот не всегда был положительным и часто приводил к серьезным политическим осложнениям в официальных отношениях. Нередко Россия была готова оставить Черногорию на произвол судьбы, не сумев заставить короля Николая поступать так, как это было нужно императорскому правительству. Но каждый раз, когда возникала опасность полного разрыва, черногорский двор находил нужные аргументы и сохранял за собой покровительство России. Соглашение 1910 г., по замыслу российских политиков, содержало в себе твердые гарантии того, что Черногория будет поступать так, чтобы принести России пользу и не причинить вреда ее внешнеполитическим целям. Посмотрим, удалось ли российской политической элите добиться этой цели и включить «черногорский резерв» в свой военный и дипломатический арсенал. Для ответа на поставленный вопрос обратимся к ключевому эпизоду Балканских войн, по крайней мере, для Черногории – к вопросу о том, как король Николай решил во что бы то ни стало присоединить к своей державе албанский город Скутари. Именно борьба за Скутари в военном и политическом отношении стала лакмусовой бумагой, показавшей качество российско-черногорского военного и политического сотрудничества.

Россия пошла на военное соглашение, зная, что на Балканах ситуация накаляется, и что черногорское правительство проявляет повышенную активность в пограничных областях Османской империи. В частности, в течение первой половины 1910 г. король Николай подстрекал к волнениям против Турции албанские племена из соседних с Черногорией земель, давал убежище повстанцам, игнорировал протесты турецких властей и советы российского посланника в Цетинье С.В. Арсеньева. Складывается впечатление, что соглашение 1910 г. было подписано не в последнюю очередь для того, чтобы утихомирить короля Николая, заставить его отказаться от провокационных действий на турецкой границе. Результат оказался противоположным. Активность черногорского двора не снизилась, а, напротив, возросла. В марте 1911 г. началось восстание албанцев против Османской империи. Вскоре военному агенту Н.М. Потапову стали известны факты изъятия оружия с черногорских складов. Он провел расследование, с какой целью это сделано и пришел к выводу: «Хотя ружья эти присвоены обозным и резервным частям, однако наведенные мною точные справки показали, что названные части в

них не нуждаются. Ни военный министр, ни министр-президент удовлетворительного объяснения дать мне не могли, что наводило на мысль о назначении этих ружей и патронов для тайной раздачи албанцам, которые до последних дней терпели неудачи из-за недостатка оружия и патронов, а со среды вновь перешли в наступление...». Потапов оценил это поведение союзника как «вероломное»³. 3 апреля 1911 г. С.В. Арсеньев отправил телеграмму управляющему МИД А.А. Нератову: «Наш военный агент получил документальные доказательства... прекращающегося до последних дней снабжения черногорскими властями албанских повстанцев оружием и боевыми припасами, несмотря на повторяющиеся официальные заявления о нейтралитете. Принимая во внимание, что такой образ действий черногорского правительства идет вразрез с нашими интересами и с условиями, на коих установлена выдача королевству нашей денежной и материальной помощи, а равно и то, что сделанное в прошлом ноябре от имени императорского правительства по тому же поводу предупреждение королю о возможности прекращения субсидии, цели не достигло, наш военный агент, с коим я вполне согласен, полагал бы своевременным объявить черногорскому правительству о приостановлении субсидии»⁴. Однако радикальные предложения посланника не были приняты, МИД России ограничился очередным предупреждением. Эта вялость Петербурга провоцировала короля Николая на более решительные действия. Участились пограничные стычки турок и черногорцев. Дело шло к войне.

О воинственном поведении черногорских властей предупреждали не только из Цетинья, но и из Константинополя. Посол в Османской империи Н.В. Чарыков в телеграмме А.А. Нератову от 1(14) июля 1911 г. сообщал: «Нынешнее уклонение Черногории от переговоров, предлагаемых турецким правительством, и ее новейшие спешные вооружения заставляют подозревать намерение ее нарушить европейский мир на собственный страх, по наущению Венского кабинета. Опасность велика. Только самое решительное воздействие на короля Николая может побудить его последовать образу действий, более согласованному с русскими интересами»⁵. Таким образом, еще до начала Балканской войны черногорское правительство систематически нарушало взятые на себя обязательства не действовать без одобрения России. И уже в 1911 г. было очевидно, что российскому правительству не удастся контролировать и сдерживать своего боевитого союзника. Король Николай обращал мало внима-

ния на протесты и предупреждения, которые сыпались из Петербурга слишком часто и не пугали.

Правитель Черногории предпринял в 1911 г. определенные усилия, чтобы втянуть в конфликт и Сербию. Об этом сообщал российский посланник в Белграде Н.Г. Гартвиг. В весьма доверительной депеше от 15 марта 1911 г. он писал: «По мнению короля Николая, положение дел на Балканском полуострове представляется в следующем виде: в Турции происходит полный развал, и она бессильна оказать какое-либо сопротивление надвигающимся событиям... Сербии и Черногории следует воспользоваться албанским движением, чтобы захватить турецкие земли с сербским населением. Албанцы находятся в руках Черногории, и король ручается за их содействие». Все это, по словам Н.Г. Гартвига, король изложил посланнику Сербии в Цетинье Петковичу. А когда сербский дипломат осторожно спросил, как отнесется к этому Европа, Николай ответил, что «за полное сочувствие Италии» он ручается и, что Австрия «не решится при данных обстоятельствах вступить за Турцию». Что же касается России, то «она спит, ее надо разбудить, а раз проснувшись, она нас никогда не оставит и, в конце концов, вынуждена будет действовать даже с нами заодно»⁶. Получив очередное подтверждение, что черногорский монарх хочет во что бы то ни стало «будить» Россию, российский МИД потребовал послать Петковичу инструкцию, «дабы он не только не поддерживал воинственных стремлений Черногории, но, напротив того, дал ясно понять королю Николаю, что сербское правительство не может сочувствовать какому бы то ни было участию Черногории в албанском движении»⁷. Белград поспешил подтвердить свое намерение сохранять мир и даже отозвать Петковича из Цетинья⁸.

России пришлось проявить большую твердость в деле «принуждения к миру» Черногории. По настоянию М.Н. Потапова в апреле 1911 г. была задержана отправка из Одессы военных грузов, предназначенных черногорской армии. В июне-июле 1911 г. российский военный агент не позволил провести военные учения ополченцев недалеко от албанской границы («поняв, что господарь за счет нашей субсидии желает лишь бряцать оружием и сосредоточивает рекрут в расстоянии получаса от албанской границы вовсе не для обучения, а для того, чтобы посылать их во всякое время и по всякому поводу на границу и тем беспокоить и смущать турок»⁹). Тогда же по распоряжению МИД России С.В. Арсеньев приостановил выдачу субсидии «до полного окончания албанского восстания»¹⁰. На такое «принуждение» король Николай отвечал нервными

сценами, адресованными С.В. Арсеньеву и М.Н. Потапову (оба подробно описали их в своих донесениях). Довольно часто король повторял: «О, эта отвратительная статья 7-я соглашения: она связывает меня по рукам и ногам»¹¹. Он настойчиво внушал российским представителям, что намерен бороться за отмену этой статьи, используя для того все средства. Российские сотрудники в Цетинье, в свою очередь, постоянно повторяли в своих донесениях в Петербург, что 7-ю статью отменять и пересматривать никак нельзя.

В январе-феврале 1912 г. король Николай посетил Петербург. Во время этого визита обе стороны пытались решить свои не очень совпадавшие задачи. Король Николай рассчитывал получить поддержку сразу в нескольких делах. Он хотел бы получить материальную помощь от русского царя, так как финансовое положение Черногории было отчаянным. Не последнюю роль в решении посетить Петербург играло стремление Николая занять место лидера всех югославян в борьбе за свободу и объединение, по-возможности, потеснив сербского короля со славянского Олимпа. И, конечно, было важно убедить российских кураторов, что территориальные приращения за счет турецких владений жизненно необходимы, поэтому не стоит все время одергивать черногорское правительство и мешать ему налаживать контакты с албанскими повстанцами, вышедшими из повиновения султану. Россия в очередной раз старалась склонить правителя Черногории к сдержанности, и императорское правительство смогло настоять на своем, – оно добилось от короля относительной покорности в албанском вопросе. Вернувшись в Цетинье, Николай стал очень любезен со всеми русскими дипломатами и офицерами, хотя еще пару месяцев назад был резок с ними и без конца жаловался, что лишен свободы действий. В.Н. Егорьев доносил в Россию: «Господарь вернулся из Петербурга совсем другим: отношение к здешним русским изменилось в благоприятную для них сторону, а разговоры о вмешательстве в албанское движение совсем стихли»¹². Позже в том же духе писал Н.М. Потапов: «Путешествие в Россию Его Величества короля черногорского несомненно отразилось на политике королевства самым благоприятным образом. Несмотря на то, что с началом весны внутри Албании вновь забурлили политические страсти, со стороны Черногории не только не наблюдается прошлогодних попыток усердно поддерживать все развивающееся в Албании революционное движение путем снабжения участников его оружием и патронами, но, наоборот, королевское правительство энергично советует всем находящимся под его влиянием

албанским племенам соблюдать полное спокойствие»¹³. Как показало будущее, это было затишье перед бурей. Выдержки Николая хватило ненадолго. Уже в июле 1912 г. он снова стал делать резкие заявления в адрес Турции. Затем опять начались пограничные стычки. В августе произошло боестолкновение турок и черногорцев в районе Мойковца. «Король сильно возмущен. У него все более зреет мысль о необходимости нападения на Скутари, Плав и Гусинье», – телеграфировал начальству Н.М. Потапов¹⁴. Правда, по содержанию телеграмм Потапова можно судить, что летом 1912 г. инициатива по раздуванию пограничных стычек принадлежала не черногорцам, а туркам.

В начале сентября 1912 г. Н.М. Потапов уже не сомневался, что черногорцы готовы ввязаться в войну, так как заручились поддержкой стран Балканского союза, «причем, по-видимому, Черногория должна для открытия военных действий сыграть роль застрельщика – привлечь на себя возможно большее количество турецких сил... Черногорское правительство рассчитывает, что больше 4 или 5 тысяч человек оно в войне не потеряет, а выиграть может очень много»¹⁵. 9 октября 1912 г. началась Первая балканская война. Военная субсидия из России была сразу же приостановлена. Уже в начале войны стали очевидны достижения и недостатки черногорской армии, впервые воевавшей не народным ополчением, а регулярными, подготовленными русскими офицерами формированиями. Настал час проверки, насколько эта армия может вести современную войну. Оказалось, что нет, не может. «Благоразумия при ведении операции Северным и Средним отрядами, – доносил Потапов, хватило на два первых дня; подготовленное артиллерийским огнем успешное взятие Дечича вскружило головы и вернуло к старой тактике. Атака более слабого, чем Дечич, укрепления Шипчаник начата в четверг и продолжена вчера (12 октября 1912 г. – В.Х.) без надлежащей подготовки; в результате больше сотни убитых и 400 раненых, а укрепление это, открывающее путь на Скутари, еще не взято. Потери Среднего отряда угнетающе подействовали на правительство и лиц, окружающих короля, которые горько жалуется на отсутствие умелого руководства операциями»¹⁶. В следующих сообщениях будут повторяться такие же оценки: «Легкомысленная атака», «В населении начинается ропот на престарелых начальников, никак не могущих отрешиться от прежней тактики», «Неуместное проявление инициативы» и т. д. С одной стороны, Потапов писал, что после начала военных действий король многократно благодарил его и российских офицеров за обучение черногорской армии¹⁷. С другой

стороны, сам российский военный агент ясно осознавал, что черногорцы воюют неблестяще. Например, в рапорте от 18(31 октября) 1912 г. он анализировал действия Южного отряда, штурмовавшего укрепление Тарабош, так: «К чрезвычайно неэнергичному образу действий всего отряда вообще, а его артиллерии, в частности, следует прибавить еще крайне слабое наблюдение за полем сражения. Почти ежедневно повторяются случаи, что турецкая артиллерия, иногда в течение часа и более, безнаказанно наносит потери случайно выставившейся черногорской пехоте, а в это время черногорская артиллерия молчит, даже не пытаясь заставить прекратить неприятельский орудийный огонь. Такая халатность, по видимому, настолько бодрит турок, что вчера 17 октября они осмелились в течение 5–8 минут тянуть прямо по гребню позиции какую-то тяжесть на 12 лошадях, а когда черногорцы собрались, наконец, открыть огонь, то турки уже давно успели скрыться за горою»¹⁸. В следующем сообщении Потапов писал, как турки, воспользовавшись тем, что черногорцы плохо охраняют свои позиции, неожиданно напали на один из батальонов, тут же перебили офицеров, чем вызвали панику среди рядовых, многие из которых бежали, побросав ружья. Солдаты бежали с такой поспешностью, что их не мог остановить ни командир бригады (он обещал каждому, кто остановится, дать медаль, но бойцы ответили: «Оставайся сам. Мы навесим тебе три медали»), ни сам начальник колонны, бросавший им вдогонку камни¹⁹. В общем, Потапов признавал, что черногорское войско сохранило «присущие милиции качества». Поэтому уже в начале Первой балканской войны было ясно, что чрезмерные территориальные претензии короля Николая не подкрепляются военной силой.

Тогда в ход пошли другие, невоенные средства. Черногорский двор через своих княгинь стал оказывать давление на российское правительство самым грубым образом. То, что не смогли сделать черногорские войска, должна была за них сделать российская дипломатия. Узнав, что великие державы сошлись на необходимости создать независимую и нейтральную Албанию, а значит Скутари останется в этом новорожденном государстве, черногорское лобби стало требовать защиты королевских претензий. Это красноречиво описано в мемуарах В.Н. Коковцева. 24 декабря 1912 г. его посетила жена великого князя Петра Николаевича Милица и продолжала в течение полутора часов требовать передать Николаю II «пожелания ее родителя», изложенные письменно: «1. Россия должна дать совершенно определенные указания нашему лондонскому послу не подписывать никакого соглашения по ликвидации Балканского

вопроса, если только Скутари не будет признано за Черногорией». «Если это условие не будет принято, Черногория готова ринуться на Австрию и предпочитает погибнуть в неравном бою, лишь бы не лишиться плодов своих побед (которых, как мы видели, почти не было. – В.Х.)». «2. Северная граница Албании должна быть проведена так, чтобы Ипек и Дьяково отошли непременно к Черногории». «3. Обещанная государем помощь мукою и кукурузою должна быть послана как можно скорее, иначе будет поздно, и население, лишенное продовольствия, вымрет от голода». «4. Черногорская артиллерия окончательно изношена, орудия более не пригодны к бою, патроны расстреляны, и необходимо также немедленно послать три батареи из 6 скорострельных пушек нового образца, каждая с 1000 снарядов на каждое орудие, а также выслать по 1000 снарядов на все старые орудия и 20 млн. патронов для всех трехлинейных винтовок, предоставленных в свое время Черногории»²⁰.

Сегодня эта смесь нахальства и нищеты выглядит смешно, но тогда Коковцеву было не до смеха. Первые же попытки объяснить княгине нелепость подобных требований были оборваны резким гневным тоном, «переходившим в запальчивость»: «Мой отец поручил мне прямо сказать здесь (т. е. передать государю), что уложивши не менее 8 тыс. человек, он уверен, что в состоянии взять Скутари, и желает знать обеспечит ли в таком случае Россия, что Скутари останется за ним?». На такую прямоту Коковцев ответил прямым вопросом: черногорцы, готовясь действовать наперекор великим державам, могут спровоцировать Австрию на военные действия. Они ждут, что Россия начнет их защищать, давая повод к большой европейской войне? Милица была ошеломлена такой перспективой и несколько сбавила тон: «Ну зачем же ставить вопрос так прямолинейно? Если Россия на самом деле заявит свое желание настойчиво, ... то Австрия не посмеет угрожать войной, мы будем иметь то, что нам необходимо»²¹.

Этот диалог хорошо показывает, как мало черногорский двор беспокоили возможные последствия его безудержного стремления расширяться территориально. Какое значение могут иметь опасения России спровоцировать войну в Европе, если король Николай решил во что бы то ни стало овладеть Скутари? Россия обязана помочь любой ценой, только это имело смысл в российско-черногорском военном союзе, все остальное представлялось неважным. Такое понимание военного соглашения 1910 г. было диаметрально противоположным тому смыслу, кото-

рый в него вложила российская сторона, ожидавшая от напарника ответственности, дисциплины и послушания.

По поводу затребованной артиллерии Коковцев, конечно, ответил отказом: «Я сказал, что Россия в данное время решительно не имеет никакой возможности снабдить Черногорию артиллерией, снарядами и патронами. Это было бы нарушением нами нейтралитета, и последствия такого нарушения были бы неисчислимы для России». Великие державы не поймут Россию. К тому же «мы сами слишком небогаты артиллерией, ... отстали в нашей собственной потребности в скорострельных орудиях»²². Единственное, в чем не отказали, – это продовольствие. Коковцев подтвердил, что скоро оно будет отправлено в Черногорию. Вся аргументация Коковцева выглядит так, как будто он говорит с несмышленным ребенком, возбужденным подростком, которого нужно успокоить и привести в чувство. Таким был союзник России – незрелым в политическом отношении и неискушенным ни в одной сфере государственной жизни. Ребячливость черногорцев неоднократно отмечал и Потапов в своих до-несениях.

Не преуспев в высших эшелонах власти, черногорское лобби стало воздействовать на общественное мнение, главным образом, через прессу. Последовала серия статей в «Новом времени» и других изданиях, в них резко критиковалась идея великих держав создать Албанию и еще более резко характеризовались действия российской дипломатии на Балканах. МИД России упрекали в том, что он охвачен пораженческими настроениями и не способен защитить национальных интересов. Подстрекательские публикации спровоцировали несколько демонстраций в Петербурге, но самодержавие быстро пресекло эти действия. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов успокоил «заграничных друзей», заявив, что даже если бы черногорское войско смогло взять Скутари, российское правительство продолжало бы смотреть на эти территории «как на область, предназначенную войти в состав будущей независимой Албании. Вслед за этим правительство запретило всякие манифестации на почве славянских симпатий и, таким образом, очистило политическую атмосферу столицы от внесенных в нее безответственными лицами нездоровых веяний»²³.

Наконец, зимой–весной 1913 г. политическое и военное решение вопроса о Скутари вступило в финальную фазу. Король многократно заявлял российскому посланнику А.А. Гирсу, что не уступит Скутари ни в коем случае. Другие представители черногорского правительства втори-

ли монарху, например, министр внутренних дел Пламенац заявил Гирсу: «Скутари должен быть черногорским. Иначе Черногория перестанет существовать». Гирс в ответ просил подумать о жертвах и о противодействии великих держав. Он доносил в Петербург: «Король и правительство не стесняются открыто высказывать полное пренебрежение к выступлению держав, чем крайне затрудняют не только наше положение вообще, но и нашу деятельность»²⁴. В секретной телеграмме 19 марта (1 апреля) Гирс сообщал о том, как вел себя черногорский правитель во время очередной аудиенции: «Речь зашла о начавшемся вчера штурме Скутари и дала повод Его Величеству на мое замечание об ответственности, которая всецело падает на него за отказ подчиниться требованиям держав, в недопустимых по резкости выражениях обрушиться на последние и заявить мне категорически, что он никакого внимания на них обращать не будет и продолжит штурм до конца. Я оказался вынужденным прервать беседу»²⁵. «Давила» на Гирса и приехавшая Милица, с большим удовольствием рассказывавшая посланнику о массовых беспорядках в Петербурге²⁶. По ее словам, эти волнения были направлены на то, чтобы поддержать справедливые требования черногорцев.

Привыкший добиваться своих целей любой ценой, король Николай в начале апреля 1913 г. пошел на хитрость, чтобы добыть вождельный албанский город. Между престолонаследником, старшим сыном короля Даниилом и комендантом Скутари Эссад-пашой был заключен договор о том, что паша сдаст черногорцам город в обмен на обещание беспрепятственно выпустить с оружием и имуществом гарнизон и тех жителей, что захотят уйти. Крепость не должна быть разрушена, никто из тех, кто воевал с черногорцами, не должен быть привлечен к ответственности²⁷. Державы были потрясены, когда стало известно о секретной части албанско-черногорских договоренностей. Как сообщал в МИД России Гирс: «Этот Эссад-паша хочет провозгласить себя королем Албании, а король Николай его тут же признает»²⁸. Нужно отметить, что кроме упрямства и хитрости, в этом сговоре местных руководителей видно стремление проводить в регионе самостоятельную политику, не соотнося ее с планами великих держав. По мнению местных элит, они лучше знали, как им договориться и разграничиться, что справедливо или несправедливо для местного населения. Допустить такой самостоятельности Европа не могла. Начались военные демонстрации против Черногории, которой ясно дали понять, что австрийская оккупация вполне возможна, если не будет проявлено сговорчивости. Противостоять великим держа-

вам без поддержки России было не под силу даже такому упрямцу, как король Николай. Пришлось уступить. В секретной телеграмме Гирса от 27 апреля (10 мая) 1913 г. сообщалось: «Вчера вечером ... подписан протокол о передаче Скутари международному отряду, которая состоится в среду 1 мая в 2 часа дня»²⁹. Великие державы настояли на своем, Черногории пришлось принять участие в подписании прелиминарного мира, так и не получив Скутари.

В эти дни король выступил перед Скупщиной с речью: «Наш всегдашний покровитель русский царь, сперва советами, а затем и угрозами потребовал, чтобы мы покорились решению Европы»³⁰. Это еще одна важная характеристика черногорского монарха – ответственность за свои поражения он умел перекладывать на других – внутреннюю оппозицию, воинственных соседей, не поддержавшую его Россию. Обида и упреки в адрес русского правительства не помешали Николаю начать обычный для него разговор о возобновлении военной субсидии. Но российские официальные лица были настроены решительно. Гирс предлагал порвать союзнические отношения, считая, что едва ли подвернется еще раз такой удачный момент «прочно оградить себя от быстро возрождающихся осложнений»; нельзя даже предугадать всех неизбежных и грозных последствий, если Черногория будет существовать для нас как фактор, с которым мы продолжали бы считаться»³¹.

Итогом Балканских войн для российских политиков стало довольно горькое убеждение, что союзник из Черногории не получился. Гирс так оценил события 1910–1913 гг.: «Поведение короля Николая во время войны с очевидностью выяснило, что, заключая с нами военную конвенцию, Его Величество имел в виду главным образом получение денежной субсидии на оборудование и содержание своего войска, намекая для себя известную свободу действий, каковую и осуществлял со времени первого восстания малиссоров (албанцев. – В.Х.) и до последних дней, открыто не подчинившись нашим указаниям и требованиям. Обучение черногорского войска нашими инструкторами имело для него более чем второстепенное значение. Наши офицеры постоянно жаловались на вмешательство короля в дело обучения и организации армии, с требованием военной техники ничего общего не имевшие и вызывавшиеся соображениями домашнего свойства; он часто парализовал их труды, что и сказало в известной мере на плачевном ходе военных операций черногорцев под Скутари. Рассчитывать на то, что король Николай вперед иначе отнесется к своим обязательствам и к делу обучения своего войска,

никаких оснований не имеется. Кроме того, я полагаю, что, в виду племенных особенностей сербов Черногории, образующих скорее клан, чем государство, мы вряд ли добьемся образования из них боевой единицы, отвечающей всем современным требованиям военной техники и нашим военно-политическим задачам, существенно изменяющимся с удалением турецких войск из пограничных с Черногорией областей... Я склонен думать, что сожалеть об уходе наших инструкторов черногорцы не будут. Мы же избавимся от задачи, самой по себе трудной и неблагодарной»³².

Однако изменить что-либо в российско-черногорских отношениях политики не успели, в августе 1914 г. началась Первая мировая война. Результатом Балканских войн было полное истощение и без того скромных экономических ресурсов Черногорского королевства. В Первую мировую войну оно вступило настолько ослабленным, что уже в самом ее начале было ясно, что долго отражать атаки австрийской армии не удастся. Так и случилось в 1915 г.: королевство было оккупировано, король Николай уехал в эмиграцию.

Таким образом, военная, дипломатическая и политическая борьба черногорских властей за присоединение Скутари высветила ошибочные расчеты российской стороны, предполагавшей использовать население Балкан в своих политических целях. Стало очевидно, что черногорская элита никогда не считала свои обязательства по отношению к России приоритетными. На первом месте у нее стояли задачи территориального расширения королевства. Поступки черногорского монарха были почти противоположными тем рекомендациям, которые поступали из Петербурга. Упорно и целенаправленно, не считаясь с людскими и материальными потерями, Николай стремился увеличить свои владения за счет чужеродных албанских земель. Он не задумывался над тем, станет ли албанское население послушным инструментом в его руках, сколько средств нужно будет вложить в новые области, чтобы прочно связать их со старыми. Тем более, король не думал о том, что должен выполнять обещания, данные российским покровителям. По сути, он свел союз с Россией только к одному аспекту – Империя выступила донором черногорской армии, которая, как показал ход военных действий, так и не смогла модернизироваться в полной мере. То, что российское руководство осознало это слишком поздно и не смогло нейтрализовать последствия своих ошибок, доказывает, что монархия Романовых дряхлая, становилась медлительной, не успевала своевременно реагировать на политические вызовы. Даже поняв, что военный союз не оправдал возложен-

ных на него надежд, Российская империя продолжала по инерции при­ держиваться сложившего мнения относительно славян Балканского по­ луострова. Она не смогла ни дистанцироваться от проблем «порохового погреба Европы», ни избавиться от иллюзий по поводу своих партнеров. Окостеневший государственный механизм не мог существовать долго, ему предстояло или кардинально измениться, или исчезнуть.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Перазий Г., Распоновић Р.* Међународни уговори Црне Горе 1878–1918. Зборник докумената со коментаром. Подгорица, 1992. С. 624–628.
- ² *Распоновић Р.* Дипломатија Црне горе 1711–1918. Подгорица-Београд, 1996. С. 518.
- ³ Н.М. Потапов – Я.Г. Жилинскому. Цетинье, 26 марта (8 апреля) 1911 г. // *Потапов Н.М.* Русский военный агент в Черногории. Т. 1. До­ несения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. Подгорица-М., 2003. С. 491.
- ⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Личный архив С.В. Арсеньева. Д. LXXXVIII. Л. 93об.
- ⁵ Там же. Л. 113об.
- ⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3363. Л. 248об.
- ⁷ Там же. Л. 259.
- ⁸ Там же. Л. 260.
- ⁹ Н.М. Потапов – Я.Г. Жилинскому. Цетинье, 19 июня (2 июля) 1911 г. // *Потапов Н.М.* Русский военный агент в Черногории... Т. 1. С. 509.
- ¹⁰ В.А. Сухомлинов – А.А. Нератову. Июль 1911 г. // Там же. С. 516.
- ¹¹ Рапорт Н.М. Потапова от 8 (21) августа 1911 г. // Там же. С. 519.
- ¹² Рапорт В.Н. Егорьева от 18 февраля (2 марта) 1912 г. // Там же. С. 557.
- ¹³ Рапорт Н.М. Потапова 20 апреля (3 мая) 1912 г. // Там же. С. 561.
- ¹⁴ Телеграмма Н.М. Потапова от 21 июля (3 августа) 1912 г. // Там же. С. 580.
- ¹⁵ Телеграмма Н.М. Потапова от 29 августа (11 сентября) 1912 г. // Там же. С. 590.
- ¹⁶ Телеграмма Н.М. Потапова от 29 сентября (12 октября) 1912 г. // Там же. С. 600.
- ¹⁷ Рапорт Н.М. Потапова от 7 (20) октября 1912 г. // Там же. С. 610.
- ¹⁸ Рапорт Н.М. Потапова от 8 (31) октября 1912 г. // Там же. С. 616.
- ¹⁹ Рапорт Н.М. Потапова от 2 (15) ноября 1912 г. // Там же. С. 622.

- ²⁰ *Коковцев В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. М., 1992. С. 124.
- ²¹ Там же. С. 125.
- ²² Там же. С. 126.
- ²³ *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 105.
- ²⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. Д. 133. Л. 94.
- ²⁵ Там же. Л. 95.
- ²⁶ Там же. Л. 98.
- ²⁷ *Перaziћ Г., Распоповић Р.* Међународни уговори Црне Горе... С. 686–687.
- ²⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. Д. 133. Л. 134.
- ²⁹ Там же. Л. 177.
- ³⁰ Там же. Л. 180.
- ³¹ Там же. Л. 155.
- ³² Там же. Л. 199.

**Болгарский дипломат
Димитр Ризов
и Балканские войны**

Начало XX в., видимо, представляет собой очень «мобильный» век в отношении политической и экономической циркуляции. Это тоже век бастардов, авантюристов и карьеристов.

Питирим Сорокин

Всё начиналось, казалось, неторопливо, ordinarily. Ранней осенью 1911 г. премьер-министр Болгарии Иван Евстратиев Гешов, в марте возглавивший «русофильское» коалиционное правительство, собирался в отпуск. 7 сентября, перед отъездом в Виши, он встретился с Димитром Ризовым – болгарским посланником в Риме, также находившимся в отпуске. Поговорили о том, о сём ... Принимавший деятельное участие в заключении «Дружественного договора между Королевством Сербия и Княжеством Болгария» 1904 г. Ризов¹ горячо предлагал премьеру возобновить его. Гешов отнесся к идее с недоверием, считая, что Белград не примет болгарского требования автономии Македонии как условия договора. Но все же согласился предпринять дипломатический зондаж и встретиться с Милованом Миловановичем, председателем правительства и министром иностранных дел Сербии, когда вернется из Виши².

Во внешней политике Гешов был сторонником налаживания добрососедских отношений с Турцией. «Меня долго занимала идея о прямом соглашении с младотурками и до, и после моего прихода к власти», – писал он в воспоминаниях³. И делал для этого конкретные шаги – летом 1911 г. вел переговоры с турецким посланником в Софии о возможности заключения соглашения между странами. Однако турецкое правительство навстречу не шло.

А внешнеполитическая ситуация быстро менялась. 16 сентября 1911 г. вспыхнула Итало-турецкая война, и будничные разговоры сменились деловыми. 19–20 сентября Ризов оказался в Белграде и вел в отсутствие Гешова переговоры с Миловановичем⁴, неоднократно до этого выступавшим за заключение сербо-болгарского оборонительного союза. В переговорах принимали участие руководители обоих «крыльев» правя-

шей Радикальной партии Сербии – Никола Пашич и Любомир Стоянович. Впрочем, Пашич еще в апреле 1911 г., будучи тогда премьером, разговаривал с болгарским посланником в Белграде Андреем Тошевым о необходимости соглашения между Сербией и Болгарией с целью расширения территории обоих государств за счет османских провинций в Европе, в случае их освобождения/завоевания, и для взаимной защиты от врагов; при этом он предлагал дележ македонских земель между победителями, тогда как болгары ориентировались исключительно на установление автономии в Македонии.

В конце сентября 1911 г. диалог был продолжен на уровне премьеров Милованович – Гешов: энергичный Ризов «перехватил» главу болгарского правительства в Вене, возможно, на его пути из Виши. Оказалось, что и царь Фердинанд, находившийся неподалеку в своих венгерских владениях, в курсе дела и хотел бы переговорить с Гешовым. О последнем ему сообщил Димитр Станчов, болгарский посланник в Париже, также привлеченный к венской встрече.

О дальнейших событиях Гешов пишет так: втроем (Гешов, Ризов, Станчов) мы составили предварительный документ, названный *Pro metoĝia*, который болгарский премьер представил Фердинанду «на аудиенции в вагоне поезда между Одербергом и Веной». Предложенная программа получила высочайшее одобрение, и 28 сентября Гешов уже в другом поезде имел встречу с Миловановичем – «ехали с ним три часа и всё обсуждали», на сербско-болгарской границе в Лапово расстались⁵. Толчок был дан, кончилась кунштаторская политика Фердинанда, как отзывался о ней Милованович⁶, начались энергичные дипломатические переговоры. Через полгода они привели к заключению Балканского союза, формально как оборонительно-наступательного, однако его оборонительное звучание являлось лишь необходимой дипломатической декорацией. Свой отказ от желания сблизиться с Османской империей и последовавшую кардинальную «перенастройку» внешнеполитического курса страны Гешов объяснял тем, что (вдруг? – *Р.Г.*) осмыслил накопившуюся информацию о негативных результатах политики младотурок в отношении турок⁷.

О Димитре Ризове – «человеке ста мнений», как его называли современники, расскажем подробнее. Годы его жизни – 1862–1918. Официальные сведения находим в Болгарской энциклопедии⁸: публицист, журналист, общественный деятель, дипломат. Учился в Битоли – городе, где родился, а затем в Пловдиве, в 1887 г. при финансовой поддержке Евло-

гия Георгиева (одного из спонсоров строительства и инициаторов создания Софийского университета) обучался в бельгийском Льеже.

19-летним Ризов открыл в Битоли книжный магазин. В 1882–1883 гг. стал экзархийским инспектором болгарских школ в Македонии и уже на следующий год включился в политическую жизнь Княжества Болгария. Под влиянием Петко Каравелова, известного политического и общественного деятеля, «быстро формируется как политический агитатор», становится сотрудником и редактором (1884) газеты Либеральной партии «Търновска конституция»⁹. В дальнейшем Ризов оказывается едва ли не на всех «острых» пунктах и перекрестках общественной жизни Болгарии, а в большой мере – и внутрибалканских политических хитросплетений.

Он входит в Болгарский тайный Центральный комитет (БТЦК) и принимает активное участие в событиях, приведших к Соединению Княжества Болгария и Восточной Румелии в 1885 г.¹⁰, непосредственно участвует в боевых четах, сражавшихся с турецкими властями в провинциях, оставшихся под властью Османской империи, в 1885–1886 гг. возглавляет македонское общество «Македонски глас». Бурно бьющая энергия заставляет часто менять позиции, мнение, действовать резко, ходить «по острию», что не удивительно в условиях довольно хаосообразного состояния политического поля Княжества, только начинавшего приспосабливаться к системной партийной жизни. В годы становления режима Фердинанда Ризов был осужден на два года тюрьмы «за обиду, нанесенную главе государства», – критику антиконституционных действий князя в печатном материале.

Роль прессы, пропагандистских изданий была тогда огромна, если не первостепенна. И Ризов – редактор целого ряда газет, в 1885–1907 гг. это больше десятка названий. Сам он писал, главным образом, на внешнеполитические темы. Оставил также воспоминания («Князь Батенберг и Съединение», 1895), политические брошюры «Разлагающа се и възраждающа се България», 1894, «Петър Лаврович Лавров», 1900, и др. В 1881 г. появилось издание «Етнография на Македония» (фр. яз.) – впервые на такую тему, атлас Македонии «Българите в техните исторически, етнографически и политически граници» (в соавторстве с Н. Ризовым, на нем., англ., фр. яз.). Названия его трудов в достаточной мере определяют круг интересов и общую политическую ориентацию автора, как о многом говорят и использовавшиеся им в периодике псевдонимы (среди них «Гяур», «Дантон», «Д. Инсаров», «Македонец», «Д. Рудин»).

В 1897 г. началась гораздо более устойчивая и непрерывная 10-летняя дипломатическая карьера Ризова¹¹, гдегодились и его быстрая реакция, умение устанавливать контакты, вести переговоры, составлять документы, вплоть до важнейших – от имени царя Фердинанда. Авантюрная жилка, едва ли не превалявавшая в его характере и помогала, и мешала в этой работе. И нет ничего удивительного, что судьба вынесла Ризова на гребень событий, связанных с заключением Балканского союза 1912 г. В подготовке союзного договора он принимал активное участие. И не только как связной между представителями высшей власти Болгарии и Сербии, но и как один из авторов и идеологов программы. При составлении *Pro metoia* ему принадлежала идея включить в документ пункт, предусматривавший использование внутренних беспорядков в Турции как создающих угрозу «миру и тишине» на Балканском полуострове в качестве повода для военного вмешательства союзников в дела Османской империи.

Не может укрыться от глаз, что одновременно оживилась деятельность Внутренней македоно-одринской революционной организации (ВМОРО). Ее реорганизованный Центральный комитет, возглавленный Тодором Александровым, ориентировался на то, чтобы, используя благоприятный момент, как можно скорее открыть войну с Турцией, толкнув на это правительство Болгарии. Для давления на власти использовались и личные связи. Так, в частном письме к Пейю Яворову, заграничному представителю ВМОРО в Софии, Александров просит друга поработать с премьером Гешовым и министром Теодоровым, чтобы Болгария скорее «обнажила нож»¹². 19 октября 1911 г. ЦК ВМОРО объявил о приведении Организации в боевую готовность. Ее повседневная деятельность заключалась в устройстве террористических актов на железных дорогах, трамваях, почтовых фургонах, мостах, в приобретении оружия, военной подготовке. Задача, в случае войны, оставалась прежней: обеспечение Болгарии всех прав на македонские земли, как они были обозначены в Сан-Стефанском договоре¹³.

* * *

Переговоры о союзном договоре между представителями Сербии и Болгарии шли трудно. Милованович отстаивал принцип дележа между союзниками будущих завоеваний в турецких провинциях, Гешов выступал против и требовал автономии Македонии. 17 и 24 октября сербское правительство через своего посланника в Софии М. Спалайковича представило два проекта союзного договора. В первом из них Македонию

предлагалось считать «спорной» территорией, а бесспорными – Одринский вилайет для Болгарии и Шкодринский для Сербии. Во втором предусматривался дележ на три зоны уже самой Македонии – на две бесспорные и одну спорную; судьбу последней предстояло решить путем арбитража¹⁴. Однако такие предложения никак не устраивали болгарскую сторону.

Вопрос зависал. Чтобы продвинуть переговоры, Гешов делегировал вызванного из Рима Ризова в Париж, куда отправился Милованович вместе с королем Петром и, где в честь его величества устраивалось празднество. Заявление о том, что Фердинанд и Гешов считают сербские предложения «невозможными для Соглашения», Станчов, болгарский посланник во Франции, сделал сербскому премьер-министру 5 ноября на Гала-представлении в Опере. Милованович был в замешательстве – дело заходило в тупик. Надо было искать новой встречи. Она произошла на «болгарской территории» – в здании дипломатической миссии Болгарии в Париже, и в ней участвовал Ризов, представленный Станчовым как человек, которого его правительство считает «компетентным в вопросе». Посланцы Гешова сообщили Миловановичу о последних уступках болгарской стороны, заявили, что о произвольном приобретении сербами будущих территорий не может быть и речи, что всё разграничение следует провести через русский арбитраж, который необходим для правительств обеих стран, в том числе с целью защиты от давления со стороны общественного мнения, «крайне противоположного и трудно примиримого в этом вопросе» в каждой из них.

Обмен мнениями был бурным. На возражения Миловановича Ризов отвечал по-сербски, убеждая и настаивая на том, что в ходе «предыдущих переговоров в Риме и Париже», партнеры уже достигли «определенной формулы», включая вопрос об автономии Македонии, и что «странно теперь отречение от нее» Миловановича. Оставшись вдвоем, с глазу на глаз, Ризов принялся убеждать Миловановича в том, что нынешняя попытка добиться соглашения между Сербией и Болгарией является последней («никогда больше Сербия не дожидется другого болгарского правительства, более расположенного и годного для заключения такого соглашения»), а потому дело чести для Миловановича – использовать момент и договориться с Болгарией, даже если это навлечет на него проклятия недальновидных соотечественников. В возвышенном тоне Ризов говорил о грандиозности и важности исторической задачи – заключении союза между Болгарией и Сербией! И добился, в конце концов, согласия

Миловановича сделать все возможное, чтобы убедить Пашича и Стояновича, а также военного министра ген. Степановича пойти навстречу болгарским пожеланиям.

Эти и другие подробности и нюансы парижских переговоров Ризов со Станчовым изложили в большом отчете Гешову. Доклад о выполнении ими поручения премьера помечен 7/20 ноября, Париж. Окончание его таково: «Так, г. министр, закончился наш разговор с Миловановичем. Теперь Ваша забота довести дело до счастливого конца».

Хотя отчет отмечен немалой мерой самодовольства и бахвальства авторов, и можно предположить в нем определенные неточности и натяжки, Гешов, очевидно, принял доклад со всей серьезностью; об этом косвенно свидетельствует полная публикация документа в его воспоминаниях¹⁵. Тем не менее, 15 декабря 1911 г. сербский посланник в Болгарии Спалайкович представил новые предложения. В них, утверждает Гешов, «принималась моя формула автономии Македонии» и приводился новый вариант спорной зоны¹⁶.

Окончательный текст Договора между Болгарией и Сербией был подписан в Софии 29 февраля/13 марта 1912 г. К нему примыкало Тайное приложение, в котором с первых же строк, «беря быка за рога», его составители определяли условия и процедуру объявления войны Турции. В статье 1-й Приложения указывалось: «В случае, если в Турции вспыхнут беспорядки, представляющие опасность для национальных или государственных интересов договаривающихся сторон, или одной из них, а также в случае внутренних или внешних затруднений, вынуждающих Турцию водворить статус-кво на Балканском полуострове, та из договаривающихся сторон, которая первой пришла к убеждению, что необходимо предпринять военную акцию, должна обратиться к другой стороне с мотивированным предложением ... (курсив мой. – Р.Г.)»¹⁷. Как видим, принцип «если в Турции вспыхнут беспорядки», оговоренный еще в Pro metoigia, формулирование которого принадлежит Ризову¹⁸, в Тайном приложении оказался на первом месте.

Внимание на важности этого пункта заострил Иван Т. Теодоров, сын известного болгарского политического деятеля Теодора Теодорова, который в 1911 г. принимал участие в дипломатических переговорах с сербской стороной. Долгие годы сын по крупицам собирал материал по истории Балканских войн, исследуя также семейный архив. По мнению этого автора, пункт, гласивший: внутренние беспорядки в Турции способны угрожать миру и спокойствию на Балканах, определяли самый

смысл «Тайного приложения» к Договору о болгаро-сербском союзе. Оно-то «фактически и являлось настоящим договором», – пишет он, – в нем фактически предлагался способ «открыть вооруженную акцию против Турции», когда одна из договаривающихся сторон посчитала бы это необходимым (курсив мой. – Р.Г.)¹⁹.

Если не забывать об авторстве формулировок важнейших статей Договора, должно сказать, что Ризов сыграл в истории его подготовки не только роль связного между представителями Сербии и Болгарии в ходе дипломатических переговоров, но и оказал, по меньшей мере, влияние на его содержание. Скажем больше, сделал едва ли не основное – выразил главную *практическую* идею Балканского союза, а именно: *как* спровоцировать войну против Турции под благовидным предлогом. Чем вложил в руки милитаристских сил Болгарии большой козырь.

Его разыгрыванием они и занялись весной – летом 1912 г. Сначала делегация ВМОРО отправилась на Запад для зондирования обстановки, но вернулась ни с чем: великие державы упорно держались позиции сохранения статус-кво на Юго-Востоке Европы. В самой Болгарии общественность пока сохраняла спокойствие. Страна закончила первое десятилетие нового века с прекрасными экономическими показателями. Урегулирование отношений с Сербией было встречено в Болгарии с удовлетворением: людям не были известны державшиеся в строгой тайне действительные условия Балканского союза. Воевать пока что было недосуг.

Вот почему заинтересованным в развязывании войны кругам пришлось серьезно поработать – готовить соответствующую атмосферу в стране, настраивать общественное мнение в пользу войны с турками, убеждать народ к ее неизбежности²⁰. За работу взялись македонские земляческие организации, союзы офицеров и унтер-офицеров, политики и журналисты крайних взглядов. Руководители ВМОРО подбросили горячий материал: устроили взрыв нескольких бомб в г. Кочани (недалеко от болгарской границы), что вызвало со стороны турецких властей кровавые репрессии в отношении местного болгарского населения. Провокация достигла двоякого успеха: по Болгарии прокатилась волна многочисленных митингов с требованием «наказать турок», газеты выходили с лозунгами «Народ требует войны»; а главное – появление искомых внутренних беспорядков в Турции, оговоренных в союзном Договоре между Болгарией и Сербией. Именно они создавали определенную легитимацию для решения болгарских властей начать войну против Турции²¹.

Не будет ошибкой сказать, что именно деятельность ВМОРО всколыхнула страну. Любопытна очередность действий, проступающая из дневниковых записей Петра Абрашева, министра юстиции в правительстве Гешова. Анализируя ход событий, этот степенный человек пишет: «Замечается воинственное настроение почти во всех общественных кругах. Грозный призрак войны не страшит даже самых боязливых. Правительство вынуждено готовиться к войне, и оно готовится к ней»²². И далее: «Наиболее воинственными были военные, македонствующие, а также стамболовисты, радослависты и из Демократической партии. Согласились (в правительстве. – *Р.Г.*), что надо поездить по Болгарии, чтобы непосредственно познакомиться с настроениями. Я объехал Кюстендилский, Врачанский, Берковский, Фердинандский, Ломский, Белослатинский округа и вернулся с впечатлением о наличии воинственного жара чуть ли не во всех кругах. «Ударим и покончим с этим», – говорили мне почти повсюду. Выходило, что населению надоело слушать о приготовлениях к войне. Мирные и работающие люди хотят войны с Турцией не для чего другого, а чтобы «покончить с этим». Они смотрят на войну, как на работу, которую нельзя не сделать»²³.

Конкретными данными о том, что руководители ВМОРО знали о сути Балканского союза, мы не располагаем. Нельзя, однако, сбрасывать со счета однонаправленность действий дипломата Димитра Ризова, нашедшего более или менее легитимную формулу для объявления Болгарией и союзниками войны Турции, и боевика Тодора Александрова, приложившего специальные усилия для реализации ее на практике. Так что именно ему некоторые болгарские историки приписывают авторство и режиссуру событий накануне Балканских войн: «Деятельность ВМОРО в 1911 и 1912 гг., – пишет Ц. Билярски, – во многом привела к тому, что был найден повод для объявления Балканской войны. Им стала резня болгар в Штипе и Кочани в ответ на атентаты ВМОРО»²⁴.

Ризов участвовал и в последнем акте формирования Балканского союза – переговорах с Черногорией. Собственно переговоров не велось ни в Софии, ни в Цетинье, и ни в какой другой балканской столице. Они начались и закончились в венском Хофбурге, во время посещения императора Франца Йосифа черногорским королем. Болгарскую сторону представляли председатель Народного собрания Стоян Данев и тот же Ризов. С черногорской стороны участвовали воевода Пламенац и военный министр генерал Мартинович. «Для достижения цели одной беседы было достаточно, – пишет Данев в мемуарах. – Единственное, о чем про-

силы черногорцы, – оказать помощь в содержании их войска. Не было составлено никакого письменного акта»; только через министерство иностранных дел решение о вступлении Черногории в Балканский союз передали болгарскому дипломатическому представителю в Цетинье Н. Колушеву – «для сведения и руководства»²⁵.

По простоте нравов заключение межгосударственного союза происходило в рамках «народной дипломатии», в условиях традиционализма.

Ризов не оставил свое «детище» и перед самым началом Первой балканской. Гешов поручил ему подготовить важнейший государственный документ: сформулировать официальную причину перехода Болгарии к военным действиям в ноте Порте с требованием немедленных реформ в ее европейских владениях, невыполнение которого, по мнению болгарского премьера, вынуждает его объявить султану войну. Как видим, Гешов предпочитал действовать в рамках еще существовавших международных договоренностей. Кроме того, Ризову поручалось составить Манифест об объявлении войны, который подпишет царь Фердинанд²⁶.

И в дальнейшем, по ходу военных и дипломатических событий, Ризов постоянно держал руку на пульсе. Попутно наставлял Гешова, что главной целью Болгарии на самом деле является достижение полной автономии Македонии во главе с генерал-губернатором (европейцем) под контролем великих держав, а не ее дипломатическое прикрытие в виде требования реализации ст. 23 Берлинского трактата²⁷.

Ризов постоянно выступал с политическими и другого свойства советами, рекомендациями, оказывал давление. Судя по дневнику П. Абрашева, вмешательство «знаменитого дипломата», как в насмешку тот его называл, часто было невпопад и только нервировало правительство. Министр отмечает «нескрываемое самодовольство и похвальбу» Ризова. О многом свидетельствует запись в его дневнике от 20 ноября 1912 г.: «Истинная беда, когда кто-нибудь уверится, что умнее и патриотичнее его нет никого на свете»²⁸. Впрочем, некоторые советы Ризова тот же Абрашев считал полезными, как, например, высказанное посланником пожелание шире информировать иностранное общественное мнение об осложнении сербско-болгарских отношений в апреле 1913 г. Что, правда, не было принято членами правительства во внимание: «К сожалению, Гешов и Теодоров не хотят это использовать», – писал Абрашев²⁹.

Без Ризова не обошлась и история с задержкой ответа болгарского правительства на турецкое предложение о перемирии и прелиминарном мире. Как известно, Фердинанд, получив его 31 октября 1912 г., не только запретил сообщать об этом союзникам, но и промедлил с началом переговоров³⁰, что, по оценке современных историков, нанесло вред самой Болгарии, сбilo темп развития военных событий. Г. Марков пишет: «С самочувствием советника и доверенного лица правительства» Ризов еще 18 октября 1912 г. «предрек, что будет капитальной, непоправимой ошибкой, если балканские государства согласятся на перемирие, прежде чем победят Турцию полностью и окончательно»³¹.

В его стиле естественным было предложить Гешову в письме от 11 ноября 1912 г. не делать грекам никаких уступок, не отдавать Солунь, даже если для этого придется воевать с ними³². Ризов оказался и среди тех, кто поощрял болгарских военных и власти войти в Константинополь: не бойтесь, только предупредите Россию, что вступаете временно, чтобы окончательно разбить Турцию. Подобная агитация воздействовала и на солдат, ставших петь национальный гимн с измененными словами в припеве: «Марш, марш, Цариград е наш!». Ризов советовал также «поспешить взять Одрин, чтобы показать Петербургу, что этот город будет включен в пределы болгарского государства», хотя он не входил в санстефанские границы³³. От него исходили «самые разгоряченные предложения», – констатирует Г. Марков³⁴. Такие предложения и настроения мало чем отличались от того, как думали в ЦК ВМОРО.

Балканская война развивалась нервно, союзники относились друг к другу с нарастающей подозрительностью. Эта подозрительность явилась рано, чему давали основания победные результаты первого, очень успешного этапа войны, когда союзники увидели, что *уже есть, что делить*. При этом аппетиты каждого члена Балканского союза далеко выходили за рамки договоренного. Уже в январе 1913 г. Сербия подняла вопрос о несогласии с установленным в союзном договоре разграничением земель, подлежащих разделу, в феврале – о дополнительных компенсациях³⁵. Беспокойство ВМОРО в связи с этим выливалось пока что в памятные записки ее ЦК, адресованные царю Фердинанду или премьеру Гешову, с предупреждением быть начеку в отношениях с союзниками, чтобы не попасть впросак. В письме к П. Яворову от 27 января 1913 г. Т. Александров пишет: «Сделаем все возможное, чтобы не позволить болгарскому правительству подарить болгарские земли сербам и грекам

и продолжать цепляться за какой-то там союз, меньше всего нужный нам, по крайней мере, на будущее»³⁶.

Последующие события делали все более хрупким союз балканских государств, их верность принятым обязательствам. Сепаратные переговоры, которые в апреле-мае 1912 г. вели между собой представители Сербии и Греции, закончились договором этих стран против Болгарии. Ризов, заранее прознавший об этих переговорах, 16 апреля предупреждал болгарское правительство о возникшей опасности. «Контролирующую» активность проявляла и ВМОРО, призывая политиков к максимальной бдительности. Действительно, отношения между союзниками все более заходили в тупик, на горизонте замаячила угроза братоубийственной войны.

В накаливании обстановки свою роль играли отношения между Россией и Австро-Венгрией. Российская дипломатия улавливала стремление венского кабинета сблизиться с Софией, посещать недоброжелательство между нею и Белградом. Сербия, в свою очередь опасалась, что Болгария, добившись своего в войне с Турцией, не захочет затем воевать с Австрией, как это было уговорено в Договоре о Балканском союзе, а наоборот, «задружит с нею».

Размышления по поводу этих обстоятельств достаточно четко явлены в «весьма доверительном письме» А.А. Нератова, временно замещавшего Сазонова и 23 апреля 1913 г. писавшего от имени последнего Н.Г. Гартвигу. Из документа следует, что российская дипломатия, видя, как меняется ситуация, стала склоняться к восприятию событий не только «с точки зрения права», но и при учете «оценки, исходящей из принципа *политической целесообразности*». Последняя заключалась в том, чтобы «всецело поддержать сербские пожелания», как дающие возможность для «создания прочного *заслона дальнейшему проникновению Австрии на Балканский полуостров*» (курсив мой. – Р.Г.)³⁷.

Не забудем, что именно такая цель стояла во главе изначального замысла Балканского союза, каким его полагала Россия, к тому же не имевшая в виду никакой войны и, наоборот, настаивавшая на сохранении статус-кво на Балканах. Балканская война 1912 г., произошедшая по воле самих балканских государств, которые проявили самостоятельность в подходе к решению вопроса общеевропейского уровня, смешала многие карты. Россия оказалась в сложном положении, но не заняла, тем не менее, односторонней позиции. Император Николай II пытался примирить стороны, требуя от болгар уступок. В его апрельской ноте 1913 г. Гешову

говорилось: «Императорское правительство крайне озабочено дошедшими до него сведениями о чрезвычайном обострении вопроса о разграничении между Болгарией, Грецией и Сербией. Оно не хотело бы допускать даже мысли о возможном братоубийственном столкновении между нынешними союзниками... Россия до сих пор делала все для локализации событий и убережения Болгарии от нападения с тыла. Но в случае братоубийственного столкновения болгар с сербами и греками, само наше общественное мнение откажется от Болгарии и императорскому правительству останется только с болью в сердце быть безучастным зрителем гибели болгарского дела и ограничиться исключительно защитой русских интересов»³⁸.

Однако в Болгарии военные, ВМОРО, другие македонствующие, частично политические круги и интеллигенции продолжали накалять обстановку. Недаром Николай II в ноте Гешову просил наложить «некоторую узду на печать, разжигающую вражду между союзниками»³⁹. Но дело было не только в прессе. Показательно отметилась ВМОРО. В подготовленной ею декларации от 16 мая 1913 г. говорилось: «Внутренняя организация, не признавая никаких спорных земель, но признавая, что в границах Македонии существуют только болгарские земли, должна заявить своевременно и категорически, что, если македонский вопрос не решится так, как она того желает, то она не прекратит революционную деятельность и в вихре борьбы не усомнится в том, чтобы использовать все имеющиеся в ее распоряжении средства, не обращая внимания ни на Женевские и ни на какие другие международные конвенции»⁴⁰. Тодор Александров исходил из того, что «эта война – наша, так как именно события в Штипе, Кичево, Кочани, вызванные нами, дали к ней повод, явились первопричиной войны, начатой главным образом и, прежде всего, во имя освобождения македонского населения»⁴¹. Присваивая, таким образом, себе возможную войну против союзников, видя в ней преимущественно войну ВМОРО, лидер Организации фактически отстранялся от интересов собственно Болгарии, которым такая война была совершенно противопоказана. Но это в его заботы, видимо, не входило. 25 мая 1913 г. он пишет П. Яворову: «Договорились с некоторыми военными, что, если правительство попытается избежать войны, мы отсюда спровоцируем ее и заставим (ее вести. – Р.Г.)»⁴².

Да не покажется нам странным, что на такой позиции оказался и болгарский дипломат на службе Димитр Ризов. Но об этом ниже.

Здесь же отметим, что в итоге именно Болгария не выдержала психологического напряжения: 16/29 июня 1913 г. ее войска получили приказ атаковать позиции греков и сербов, начав тем самым Межсоюзническую войну. Она была короткой и безжалостной – разгромом «основательницы» и «главной силы Балканского союза», как ее называют болгарские историки, занялись не только ее бывшие союзники (Сербия, Греция, Черногория), но и улучшившая благоприятный момент Румыния и оправившаяся после недавнего поражения Турция. Бухарестский и Петербургский мирные договоры 1913 г. завершили кровавую эпопею двух Балканских войн. Для Болгарии это было не только суровое военное поражение, в результате чего она потеряла часть собственной территории, но и крах надежд на реализацию идеи национального объединения. Случилась национальная катастрофа.

* * *

Царь Фердинанд быстро произвел рокировку игроков на политической арене. 4 июля 1913 г. на смену русофильским правительствам Ив. Гешова и Ст. Данева пришел кабинет министров во главе с Василем Радославовым. Смена правительств сопровождалась переориентацией внешней политики Болгарии: стремлением было уйти под защиту Австро-Венгрии. Девизом царя Фердинанда стало: «Нет другого спасения для Болгарии, кроме возвращения в Рим», что означало, помимо прочего, возможность заключения унии с католической церковью⁴³. Экзарх Йосиф упорно сопротивлялся поветрию, охватившему довольно широкие слои общества, включая духовенство, но на него власти обращали уже мало внимания.

Из контекста событий следует, что идея славянского единства и православного единоверия как одна из главных составляющих прежнего идеологического обоснования и обрамления Балканской войны – мало чего стоила и легко могла быть отброшена. При этом главная цель оставалась прежней – Македония любыми средствами. Лидер ВМОРО Тодор Александров так разъяснял «необходимость» поворота в сторону германо-австро-венгерского блока: «Всё, что делаем сейчас, – писал он 1 августа 1913 г. одному из сподвижников, – шаги в пользу автономии Македонии, зондаж идеи, возможно ли путем унии под австро-венгерским протекторатом сохранить национальность македонских болгар в захваченных сербами и греками районах, и, в крайнем случае, переход некоторых районов [...] к Албании и проч. – всё это происходит с ведома и согласия болгарского правительства»⁴⁴.

Власти предприняли шаги и по изменению состава Народного собрания – указом царя оно было распущено, назначались выборы в новый парламент. Они состоялись в ноябре 1913 г., но принесли Фердинанду разочарование: почти 50% избирателей отдали свои голоса представителям партий «народных интересов», выступавших с антимилиитаристскими лозунгами, – Болгарскому земледельческому народному союзу (БЗНС), двум партиям социалистического толка («теснякам» и «широким») и мелкобуржуазной Радикально-демократической партии. БЗНС, например, несмотря на потерю значительной части своих избирателей из-за перехода Добруджи к Румынии, получил свыше 100 тысяч голосов. Никогда еще «земледельческая» парламентская фракция не была так велика – 48 депутатов, т. е. почти четверть (23,1%) всех депутатских мест⁴⁵.

Страна бурлила, обсуждая катастрофические результаты Балканских войн. Как такое могло случиться? Болгария, считавшаяся самым сильным в военном отношении государством на Балканах, войска которой одержали удивительные победы в Первой войне, в итоге оказалась «у разбитого корыта». Кто виноват? Информации у народа было мало: условия Балканского союза, подписанного представителями Болгарии и Сербии в 1912 г., хранились в тайне. Сведения об отношениях между союзниками, содержании дипломатических переговоров и т. п. поступали урывками, быстро обрастали слухами и фантазиями, настоящего положения никто толком не знал.

Национальное поражение раскололо общество. Милитаристские силы спешили заявить, что в народе сохраняется повышенное патриотическое настроение, нет никакого уныния, и что, если сейчас Болгарии приходится отступить, то следующий опыт непременно принесет успех, и болгарский народ, наконец, добьется полного объединения. Однако итоги парламентских выборов опровергли «прозорливость» сторонников курса правительства В. Радославова. Газета «Военна България» вынуждена была констатировать: результаты выборов – «большая неожиданность для всей страны. Против общих ожиданий правительство не получило большинства»; «народ отвернулся от правящей партии и склонился к самым крайним элементам. В душе возмущенного народа произошел перелом»⁴⁶.

Не было единства и в более высоких политических, дипломатических, военных кругах. Об этом по-своему печалилась та же «Военна България», писавшая: вместо серьезного анализа причин поражения 1913 г. – свара между генералами, кто виноват, кто проштрафился как коррупционер при поставках вооружения и т. п.⁴⁷.

Правительственные рокировки не могли успокоить общество. Народ требовал возмездия, наказания виновников поражения. После ноябрьских выборов в парламент «народные партии» стали проводить свои съезды, на которых как бы легализовали антиправительственные требования: привлечь царя Фердинанда к ответственности, лишить его права руководить внешней политикой, провести судебное расследование причин народной катастрофы и наказать ее виновников, отказаться от пропаганды реванша, означающего новую войну с соседями, тогда как «нам нужен мир для всестороннего обновления страны»⁴⁸. На состоявшемся 6–10 декабря 1913 г. XIV-м съезде БЗНС крестьянская партия потребовала немедленной – «без отсрочки» – отставки «подсудимых министров»⁴⁹.

По-настоящему был напуган ситуацией в стране царь Фердинанд, главный виновник «преступного безумия 16 июня». Уединившийся за границей, он шлет 11 ноября из Вены доверенному С. Добровичу сбивчивую телеграмму: «По сообщению этим вечером всех газет, в Болгарии вспыхнула революция, и что Мое возвращение невозможно. Приказываю Вам сказать Мне правду»⁵⁰. В телеграмме от 13 ноября царь всех болгар уныло сообщает, что на завтрашней аудиенции у австро-венгерского императора «решится моя судьба и мое будущее жилище (очевидно, местопребывание. – Р.Г.)». Одновременно он дает распоряжение предупредить престолонаследника Бориса, что тот должен готовиться к «своему новому сану». Но еще более знаменательна следующая фраза Фердинанда: «Хотел бы я знать, кто выдал оригинальный текст этого ненавистного договора * , – проболтавшийся Гешов или сам Геннадиев⁵¹, когда был ...***⁵² и что после публикации в “Le Matin” невозможно, чтобы я остался в кругу европейских монархов»⁵³.

Однако, как оказалось, все не так страшно, хотя болгарскому монарху пришлось пройти через большое испытание. В телеграмме к престолонаследнику от 14 ноября 1913 г. Фердинанд сообщает об унижении, пережитом им на 30-минутной аудиенции у австро-венгерского императора, куда тот явился с предложением своей «отставки от престола» и готовности сдать полковой мундир, когда-то, видимо, торжественно врученный ему императором. Хозяин же был очень мрачен, но сказал, что прощает его на этот раз и отречения не требует, что постарается забыть обиду, нанесенную ему и его армии, и милостиво оставляет болгарского

* Примечание редактора публикации: Речь идет о Тайном приложении к Договору между Болгарией и Сербией 1912 г.

царя и его престолонаследника в 11-м гусарском полку. Всё это – на фоне обвинений в адрес императора Фердинанда «в позорном заговоре» «против меня и моего государства», заявлений, что «был оскорблен его союзом с подобными людьми» (т. е. с сербами? – *Р.Г.*). Фердинанд вышел из дворца «совершенно сокрушенный, в убеждении, что моя роль здесь окончена». Просил сына никому не говорить об этом ⁵⁴.

Получив хоть какую-то поддержку со стороны Австро-Венгрии (сохранил мундир!), Фердинанд уже не так боялся продолжавшихся шумных и откровенно антиправительственных выступлений. 31 декабря 1913 г. власти во второй раз за короткое время прибегли к роспуску Народного собрания, соответствующий указ был подписан царем. Были назначены и новые выборы в Народное собрание. Но ситуация не успокаивалась.

Кто виноват в происшедшем? – поиски ответа на злободневный вопрос продолжались. О характере общественного беспокойства можно судить по письму Стефана Бобчева Михаилу Маджарову (во время Балканских войн первый представлял интересы Болгарии в Петербурге, второй в Лондоне). 20 марта 1914 г. Бобчев писал коллеге: «Болгария переживает продолжающуюся анархию и смуту – наследие памятного 1913 г. [...] Ничто не успокоилось. Каждый пытается доказать, что был прав и правильно всё видел, правильно говорил и правильно делал. Противник – это все другие, не «я» – он ошибся. И в этом поиске виновного, обнаружении его в противнике – проходит вся наша жизнь. В такой повседневности истощается вся энергия, вся деятельность, все время. Кому-то это приносит, может быть, выгоду, Болгарии же только вредит и причиняет огромный ущерб, во-первых, потому что отнимает возможность заняться делом – лечением наших ран, а во-вторых, потому что мнимая задача – переложить вину на противника, – затмевает действительную задачу, стоящую перед нами – преодолеть опасность, висящую над нами и имеющую многообразные формы» ⁵⁵.

Перспективу Бобчев видел в том, чтобы, «невзирая на ныне разделяющие Болгарию австрофильство и русофильство», внешнеполитическая ориентация страны строилась на обеспечении «спокойной внутренней работы, спокойного движения вперед, без рисков, без сотрясений, без жертв»; и тогда, «имея то, что нам осталось, мы сможем подняться». Но автор письма сознает и опасность для страны, кроющуюся в возможном новом проявлении ее руководством таких черт национального характера, как невежество, грубость, неумение выстраивать отношения, черт, унас-

ледованных от прошлого и неуместных в XX веке: «Ах, эта байганювщина, – восклицает он, – этот «булгар», эти наши кулаки, направленные во все стороны ... Это может окончательно снести нам голову»⁵⁶.

В водовороте мнений, споров, обвинений, распространившихся в общественных кругах и особенно прессе, личным нападкам подвергался не только царь, но и многие его присные. В том числе немало досталось и Димитру Ризову, активному деятелю злополучной войны и ее своеобразному куратору.

В Центральном государственном архиве (София) хранится документ, который работники архива озаглавили так: «Письмо Димитра Ризова с объяснениями, почему изменилась его позиция от зачинателя Балканского союза до поддержки Второй Балканской войны»⁵⁷. Письмо датировано 10 января 1914 г., Рим, и адресовано Николе Сакарову, известному в Болгарии общественному и политическому деятелю, часто выступавшему по общеполитическим вопросам. В то время Сакаров входил в Центральный комитет партии широких социалистов, а ее орган – газета «Народ» – принимала активное участие в антимилитаристской кампании.

Письмо Ризова являет собой машинописную рукопись с поправками от руки, внесенными автором. Имеется собственноручная подпись Ризова. В архивном экземпляре отсутствуют три первые листа рукописи (очевидно, утеряны), остальные 8 листов плотного текста хорошо читаются.

Документ представляет большой интерес как конкретный отгослок эпохи, в котором отразилась попытка непосредственного участника событий ответить на вопросы времени. Первую часть письма, имеющую не столько оправдательный, сколько объяснительный характер, можно даже назвать аналитичной. Здесь Ризов называет 8 *ошибок*, допущенных военно-политическим руководством Болгарии в ходе Балканских войн. (Правильнее, наверное, говорить не об ошибках, а о действиях, приведших к ним. Но сохраним стиль автора). Кроме того, документ, особенно его вторая часть, несет весьма ценную информацию о характере и общественном поведении такой типичной для Балкан личности, как Ризов, с его непосредственностью реакций и неудержимым выбросом в открытое пространство внутренних эмоций.

Итак, что же Ризов считал ошибочным в действиях военно-политического руководства Болгарии. Переложу близко к тексту основные тезисы автора.

К сожалению, о первой ошибке и части второй судить не представляется возможным – они оказались на утерянных листах. Только с окончания текста о «второй ошибке» начинается архивная нумерация документа (Л. 1). Здесь речь идет «о мире в декабре 1912 г., который не заключили». «А есть ли необходимость доказывать, – пишет Ризов, – что если бы мы тогда заключили мир с Турцией, то спасли бы и Македонию с Одрином, и вторую войну с Турцией не вели бы, и не было бы никакой межсоюзнической войны, и сохранили бы жизнь более чем половине принесенных жертв».

3-ей ошибкой автор считает изменение характера войны, превращение освободительной войны в завоевательную с желанием получить границу по линии Мидия – Родосто. Это способствовало созданию вредной легенды, «что мы домогаемся гегемонии на Балканах. Мир стал удивляться, что мы не хотим сделать уступок Сербии и Греции в Македонии, а сами захватываем всю Фракию и простираем наши границы у ворот Царьграда».

4. Затягивание переговоров о мире в Лондоне, перерыв в них и возобновление войны с Турцией. В результате произошло сковывание наших войск в Чаталдже и Бунаире и вывод нашей дивизии из Солуни, так что сербские войска хлынули в Албанию, и мы были не в состоянии своевременно послать наши гарнизоны в города Македонии, а этим, наверное, избежали бы Межсоюзнической войны.

5. Не договорились с Грецией о разделе завоеванных земель. «Еще 16 апреля 1913 г. я представил министру шифрованную депешу о том, что между Грецией и Сербией достигнуто соглашение о солидарных военных действиях против нас».

6. Не договорились с Румынией. Это наша кардинальная ошибка, с нею связаны и вторая война с Турцией, и Межсоюзническая война, и наша прошлогодняя катастрофа.

7. Непринятие арбитражного решения по спорной зоне между нами и Сербией. «Это единственная ошибка, которую совершили не мы. Я и сейчас продолжаю думать, что этой ошибки можно было легко избежать, если бы Россия поторопилась с арбитражным решением по спорной зоне после заключения Лондонского мира с Турцией».

8. Отклонение нами предложения Сербии и Греции о демобилизации союзных войск до $\frac{1}{4}$ их состава (Данев и его вера, что Россия все разрулит).

«Эта серия политических и дипломатических ошибок с неотразимой фатальностью сделала Межсоюзническую войну неминуемой, неизбежной, обязательной»⁵⁸.

Можно соглашаться или не соглашаться с автором, но краткий его анализ носит черты критического отношения к болгарской политике во время балканской кампании, что весьма ценно, ибо в современной болгарской историографии не всегда найдешь такую определенность, как, например, признание превращения освободительной войны в завоевательную. Надо думать, что такой анализ потребовал от Ризова немалых внутренних усилий, ибо по ряду позиций он должен был обратиться к критике и на самого себя. Это относится, например, к вопросу о затягивании болгарского ответа на первое турецкое предложение о мире, или к поведению самого Ризова, не торопившегося с составлением текста болгарского мемора российскому императору о согласии на арбитраж⁵⁹.

По стилю вторая часть письма Ризова существенно отличается от первой. Здесь столько личных чувств, переживаний, военно-романтических эмоций, призванных в конце концов родить у читателя представление: 16 июня было принято единственно правильное решение, иначе поступить было нельзя. Ризов сообщает, что в начале мая 1913 г. по поручению Гешова он отправился в Сербию, чтобы попытаться убедить Пашича в необходимости выполнять постановления союзного договора между Болгарией и Сербией. Из встреч с Пашичем и другими сербскими министрами, с Гартвигом и своими старыми друзьями-сербам Ризов вынес впечатление, что сербы окончательно и бесповоротно решили из завоеванных в Македонии земель «не уступать нам ничего из того, что по союзному договору причитается нам, даже если для этого потребуются воевать с нами». Текст проникнут ощущением предрешенности и неизбежности межсоюзнической войны. Некоторые сербские газеты, – пишет Ризов, – «проповедовали неожиданный захват Софии, пока болгарские войска стоят в Чаталдже и Булаире», а сербские офицеры заявляли, что, если России своим арбитражным решением предоставит Сербии только лишь спорную зону, «следует свергнуть Пашича и привести к власти людей, которые не подчинятся этому решению».

В Софию Ризов вернулся с пониманием, что «поведение Сербии предрешало и наш спор с Грецией – одно из двух: или Болгария уступит Греции и Сербии большую часть Македонии, или же будет воевать с ними? [...] Мне было ясно, что война неизбежна».

Но и в Софии настроение людей было не лучше. Генерал Савов несколько раз ставил болгарскому правительству ультиматум, настаивая на скорейшем разрешении дилеммы: демобилизация или война и заявляя, что после 15 июня он уже не сможет отвечать за армию. «Эта грозная перспектива, – пишет Ризов, – скоро стала моим кошмаром», тем более, что в кабинете Данева уже не было единодушия по вопросу: что делать? «Свыше 20 заседаний Совета министров было потеряно в нескончаемых и бесплодных обсуждениях положения»⁶⁰.

Последней каплей стало столкновение Ризова с бездействием лидеров оппозиционных партий, которых он призывал «либо добиться формирования нового кабинета, либо собрать коронный совет, чтобы решить, что же делать в этот судьбоносный момент». Свою роль сыграли и утвердительные ответы нескольких военачальников на вопрос: «можем ли мы справиться с греками и сербами до того, как Румыния хлынет в Болгарию со своими войсками».

Так болгарский дипломат Ризов пришел к серьезному, на деле – поворотному – решению: «После всех этих консультаций я стал открытым сторонником межсоюзнической войны, и уже на следующий день написал статью в газете «Народна воля», где высказал свое мнение – Болгария должна сделать «верховное усилие», чтобы теперь же завершить свое полное национальное объединение».

Возможно, объясняя в письме Сакарову это решение, Ризов специально упирал на свое внутреннее состояние, подчеркивал ощущение тревоги и кошмара. Но вообще-то никакого рубикона он не переходил. Как можно видеть из изложенного, на протяжении обеих Балканских войн Ризов все время был на грани дозволенного дипломату, с самого начала кампании мысль о возможности войны с союзниками не была для него устрашающей. И в определенный момент Ризов-дипломат досрочно, сам, *de facto*, не будучи официально отозван, покинул пост защитника интересов Болгарии, оставшись безудержным «македонствующим революционером». Свидетельство тому – и заключительный пассаж письма: «Таково мое участие в межсоюзнической войне. И если это составляет вину, я готов отвечать перед любым судом, соглашаясь уже сейчас, что моя нравственная ответственность в данном случае может считаться юридической виновностью. Это самая малая жертва, которую македонец может принести перед мученическим и окровавленным образом своей священной, осиротевшей и недобитой еще родины»⁶¹. Такую самоидентификацию невозможно было скрыть ни под каким дипломатическим

мундиром, долг македонствующего революционера был превыше всех других обязанностей. В данном случае – обязанности сохранить Болгарию, не толкать ее под удар, который, исходя из простой арифметики, выдержать она не могла. Поистине это было преступным безумием.

Балканские войны явились для болгарских дипломатов первым опытом приложения своих сил в боевых для страны условиях. Опыт оказался трудным: не хватало умения, профессионализма, выдержки. Да и, вероятно, просто знаний. Так, накануне Балканской войны в руководстве МИД 2/3 начальников были людьми с всего лишь с средним образованием⁶². Г. Марков отмечает, что назначение видных болгарских деятелей посланниками (Бобчев, Салабашев, Тошев, Хаджимишев, Калинков) не принесло ощутимых результатов. О нашем герое он пишет особо: Ризов считал себя предопределенным быть, по крайней мере, министром иностранных дел и постоянно давал из Рима разгоряченные советы⁶³.

В отечественной науке специальное исследование деятельности Д. Ризова во время Первой мировой войны посвятил Г.Д. Шкундин. Ему пришлось констатировать, что болгарские историки оценивали результаты деятельности Ризова главным образом отрицательно⁶⁴. Характерно и такое его наблюдение, как постоянно прорывавшиеся у Ризова замашки комиты*, его «македонствование»⁶⁵.

Случайно или нет, но Д. Ризов оказался не упомянутым в много-томной «Истории Болгарии» – в ее Т. 4-м, посвященном «Болгарской дипломатии от древности до наших дней»⁶⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Договор подписан в Белграде полномочными представителями обеих стран. С сербской стороны – министром иностранных дел Н. Пашичем и генералом С. Груичем, с болгарской – Д. Ризовым (без указания должности, видимо, достаточно, что он был уполномочен Князем Фердинандом) и полковником Хесапчиевым – «от Генерального штаба» (Централен държавен архив (ЦДА). Ф. 173. Оп. 6. А.е. 3124. Л. 1–4).

² Марков Г. Към предисторията на Балканския съюз. Март – септември 1911 г. // Военноисторически сборник. София, 1987. № 6. С. 112.

* Комита – борец за освобождение болгар из-под османской власти; обычно они объединялись в группы наподобие партизанских, нередко прибегали к разбою.

- ³ *Гешов Ив.Евст.* Балканският съюз. Спомени и документи. 2-е изд. София, 1915. С. 10.
- ⁴ *Спасов Л.* Дипломатия през Балканската и Межсъюзническата война // История на българите. Т. 4. Българската дипломатия от древността до наши дни. Под ред. на доц. Емил Александров. София, 2003. С. 308.
- ⁵ *Гешов Ив. Евст.* Указ. соч. С. 18.
- ⁶ *Ђорђевић Д.* Милован Миловановић. Београд. 1962. С. 164.
- ⁷ *Гешов Ив.Евстр.* Указ. соч. С. 10–11.
- ⁸ Българска енциклопедия, Т. 5. София, 1986.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ В начале 1880-х гг. делегация молодых людей (среди которых были майор Паница, А. Ляпчев, З. Стоянов и др.) во главе с Ризовым («это была молодежь, отличавшаяся крайними взглядами и никому не подчинявшаяся») явилась к князю Александру Баттенбергу во время маневров под Шуменом, где и получила согласие монарха на действия, означавшие переворот в Пловдиве (т. е. в Восточной Румелии – тогда отдельной от Княжества Болгария административной единицы), в чем был заинтересован сам Баттенберг (*Данев Ст.* Мемоари. София, 1992. С. 69–70). В отечественной историографии о деятельности Ризова примерно того же периода писал А.Л. Шемякин в книге «Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция. 1868–1891 гг. М., 1998; см. также его статью «Дунайское закулисье «братоубийственной» войны («Родина». 2010. № 11).
- ¹¹ В 1897–1899 – торговый консул в Скопье, затем дипломатический агент в Цетинье (1903–1905), Белграде (1905–1907), Риме (1908–1915), Берлине (1915–1918).
- ¹² *Гергинов Кр., Билярскм Ц.* Из кореспонденцията на Пейю Крачолов Яворов с Тодор Александров (1911–1914 гг.) // Военноисторически сборник. София, 1985. № 3. С. 200.
- ¹³ *Гришина Р.П.* Между Болгарией и Македонией: Идеи и практика Тодора Александрова (миф о легендарном болгарском патриоте) // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. С. 132–138.
- ¹⁴ *Спасов Л.* Указ. соч. С. 306.
- ¹⁵ *Гешев Ив.Евстр.* Указ. соч. С. 23–28.
- ¹⁶ Там же. С. 29.
- ¹⁷ *Кесяков Б.* Принос към дипломатическата история на България. 1878–1925. София, 1925. С. 37.

- ¹⁸ *Гешов Ив. Евстр.* Указ. соч. С. 17.
- ¹⁹ *Теодоров Иван Т.* Балканските войни (1912–1913 г.). Исторически, дипломатически и стратегически очерк. Теодор Теодоров – парламентарният лъв. Съст. Веска Николова. София, 2007. С. 47.
- ²⁰ С общей «невоинственностью» населения столкнулись болгарские верхи и в другой «судьбоносный» для страны момент: в 1941 г. Гитлер предложил царю Борису вступить в Антикоминтерновский пакт, а фактически в начавшуюся мировую войну, с обещаниями возможной «компенсации» македонскими землями; царь колебался, ссылаясь, среди прочего, на то, что «народ не имеет никакого желания сражаться, и могут возникнуть смуты». На это премьер-министр Б. Филов энергично возразил: «Если народ сейчас столь инертен и не обладает высоким духом, вина отчасти ложится и на правительство, т. к. наше поведение было колеблющимся. Если мы, однако, решим действовать, тогда и народ воспрянет». (*Вознесенский В.Д.* Царь Борис, Гитлер и легионеры // Новая и новейшая история. 1971. № 1. С. 91).
- ²¹ Подробнее см. *Гришина Р.П.* К историографии темы: Россия и Балканский союз 1912 г. // Славянство, растворенное в крови ... В честь 80-летия со дня рождения В.К. Волкова. М., 2010. С. 158–159; она же. Конституционная монархия в Болгарии и ее подданные // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации. Посл. четверть XIX – начало XX в. СПб, 2006. С. 158–161.
- ²² *Абрашев П.* Дневник. София, 1995. С. 29. Запись от 8 октября 1912 г.
- ²³ Там же. С. 29–30.
- ²⁴ *Биярски Ц.* Предговор // Тодор Александров. Живот-легенда. София, 1991. С. 12.
- ²⁵ *Данев Ст.* Мемоари. София, 1992. С. 125.
- ²⁶ *Марков Г.* България в Балканския съюз срещу Османската империя. 1912–1913 г. София, 1989. С. 18.
Г. Марков пишет: «Реформы всё больше понимались как удобный повод к войне, чтобы не быть обвиненными великими державами в нарушении статус-кво» (С. 29).
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Абрашев П.* Указ. соч. С. 145.
- ²⁹ Там же. С. 266.
- ³⁰ 3 ноября 1912 г. Фердинанд телеграфировал Гешову из Ямбола: «...вынужден запретить Вам сообщать нашим союзникам о предложении Великого визиря, пока я не приму во внимание мнение моих по-

мощников и командования трех армий, политиков и ответственных лиц. Сейчас я отправляюсь в Лозенград, а оттуда по железной дороге к Чаталдже, чтобы сделать это. До тех пор прошу не предпринимать ничего в связи с телеграммой Великого визирия» (Из тайния архив на Фердинанд I. София, 2001. С. 106–107).

³¹ Марков Г. България в Балканския съюз... С. 78.

³² Там же. С. 173.

³³ Там же. С. 106.

³⁴ Там же. С. 100.

³⁵ Кишкилова П. България. 1913. Кризата във властта. София, 1998. С. 12.

³⁶ Гергинов Кр., Билярски Ц. Непубликувани документи за дейността на Тодор Александров и ВМОРО. 1910–1919 г. // Военноисторически сборник. София, 1987. № 2. С. 204.

³⁷ Гришина Р.П. Власть и общество. Болгария 1912–1913 гг. // Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия. СПб, 2009. С. 159. В статье использована документальная публикация Е.А. Степановой «Ни мира, ни войны. МИД России и сербо-болгарский спор (1913)» // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. IV. М., 2007.

³⁸ Балканската война или руската оранжева книга. Дипломатически документи, издадени от руското външно министерство, докосващи се до събитията на Балканския полуостров. Август 1912 – юли 1913. София. 1914. С. 82–83.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Тодор Александров. Живот – легенда. С. 133.

⁴¹ Там же. С. 135.

⁴² Гергинов Кр., Билярски Ц. Из кореспонденцията на Пейо Крачолов Яворов... С. 208.

⁴³ Елдьоров С. Католиците в България. 1878–1989. София, 2002. С. 764.

⁴⁴ Гергинов Кр., Билярски Ц. Непубликувани документи за дейността на Т. Александров и ВМОРО (1910–1919) // Военноисторически сборник. София, 1987. № 2. С. 189.

⁴⁵ Статистически годишник на Царство България... София, 1937. С. 776.

⁴⁶ Цит. по: Топенчаров В. Българската журналистика. 1883–1903. 2-е изд. С., 1983. С. 559.

⁴⁷ Там же. С. 558.

⁴⁸ См., напр.: Стефанов Хр. Българската радикална партия. 1906–1949. София, 1984. С. 114–115.

- ⁴⁹ Манифест към българския народ от 48-членна група земеделци-депутати на XVI ОНС. София, 1913. С. 11–12.
- ⁵⁰ Из тайния архив... С. 113–114.
- ⁵¹ В июле–декабре 1913 г. министр иностранных дел в правительстве В. Радославова.
- ⁵² Так в тексте.
- ⁵³ Из тайния архив... С. 114.
- ⁵⁴ Там же. С. 114–115.
- ⁵⁵ Научен архив на Българската академия на науките (НА БАН). Ф. 44-К. Оп. 1. А.е. 130. Л. 54–56.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ ЦДА. Ф. 366 К. Оп. 1. А.е. 911. Л. 1–8.
- ⁵⁸ Там же. Л. 1–4.
- ⁵⁹ Ст. Данев в воспоминаниях пишет, что в начале июня 1913 г. составление мемоара было поручено Ризову, «но так как из-за своих крайних взглядов он не проявил доброй воли и тянул время, я сам занялся написанием мемоара и при помощи двух стенографистов из Народного собрания сделал это за одни сутки». К 13 июня документ был готов, на следующий день переведен на русский язык и передан Неклюдову. *Данев Ст.* Мемоари. С. 232.
- ⁶⁰ ЦДА. Ф. 366 К. Оп. 1. А.е. 911. Л. 6–7.
- ⁶¹ Там же. Л. 8.
- ⁶² *Илчев Ив.* Българче да те наричам първа радост е за мене // Ирония за историка. Професор Милчо Лалков. Съст. Искра Баева. София, 2004. С. 100.
- ⁶³ *Марков Г.* България в Балканския съюз... С. 78.
- ⁶⁴ *Шкундин Г.Д.* Портреты болгарских дипломатов периода Первой мировой войны: Димитр Ризов и Симеон Радев // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб, 2002. С. 62.
- ⁶⁵ Там же. С. 63.
- ⁶⁶ История на българите. Т. IV. Българската дипломация от древността до наши дни / Под ред. на доц. Емил Александров. София, 2003.

Иван Евстратиев Гешов и «делёж Македонии»: к истории дипломатической подготовки Болгарии к Балканской войне 1912–1913 гг.

Балканская война 1912–1913 гг. – одна из самых светлых страниц болгарской военной истории. Общеизвестны восторженные отзывы в мировой прессе о боевых подвигах болгарских войск при Булаире, Шаркье, Люле Бургасе, Петре, Гечкенли и др. Неувядаемой славой покрыло себя болгарское оружие и при взятии Одринской крепости в марте 1913 г.

К большому сожалению, не так обстоит дело с дипломатической подготовкой Болгарии к этой войне. Потому и героические победы болгарских солдат не привели к ожидаемым результатам. Можно со всей определенностью сказать, что для Болгарии подготовка к Балканской войне началась еще во время Берлинского конгресса 1878 г., когда из-за того, что русская дипломатия не имела возможности активно противодействовать воле великих держав Запада, болгарское государство, только что освобожденное в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., было разделено на части. Не существовало болгарина, который примирился бы с несправедливыми решениями Берлинского конгресса. Глубокий след в народном сознании оставило всенародное движение протеста болгар против несправедливого диктата западной дипломатии, как и протест вдов Карлова в Южной Болгарии и особенно Кресненско-Разложское восстание¹.

Обстоятельство, что в результате Соединения 1885 г. Восточная Румелия была присоединена к свободному Княжеству Болгария², вдохновило на борьбу против иноземного владычества и самую обиженную и оскорбленную часть болгарского населения – людей, живших в Македонии и Одринском крае, которые в силу решений Берлинского конгресса остались под властью Османской империи. Осуществление народной мечты требовало длительной и упорной подготовки³. Добиться результата не удавалось, но заветная мысль не была и похоронена. Планы освобождения поработенных собратьев, живущих за Рильскими и Родопскими горами, продолжали занимать болгарскую общественность и после неудачи Илинденско-Преображенского восстания 1903 г. Потому и в последующее десятилетие Болгария упорно готовилась к их реализации⁴.

* * *

Между тем, случайно сложившиеся обстоятельства позволили Болгарскому княжеству разорвать узы зависимости от Османской империи, сохранявшиеся со времен Берлинского конгресса, – осенью 1908 г. Болгария приобрела независимость и равноправное положение с другими государствами европейского континента⁵. Это большое и важное событие произошло, когда его меньше всего ожидали правящие круги Османской империи и соседние балканские государства.

А летом 1911 г. вспыхнула Итало-турецкая война. Италия, принадлежавшая к кругу великих держав в Европе, проявила аппетит к одному из африканских владений Османской империи и сумела им завладеть⁶. Поражение Османской империи в этой войне подняло дух в балканских странах. Итало-турецкая война застала у власти в Болгарии коалиционное правительство Ивана Евстратиева Гешова, в котором были представлены деятели Народной и Прогрессивной партий. Наряду с премьерским постом Гешов возглавлял и министерство иностранных дел и исповеданий⁷, т. е. можно со всей определенностью сказать, что после царя Фердинанда он был второй по значимости фигурой, обладавшей авторитетом в определении внешнеполитической линии страны. Естественно, он оказался и в центре дипломатической подготовки Балканской войны и участия Болгарии в ней.

На этот факт обращается внимание во всех публикациях о Балканской войне⁸, однако, до сих пор нет ни одного специального исследования о конкретной деятельности Гешова в этом отношении. Подобной цели не ставит и автор настоящей статьи. Из-за ограниченности объема публикации, поскольку речь идет о статье, автор ставит перед собой задачу ответить лишь на один, но исключительно важный и судьбоносный для Болгарии вопрос – о разделе Македонии в результате Балканских войн. Именно в таком его решении видный политический и государственный деятель Гешов принимал не только непосредственное, но и руководящее участие.

Судя по имеющейся литературе, тогдашний премьер и руководитель болгарской дипломатии отличался большой словоохотливостью, так что мы располагаем его довольно обстоятельными заявлениями о личном участии в подготовке Балканской войны. Особенно интересно его сочинение «Балканский союз. Воспоминания и документы», увидевшее свет в 1915 г., т. е. почти сразу после окончания Балканской войны, когда в его памяти были еще совсем свежи обстоятельства событий, связанных как с

определением курса болгарской внешней политики, так и с его личным участием в действиях по вовлечению Болгарии в войну с Турецкой империей. В указанной книге Гешов не только широко распространяется о своей деятельности, но и публикует в качестве приложения тексты самих договоров 1912 г. Болгарии с Сербией и с Грецией. Единственный вопрос, о котором приводимые им сведения остаются скромными и неясными, – это вопрос о том, как случилось, что Гешов и болгарские правящие круги пошли на принятие фатального решения о дележе Македонии, согласившись со своими балканскими союзниками, в частности, с Сербией.

Известно, что вопрос о разделе Македонии (в данном случае речь идет о Вардарской Македонии) не впервые поднимался сербской стороной. Еще до того, как этот район оправился от неудачной для нашей западной соседки Сербско-болгарской войны 1885 г., вызванной мегаломанскими амбициями маниакального короля Милана IV Обреновича, Белград прощупывал, хотя и очень осторожно, всесильного в то время болгарского премьер-министра Стефана Стамболова на предмет дележа Македонии. Но его позиция была ясной и категоричной – нет, это невозможно⁹.

После падения Стамболова в мае 1894 г. правящие круги Сербии, учитывая резкое изменение внутривосточной обстановки в Болгарии, вновь попытались инициировать щекотливый вопрос. Он обсуждался во время визита в Софию сербского короля Александра (1897 г.), которого сопровождал премьер-министр Джордже Симич. И вновь с болгарской стороны последовал отрицательный ответ. В этом отношении правительство д-ра Константина Стоилова строго держалось позиции предшественника¹⁰.

Позиция и стамболовистов, и народняков основывалась, в первую очередь, на данных тогдашней этнической карты Македонии: здесь, в конце XIX в. болгары все еще сохраняли доминирующее положение среди населения (по сравнению с другими этносами), как это было до Русско-турецкой освободительной войны 1877–1878 гг.¹¹. Кроме того, благодаря активной церковно-просветительной деятельности Болгарской экзархии и помощи с ее стороны в 80–90-е гг. XIX в. была восстановлена значительная часть существовавших до 1876–1877 гг. болгарских церквей и училищ, которые пострадали во время Апрельского восстания и после него. Строительство велось и в ряде городов и сел на европейской территории Османской империи¹². Была создана духовная семинария в Константинополе (Стамбуле), в ней ковались церковные и просветитель-

ские кадры для болгарского населения, в первую очередь, – жившего в Македонии и Одринском крае ¹³.

В Белграде внимательно наблюдали за широкой и разносторонней деятельностью Болгарской экзархии. Дважды получив категорический отказ Софии на предложение поделить Македонию, правящие круги Сербии предприняли активные действия с целью усиления сербского влияния в ее вардарской части. Наряду с церковной и просветительской пропагандой они усилили и вооруженную. Большим успехом белградской дипломатии стало то, что в начале XX в. ей удалось получить от султанского правительства в Константинополе берет на назначение высшего сербского духовника Фермилиана митрополитом в Скопье ¹⁴.

Для достижения цели Сербия не жалела ни сил, ни средств. В интересах церковно-просветительской пропаганды была задействована и сербская дипломатия, установлены тесные контакты с правящими кругами Афин, не скрывавших своих аспираций в отношении Эгейской Македонии и в свою очередь ведших там активную пропаганду, в том числе вооруженную ¹⁵. Сербы заигрывали даже с Высокой Портой, ставшей, особенно после Соединения Восточной Румелии с Княжеством Болгария в 1885 г. и Илинденско-Преображенского восстания 1903 г., недобрым глазом смотреть на болгар в Македонии. И не только из-за указанных событий. «Ухаживания» Белграда явились для султанского правительства хорошим и желанным поводом, чтобы играть роль «балансира» в отношениях между Болгарией, Сербией и Грецией, причем не для урегулирования споров и недоразумений между ними, а совсем наоборот – с целью содействовать их обострению и таким образом на десятилетия вперед сделать невозможным построить мост между ними для возможного союза против Османской империи.

Увы! Большие планы Константинополя не осуществились. Действительно, сербская и греческая пропаганда в Македонии, как и жесткие репрессии турок в конце XIX – начале XX в. в отношении болгарского этноса в Македонии, привели к его сокращению на 1/5 часть. Но и после Илинденско-Преображенского восстания болгарский этнос здесь оставался самым многочисленным. Порабощенные болгары сохранили и крепкий национальный дух, чему способствовала Болгарская экзархия, вновь активизировавшая свою деятельность ¹⁶. Так что накануне Балканской войны 1912–1913 гг. не было никаких существенных обстоятельств, которые предполагали бы изменение официальной болгарской политики

по македонскому вопросу¹⁷. Как политик и государственный деятель с большим стажем, Иван Евстратиев Гешов не мог не быть в курсе дела.

И когда летом 1911 г. вспыхнула Итало-турецкая война, он был отлично осведомлен о поползновениях Сербии относительно Македонии. То, что они ни в какой мере не являлись платоническими, а, скорее, совсем наоборот, свидетельствует предложение тогдашнего сербского премьер-министра Милована Миловановича, сделанное Гешову в связи с начавшимися переговорами о болгаро-сербском союзном договоре. Милованович считал, что Македония (читай, Вардарская Македония. – М.К.) должна быть разделена на три части: одна – бесспорно болгарская, другая – сербская, а относительно третьей предстоял арбитраж¹⁸.

Вместо того, чтобы последовать примеру предшественников – Ст. Стамболова и К. Стоилова, Гешов ограничил свою задачу, предложив деление Вардарской Македонии «надвое», вместо «натрое». Такой подход знаменовал коренное отступление от болгарской точки зрения, базировавшейся на принципе неделимости этой области. Причем позиция лидера партии народняков Гешова была заложена в документ, принятый в октябре 1911 г., т. е. еще до того, как начались серьезные переговоры о заключении союза с Сербией. Этот документ – известный *Pro memoria* – был подготовлен Димитром Ризовым, тогдашним болгарским полномочным министром в Риме¹⁹, который, будучи болгарин, рожденным в Вардарской Македонии, считался хорошим специалистом по македонскому вопросу²⁰. Сколь бы существенным ни являлся этот факт, он не мог быть определяющим для Гешова при поручении Ризову такой ответственной задачи. Для премьер-министра как «первого советника» царя, очевидно, важнее было другое, а именно то, что этот дипломат считался «доверенным лицом» Фердинанда²¹.

Однако в составлении документа *непосредственное участие принял и сам руководитель болгарской дипломатии*. Таким образом, практически он взял на себя и *главную ответственность* за его содержание (курсив мой. – М.К.). Что касается Д. Ризова, не блиставшего высокими дипломатическими качествами, то некоторые авторы с полным основанием считают, что само его привлечение к составлению документа и тем более к переговорам о болгаро-сербском союзе, не было «удачным ходом болгарской дипломатии»²², т. е. ходом самого Гешова, как ее непосредственного руководителя. Кроме Ризова, премьер-министр советовался еще и с Димитром Станчовым, болгарским дипломатом с много-

летним стажем, и бывшим в свое время министром иностранных дел и премьер-министром Болгарии²³.

Правда, в *Pro metodia* имеется важная оговорка: Болгария продолжит держаться идеи автономии Македонии (что является видоизменением болгарской позиции начала XX в. о реформах в этой провинции – местных²⁴ и так называемых Мюрцштегских²⁵). Но здесь же добавлено: в случае, если идея автономии не сможет быть осуществлена, следует *притупить к разделу Македонии* (курсив мой. – М.К.).

Эта оговорка отражает скорее стремление к паллиативу, чем к намерению коалиционного кабинета отстаивать исконную болгарскую позицию по македонскому вопросу. В конце первого десятилетия XX в. болгарским правителям в Софии уже было ясно, что идея автономии Македонии, особенно после подавления Илинденско-Преображенского восстания 1903 г., является битой картой, и что борьба за ее реализацию не найдет поддержки не только у Сербии, но и у Греции, а в еще меньшей степени у стоящих за ними европейских великих держав²⁶.

Тогда для чего она поднималась болгарской стороной? Очевидно, для того, чтобы притупить возможный протест со стороны общественного мнения в стране, которое никоим образом не приняло бы положения, что в случае удачной войны с Османской Турцией часть поработанных в Македонии собратьев не войдет в пределы независимого Болгарского царства. А так поставленный вопрос – в случае неудачи с идеей автономии в порядке дня стоит раздел Македонии – болгарское общественное мнение оказывается перед свершившимся фактом. Как это и произошло на практике в последние месяцы перед Балканской войной.

По хорошо известным причинам заключенный в конце февраля 1912 г. (ст. стиль) договор между Болгарией и Сербией был *тайным*, и для болгарского общества оставался неизвестным до Балканской войны. Неизвестным он оставался и после того, как война началась. Практически первым, кто первым предал его гласности, был сам Иван Евстратиев Гешов – в указанном выше его сочинении.

Сразу возникает вопрос: мог ли болгарский премьер-министр отказать от в третий раз выставляемого сербской стороной предложения «поделить Македонию» в качестве обязательного условия совместных действий Белграда и Софии против Османской империи? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует сказать, что, несмотря на быстрое экономическое развитие Болгарии за прошедшие три десятилетия после ее Освобождения, когда применительно к первому десятилетию XX в. заго-

ворили даже о так называемом болгарском чуде²⁷, накануне Балканской войны она практически все еще оставалась аграрной страной, где 3/4 национального дохода производилось в сельском хозяйстве, а основным занятием населения, которое на 80% было крестьянским, оставалось земледелие, причем обработка земли велась самым примитивным образом. То есть Болгария не располагала экономическим и военным потенциалом для ведения **войны** против Османской империи *в одиночку*. Нерадостной была картина и с точки зрения ее человеческого ресурса, который был в 5 раз меньше ресурса Османской империи. Турция, хотя и считалась не только болгарской, но и европейской дипломатией «больным человеком на Балканах», хотя и потерпела поражение в войне с Италией, все же располагала многократно большими экономическим, военным и человеческим потенциалом²⁸, позволявшим ей справиться не только с Болгарией, но и с любым из остальных балканских государств, которое дерзнуло бы воевать против нее самостоятельно.

Не следует забывать еще одно обстоятельство: Италия, одержавшая победу над Турцией, поспешила летом 1911 г. – т. е. еще в ходе военных действий – предупредить все балканские государства, в том числе, понятно, и Болгарию, о необходимости сохранять мир, так как в случае военной акции против Константинополя (Стамбула), они не получат никакой поддержки²⁹. Весьма осторожной была позиция и других европейских великих держав, опасавшихся, что военный конфликт на Балканах приведет к преждевременному мировому конфликту, ожидавшемуся приблизительно к 1917 г.³⁰

Так что и самым несведущим было ясно, что сколь бы ни была желанной война с Турцией, Болгария не могла решиться на самостоятельную акцию против нее. Ибо во всех случаях это означало бы конец ее существования на политической карте Европы. Данное обстоятельство хорошо понимали и в тогдашних политических сферах Софии. Понимали, что в одиночку воевать против Османской империи Болгария не может ни при каких условиях, но может – в союзе со всеми остальными балканскими государствами, или, по крайней мере, с частью из них, тем более, что у каждого из них были свои интересы, связанные с изгнанием османских поработителей с европейского континента.

И если речь шла о коллективной войне против Османской империи, о поиске союзников, спрашивается, не было ли другой альтернативы получить согласие Белграда, кроме раздела чисто исконной болгарской

земли, каковой представлялась Македония болгарской стороне? Не было ли других путей и других возможностей добиться этого союза?

Конечно, в исторической науке не опираются на аргументы, начинающиеся со слова «если», а изучают, анализируют события, уже происшедшие, состоявшиеся. И все же никогда не мешает подумать, порассуждать о неких вариантах, в частности, в нашем случае – о том, не было ли иных возможностей достичь союза с Сербией, кроме как пойти навстречу Белграду в его претензиях на часть Македонии?

Внимательное изучение сербской истории показывает, что такая возможность была, и являлась совершенно реальной, а не воображаемой. Потому что Сербия, помимо дележа Македонии, стремилась к реализации и других внешнеполитических целей, а именно – связанных с *Боснией и Герцеговиной, областью, аннексированной Австро-Венгрией после Младотурецкой революции в 1908 г.* (курсив мой. – М.К.). Болгарской стороне достаточно было ограничиться поддержкой этих стремлений западной соседки, чтобы отклонить ее взгляд от Македонии. Такой подход, однако, требовал большой смелости, т.к. затрагивал прямые интересы великой державы, какой в то время была Австро-Венгрия, а после аннексии этой области она никогда бы не уступила ее Сербии. При этом нужно было еще преодолеть сопротивление царя Фердинанда, возведенного на болгарский престол при помощи той же Австро-Венгрии (при молчаливом согласии Германии и других великих держав Запада), чтобы иметь в его лице защитника ее интересов на Балканах. Гешов не имел такой смелости. И вместо того, чтобы пойти на весьма рискованную и опасную для него борьбу с венской дипломатией, он предпочел «более легкий» путь – признал возможным раздел Македонии, не подозревая, сколь гибельным такой шаг окажется для судьбы Болгарии.

Последствия безрассудного шага проявились очень скоро: после успешного окончания Балканской войны, достигнутого, прежде всего, силами самой Болгарии, оказалась возможной ситуация, когда, в противоречии с союзными договорами 1912 г., Сербия (а вместе с нею и Греция) отказались выполнять их условия и дали понять Софии, что не уйдут из занятых ими территорий в Вардарской и Эгейской Македонии. Только тогда правительство Гешова и сам премьер-министр поняли, какую фатальную ошибку они совершили в ходе дипломатической подготовки войны, соглашаясь с предложением Белграда делить Македонию. Правда, Гешов пытался предпринять некоторые действия для предотвращения беды, настаивая перед Белградом отложить раздел Македонии до

заклучения мира с Османской империей. Кроме того, он поручил болгарским дипломатическим представителям в Лондоне, Санкт-Петербурге и Париже обратиться к соответствующим компетентным органам трех великих держав, предупреждая их, что претензии Сербии и Греции угрожают существованию Балканского союза.

Убежденный в необходимости такого союза, он был готов и на новую рискованную акцию, цель которой – ускорить подписание мирного договора союзных балканских государств с общим противником. И это – несмотря на то, что правящие круги Белграда и Афин тайно, за спиной Болгарии, договаривались между собой против союзной Болгарии, стремясь не столько затянуть окончание войны, как пишут некоторые авторы³¹, сколько обеспечить за собой захваченную в Вардарской и Эгейской Македонии добычу.

Действительно, до подписания Лондонского мирного договора 17 мая 1913 г. никакого раздела не происходило. Что, однако, совсем не радовало правящие круги Софии, т. к., заняв македонские территории, Сербия и Греция открыто давали понять, что не будут их освобождать. И именно в то время, когда нужно было с новой силой и энергией отстаивать права Болгарии перед Белградом и Афинами, старый государственный и политический деятель подал в отставку с поста премьер-министра и министра иностранных дел. Этот акт, предпринятый сразу после подписания Лондонского мирного договора, тогда не был оглашен публично, ибо д-р Стоян Данев, председатель Народного собрания, который должен был заместить Гешова на двух покидаемых постах, все еще находился в Лондоне как руководитель болгарской делегации по подписанию мирного договора.

Болгарской общественности отставка Гешова была представлена со ссылкой на состояние его здоровья. И действительно, после формирования нового коалиционного кабинета во главе с Ст. Даневым Гешов отправился в Вену для лечения³².

Но было ли это настоящей причиной отставки? Существует достаточно оснований сомневаться в этом. Конечно, политики – тоже люди и тоже могут болеть. Но также известно, что они часто прибегают к разным политическим трюкам, когда нужно притупить возбужденное общественное настроение. То есть, всегда возможны и некие *политические мотивы*, остающиеся скрытыми от общества. В данном же случае ясно, что как опытный политик Гешов, поняв, к какому результату привела его деятельность, связанная с участием Болгарии в Балканской войне, решил

уйти с престижного государственного поста в надежде избежать недовольства народа из-за потери не только Вардарской, но и Эгейской Македонии.

Однако, своей отставкой он не сумел предотвратить катастрофическое развитие дальнейшего хода событий. Спустя всего два дня после подписания Лондонского мирного договора, Сербия и Греция заключили между собой тайный договор против Болгарии. В то же время и в Болгарии с каждым днем стала накаляться обстановка, пока дело не дошло до «рокового решения» 16 июня 1913 г., положившего начало Второй балканской войне.

Она называется еще и Межсоюзнической, т. к. велась между Болгарией и ее бывшими союзниками, к которым присоединилась также Румыния. Как известно, военное поражение Болгарии в этом столкновении привело к ее первой национальной катастрофе³³.

Отставка Гешова в мае 1913 г. не могла его спасти от народного возмездия. После падения коалиционного правительства Ст. Данева (1 июня – 4 июля 1913 г.) пришедший к власти кабинет д-ра Василя Радославова вынужден был под напором народного гнева согласиться на проведение парламентского расследования (так называемой анкеты) о деяниях власть имущих в 1911–1913 гг. Специальная депутатская комиссия подготовила свой доклад очередному XVII-му Обыкновенному народному собранию³⁴, однако он не смог быть рассмотрен парламентом из-за вступления Болгарии в Первую мировую войну.

После мировой войны, окончившейся для Болгарии в 1918 г. еще более тяжелой национальной катастрофой, правительство БЗНС во главе с Александром Стамболийским предприняло меры в отношении виновников вовлечения страны в неудачные войны. Прежде всего, 4 ноября 1919 г. были арестованы министры кабинета В. Радославова. Их дела рассматривались предусмотренным в таких случаях Государственным судом, который приговорил их к тюремному заключению³⁵. Наказания избежал только сам Радославов, спасшийся бегством из Болгарии в первые же дни после подписания Салоникского перемирия в сентябре 1918 г.

Той же участи подверглись министры кабинетов Гешова и Данева, правившие страной накануне и во время Балканских войн. После разгрома «собора», организованного Конституционным блоком (одна из легальных организаций, оппозиционных правлению БЗНС. – М.К.) в сентябре 1922 г. в древнем престольном г. Тырново, они также были аресто-

ваны и брошены в полицейские участки Софии. В начале декабря 1922 г. вслед за захватом г. Кюстендил четами Внутренней македонской революционной организации³⁶ их перевели в Шуменскую тюрьму (северо-восточная Болгария), где они должны были дожидаться нового Государственного суда как виновники первой национальной катастрофы 1913 г. Подготовка к этому суду шла успешно, как со стороны правительства³⁷, так и со стороны арестованных бывших министров³⁸. Судебному рассмотрению, однако, не суждено было состояться: 9 июня 1923 г. в стране произошёл государственный переворот, правительство БЗНС свергнуто. Новое правительство выпустило «шуменских затворников» из тюрьмы, в конце июня 1923 г. им было разрешено вернуться в столицу³⁹.

Иван Евстратиев Гешов избежал их участи, т. к. после разгрома «собора» Конституционного блока в Тырново эмигрировал из Болгарии и жил в Париже. В страну вернулся после переворота 9 июня, но вскоре умер⁴⁰.

Старый политик сумел избежать приговора Государственного суда, но не ушел от суда истории. Ее приговор страшнее приговора даже такой высокой инстанции, как Государственный суд. Свой приговор Гешов получил *навсегда, до скончания века* (курсив мой. – М.К.): своим легкомыслием и наивностью он нарушил правила игры, что привело к проигрышу национальных интересов Болгарии в один из судьбоносных для ее истории моментов.

Перевод Р.П. Гришиной

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: *Кирил патриарх Български*. Съпротивата срещу Берлинския договор. София, 1956; *Дойнов Д.* Национално-освободителните борби в Югозападна България в навечерието на Кресненско-Разложкото въстание // Кресненско-Разложкото въстание 1878. София, 1978, С. 29–50; *Дойнов Д.* Кресненско-Разложкото въстание (1878–1879). София, 1979; *Христов Хр.* Българската национална революция в Кресненско-Разложкото въстание // Кресненско-Разложкото въстание 1878. София, 1978, С. 17–28; *Ванчев Й.* Пламъци над Пирин. Кресненско-Разложкото въстание. Исторически очерк. София, 1968; *Василев К.* Кресненско-Разложкото въстание и помощта на населението от освободените български територии // Кресненско-Разложкото въстание 1878. София, 1978. С. 51–70; *Цветански Ст.* Ролята на комитетите «Единство» в Горна Джумая и Кюстендил за подготовката на Креснен-

- ско-Разложкото въстание 1878 // Кресненско-Разложкото въстание 1878. София, 1978. С. 93–101.
- ² *Генов Ц.* Подготовка, извършване и защита на Съединението през 1885 г. // Исторически преглед. 1960. № 4. С. 3–25; *Димитров Ил.* Преди 100 години. Съединението. София, 1985.
- ³ Подробнее см.: *Пандев К.* Политически програми на национално-освободително движение в Македония и Одринско до 1903 г. // Първи конгрес на Българското историческо дружество. София, 1972. Т. 1. С. 469–479; *Пандев К.* Начало на македоно-одринското движение в България (1879–1918) // Сборник к чест на академик Христо Христов. София, 1976. С. 237–256; *Пандев К.* Национално-освободителното движение в Македония и Одринско. 1878-1903. София, 1979; Подробнее о нем см.: *Силянов Хр.* Освободителните борби в Македония. Т. 1. Илинденското въстание. София, 1933; *Кьосев Д.* Илинденско въстание. София, 1953; *Илинденско-Преображенското въстание.* София, 1968; *Георгиев Г., Шопов Й.* Илинденското въстание. Исторически очерк. София, 1969; *Пенков С.Д.* Стратегия и тактика на Илинденско-Преображенското въстание // Военноисторически сборник. 1967. № 3. С. 54–64.
- ⁴ *Соларов К.* България и македонският въпрос. Причините за балканските войни. София, 1925; *Марков Г.* Балканските войни и съдбата на Македония. 1912–1913. София, 1992.
- ⁵ Подробнее см.: *Тодорова Цв.* Обявяване независимостта на България и политиката на империалистическите сили. София, 1960; *Марков Г.* Независимостта на България през Балканската криза. 1908–1909. София, 2008.
- ⁶ Подробнее об Итало-турецкой войне см.: *Бондаревский Г.Л.* Борьба за Триполитанию и Киренаику на рубеже XIX–XX вв. // Колониализм вчера и сегодня. М., 1964; *Яхимович З.П.* Итало-турецкая война 1911–1912 гг. М., 1967; здесь имеется и подробная библиография о войне; *Хаков Д.* История на съвременна Турция. София, 2008. С. 40.
- ⁷ *Ташев Т.* Министрите на България. 1879-1999. София, 1999. С. 119–120.
- ⁸ Подробнее см.: *Делирадев П.* Балканската война и българският погром. Причини, развитие, последици. София, 1914; *Шопов Ат.* Как ни се наложи Балканската война. София, 1915; *Коларов В.* Пътят към катастрофата. 1912–1913. София, 1919; *Венедиков Й.* Войната между България и Турция. 1912–1913. София, 1920. Т. 1; *Христов Ат.* Кратка история на Освободителната война. 1912–1913. София, 1921; *Маджаров М.Ив.* Дипломатическата подготовка на нашите войни. Спомени, частни писма, шифровани телеграми и поверителни доклади. София, 1932; *Соларов К.*

Балканският съюз и освободителните войни през 1912 и 1913 г. София, 1926; Кратка история на Балканската с Съюзнишката война. София, 1928; *Недев Н.Д.* Освободителни войни 1877–1878, 1912–1913, 1915–1918 г. София, 3 изд. 1937; *Ганчев Ал.* Балканската война 1912–1913 г. София, 1939; *Фичев Ив.* Балканската война 1912–1913. Преживелици, бележки и документи. София, 1940; *Дървингов П.* Балканската война както е била виждана, когато са се развивали самите събития. София, 1941. Кн. 1; *Велев Ал.* Политическите партии в България и Балканските войни 1912–1913 г. // *Etudes historiques.* 1968. № 4. С. 437–470; *Маринов П.* Балканската война в спомените на съвременниците и участници (Записки). София, 1973; Балканската война. София, 1961; *Марков Г.* Към предисторията на Балканския съюз 1912 г. // Военноисторически сборник. 1987. № 6. С. 174–197; *Марков Г.* България в Балканския съюз срещу Османската империя. 1912–1913. София, 1989; *Марков Г.* За спорното и безспорното в Балканския съюз. 1911–1912 // Известия на държавните архиви. 1992, № 63. С. 3–50; *Лалков М.* Между екзалтацията и погрома // Нови очерци по българска история. 1878–1948. София, 1995 и др.

О жизненном пути общественно-политической деятельности Ив. Евстр. Гешова см.: *Бобчев Ст.* Живот, дейност и възгледи на Иван Евстратиев Гешов (1849–1924). София, 1933; *Николова В.* Вътрешната политика на Ив.Е. Гешов (1911–1913) // Исторически преглед. 1992. № 10. С. 53–68; *Танкова В.* Иван Евстр. Гешов. Между общественика и държавника // Български държавници. София, 1996. Т. 1. С. 41–46; *Стателова Е.* Иван Евстратиев Гешов. Или трънливият път на създанието. София, 1994.

⁹ *Попов Р.* Една малко известна инициатива по македонския въпрос през 1888 г. // Сборник в памет на проф. Симеон Дамянов. Велико Търново, 1992. С. 232–245.

¹⁰ *Попов Р.* Балканската политика на България. 1894–1898. София, 1984. С. 133 и след.

¹¹ См.: *Кънчов В.* Положението на българите в Македония. София, 1895; *Кънчов В.* Македония. Етнография и статистика. София, 1900; *Шопов Ал.* Народността и езикът на македонците. София, 1888; *Шопов Ал.* Материали по новата история на Македония // Периодическо списание на Българското книжовно дружество. 1889. № 33. С. 93–112; *Шопов Ал.* Македония от гледна точка на етнографията, историята и филологията. Пловдив, 1897.

¹² Подробно см.: *Кирил патриарх Български.* Българската епархия в Одринско и Македония след Освободителната война. София, 1969. Кн. 1; 1970. Кн. 2; *Кирил патриарх Български.* Българското население в Македония в

- борбата за създаване на Екзархията. София, 1971; *Божинов В.* Българската просвета в Македония и Одринска Тракия. 1878–1913. София, 1982.
- ¹³ *Темелски Хр.* «Тържествувай, българский народ» // Македонски преглед. 2010. № 2. С. 19–20.
- ¹⁴ *Петров П., Темелски Хр.* Църква и църковен живот в Македония. София, 2003; *Куманов М.* Македония. Кратък исторически справочник. София, 1993. С. 261.
- ¹⁵ *Трайкова В.* Сръбската пропаганда в Македония до 1893 г. и борбата срещу нея // Македонски преглед. 1994. № 2. С. 21–46; № 3. С. 43–66; *Трайкова В.* Гръцката пропаганда в Одринска Тракия (1878–1893) // Исторически преглед. 1993. № 3. С. 20–45; Гръцката и сръбската пропаганда в Македония (края на XIX – началото на XX в.) Нови документи. Съставители В. Георгиев и Ст. Трифонов. София, 1995.
- ¹⁶ *Божинов В.* Указ. соч. С. 208–339.
- ¹⁷ *Фичев Ив.* Балканската война 1912–1913 г. Преживелици, бележки и документи. София, 1940.
- ¹⁸ *Гешов Ив. Евстр.* Балканският съюз. Спомени и документи. София, 1915. С. 15.
- ¹⁹ *Матеева М.* История на дипломатическите отношения на България. София, 2005. С. 238.
- ²⁰ Подробен о его жизни и деятельности см.: Там же, С. 699.
- ²¹ *Стателова Е.* Указ. соч. С. 206.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Подробен см.: *Силянов Хр.* Освободителните борби на Македония. Т. II. София, 1983. С. 192; Национално движение на българите в Македония и Тракия (1893–1912). София, 2002. С. 376; *Куманов М.* Македония. Кратък исторически справочник. София, 1993. С. 211.
- ²⁵ См.: *Лалков М.* Мюрцшегската реформена програма 1903–1908 г. // Национално-освободителното движение на македонските и тракийските болгари. 1878–1944. Т. 3. София, 1997.
- ²⁶ *Първанова З.* Българската политика по македонския въпрос след Младотурския преврат (юли-октомври 1908 г.) // Исторически преглед. 1993, № 4–5. С. 118–129; *Първанов Г.* Македонският въпрос от Освобождението 1878 г. до Балканската война 1912 г. // Изследванията по македонския въпрос. София, 1993. № 1. С. 357–421.

- ²⁷ *Тодорова Цв.* Капиталистическата индустриализация на България до Балканските войни 1912–1913 г. // Известия на Института за история при БАН. София, 1984. Т. 24. С. 180–223.
- ²⁸ *Хаков Д.* История на съвременна Турция. София, 2008. С. 40.
- ²⁹ *Яхимович З.П.* Италия и Балкани в 1908–1914 г. // Освободително движение на Балканах. М., 1978. С. 89–110.
- ³⁰ *Дамянов С.* Европейската дипломатия и България в навечерието и по време на Първата балканска война 1912–1913 г. // Военноисторически сборник. 1982. № 4. С. 23–45.
- ³¹ *Марков Г.* България в Балканския съюз срещу Османската империя. С. 419.
- ³² *Стателова Е.* Указ. соч. С. 235.
- ³³ Подробнее о Межсоюзнической войне см. *Тошев Ст.* Победена без да бъдем бити. Отговор на хулителите ни като съюзници. Преглед на трите войни (1912–1913 и 1915–1918). София, 1924; *Бобчев С.С.* Бегъл поглед върху балканските събития до и след 16 юни 1913 г. София, 1935; *Ганчев Ал.* Междусъюзническата война 1913 година. София, 1940; Междусъюзническата война 1913 г. София, 1963 и др.
- ³⁴ Доклад на Парламентарната изпитателна комисия, назначена с решението на XVII Обикновено народно събрание в Първата извънредна сесия от 10 май 1914 г. за анкетиране кабинетите на Ив.Ев. Гешов и д-р Ст. Данев по цялото управление – включително подготовката и воденото на войната. Т. 1. Войната, дипломатическата ѝ подготовка и дипломатическите преговори. София, 1918.
- ³⁵ *Галунов Т.* Втората национална катастрофа. Процесът. Виновниците. Велико Търново, 1998.
- ³⁶ История на Кюстендилската окръжна организация на БКП. София, 1984. С. 126.
- ³⁷ Было подготовлено «Предложение за предаване на съд бившите министри от кабинетите на Ив.Ев. Гешов и Ст. Данев през 1911–1913 г. и бившите министри от кабинета на Ал. Малинов през 1918 г. по обвиненията им в извършени нарушения от конституцията, законите на страната и други престъпления». Б.м., 1924.
- ³⁸ «Нашата дума. Възражения на бившите министри Ив.Ев. Гешов, Ст. Данев, Т. Теодоров, Ив. Маджаров, Ив. Пеев и П. Абрашев срещу обвиненията на Държавния съд от 1923 г.». София, 1925; см. также: *Малинов Ал.* Под знака на острастените и опасни политически борби. София, 1934.
- ³⁹ *Галунов Т.* Четвъртият държавен съд. 1913–1923 г. София, 2010.
- ⁴⁰ *Стателова Е.* Указ. соч. С. 266.

Последний «крестовый поход»: крещение болгарских мусульман в 1912–1913 гг.

5 октября 1912 г. (ст.ст. здесь и далее) царь Фердинанд обратился к болгарскому народу с манифестом, содержащим долгожданную весть: Турции объявлялась война! Короткий текст изобилует выражением христианских чувств и был до предела наполнен религиозной лексикой – провидение, благодать, христиане, единоверцы, священный долг и др., чтобы и самый необразованный подданный мог понять, что речь идет не о простой, обычной войне между обычными противниками, а о войне религиозной, «борьбе креста против полумесяца», как четко говорилось в манифесте¹. «Наше дело правое, великое и святое», – с твердой христианской уверенностью и религиозным пламенем заявлял царь Фердинанд, католик по вероисповеданию, находившийся в довольно сложных, а временами и остроконфликтных отношениях с православной иерархией в стране. Как и с католической иерархией: папа Лев XIII отлучил его от церкви в наказание за православное миропомазание своего первородного сына-престолонаследника. Да и в личной жизни, в отличие от второй супруги-протестантки, царь не отличался христианскими добродетелями и нравами.

Религиозная направленность манифеста была воспринята буквально редакторами и сотрудниками «Церковного вестника», официального органа Болгарской православной церкви (БПЦ). Где преднамеренно, где спонтанно они начали создавать в медийно-публицистическом пространстве образ Балканской войны как крестового похода объединенного христианского воинства за освобождение поработенных христиан и восстановление христианских святынь, поруганных иноверцами – мусульманами. «Воскресение поруганного креста» было лейтмотивом в слове священника д-ра Стефана Цанкова, начальника Культурно-просветительского отдела Св. Синода, с которым он обратился к пастве в столичном кафедральном соборе сразу после торжественного молебна рано утром 5 октября. Эта же мысль прозвучала десятки и сотни раз в переполненных, как никогда, храмах страны. Она пронизывала содержание первого в военное время номера «Церковного вестника» от 6 октября, который сразу после публикации манифеста об объявлении войны выступил с призы-

вом: «Поднимемся как крестоносцы за окончательное господство Христа и Креста во всей Европе»².

Церковная печать как бы присвоила себе Балканскую войну, объявив ее священной. Священная война для православных состояла из трех основных элементов, чаще всего используемых и интерпретируемых церковными авторами, богословами и публицистами: война – это «проявление Божьего промысла», «повторение Русско-турецкой освободительной войны» и «борьба Креста против полумесяца». В Болгарии для этой группы церковных деятелей война балканских христианских государств против Османской империи была «ни чем иным, как борьбой за торжество святой православной веры и честного Креста Господня над нечестивой магометанской религией и красным, жестоким и кровожадным полумесяцем»³. «Православие торжествует», «Священная освободительная война началась», «Балканский крестовый поход продолжается» – в таких лозунгах-призывах выражалось кратко, но очень точно содержание церковных изданий, да и всей болгарской прессы в конце 1912 – начале 1913 гг.

На самом деле, однако, осенью 1912 г. БПЦ встретила известие о Балканской войне, не будучи внутренне единой, без какого-либо плана, даже без беглой мысли о своей роли в столь долгожданный для всех болгар день. Из-за серьезных внутри- и внешнеполитических противоречий главное учреждение вероисповедания, господствовавшего в стране по конституции, не могло ни предложить идей, ни развернуть деятельность, имея в виду духовные потребности народа и армии. Религиозный пафос и патриотическая эйфория не могли скрыть того, что осенью 1912 г. БПЦ оказалась неподготовленной и глубоко разьединенной для решения вопроса о содержании и формах ее соучастия в войне. Именно в этом тупике родилась мысль о так называемой «Просветительной акции» – попытки насильственного крещения болгар-мусульман в освобожденных землях⁴.

Болгары-мусульмане, в просторечии называемые «помаками», болгаро-магометанами или другими именами, в зависимости от региона, являются потомками болгар, исламизированных на протяжении столетий османского господства. В исторической науке утвердилось мнение, что исламизация является плодом длительного исторического процесса, а не результатом разовой насильственной акции, как это следует из легенды эпохи болгарского Возрождения, которая, правда, и доньше поддерживается некоторыми общественно-политическими кругами. Большая часть этих мусульман населяет Родопский край и Эгейскую (Беломорскую)

Фракию, встречаются они и в Северной Болгарии, Македонии, Восточной Фракии. Накануне Балканской войны их численность в границах болгарского государства составляла 21143 человек (1910 г.), но в провинциях Османской империи, где при переписи населения помаки включались в мусульманскую общность, т. е. причислялись к туркам, их численность оценивалась приблизительно в 250–300 тыс. человек⁵.

Попытки приобщения мусульман к христианству предпринимались в первые годы после восстановления болгарской государственности (1878 г.). В 80-е годы XX века, когда в Болгарии стал осуществляться так называемый «возродительный процесс», сопровождавшийся принудительной, в административном порядке, заменой «турецко-арабских» имен на «болгарские» (часто «Али» становился «Алешей»), был пущен в ход тезис о том, что после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. обращение помаков в христианство носило массовый, спонтанный и добровольный характер. Между тем, факты говорят об обратном. Среди мусульман, принявших тогда крещение, можно обнаружить три группы. Первую – самую малочисленную, составили несколько дезертиров из турецкой армии. Вторую – несколько десятков мусульманских детей, оставленных или потерянных родителями во время войны. А в третью входили как раз болгары-мусульмане (помаки) Княжества Болгария, которых БПЦ хотела тогда приобщить к христианству. В 1880–1881 гг. в диоцезе Ловчанской епархии участились случаи принятия крещения отдельными мусульманами, как добровольно, так и под нажимом. Глава епархии митрополит Натанаил попытался превратить эту практику в массовую и даже настаивал на предоставлении государственной субсидии, но Совет министров решил выделять финансы только при групповом обращении в христианство⁶.

Попытки БПЦ вести прозелитическую деятельность среди болгар-мусульман сразу после Русско-турецкой войны быстро заглохли по разным причинам внутри- и внешнеполитического характера. И не в последнюю очередь – в связи с нежеланием государственных органов заниматься этим в условиях, когда перед ними стояла гораздо более важная задача интеграции турецкого населения, жившего в восточной части Болгарии и с применением оружия не желавшего подчиняться новой власти. Сама же православная церковь, тогда и долгое время потом, не в состоянии была осуществить задуманное. Так что БПЦ после краткосрочной активизации в начале 1880-х гг. на протяжении последующих 30 лет не испытывала особого интереса к крещению мусульман. Только иногда установившаяся практика нарушалась отдельными добровольными слу-

чаями, которые не были столь многочисленными, чтобы говорить о тенденции. Всего за первое десятилетие после Освобождения (1877–1888) в восточно-православное исповедание из разных других конфессий перешел 1941 человек, из них – 1811 мусульман. Две трети принявших крещение принадлежали к диоцезу Видинской епархии, и, поскольку турки составляли там меньшинство, а болгар-мусульман не было вообще, становится ясно, что речь шла о цыганах-мусульманах ⁷.

Вопрос о болгарских мусульманах и их крещении после краткого оживления внимания к нему со стороны БПЦ по окончании Русско-турецкой войны затем больше вообще не поднимался. Эта группа населения ушла из поля зрения церкви как объект прозелитизма и миссионерства. Более того, БПЦ по различным поводам заявляла ясно и категорично, что не имеет таких стремлений. Так, в 1904 г. синодальный официоз «Церковный вестник» в доказательство религиозной толерантности в Болгарии по сравнению с тем, как преследовались болгары в Османской империи, подчеркивал: «Мы не думали и не думаем обращать в болгар не только настоящих мусульман, но даже и помаков, в жилах которых течет болгарская кровь» ⁸.

Причина воздержанности БПЦ от активного прозелитизма среди мусульман в Болгарии, в частности, среди болгар-мусульман была двоякой. С одной стороны, влиял авторитет Берлинского договора, гарантировавшего религиозным меньшинствам в стране свободу вероисповедания. С другой стороны, Македония и Фракия превратились в большой экзархийский залог, рисковать которым не позволил бы себе ни один болгарский политик или служитель церкви ради крещения мусульман. Однако, это еще и логика поведения, доминирующая только в рамках нормального общественно-политического развития страны. В экстремальных и противоестественных условиях она теряет силу, вытесняемая другими моделями мышления и поведения. Так обычно происходит в условиях перехода от состояния мира к войне. Примером подобной трансформации служит судьба болгар-мусульман во время Балканских войн. С периферии общественного внимания и церковного интереса эта группа людей неожиданно перешла в эпицентр одного из самых спорных событий в болгарской истории – акции их крещения в 1912–1913 гг.

Вопрос о крещении болгар-магометан возник вслед за объявлением 17 сентября 1912 г. общей мобилизации. Его подняли те, кто каким-либо образом был связан с этим населением. Судя по имеющимся источникам, первым задумался о судьбе болгар-магометан Стою Шишков –

ярчайший участник довоенной мирной пропаганды в пользу интеграции болгар-мусульман в болгарскую нацию, причем без посягательства на их религию. Направленный по мобилизации в штаб 21-го пехотного Среднегорского полка, которому предстояло вести бои в Родопском массиве, Шишков 24 сентября 1912 г. в письме известному профессору Ивану Шишманову обращается с просьбой проконсультировать его по некоторым вопросам, связанным с особенностью этого края. И в первую очередь, – о болгаро-магометанах: «Как поступать с этим населением, ядро которого находится в горах за нынешней границей, при наступлении армии через Родопы к берегу Эгейского моря? Может ли повториться история и тем или иным способом болгаро-магометанское население перейдет в свою отцовскую Христову веру? Или как разредить это население: выселением или путем насаждения болгар, по крайней мере на первое время, чтобы ликвидировать возможность однажды столкнуться с враждебно настроенными мусульманскими ходжами и турками?». Автор письма просил Шишманова поговорить с профессором Любомиром Милетичем, поставив перед ним эти вопросы, ими следовало озаботиться также военным и гражданским властям⁹.

По всей вероятности Иван Шишманов выполнил просьбу своего приятеля и коллеги-краеведа. Возможно, подобные мысли занимали и других людей. Во всяком случае в последующие дни и недели вопрос о судьбе болгар-магометан стал занимать все больше места в общественной жизни Болгарии, а спустя два месяца начали реализовываться и некие действия. Впрочем способами, которых Ст. Шишков не рекомендовал и о которых не предполагал.

10 октября 1912 г., на шестой день Балканской войны, Тодор Мумджиев – учитель прогимназии в Пазарджике – с группой единомышленников, где преобладали его коллеги-учителя, направили Пловдивскому митрополиту Максиму письмо, убеждая его, что наступил наиболее благоприятный момент для приобщения болгар-мусульман к болгарской нации путем их возвращения в лоно христианства. Вскоре группа оформилась в «Комитет помощи новокрещенным христианам», установила интенсивные связи с другими лицами и институтами¹⁰.

Источники точно документируют начало кампании крещения – 25 ноября 1912 г. В этот день чета Христо Чернопеева (около 15 человек) вышла из Драмы и направилась в северо-западном направлении к Неврокопу. К 1-му декабря она успела «покрестить» 12 сел¹¹. Известна также дата, когда правительство санкционировало акцию, – 28 декабря 1912 г.

В этот день премьер-министр Иван Евстратиев Гешов уведомил синодального секретаря Стефана Костова о том, что гражданские власти поддерживают акцию БПЦ¹².

В промежутке между этими двумя датами Св. Синод БПЦ уточнил меры по организации акции крещения и состав духовных лиц – ее руководителей. Верховное церковное управление состояло тогда из Доростол-Червенского митрополита Василия (председательствующий) и членов – митрополитов: Варненско-Преславского Симеона, Софийского Партения и Тырновского Антима. Война помешала созвать осеннюю сессию верховного органа, и синодальным архиереям пришлось общаться между собой путем переписки, координировавшейся секретарем Ст. Костовым. 20 декабря он телеграммой уведомил их, что из освобожденных земель поступило сообщение о желании помаков принять христианство. «Наступил момент, чтобы мать-церковь приняла в свое лоно своих чад – насильно ставших вероотступниками. Задержка с удовлетворением желания просителей будет непоправимой ошибкой», – писал Костов. На следующий день Варненско-Преславский митрополит Симеон в телеграмме председательствующему Св. Синода митрополиту Григорию в Русе предложил возложить акцию крещения на две духовные миссии – одну во главе с Пловдивским митрополитом Максимом, вторую во главе со Скопским митрополитом Теодосием. 28 декабря Костов сообщил митрополиту Симеону, что обе миссии уже готовы и могут отправляться в путь. Ответом было: «Считаю, следует поспешить с отправкой миссий, не поднимая большого шума в газетах»¹³.

Тогда общественность страны еще не знала, что готовится и уже совершается в старых и новых землях в отношении болгар-мусульман. Первой публичной вестью стала статья Стефана Цанкова «Помаки» в синодальном органе «Церковный вестник» от 1 декабря 1912 г. В ней секретарь Культурно-просветительского отдела Св. Синода рассуждал о «трудностях», которые могли возникнуть от увеличения числа неправославных элементов в новых границах болгарского государства. Главным автор считал «вопрос о помаках», «подсказанный ему видными интеллигентными болгарскими» в письмах и беседах. Напомнив, что в исключительные времена Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. также существовали условия для «легкого и массового» крещения болгар-магометан, но они были легкомысленно пропущены, Ст. Цанков продолжал: «Мы будем неправильно поняты, если подумают, что мы говорим о насилии. Но будет огромной государственной, национальной и церковной ошибкой,

если пренебрегать тем существенным и очень важным обстоятельством, что при быстрой и планомерной работе нынешние исключительные времена являются самыми подходящими для возвращения помаков в православие. Пропустим эти времена сейчас, будем искать их потом или искусственно создавать, – они не могут вернуться. Есть акции, которые, как ни трудны, могут увенчаться успехом только в свое время, только при соответствующем исключительном психологическом моменте. Именно таков настоящий момент для решения религиозного национального вопроса помаков»¹⁴.

Только еще однажды синодальный орган предоставил большое место в журнале вопросу о крещении болгар-мусульман. В редакционной статье «Церковного вестника» от 13 января 1913 г., написанной, вероятно, тем же Ст. Цанковым, было четко обрисовано тогдашнее отчуждение между болгарскими христианами и мусульманами. В ней говорилось: «Между ними и нами существует целая пропасть. Мы различаемся по вере, культуре и взглядам. Разделенные на протяжении веков, мы были друг для друга не только чужими, но и враждебными. В лице помаков, некогда наших братьев и сестер, мы имели самых больших, жестоких и фанатизированных врагов. От них исходили самые крупные несчастья на наших окраинах. Ими сожжены и уничтожены десятки наших сел, вырезаны тысячи семей, осквернены и разрушены десятки храмов. Так было во время восстания 1876 г., так было во время Освободительной войны 1877–1878 гг., так происходит и теперь в ходе освободительной войны. Их бесчеловечные дела ужасны и неисчислимы»¹⁵.

Вслед за целенаправленным созданием негативного образа болгар-магометан (он в большой степени отражал общественное настроение) редакция «Церковного вестника» стала на его страницах внушать мысль, что теперь они начали «сами, от сердца и сознательно» – вот так сразу, подобно блудному сыну – возвращаться к отцовской вере и крови. Можно только гадать был ли столь наивен автор статьи или очень уж легковерными считал читателей, предлагая подобное толкование библейской притчи, но несомненно, что редакционная статья синодального органа отражала официальное мнение верховного управления и клира БПЦ. Ее появление совпало с глубоким включением церкви в акцию крещения болгар-мусульман и явно имело целью мотивировать непосредственных исполнителей на усердие и постоянство. При таком усердии не удивительно, что крещение болгар-мусульман осуществлялось в направлении, далеко уведившем от христианских ценностей.

Первые случаи массового обращения в христианство имели место еще в разгар боевых действий, почти сразу после установления болгарского военно-административного управления на освобожденных территориях. Исполнителями были военные священники и местный экзархийский клир, им активно ассистировали четнические формирования ВМОРО. «Духовные миссии», подготовленные Св. Синодом для руководства акцией, включились в нее только в середине января 1913 г. Одна миссия направилась к Эгейскому (Беломорскому) побережью и Родопам, другая к району Неврокопа (Западные Родопы).

Беломорско-Родопскую (или Гюмюрджинскую) миссию первоначально должен был возглавлять Пловдивский митрополит Максим. Но так как он лично был занят крещением мусульман в районах Чепинского корито, Тымрышко и Чепеларе, т. е. в собственной епархии и непосредственном соседстве с нею, его место занял Драговитийский епископ Йосиф – главный войсковой духовник при Штабе действующей армии, находившемся тогда в Гюмюрджине (ныне Комитини, Греция). Ему помогали семь священников и церковный певчий. 25 апреля 1913 г. Йосиф получил отпуск по состоянию здоровья, и на его место заступил Левкийский епископ Варлаам, викарный епископ Софийской митрополии. Неврокопская миссия, которой поручалось «обслужить» территорию одноименной экзархийской епархии, осталась под руководством бывшего Скопского митрополита Теодосия, в распоряжении которого имелось шесть духовников и церковный певчий.

Члены духовных миссий были отобраны из наиболее подготовленных священников БПЦ, преимущественно преподавателей Духовной семинарии в Софии и Священнического училища при Бачковском монастыре. Среди них – начальник Культурно-просветительского отдела Св. Синода протоиерей Стефан Цанков, провозгласивший себя идеологом акции крещения и внесший большой вклад в интерпретацию Балканской войны как крестового похода христиан против мусульман.

Вскоре сформировалась и третья миссия для проведения акции в старых пределах Болгарии, главным образом, в Северных Родобах. Возглавил ее Пловдивский митрополит Максим, но фактическим главой стал иеромонах Павел, протосингел Пловдивской митрополии. В других местах на территориях, оккупированных болгарскими войсками, – Одринском вилаете и Солунском и Серском санджаке – крещение проводили местные экзархийские власти. Хотели обособить еще одну миссию во

главе со Струмишским митрополитом Герасимом для крещения мусульман в одноименной епархии, но дело не было доведено до конца¹⁶.

Личный состав духовных миссий постоянно увеличивался за счет священников, командированных из старых пределов. В марте 1913 г. их число достигло сотни человек. Это вызывало большое напряжение сил БПЦ – накануне войны ей не хватало кадров священников, чтобы заполнить свыше 400 вакантных мест в Болгарии¹⁷. Обряд крещения производился преимущественно принудительными средствами, нередко с откровенным насилием. Сохранившиеся малочисленные фотоснимки того времени, вопреки ожидаемой объективности, дают лишь приблизительное и, скорее, срежиссированное представление о происходящем. Обычно обряд крещения производился на центральной площади села или в каком-либо просторном дворе, с переносной церковной утварью или посудой, приспособленной для этой цели. Важные и представительные, улыбающиеся православные священники резко контрастируют с поникшими и оцепеневшими женщинами и мужчинами, только что сменившими паранджи и чалмы на новые чистые платки и шапки. За кадром остаются вооруженные до зубов четники, как и свидетельства других форм насилия: от обычного издевательства в виде принудительной еды свинины до более тяжелых случаев шантажа и террора¹⁸.

В некоторых районах наряду с болгарскими мусульманами крестили и этнических турок. Однако цыгане-мусульмане не попадали под акцию: БПЦ стремилась представить ислам в глазах старых и новых христиан религией одного лишь цыганского меньшинства, т.е. в качестве цыганской религии – недостойной настоящих людей. Это документально зафиксированный болгарскими историками факт¹⁹. Но трудно сказать, имела ли такая пропаганда успех.

Вначале поднимался вопрос и о крещении военнопленных турецкой армии. Впервые его поставил Пловдивский митрополит Максим в телеграмме Варненско-Преславскому митрополиту Симеону от 3 января 1913 г. Последний, однако, отклонил предложение, считая, что «в отношении военнопленных-помаков не следует торопиться, если они не являются жителями земель, которые отойдут к Болгарии, т. к. после их возвращения /из плена/ они вновь обратятся в мусульманство»²⁰.

Считается, что всего в конце 1912 – начале 1913 гг. было крещено около 200 тыс. человек. Непосредственные исполнители на местах и в верховном церковном управлении в Софии убежденно утверждали, что крещение происходило добровольно, без какого-либо насилия.

Чтобы лучше понять сущность и особенно финал кампании по крещению в Родобах и Беломорье, надо иметь в виду условия, в которых она началась и протекала.

Родопский массив вместе с Беломорьем оказался между двумя главными военными театрами, где решался конечный исход Балканской войны, – Восточным (Марицким) и Западным (Вардарским). Этот регион, будучи второстепенным театром военных действий, имел вспомогательное значение, обеспечивал связь между двумя первыми. Здесь было сравнительно мало боевых сил – лишь Родопский и Хасковский отряды, сформированные, главным образом, на основе 2-й пехотной Фракийской дивизии. После 14 октября 1912 г. (о значении этой даты см. ниже) Хасковский отряд перестал существовать, а вместо него был создан Кырджалийский отряд, сформированный в основном из 3-й бригады Македоно-одринского ополчения и нескольких пехотных дружин, среди которых преобладали сборные, пополняющие и ополченские. Недостаток вооруженных сил отчасти компенсировался использованием добровольческих формирований из бывших кадров Внутренней организации и Верховного комитета, организованных как партизанские взводы и четы; их воеводы на скорую руку получали воинские звания и должности. Только в Средних Родобах действовал с десятков подобных чет, их личный состав превышал тысячу человек. Такая разнородность болгарских вооруженных сил в Родобах и Беломорье, и особенно значительное участие в них нерегулярных, или говоря современным языком, паравоенных, формирований, порождали немало проблем с дисциплиной, командованием и управлением, как в ходе боевых действий, так и во время военной оккупации.

Родопы и Беломорье были освобождены за шесть недель, точнее – за 41 день, считая с 5 октября 1912 г., когда начались военные действия, до 14 ноября, когда у села Мерхамль в нижнем течении Марицы капитулировал корпус Явер-паши. В эти полтора месяца население региона, независимо от национальности и вероисповедания, испытывало на себе все ужасы войны. Часть болгар-христиан бежала на север страны, а их сонародники-мусульмане массово стекались к беломорским городам. Каждый спасал из своего имущества то, что мог унести на себе или увести с собой. Было разрушено много поселений. В Дьовленской (Девинской) околии, например, сгорели целиком или частично 33 села с 3970 домами, в Ахачелебинской (Смолянской) казе – 7 сел с почти 1100 домами, в Дедеагачко – 10 сел с более чем 300 домами. Очевидно, подобные потери понесли поселения и в других районах области. Часть

сел оказалась в зоне боевых действий, под перекрестным артиллерийским и стрелковым обстрелом воюющих сторон. Такие потери обычно относят к неизбежным, без чего не обходится ни одна война. Другие населенные пункты были сожжены уже после того, как фронтовая линия отступила, т. е. без основательных военных причин. Например, мусульманские села в Ахачебийском районе были уничтожены вслед за овладением ими болгарскими войсками только из-за подозрения или уличения некоторых жителей в сотрудничестве с противником. Подобным образом и с той же мотивацией действовали войска отступавшего корпуса Яверпаши в христианских селах в Дедеагачском районе²¹.

После окончательного овладения Родопско-Беломорской областью и заключением первого перемирия (20 ноября 1912 г.) беженцы – христиане и мусульмане – стали возвращаться в свои села, точнее, в то, что осталось от них. При столь массовом движении потоков беженцев туда и обратно и перемещении линии фронта по всей области не трудно представить, в каком состоянии люди находили свое имущество. Кроме приюта, большой проблемой для них становилось пропитание, потому что скудные в принципе ресурсы области теперь нужно было делить с личным составом находящихся там или проходящих войск, имевших право на реквизицию. Естественно, большая часть нагрузки ложилась на побежденных, которыми считались, в том числе ими самими, болгары-мусульмане.

Психологически трудным моментом для жителей Родоп и Беломорья стала депортация всех совершеннолетних мужчин мусульманского вероисповедания, годных носить оружие. Их отправляли в старые пределы страны и помещали в лагеря для военнопленных. Причем только часть их была военнопленными в прямом смысле слова, т. е. бывшими военнослужащими турецкой армии, плененными в ходе боевых действий. Другую, и может быть значительно более многочисленную часть, составляли так называемые «невоенные пленники», т. е. не прошедшие в свое время мобилизацию. Эта жесткая превентивная мера гарантировала беспорядочное управление областью²².

С 20 ноября 1912 г., когда было заключено первое перемирие, до 16 июня 1913 г., когда началась Межсоюзническая война, Родопско-Беломорская область, как и другие территории, занятые болгарскими и союзными войсками, находились под временным военным управлением, заменившим османскую административную систему. Его организационные принципы, по крайней мере, на бумаге, гарантировали жизнь, иму-

шество и честь местному населению без различия «народности» и вероисповедания. В том же духе были составлены приказы о создании Македонского и Лозенградского (с марта 1913 г. – Фракийского) военных губернаторств и их основные регламентирующие документы. Лозенградское (Фракийское) военное губернаторство во главе с военным губернатором генерал-майором Георгием Вазовым с центром в Лозенграде (ныне Кыркклизе, Турция) было создано 9 ноября 1912 г., а Македонское во главе с военным губернатором генерал-майором Михаилом Вылковым с местопребыванием в г. Сяр (ныне Серес, Греция) – 7 декабря. В их обязанности входило установление и поддержание правового порядка, обеспечение безопасности населения, как личной, так и имущественной²³.

Родопско-Беломорская область была поделена между двумя военными губернаторствами. Граница между ними была приблизительно той же, что между Одринским и Солунским вилайетами в османской территориально-административной системе – по реке Места и на север до старой болгаро-турецкой границы в Родопах. Западные Родопы и Эгейское побережье к западу от Месты вошли в состав Драмского военного округа Македонского военного губернаторства, а Средние и часть Восточных Родоп с беломорским побережьем между реками Местой и Марицей составили Гюмюрджинский округ Лозенградского (Фракийского) военного губернаторства.

Регион, и особенно Родопский массив, мало того, что находился в двух военно-административных структурах, еще и оставался вдалеке от центров их управления. Из-за труднодоступности он нелегко поддавался контролю. Этот край находился также и на периферии сознания болгарских политиков и военных, внимание которых в это время целиком поглощались осадой Одринской крепости, обороной Чатаджи и Булаира, как и положением в Македонии, где союзники уже дали не одно доказательство, что не намерены соблюдать предварительные договоренности. В Родопах не было ни достаточных военных сил для поддержания порядка и безопасности, ни компетентной и сознательной администрации, гарантирующей населению нормальную жизнь. Иными словами, там царило если не безвластие, то, по меньшей мере, крайне неумелое управление, последствия чего не замедлили проявиться.

28 ноября 1912 г. командующий 2-й Фракийской дивизионной области генерал Илев направил в Штаб действующей армии в Лозенград секретный рапорт, в котором писал, что до него дошли тревожные сведения о положении в Родопах; источником их являлись «местные и знаю-

щие жители, люди интеллигентные и влиятельные», посланные на помощь Родопскому отряду. «Из их личного и подробного доклада вытекает неопровержимый и бесспорный факт, что с уходом войск на юг имущество населения в тылу превратилось в беззащитный объект настроенных на грабеж и добычу личностей, которые своими деяниями сеют смуту и беспорядок». Генерал настаивал, как можно скорее, направить сюда войска, которые под его контролем быстро водворят порядок. Несмотря на положительную резолюцию на рапорте, войска в Родопы посланы не были и обстановка там продолжала усложняться²⁴.

Подробную и яркую картину положения в Родопах в конце 1912 – начале 1913 гг. обрисовал в служебной корреспонденции Ст. Шишков, тогдашний кмет с. Устово. Первую докладную записку он направил командиру 2-й пехотной Фракийской дивизии 2 декабря 1912 г. В ней предупредил военные власти, что в Родопах царит «полное безвластие», села сожжены, скот, продовольствие, домашний инвентарь подвергаются грабежу, небывало распространяются разбойные нападения, а наступающая зима несет угрозу болезней и смертей. Единственный выход Шишков видел в направлении туда отрядов регулярной армии для установления в селах гарнизонной службы в помощь полицейско-административным органам. Автор доклада считал, что необходимо обезоружить и расформировать бандитские группы и выслать «всех бывших четников и разных бродяг, рассеявшихся здесь с единственной целью – грабить»; что следует «потрясти» болгарские села в старых и новых пределах Родоп, «где даже женщины предались грабежу помакских сел»²⁵.

13 декабря Шишков посылает вторую докладную записку, в которой настаивает на том, что только тактичная, строгая и справедливая военная власть в состоянии справиться с положением в Родопах. «И ныне, – сообщает он, – после передвижения наших войск по этому краю и ухода их далеко к Дедеагачу и Узункюпрю масса алчных элементов и, к сожалению, само местное болгарское население, предались стихийному грабежу помакских сел, немало которых сожгли вместе со всем хозяйством. Теперь сотни помакских семей лишены крова, инвентаря, продовольствия и средств для жизни, а при наступлении лютой и долгой в горах зимы их явно ожидает смерть. И когда однажды их мужчины, сейчас пленные и другие, еще в страхе скитающиеся в горах, вернутся в свои дома и найдут их сожженными, а хозяйство, скот и челядь, сраженными нищетой, болезнями и смертью, в них наверняка заговорит голос озлобления и отчаяния, а Вам известно, каковы могут быть результаты»²⁶.

Эти и другие подобные сведения, поступавшие в Штаб действующей армии в Лозенграде, заставили генерал-лейтенанта Михаила Савова направить командирам армий и военным губернаторам секретный приказ № 69 от 15 декабря 1912 г. В нем помощник главнокомандующего констатировал, что отдельные лица и команды позволили себе безнаказанно совершать грабежи и насилие над мирным населением в завоеванных землях. Так как, «с одной стороны, подобные крайне осудительные и негуманные действия в высшей степени компрометируют болгарское имя и болгарскую нацию, а с другой стороны, подрывают веру наших будущих подданных, в частности, мирного магометанского населения, в способность нашего государства защитить их честь, имущество и жизнь, генерал Савов приказывал принять самые строгие меры для укрепления дисциплины и порядка в тылу войск, вплоть до немедленного предания суду виновных без различия чина и звания или отправки на фронт»²⁷.

Но и эти суровые меры не были в состоянии прекратить насилие в Родобах. 30 января 1913 г. Ст. Шишков направил новую докладную записку, на этот раз Пловдивскому митрополиту Максиму, где сообщал, что «как во время войны, так и сейчас помакское население остается объектом агрессии злых и хищных людей, идущих из разных краев, ходящих по селам, нападающих на дома и отнимающих последнюю оставшуюся крепкую одежду, последнюю кастрюлю или скотину, а некоторые не останавливаются перед попранием чести и человеческого достоинства»²⁸.

Следует также сказать о роли государственных институтов, политических партий и общества в кампании по крещению болгар-магометан в 1912–1913 гг.

Акция БПЦ проводилась с ведома коалиционного правительства Народной и Прогрессивно-либеральной партий и субсидировалась им. Секретарь Св. Синода Стефан Костов находился в постоянной связи с премьер-министром и министром иностранных дел и исповеданий Иваном Евстратиевым Гешовым, держал его в курсе всех деталей акции и при возникновении проблем обращался к нему за содействием. 28 февраля 1913 г. постановлением Совета министров было отпущено 150 тыс. левов командированным в «новые земли» священникам на путевые и суточные расходы, на строительство часовен, приобретение шапок и шамий (вид женского платка) для новокрещенных – в качестве повседневного «христианского» символа в быту вместо прежних чалм и паранджи. Крупная сумма была взята также из средств Экзархии, предна-

значавшихся в ее бюджете на поддержку учебного дела в Македонии и Одринской области²⁹.

Особенно активное содействие акции крещения БПЦ оказывало министерство внутренних дел и здравоохранения, возглавлявшееся тогда Александром Люцкановым. Административные и полицейские учреждения живо помогали священникам в старых и новых пределах. Это министерство настолько вовлеклось в акцию, что позже некоторые называли ее «авантюрой Люцканова»³⁰. Поддержку оказывали в силу своих возможностей и другие ведомства. Министерство народного просвещения, возглавляемое Иваном Пеевым Плачковым, назначало учителей в открытые для покрестившихся мусульман школы. Министерство железных дорог, почтовой и телеграфной связи во главе с Антоном Франгя обеспечивало бесплатные поездки командированным священникам. С энтузиазмом откликнулись на акцию БПЦ и некоторые общественные организации, как, например, Общество Красного креста, выделившее 50 тыс. левов, или общество «Св.Св. Кирилл и Мефодий», отпустившее 20 тыс. левов.

Весьма активно включились в кампанию по крещению и некоторые четы, которые в октябре-ноябре 1912 г. участвовали в боевых действиях против турецкой армии. Среди них находим имена представителей как Внутренней македонской революционной организации в лице Христо Чернопеева, так и бывшего Верховного комитета; последний «достойно» представляли Таньо Николов, Иван Ботушанов и др. Этими действиями они попирали революционно-демократические идеи, принципы и традиции своих организаций.

Не поддержали всеобщего энтузиазма военные власти. Они не хотели ангажироваться ни активным участием, ни пассивной поддержкой кампании БПЦ, ибо знали, что подобные действия могут вызвать опасное напряжение или даже брожение в тылу и армии. Именно исходя из чисто военных соображений, но вовсе не из неких нравственно-этических побуждений, военное командование в первое время решительно выступило против духовно-политической авантюры.

Еще 4 декабря 1912 г. – девять дней спустя после того, как чета Хр. Чернопеева отправилась в свой «крестовый поход» в район Неврокопа, помощник главнокомандующего Михаил Савов издал приказ о расследовании насилий над болгарскими магометанами и наказании виновных³¹. На следующий день он отправил телеграмму с кратким, но красноречивым текстом: «Лично. Секретно. Серес. Командиру 7-й пехотной Рильской дивизии генералу Годорову. 2791. Прекратите заниматься по-

литикой с четниками и серьезно займитесь своим делом. Крещение в какой бы то ни было форме категорически запрещаю. Если Вы лично не придете в Дедеагач в Штаб вечером 6 декабря, будете отстранены от должности и привлечены к ответственности. № 1699. 5.XII.912. Лозенград. Генерал-лейтенант Савов»³².

Нет сомнений, генерал Тодоров явился со штабом в назначенное время и в указанное место, где выслушал аргументы Главного командования относительно крещения мусульман. Далее последовали регламентирующие документы и инструкции военным губернаторам. 18 декабря 1912 г. приказом по действующей армии были введены одобренные Советом министров и утвержденные царем Фердинандом «Временные распоряжения по гражданскому управлению на захваченных землях». В них определялись права и обязанности органов временной гражданской администрации. Кроме других обязанностей по охране порядка и спокойствия в двух областях, документ в пункте 5-м предписывал «обеспечивать конфессиональную свободу всему живущему в стране населению, как и свободное функционирование всех существующих культурно-просветительских учреждений»³³.

В Македонском военном губернаторстве строго придерживались приказов и указаний Главного командования, и там акция крещения была прекращена с самого начала. Когда духовная миссия бывшего Скопского митрополита Феодосия прибыла в Неврокоп, военные власти не разрешили ей даже выйти из города. 21 февраля 1913 г. Македонский военный губернатор М. Вылков еще раз подтвердил запрет на ее деятельность. Дьовленскому околийскому управлению, входившему в Македонское губернаторство, было запрещено вступать в связь с лицами и учреждениями за пределами губернаторства, особенно по вопросам крещения болгар-магометан³⁴. Столь же решительно военные власти препятствовали попыткам крещения пленных – военных и гражданских. Еще 4 февраля 1913 г. в ответ на запрос начальника 2-й Фракийской дивизионной области, где была сосредоточена большая часть пленных, о том, как поступать с просьбами-заявлениями последних о желании принять крещение и выйти на свободу, последовал приказ из Военного министерства: «Впредь не давать им хода, т. к. военные власти никоим образом не могут участвовать в этом деле. Отношение к пленным – на общих основаниях»³⁵.

Верховные церковные органы прилагали немало усилий, чтобы заставить военных изменить свою позицию. Для этого прибегали и к

прямым переговорам. Воспользовавшись пребыванием помощника главнокомандующего генерала Савова в Софии по случаю пасхальных праздников, секретарь Св. Синода Костов сумел установить с ним контакт и пригласить на встречу с синодальными архиереями. 19 апреля 1913 г. Савов посетил Синодальную палату, где выслушал жалобы и претензии БПЦ. По поводу состоявшегося разговора Св. Синод 4 мая направил генералу Савову в Одрин официальное письмо, в котором были сформулированы три требования БПЦ: отменить приказы Македонскому военному губернатору в отношении духовной миссии с тем, чтобы впредь она пользовалась содействием и поддержкой военных властей; запретить ходжам и имамам посещать новокрещенных и убеждать их вернуться в ислам; отпустить из плена всех болгар-магометан, принявших христианство. Однако и после такого настойчивого вмешательства позиция военных не изменилась. И тогда, в начале мая, синодальный секретарь Костов отправился в месячную поездку по Фракийскому и Македонскому военным губернаторствам. Он встречался и беседовал по вопросам крещения болгарских мусульман с генералами М. Савовым, К. Ботевым, М. Вилковым и другими военными и гражданскими лицами из болгарской администрации ³⁶.

Только теперь – накануне Межсоюзнической войны – военные заколебались, проявили склонность к отступлению от прежней позиции и допущению акции крещения в Одринской и Македонской областях, как и к освобождению пленных, принявших христианство. Они даже стали обещать синодальному секретарю нечто большее, о чем он не преминул написать в своем докладе: «Так как верили, что скоро наши войска вступят в болгарские пограничные районы /покрайнини/ (где имеются помаки), занятые сейчас греками и сербами, то, исходя из такой возможности, пришли к особому распоряжению, Священник д-р Цанков заметил, что Духовной миссии следует сообразовываться с ним, когда станет возможным распространить и там свою деятельность» ³⁷. Подробный доклад о результатах своей миссии Костов писал в Софии 14 июня 1913 г. – за два дня до начала Межсоюзнической войны, похоронившей идеалы нации. И хотя уже довольно длительное время болгарское население и экзархийское духовенство подвергались откровенной денационализации в оккупированных сербами и греками частях Македонии, иерархи БПЦ ни думали ни о чем другом, кроме как окрестить мусульман на территориях, которыми болгарским войскам предстояло овладеть.

О том, что собой в действительности представляла акция крещения БПЦ в новых и старых землях, лучше всего говорит ее финал. В болгарской историографии сложилось мнение, бытующее до сих пор, что возвращение в ислам новокрещенных мусульман произошло «по вине» правительства либеральной коалиции В. Радославова, чему способствовали обстоятельства его избирательной кампании в парламент в феврале 1914 г. и агитация в пользу новой внешнеполитической ориентации страны. Однако, в действительности акция БКЦ рухнула в считанные дни и недели с началом Межсоюзнической войны, когда сопротивление крещению, возникшее с первых дней, превратилось в спонтанное возвращение в ислам, причем осуществлялось оно теми же средствами, как и совершалось. Реакция «новопросвещенных», по терминологии БПЦ, была столь радикальной, что их стали причислять к противникам, с которыми болгарская армия должна была бороться в краткосрочной Межсоюзнической войне. Первое известие о вооруженном сопротивлении датируется 30 июня 1913 г., когда рота 1-го пехотного Софийского полка, посланная в Неврокоп для прикрытия позиций от греков, натолкнулось на восстание мусульманского населения в районе. «В завязавшихся боях, – докладывал командир роты поручик Т. Панов, – с целью сломить упорство восставшего населения были сожжены, отчасти случайно, села Кюстенджик, Иланджово (Иланджик) и Касик (Балык-Касик)»³⁸.

Возможно, инцидент лишь случайно совпал с вмешательством в войну Турции 30 июня, но именно в это время растет сопротивление мусульман, причем уже не только против насильно навязанной им религии, но и против болгарской политической власти и болгарской армии. Новым моментом явилось провозглашение 16 августа турками и болгарамимусульманами автономии в Гюмюрджине, на территории между Марицей, Местой и Ардой, и учреждение так называемого Независимого западно-фракийского правительства. В сущности, это была попытка закрепления османской власти в районе. Очевидно, не без моральной и материальной поддержки правительства автономии в конце августа – начале сентября 1913 г. вспыхнуло новое восстание – в районе Дьовлен (Девин), охватившее и села в Западных и отчасти Центральных Родопах. Представители военно-административной власти были изгнаны, в Доспате убиты священник и сборщик налогов, а в боях около Паласа и Смиляна погиб солдат и два милиционера. Приказом командира 10-й пехотной дивизии от 2 сентября в восставший район был направлен 39-й пехотный полк с задачей «действовать энергично и беспощадно для подавления восста-

ния». 12 сентября командир полка майор Крыстев рапортовал, что «восстание подавлено, села превращены в пепелище, остальное население бежало в леса и горы с целью продолжения борьбы». Всего было сожжено 8 сел, а в городке Дьовлен из имевшихся 250 домов осталось 30. В других селах «происходило сильное брожение, имела место тайная агитация в пользу восстания». Идея восстания перенеслась даже в села с болгаро-магометанским населением, находившихся в старых пределах страны. В подавлении восстания в Родопах участвовали также 37-й пехотный полк со штабом в Неврокопе и Скеченский отряд³⁹.

Сведения о действиях в Западных Родопах болгаро-мусульманских отрядов численностью по 30–50 и аж 60 человек имеются и с датой – конец сентября. Они располагали базами в Доспате и окрестных селах. В ночь с 26 на 27 сентября один такой отряд совершил в районе дерзкое нападение на болгарскую пограничную заставу⁴⁰.

Не только в Родопах разыгрывались драматические события. Жесточайшему насилию подвергалось болгарское население Восточной Фракии и Беломорья. В ужасных подробностях они описаны проф. Любомиром Милетичем, который в конце 1913 – начале 1914 гг. проводил опрос среди местного населения и беженцев⁴¹. Не подчеркивая специально, он дал понять, что наиболее рьяными в насилиях были крещенные болгары-мусульмане. Самые страшные жестокости совершали те, кто подвергся крещению в лагерях для военнопленных, откуда болгарское командование под нажимом БПЦ все-таки выпустило их для возвращения к родным местам, чего оно не сделало для болгар христианской веры, мобилизованных в свое время в армию, которые хотели вернуться домой для защиты своих семей. Несколько позже, непосредственно перед реокупацией Родоп и Беломорья в октябре 1913 г., десятки тысяч болгар-мусульман навсегда выселились оттуда и бесследно растворились среди турок в Малой Азии.

Годы и десятилетия спустя деятели БПЦ официально продолжали «защищать» акцию крещения. Все-таки, однажды она подверглась осуждению самым категорическим образом на заседании Св. Синода. Это имело место в 1934 г., правда, по другому поводу, с чем, вероятно, связана и форма осуждения – риторические вопросы в адрес некогда председательствующего и синодального члена Варненско-Преславского митрополита Симеона. Вот какие слова прозвучали в верховном церковном управлении: «Не стыдили ли этого «большого церковного каноника» за то, что он посчитал позволительным профанировать святое таинство?»

Сколько раз читал он Символ веры при «совершении» его над испуганными людьми? Каким умом решил послать миссию для крещения населения против его воли, используя для принуждая нож четника? Где в мире церковники совершали что-то подобное? Не скомпрометировал ли он нашу церковь, наших церковных служителей, Св. Синод и себя самого этими страшными насилиями над несчастным населением? Известно, что только турки налагали свою веру таким образом. Правильно ли и канонично ли это действие христианского и православного болгарского Св. Синода? Если бы кто другой совершил подобное деяние, которое навсегда легло черным пятном на церковь (как впрочем и на чело его автор), митрополит Симеон выступил бы с самой язвительной критикой. Следовало бы отвечать за свои действия и, прежде всего, за профанацию и осквернение таинства святого крещения насилием над помаками. Знает ли он, что вершили некоторые его миссионеры с «крещаемыми»? Зачем он израсходовал полмиллиона левов, средства, предназначавшиеся церкви, которая находилась тогда в нищенском положении? Сколько осталось верных христианству чад из тех, кто был насильно крещен? Вернул ли он израсходованные суммы в фонды, которые болгарские иерархи оставили отнюдь не для подобных деяний, позорящих церковь? Св. Синод в этом отношении закрыл дело, но заданные вопросы остаются открытыми»⁴².

Обличали акцию крещения и некоторые болгарские духовники в своих неопубликованных воспоминаниях и записках. Один из них – архимандрит Иннокентий, ректор Царьградской (Константинопольской) духовной семинарии накануне Балканских войн, а после них – управляющий Мелнишской (1913) и Маронийской (1914) епархиями. В воспоминаниях он так писал о крещении болгар-мусульман в новых землях: «В этом позорном и кощунственном деле церковь и государство действовали совместно. Владыки, священники, воеводы и разные проходимцы вторгались в села с оружием, угрозами, подкупам, чтобы вершить якобы большое христианское дело. Для этого создали под защитой Церкви специальную миссию, которая израсходовала миллионы левов на греховное деяние. Стыдно сказать, что я слышал о том, что делали «просветители», и что потом видел собственными глазами»⁴³. И архимандрит Иннокентий действительно не говорит об этом.

16 сентября 1913 г. в Царьграде был подписан мирный договор между Болгарией и Турцией. Его ст. 8 гарантировала мусульманам в Болгарии конфессиональную свободу, ст. 9 предоставляла те же права болгарским экзархистам в Турции. Тем самым была поставлена точка на ак-

ции крещения БПЦ. Как и на ее робких попытках воспрепятствовать отливу в мусульманство населения Маронийской епархии с центром в Гюмюрджине, созданной в октябре. На этот раз усилия БПЦ не встретили ни сочувствия, ни поддержки со стороны властей. В кратковременной мирной паузе между войнами церковь должна была справиться не только с собственными проблемами, разросшимися до степени неконтролируемого кризиса, но и преодолеть серьезнейший конфликт с государством, когда почти на год эти два национальных института оказались в состоянии настоящей «холодной войны». Лишенная государственных субсидий и испытывая внешнее и внутреннее давление, церковь была вынуждена капитулировать. 12 июня 1914 г., выслушав большой доклад начальника Культурно-просветительского отдела Ст. Цанкова о состоянии акции крещения и об отношении правительства к ней, получив убедительные доказательства, что «сейчас нет никаких условий для улучшения порушенного дела», Св. Синод решил больше не обращаться к государственным властям за содействием и вообще считать вопрос о крещении болгар-мусульман окончательно закрытым ⁴⁴.

БПЦ, серьезно вжившись в легенду о «крестовом походе» против ислама, стала единственной из церквей стран Балканского союза, кто попытался претворить ее в жизнь. Крещение помаков – абсурдное с религиозной и военной точек зрения начинание – не только поглощало все ее ресурсы, но и отклоняло внимание церковных иерархов от более важного вопроса о судьбе болгарских экзархистов в Македонии. Вместе с тем, злополучный эксперимент показал, какая могучая сила, в данном случае негативная, кроется в историческом мифе. Убеждение в том, что исламизация болгарских земель происходила в стиле «Време разделно»^{*}, возникшее в эпоху Возрождения, не подвергшееся сомнению в период после Освобождения (и преобладающее до сих пор среди широкой публики), мотивировало БПЦ сделать то же самое в отношении болгар-мусульман во время Балканских войн. Провалившийся «крестовый поход» показал, сколь опасно репродуцировать мифологию. Еще опаснее, когда ошибки прошлого повторяются в настоящем.

Перевод Р.П. Гришиной

* Так называется книга Антона Дончева, в которой болгарский автор описывает турецкую практику насильственного обращения славянохристиан в мусульманство в XVII в. Переводчики, исходя из содержания книги, определяют ее название как «Время насилия».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Българска военна история. Подбрани извори и документи. Т. 2. София, 1984. С. 490–491.
- ² Църковен вестник. № 38. 6 окт. 1912.
- ³ Янакиев Д. Похвално слово за победоносното българско войнство // Духовна зора. № 7–10. 1912. С. 112; Грозданов К. Божията помощ е главният спомагателен фактор на славните български победи // Духовна зора. № 7–10. 1912. С. 97–99; Чобанов И. Освободителната балканотурска война // Духовна зора. № 1–2. 1913. С. 152–157.
- ⁴ Елдъров С. Православието на война. Българската православна църква и войните на България. 1877–1945 // София, 2004. С. 68–81.
- ⁵ Национално-освободителното движение на македонските и тракийските българи. 1878–1944. Т. 2. София, 1985. С. 39–50.
- ⁶ Централен държавен архив (ЦДА). Ф. 166 К. Оп. 1. А.е. 611. Л. 16–33; Оп. 6. А.е. 12, Л. 8–36; А.е. 13. Л. 1–37.
- ⁷ Шопов А. България в църковно отношение. Пловдив, 1889. С. 47.
- ⁸ Църковен вестник. № 30. 21 юли 1904.
- ⁹ Симеонов С. Писма на проф. Иван Шишманов и Стою Шишков по време на Балканската война (1912–1913 г.) // Средните Родопи в Балканската война. Пловдив, 1972. С. 110.
- ¹⁰ Георгиев В., Трифонов С. Покръстването на българите мохамедани. 1912–1913. Документи. София, 1995. С. 14–16, 162–171.
- ¹¹ Там же. С. 11.
- ¹² ЦДА. Ф. 1318 К. Оп. 1. А.е. 4389. Л. 13–14.
- ¹³ Държавен архив (ДА)-Варна. Ф. 75 К. Оп. 1. А.е. 30. Л. 132–141.
- ¹⁴ Църковен вестник. № 54. 1 декември 1912.
- ¹⁵ Там же. № 1. 5 януари 1913.
- ¹⁶ Георгиев В., Трифонов С. Указ. соч. С. 37, 63–64.
- ¹⁷ ЦДА. Ф. 791 К. Оп. 1. А.е. 25. Л. 589–594.
- ¹⁸ Арденски В. Загаснали огнища. София, 2005. С. 67–73.
- ¹⁹ Георгиев В., Трифонов С. Указ. соч. С. 171.
- ²⁰ ДА-Варна. Ф. 75 К. Оп. 1. А.е. 31. Л. 5, 6.
- ²¹ Георгиев В., Трифонов С. Указ. соч. С. 26–27, 88.
- ²² Там же. С. 26, 76.
- ²³ Трифонов С. Тракия. Административна уредба, политически и стопански живот. 1912–1915. София, 1992. С. 11–33.
- ²⁴ Централен военен архив (ЦВА). Ф. 40. Оп. 2. А.е. 163. Л. 220.
- ²⁵ Георгиев В., Трифонов С. Указ. соч. С. 17–18.

- ²⁶ ЦВА. Ф. 40. Оп. 2. А.е. 163. Л. 236–237.
- ²⁷ Там же. А.е. 194. Л. 92; Ф. 422. Оп. 2. А.е. 12. Л. 27.
- ²⁸ Георгиев В., Трифонов С. Указ соч. С. 88–91.
- ²⁹ Там же. С. 74.
- ³⁰ Пешев П. Историческите събития и деятели от навечерието на Освобождението ни до днес. София, 1933. С. 401.
- ³¹ Георгиев В., Трифонов С. Указ. соч. С. 28.
- ³² ЦВА. Ф. 40. Оп. 2. А.е. 167. Л. 250.
- ³³ Там же. А.е. 194. Л. 94–96.
- ³⁴ Георгиев В., Трифонов С. Указ. соч. С. 149, 154, 155.
- ³⁵ Там же. С. 77.
- ³⁶ ЦДА. Ф. 1318 К. Оп. 1. А.е. 4454. Л. 1–30; Елдаров С. Българската православна църква и българите мюсюлмани. 1878–1944 // История на мюсюлманската култура по българските земи. София, 2001. С. 640–664.
- ³⁷ ЦДА. Ф. 1318 К. Оп. 1. А.е. 4454. Л. 22; Елдаров С. Българската православна църква и българите мюсюлмани... С. 657.
- ³⁸ ЦВА. Ф. 40. Оп. 2. А.е. 188. Л. 165.
- ³⁹ Там же. А.е. 189. Л. 200–201.
- ⁴⁰ Там же. Л. 218.
- ⁴¹ Милетич Л. История на «Гюмюрджинската автономия». София, 1914; *Он же*. Разорението на тракийските българи през 1913 година. София, 1918.
- ⁴² ЦДА. Ф. 791 К. Оп. 1. А.е. 53. Л. 419.
- ⁴³ Национална библиотека «Св.Св. Кирилл и Методий» – Български исторически архив (НБКМ-БИА). Ф. 723. А.е. 1. Л. 175.
- ⁴⁴ ЦДА. Ф. 791 К. Оп. 1. А.е. 25. Л. 407; Елдаров С. Православието на война... С. 98–116.

Румынские социалисты и проблемы войны и мира на Балканах (1910–1916)*

Балканские войны и в первую очередь Вторая балканская война (июнь–июль 1913 г.) нашли отражение в богатом документальном материале по истории Румынии, относящемся к кануну Первой мировой войны. Это преимущественно записи заседаний Парламента в Бухаресте (Собрания депутатов и Сената), мемуары видных деятелей важнейших политических партий того времени (Национал-либеральной; Консервативной и Консервативно-демократической), партийные документы, книги и статьи историков той эпохи, посвященные связям румын с народами Балкан (в первую очередь работы Николае Йорга и А.Д. Ксенопола), статьи в партийных изданиях и общественно-политических газетах, выступления политиков разных ориентаций на различных общественных собраниях.

Однако, хотя от этих событий нас отделяет уже целое столетие, а историки не могут жаловаться на отсутствие достаточной источниковой базы, Балканские войны до сих пор занимают более чем второстепенное место в румынской историографии. Если применительно к межвоенному периоду (1918–1940 гг.) это можно объяснить отсутствием необходимой для исследователя исторической дистанции от анализируемых событий, то причины молчания историков послевоенных поколений, по крайней мере, до середины 1960-х гг., следует искать в идеологизации исторической науки Румынии (что присуще, впрочем, науке и других бывших социалистических стран). Только с начала 1970-х гг., как следствие окончательного перенесения идеологического акцента с интернационализма в его сталинской версии на национал-коммунизм Н. Чаушеску, появляются работы по проблемам политической истории «буржуазно-боярской» Румынии, в которых идеологические рамки дозволенного были раздвинуты достаточно широко для того, чтобы дать простор выражению откровенно националистических взглядов. Применительно к рассматриваемому нами периоду можно напомнить в первую очередь о книге Анастасие Йордаке

* This work was supported by a grant of the Romanian National Research Council (CNCS), project number PNII – IDEI ID_816/2008.

«Политическая жизнь в Румынии, 1910–1914 гг.»¹, в которой Балканским войнам, точнее сказать, влиянию Балканских войн на внутреннюю политику Румынского Королевства, отведено центральное место².

В работах национальных историков 1970–1980-х гг. позиция румынских социалистов по отношению к национальному вопросу в Юго-Восточной и Центральной Европе в преддверии и начале «великой войны» (в том числе и с точки зрения использования войны для решения задачи «создания единого румынского национального государства») рассматривалась только опосредованно. При этом, как правило, лишь цитировались некоторые фрагменты партийных документов Социал-демократической партии Румынии или статьи её руководителей. Например, в обширном двухтомнике «Румыния в годы Первой мировой войны. Справедливый и освободительный характер участия Румынии в войне», подготовленном и изданном в 1987 г. ведущими румынскими специалистами по истории новейшего времени, был процитирован отрывок из резолюции Чрезвычайного съезда Румынской социал-демократической партии от 23 августа 1914 г., в котором подчёркивалось, что «единственной политикой, соответствующей жизненно важным интересам страны, является ее искренний и окончательный нейтралитет»³. Цитируя далее консервативного историка А.Д. Ксенопола, по мнению которого война могла предоставить румынам «единственный исторический шанс» для осуществления национального единства, румынские историки, хотя и косвенно, критиковали позицию социалистов⁴.

Подчеркнуто отрицательное отношение к позиции румынских социалистов в связи с проблемами войны и мира на Балканах в начале XX века встречается и в работах, изданных после 1989 г. и в большинстве своём принадлежащих перу так называемых «придворных историков» эпохи Чаушеску. Уже упомянутый нами А. Йордаке во второй части седьмого тома «Истории румын», изданной Румынской академией⁵, называет «антирумынской» позицию лидеров Социал-демократической партии (Константина Доброджану-Геря, Кэлина Оттоя и Кристиана Раковскогo), таким образом оценивая их приверженность нейтралитету. Истоки позиции этих политиков выводились из их непринадлежности к этническим румынам⁶.

Характер отражения в румынской послевоенной историографии истории румынской социал-демократии, и в первую очередь её позиции по национальному вопросу, неплохо вскрывает взаимосвязь между идеологией и историографией в условиях коммунистических и посткоммуни-

стических режимов. Хотя после 1989 г., особенно в последнее время, в Румынии вышло немало работ по истории страны двух первых десятилетий XX в., в том числе по истории Балканских войн (например, книги Ионуца Нистора о роли арумунской проблемы ⁷ в отношениях Румынии с балканскими странами в 1903–1913 гг. ⁸, Клаудия Топора о румынско-немецких отношениях во время Балканских войн ⁹ или Лучиана Боя о германофильских настроениях части румынской интеллигенции во время Первой мировой войны ¹⁰), можно уверенно утверждать, что вопрос о роли румынских социалистов в политической жизни Румынии и Балкан начала XX века нуждается в дальнейшем изучении историками.

* * *

Если судить строго по числу партийных членов и по возможности социалистов влиять на внутреннюю политическую жизнь Старого Румынского Королевства ¹¹ (т. е. государства в границах кануна Первой мировой войны), то тема такого исследования может показаться второстепенной. Однако, как нам хорошо известно, первое впечатление иногда оказывается ошибочным. Благодаря большому интеллектуальному калибру лидеров румынских социалистов К. Доброджану-Геря и К. Раковского к их голосу прислушивались не только в самой Румынии, но и за её пределами. Так, статьи и политические выступления Доброджану-Геря и Раковского не оставались без внимания со стороны руководителей и идеологов ведущих политических партий Румынии того времени, которые считали полезным вступать с ними в живую и интересную полемику, что само по себе может стать темой отдельного исследования. Точки зрения Доброджану-Геря и Раковского обсуждались на встречах европейских социалистов Второго Интернационала ¹² и даже в сугубо научных кругах Запада. К примеру, в 1911 году, в третьем номере первого тома журнала «The American Economic Review», была напечатана рецензия на книгу Доброджану-Геря «Neoîobăgia» (Новокрепостничество). В конце ее выражалось сожаление, что книга написана на языке, «который не так уж знаком иностранным читателям» ¹³. Кстати, Доброджану-Геря и Раковский принадлежали к социалистам, с которыми переписывался Карл Каутский ¹⁴, а Лев Троцкий получал от них информацию о политическом положении на Балканах во время Балканских войн ¹⁵.

Далее вкратце остановимся на отражении некоторых аспектов проблемы войны и мира рассматриваемого периода в политической деятельности и работах румынских социалистов, главным образом Доброджану-Геря и Раковского.

* * *

«Война разрешает чудовищные антагонизмы и противоречия, которые её порождают, лишь только на очень короткое время, она не снимает антагонизмы, не решает окончательно ни одного из глубоких противоречий нынешнего общества. Напротив, она их только усиливает и показывает во всем их полном уродстве, давая возможность увидеть, к каким чудовищным последствиям ведёт капиталистическое общество. Она показывает к тому же, как нынешнее общество строит блестящую цивилизацию, чтобы затем уничтожить ее в огне, в крови и грязи. Таким образом, у войны есть и положительная революционная сторона – она ускоряет и приближает социальную революцию».

Это отрывок из статьи «*Главный аргумент*», написанной после начала Первой мировой войны для партийной газеты «*Лупта*» (Борьба) и вышедшей в том же 1914 г. в сборнике «Война или нейтралитет»¹⁶. Он отражает, как нельзя лучше, мнение Доброджану-Геря о сущности войны в качестве возможного способа разрешения спорных вопросов между государствами.

Доброджану-Геря считал, что одной из целей политических партий Румынии должно стать объединение территорий с румынским населением в одно государство¹⁷. В то же время он предостерегал, что реализация этой идеи не должна ни в коем случае стать самоцелью: «Мы должны иметь в виду – метод, время, форму и способ объединения, обстоятельства, последствия и возможность его осуществления»¹⁸. Он не отрицал права других балканских народов на самоопределение и объединение в национальные государства. Однако, по его мнению, всякое национальное объединение должно было явиться плодом естественного сближения этнически однородных групп, а не результатом войн. Показательны рассуждения Доброджану-Геря в статье «*Война и объединение стран*»¹⁹ о последствиях Балканских войн для Болгарии. Хотя он не скрывал своих симпатий к борьбе болгар против Османской империи, в то же время считал, что именно недалёковидность болгарских политиков привела страну к полному разгрому: «После того как было принесено неисчислимое количество жертв и пролилось столько крови, Болгария с восхищающей решимостью была растерзана. Македония, которая была залита кровью болгарских революционеров и которая являлась самой целью войны для болгар, была украдена другими, а наиболее плодородная провинция (Добруджа. – Ф.С.) была отделена от тела Болгарии нами (то есть Румынией. – Ф.С.). Это и есть настоящее бедствие! ...если бы

Болгария попыталась честно прийти к соглашению с Турцией, Македония получила бы, несомненно, автономию, а автономия Македонии означала бы немедленное культурное, моральное, духовное объединение болгарского народа – а ведь это является самым важным в деле объединения всякого народа. Потом в той или иной форме настало бы время и для другого объединения: автономная Македония упала бы как созревший плод на тело Болгарии»²⁰.

Что касается Кристиана Раковского, то его взгляды относительно войны и национального вопроса во время Балканских войн и Первой мировой войны основывались в большей степени, чем у Доброджану-Геря, на принципах классовой борьбы. Если до 1912 г. в его книгах, статьях и выступлениях можно найти немало рассуждений чисто исторического характера, перекликавшихся с мнениями идеологов национальных движений Юго-Восточной Европы (например, в статьях, опубликованных в 1912 г. по случаю столетия перехода Бессарабии к Российской империи), то, начиная с Первой балканской войны, его непримиримость к «национальным олигархиям» становится более чем очевидной. В брошюре *«Войны: причины, последствия, конец»*, опубликованной в Бухаресте в 1914 г., он говорит, например, о том, что во всякой современной войне единственно, кто выигрывает, – это «капиталистический класс»²¹. В той же брошюре, отвечая румынским политикам, упрекавшим румынских социал-демократов в том, что в отрицании всякой войны они отказываются от объединения румын Трансильвании, Буковины и Бессарабии с Румынией, он отмечает, что именно социалисты, как никто иной, осуждают угнетение других народов, однако понимание «национального единения» у социалистов совсем иное, чем у «буржуазии»: «Наша цель – это освободить людей (как отдельных личностей), а не аннексировать территории, на которых они проживают. Освобождение состоится только тогда, когда люди будут иметь полный контроль над своими политическими правами и над плодами своего труда, а это станет возможным только при социалистическом режиме»²².

Вопрос об отношении румынских социал-демократов к войне был тесно связан с их позицией по проблеме нейтралитета Румынии. Концепция нейтралитета Румынии, сформированная в преддверии и в период Второй балканской войны, была развита в 1914–1916 гг. Так, с началом Первой мировой войны Доброджану-Геря выступал за сохранение Румынией строгого нейтралитета, что отражено в его статьях, напечатанных в газете «Lupta», и речах на различных партийных собраниях.

При этом в его взглядах по вопросам устройства Центральной и Юго-Восточной Европы можно легко проследить позицию Центральных держав. С точки зрения Доброджяну-Геря, ввязывание Румынии во Вторую балканскую войну нанесло стране трудно восполнимый ущерб, в первую очередь это касается отношений с Болгарией, которую в статье «Мы и Балканский полуостров» он называет деревенской демократией, не скрывая при этом своих симпатий к соседней державице²³.

Схожую точку зрения высказывал и Кристиан Раковский в статьях, напечатанных в Румынии в газете «Наше слово»²⁴, и письмах, адресованных французскому социалисту Чарльзу Дюма²⁵.

Следует сказать также несколько слов о взглядах трёх других значительных представителей социалистического движения Румынии времён Балканских войн и румынского нейтралитета. Речь идет о Михаиле Георгиу Бужоре, Калине Оттое и Екатерине Арборе. В статьях, изданных и в виде отдельных брошюр (например, «Европейская война и социал-демократия»²⁶), и в выходившем в 1916 г. (Яссы) журнале «Convorbiri sociale» (Общественные беседы), Бужор ратовал за провозглашение нейтралитета как главного принципа румынской внешней политики²⁷. Оттой в докладе на съезде партии в октябре 1915 г. подчеркивал необходимость осуждения всех без исключения войн, а Екатерина Арборе отмечала в своих выступлениях и статьях, что в случае отказа от нейтралитета Румыния окажется в ряду «империалистических» держав²⁸.

Как уже было сказано, румынские социалисты, хотя и проповедовали во время Балканских и Первой мировой войн принцип нейтралитета, в их позициях легко обнаруживаются симпатии к Центральным державам, что временами проявлялось в форме открытых антироссийских высказываний. Наиболее антироссийски были настроены яские социалисты. В статье «Румыния и война», напечатанной в первом же номере журнала «Convorbiri sociale» в январе 1916 г., Бужор писал, например, что, если Румынии не удастся сохранить полный нейтралитет, ей нужно будет присоединиться к Центральным державам с «целью ослабления России и удаления её от наших границ»²⁹. Открытые симпатии к Центральным державам послужили между прочим почвой для обвинений румынских социалистов в том, что они являются германскими шпионами, что в конечном итоге, стало главным аргументом для запрета Социал-демократической партии и ареста её лидеров после вступления Румынии в войну на стороне Антанты в августе 1916 г.

Хотя симпатии лидеров румынских социалистов к Германии и Австро-Венгрии в 1914–1916 гг. можно до некоторой степени объяснить и возможными субсидиями, которые они получали в то время из Берлина³⁰, антиантантовские настроения в рядах Социал-демократической партии Румынии (в первую очередь антироссийские) имели давние корни, как мировоззренческие, так и личные. Многие румынские социалисты родились в России и боялись, что в случае вступления российских войск на территорию Румынии они будут схвачены и вывезены в Россию как бывшие российские подданные. Опасения не были беспочвенными. В этом смысле наглядным является пример К. Доброджану-Геря, который эмигрировал в Румынию в 1875 г. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он был арестован российской полицией в дунайском порту Галац и отправлен в Петропавловскую крепость, а потом сослан в Мезень. В 1879 г. ему удалось, однако, сбежать из-под стражи и вернуться через Норвегию в Румынию³¹.

Идеологи румынского социалистического движения считали Россию главным врагом балканских народов. В изданной в 1898 г. в Варне книге «Русия на Изток» тогда ещё молодой Кристиан Раковский отводил России роль главного препятствия на пути народов Юго-Восточной Европы к независимости. Более того, Раковский и его соратники считали, что по сравнению с Россией, в Австрии и Германии гарантированы многие демократические права и что с этими странами Румыния связана политическими, экономическими и культурными узами. В статье «Зачинщики войны», написанной в ответ тем румынским политикам, которые выступали за немедленное вступление в войну на стороне Антанты (а их было большинство), Доброджану-Геря говорил о том, что вторжение в Трансильванию приведёт к войне не только с Австрией, но и с Германией: «С этого момента мы [будем] оторваны окончательно от центра Европы и тем самым от европейского Запада. Но с центром и западом Европы мы связаны до сих пор всеми узами нашего экономического, материального и даже культурного и морального существования [...]. Для того чтобы наладить нашу экономическую и общественную жизнь, нужно будет перенести центр тяжести в сторону Востока. Вот так мы окажемся с первых же дней войны отброшены от европейского Центра и Запада в сторону Востока, в сторону Азии, окажемся отброшены с первых же дней в холодные руки России, в её полное распоряжение»³².

Выступая категорически против использования войны как средства решения спорных вопросов в Европе в целом и на Балканах, в част-

ности, румынские социалисты искали такие сценарии устройства Юго-Восточной Европы, которые исключали бы всякое противостояние между государствами. В этом смысле наиболее острыми являлись, несомненно, территориальные споры.

Называя Балканы территорией, «наполненной взрывчатым материалом, заминированной противоречиями и враждебностью...»³³, Доброджану-Геря считал, что корни конфликтов в этом регионе Европы (впрочем, как и во всём «капиталистическом» мире) следует искать в классовом устройстве общества и, – что характерно для этих стран, – в их зависимости от крупных держав. Исходя из положения, что «национальные противоречия на Балканах исчезли бы, если олигархическое устройство общества было бы заменено на демократическое»³⁴, он пришел к выводу, что для балканских стран было бы намного лучше строить отношения между собой на основе «демократических договорённостей», – «в первую очередь с целью защиты национальной независимости, но также с целью защиты от эксплуатации со стороны больших капиталистических стран, которые пытаются превратить все малые и слабо развитые страны в свой Хинтерланд»³⁵.

По сравнению с Доброджану-Геря, который строил свои рассуждения о способах установления долгосрочного политического равновесия на Балканах в основном на основе анализа внутреннего положения в Румынии и её отношений с непосредственными соседями, Раковский обзревая не только весь Балканский полуостров, но и Европу в целом.

В 1903 г., под псевдонимом Инсаров, Раковский опубликовал в пятом номере журнала «Вестник Европы» статью «*Турция и Македония. Исторический очерк*», в которой поднимал вопрос о национальной принадлежности различных этнических групп на Балканах. Его твердое мнение заключалось в том, что этнический принцип не может служить исходной базой для переустройства границ, гораздо более важна для этого «политическая воля» населения³⁶. Эту принципиальную позицию он отстаивал и в других своих работах. В 1910 г., вместе с некоторыми другими болгарскими литераторами, Раковский участвовал в акции бойкотирования Славянского съезда в Софии, утверждая, что не верит в жизнеспособность идеи единства славян при отсутствии в славянском мире общих социальных и политических устремлений³⁷.

Надо, однако, сказать, что взгляды Раковского и его соратников по социалистическому движению в Румынии на политическое устройство Балкан (впрочем, как и всего европейского континента) менялись до-

вольно-таки часто³⁸. Дело здесь было и в смене личных взглядов, и в изменениях установок всего социал-демократического движения, и в сугубо тактических соображениях³⁹.

Какую роль играли нескончаемые дебаты в рядах европейских социал-демократов по вопросам войны и мира для румынских социалистов, можно видеть из письма Кристиана Раковского, посланного им из Харькова в июне 1922 г. своему «дорогому другу» Льву Троцкому. В этом письме Раковский отмечал, что спустя некоторое время после возникновения войны, как следствие позиций немецких и французских социалистов, «румынская социалистическая партия пережила известный период растерянности»: факт голосования социал-демократов за кредиты в германском парламенте явился столь неожиданным, будучи в противоречии с постановлениями международных съездов и, в частности, с постановлениями съездов Штутгартского и Базельского, «что мы склонны были видеть в этом какой-нибудь сложный тактический приём. Мы старались искать оправдания действий французских и германских социал-демократов»⁴⁰. После того как стало известно, – продолжал Раковский, – что среди немецких социалистов нет единства по вопросу о поддержке войны, румынские социал-демократы стали искать контакты с другими левыми движениями, которые «продолжали высоко держать знамя пролетарского интернационализма»⁴¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Iordache A. Viața politică în România, 1910–1914. București: Editura Științifică, 1972.*

² Большая часть книги Йордаке посвящена анализу отношения основных румынских политических партий к развитию обстановки на Балканах в 1910–1914 гг., в первую очередь автора интересует вопрос об изменении в пользу Румынии румынско-болгарской границы в Добрудже. Во вступительной статье, в духе времени цитируя работы «классиков марксизма-ленинизма» и Чаушеску, автор указывает на «эксплуататорскую сущность партий, представляющих господствующие классы», эта сущность сказалась и на их позиции в национальном вопросе. Этим силам в Румынии начала XX века, по его мнению, «противостояла одна лишь социал-демократическая партия» (Р. 7–9). При этом Йордаке оправдывает вступление Румынии во Вторую балканскую войну и Первую мировую войну цитатами из статей и выступлений тех же «буржуазных» политиков или историков (Р. 14–15). Показательно, что автор критику-

- ет позицию двух главных фигур социалистического движения Румынии (Константина Доброджану-Геря и Кристиана Раковского) в вопросе о вступлении Румынии в войну, называя их «представителями оппортунистических течений Второго Интернационала» (Р. 167–172).
- ³ *România în anii primului război mondial*. Vol. 1–2. București: Editura Militară, 1987.
- ⁴ Говоря о в целом критическом отношении румынских социалистов к возможному вступлению Румынии в Первую мировую войну, авторы прибегали к общим формулировкам. Ни слова, однако, в книге не говорилось о том, что после вступления Румынии в войну (конец августа 1916 г.) Социал-демократическая партия была распущена как раз под предлогом её «предательской позиции», а многие её лидеры были арестованы.
- ⁵ *Istoria românilor. De la Independență la Marea Unire (1878–1918)*. Vol. VII/2. (ed. Platon Gh.). București: Editura Enciclopedică, 2003. P. 395–461.
- ⁶ См. подробнее *Boia L.* „Germanofilii”. *Elita intelectuală românească în anii primului război mondial*. București: Humanitas, P. 23, 24.
- ⁷ Проблема этнически близкого румынам восточнороманского населения в Македонии, Албании, Сербии, Болгарии (прим. редколлегии).
- ⁸ *Nistor I. Problema aromână” în raporturile României cu statele balcanice (1903–1913)*. Iași: Editura Universității «Alexandru Ioan Cuza», 2009.
- ⁹ *Topor C.-L. Germania, România și războaiele balcanice (1912–1913)*. Iași: Editura Universității «Alexandru Ioan Cuza», 2009
- ¹⁰ *Boia.* «Germanofilii».
- ¹¹ Первые кружки социалистического толка появились Румынии в 1860 гт. – начале 1870 гт. при газетах «Telegraful roman», «Analele tipografice», «Uvrieturul» и «Lucrătorul român». В развитии социалистического движения в Старом Румынском Королевстве большую роль играли эмигранты из России, в том числе из Бессарабии. В 1893 г., на съезде представителей различных социалистических «клубов» в Бухаресте была создана Социал-демократическая партия рабочих Румынии. Принятая тогда же партийная программа в основном отразила установки Эрфуртской программы немецких социал-демократов: установление всеобщего права голоса; разработка трудового законодательства, регулирующего положение рабочих; установление бесплатного начального образования; обеспечение свободы слова; внедрение местного самоуправления. Разногласия между видными деятелями партии привели фактически к разложению партии в 1899 г. До 1910 г., когда партия была воссоздана под названием Румынская Социал-Демократическая партия,

- социалистические кружки существовали только в некоторых городах (Бухаресте, Яссах, Плоешти). См.: *Căpreanu I. Mișcarea muncitorească și luptele politice din România între anii 1900–1914*. Iași: Editura Junimea, 1983; *Preda C. Staulul și sirena. Dilemele unui marxist român*. București: Editura Nemira, 2002.
- ¹² *Blänsdorf A. Die Zweite Internationale und der Krieg. Die Diskussion über die internationale Zusammenarbeit der sozialistischen Parteien, 1914–1917*. Stuttgart: Klett-Gotta, 1979; *Cont F. Christian Rakovski, 1873–1941. Essai de biographie politique*. 2 vol. Lille: Atelier reproduction des thèses, Université Lille III. Paris: diffusion H. Champion, 1975; *Broué P. Rakovsky ou la Révolution dans tous les pays*. Paris: Fayard, 1996.
- ¹³ *The American Economic Review*. 1913. Vol. I. № 3. P. 573.
- ¹⁴ *Haupt G., Jemnitz J., van Rossum L. (hrsg.). Karl Kautsky und die Sozialdemokratie Südosteuropas*. Frankfurt am Main – New York: Campus, 1986.
- ¹⁵ См. *Троцкий Л., Раковски Х. Очерки политической Румынии*. Москва – Петроград: Государственное Издательство. 1923.
- ¹⁶ *Dobrogeanu-Gherea C. Război sau neutralitate*. București: Atelierele grafice Socec & Comp., 1914. P. 23–38.
- ¹⁷ «Для страны, часть тела которой, к несчастью, находится под чужим господством, объединение является общим желанием всех её граждан» (*Neutralitatea noastră // Război sau neutralitate*. P. 8)
- ¹⁸ *Ibid.*
- ¹⁹ *Războiul și întregirea țărilor // Război sau neutralitate*. P. 43–44.
- ²⁰ *Ibid.* P. 44.
- ²¹ В сборнике избранных работ *Racovski C. Scrieri social-politice (1900–1916)*. *Iacoș I. (ed.)*. București: Editura politică, 1977. P. 237.
- ²² *Ibid.* P. 245–246.
- ²³ *Noi și Peninsula Balcanică // Război sau neutralitate*. P. 17–18.
- ²⁴ *van Goudover A.P. Cristian Racovski and Nashe Slovo (1914–1916) // Romanian History 1848–1918. Essays from the First Dutch-Romanian Colloquium of Historians*. *van Goudover A P. (ed.)*. Utrecht: Wolters-Noordhoff, 1977. P. 109–150.
- ²⁵ *Les Socialistes et la guerre (Discussion entre Socialistes français et Socialistes roumaines)*. București: Cercul de Editură Socialistă, 1915.
- ²⁶ *Vujor M.Gh.. Războiul european și social-democrația*. București, 1914. См. также: *Виноградов В.Н. Об участии Румынии в Первой мировой войне // Вопросы истории*. 1982. № 8. С. 62–63.
- ²⁷ Подробнее см. *Voia. «Germanofilii»*. P. 335–336.

²⁸ Ibid.

²⁹ Convorbiri sociale. 1916 (ianuarie). P. 2–8.

³⁰ van Goudover. Cristian Racovski. P. 116–137; Racovski. Dosar secret. Tănase S. (ed.). Iași: Polirom, 2008. P. 13–15.

³¹ См.: Ornea Z. Viața lui C. Dobrogeanu-Gherea. București: Cartea Românească, 1982. P. 127–143.

³² Propovăduitorii războiului // Război sau neutralitate. P. 11–12.

³³ Ibid. P. 18.

³⁴ Dobrogeanu-Gherea C. Conflictul româno-bulgar // Viitorul social. 1913. № 1–2 (martie-aprilie). P. 13.

³⁵ Ibid. P. 23.

³⁶ Бурбыга В.А. Македонский вопрос в ранней публицистике Кр. Раковского // Тоталитаризм и антитоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы (20–80-е годы XX века). Материалы международной научной конференции, Харьков, 21 – сентября 1993 г. Том второй. Харьков, 1995. С. 428–430.

³⁷ Трифонова Е.К. Кр. Раковский и славянский съезд в Софии 1910 // Тоталитаризм и антитоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы (20–80-е годы XX века). Материалы международной научной конференции, Харьков, 21 – сентября 1993 г. Том второй. Харьков, 1995. С. 434.

³⁸ Perivolaropulou N. La Fédération balkanique comme solution des problèmes nationaux: le projet social-démocrate (1909–1915) // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1994, № 35. P. 29–35.

³⁹ В 1911 году, например, Раковский предлагал временно отказаться от идеи классовой борьбы и создать «вместе с буржуазией» конфедерацию балканских народов. По его мнению, для этого самым подходящим решением было бы создание по швейцарской модели «Балканской Федеративной Республики», которая смогла бы объединиться в будущем с республиками, созданными в России и Австрии. См.: Лобанова М В. Опыт сравнительного анализа взглядов Х.Г. Раковского на Балканскую и Советскую Конфедерации // Тоталитаризм и антитоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы (20–80-е годы XX века). Материалы международной научной конференции, Харьков, 21 – сентября 1993 г. Том второй. Харьков, 1995. С. 443; Racovski C. Războaiele. Cauze – consecințe – sfârșit. București, 1914.

⁴⁰ Троицкий Л., Раковский Х. Очерки политической Румынии. С. 135.

⁴¹ Там же.

Балканские войны на службе этнографии (судьба горан в XX в.

В течение XIX–XX вв. на Балканах образуется некоторая связь между войнами и этнографическими исследованиями. Последние в той или иной форме предваряют войны, следуют за ними, снова предшествуют военным конфликтам, снова увенчивают чьи-то победы. Таким образом, сменяют друг друга своеобразные этнографические циклы, которые принимают участие в формировании политического дискурса.

Этнография обращена в прошлое, ведь ее результат (текст) кристаллизует структуру описываемого общества. Нелишне будет упомянуть о презумпции «истинности», «девственности» сообщаемого эмпирического материала, хотя этнографическое исследование часто говорит о вещах спорных, порою фантастических, частью уже исчезнувших.

У этнографии весьма противоречивый объект исследования (в основном сельская зона, нередко без какой-либо связи с городской средой), а также противоречивые участники: с одной стороны, информанты – люди, предоставляющие исследователю информацию, в которой ностальгия прикрывает стремление к лучшей доле, выталкивающее информантов из сельских зон; с другой стороны, этнографы, для которых полевые записи – каркас научного текста и доказательство состоятельности. Противоречива также судьба этнографического исследования, зависящая от политической конъюнктуры.

У этнографии в общем гуманитарная миссия: она фиксирует нечто, что покинет этот мир вместе с информантами. Во многих случаях данные этнографического исследования помогают воссоздать более или менее полную картину социальных отношений в прошлом применительно к конкретному региону. При этом речь идет о модели коллективного поведения. Этнография эффективна для анализа закрытых систем, именно здесь работают ее принципы. В конце концов, она описывает принуждение вести коллективную жизнь, то есть перед нами *объединительный дискурс*. Этнография хорошо иллюстрирует тезис: «от нас зависит, какое прошлое у нас будет».

Балканские войны 1912–1913 гг., безусловно, закрывают собой целый этнографический цикл: дискуссии и описания XIX – начала XX в. в

отношении прав на территории, отбираемые у Османской империи. Как видится в ретроспективе, в череде конфликтов того времени именно Балканские войны поставили вопрос о нравственной и социальной ответственности этнографов и объективно открыли путь формированию новых методов исследования в русле социальной антропологии, что заняло определенное время и весьма избирательно коснулось Югославии: после утверждения социалистического строя «старорежимная» этнография, как часть старой государственной машины, проводящая «справедливые племенные границы», сделалась маргинальной; обновленные же принципы полевой работы в среде штатных этнологов приживались с трудом.

На примере Горы – региона на границах Сербии (Косово), Македонии и Албании, мы хотели бы представить, пусть фрагментарно, актуальное восприятие локальным сообществом столетия после Балканских войн, прожитого в отрыве от мощного морально-идеологического влияния Османской империи.

Не останавливаясь на особом микроязыке горан, архаике и обычаях, ремеслах (оружейное дело, кондитерское дело), пастушестве и отходничестве, постоянных стычках с беспокойными соседями, отметим в Горе роль ислама и культуры османских турок. В этнографической саге о горах, сложенной в сербской науке¹, мы едва ли обнаружим внимание к этому важнейшему фактору. Скорее мы можем почувствовать, насколько второстепенным и поверхностным представляется он некоторым авторам.

«Нáшинци» (т. е. «наши»), «горáни» / «горáнци» – таковы эндонимы принявшего ислам населения Горы, – формулируют свою идентичность по-разному. Есть и отрицательное отношение к версии об исламизированных сербах, сохранивших в своей основе сербскую культуру, – версии, поддерживавшейся академиком М. Лутовацем, а также сотрудниками проекта «ГОС» («Гора, Ополе, Средска»), реализованного САНУ в первой половине 1990-х гг. Так, Рамадан Реджеплари (1944 г.р.) был ребенком, когда в «нашинском» селе Зли Поток М. Лутовац в сопровождении двух милиционеров вел «полевую работу». Со слов Реджеплари, Лутовац излагал информантам этнографические факты, задавая при этом вопрос: «ел тако?» и получая в ответ: «тако!»². С содержанием книги Лутоваца Реджеплари не согласен.

Внимание мусульман Горы привлекает акцентирование фактов христианского прошлого Горы. Рамадан Реджеплари делает комментарий к известному с 1920-х гг. утверждению о том, что последняя христианка в самом богатом «нашинском» селе Брод под именем Божана умерла в

1856 г.³: с точки зрения Реджеплари, искажающей, по всей видимости, хронологию и персоналии, названная Божана из села Брод была танцовщицей в кафане, не местной, а вышедшей замуж в село; кафана же принадлежала сербу из Призрена.

Таким образом, в среде мусульман Горы звучит вопрос: почему исследователи делают акцент на христианском прошлом, а не на исламском настоящем, на исторической топонимии, но не на живых людях?

Культура Горы долгое время была неписьменной, точнее оральность здесь не нуждалась в письменной фиксации. Грамотные люди имелись, но нередко все записи умершего человека отправлялись вместе с ним в могилу⁴. Общественные перемены второй половины XX в. вывели на первый план задачу письменного изложения и повторения круга идей, который можно обозначить как «бошняцкая теория», один из аспектов которой признает «нашинцев» «бошняками», частью народа, проживающего в Боснии, Сербии (Санджак), Черногории, Македонии.

Для формирования этого комплекса идей применительно к Горе имелся определенный фон: появление в югославской переписи 1971 г. этнонима «Мусульманин». В дальнейшем распад страны и эволюция косовской проблемы определили развитие «бошняцкой теории». При этом мы можем выделить несколько направлений:

А) «Восточная сказка». По аналогии с аргументацией сербских ученых здесь могут фигурировать найденные надгробия и вообще материальные остатки, но уже содержащие восточные мотивы. Акцентируются арабские надписи, геометрический орнамент, «боснийские лилии» и т. п. Христианский период в истории Горы отрицается: население обратилось в ислам из богомилства или шаманизма. Хотя «нашинцам» известно о христианах, населявших Гору, но опасение стать жертвой политических манипуляций делает популярным «богомилский тезис».

Б) Культивирование гордости и отдельного самосознания «нашинцев». Помимо эстетизации ландшафта, огромную роль играет здесь горанская диаспора (качественно новая ступень «печалбарства»), а также отдельные исторические факты, например, участие «нашинцев» в составе турецкой армии в сражении при Чанаккале (1915 г.). Сюда же отнесем самоопределение через значимого другого: Сульба Ага (Исакович, 1944 г.р.) рассказывает о том, почему село Рестелица прозвали «Еткђу» (*тур.* «мясное село») – когда проигравшие войну турки покидали Рестелицу, то просили у людей хлеба, а им давали мясо. И сейчас, если по-

ехать в Стамбул и сказать, что из Рестелицы, старые турки воскликнут: «а, из Эткёй!»⁵.

В) Влияние «мухаджиров» из Боснии во второй половине XIX–XX в., а также браков, заключавшихся с «босанцами» или «бошняками» Санджака.

Касаясь прямого воздействия Балканских войн на ситуацию в Горе, достаточно обратиться к известному труду Международной комиссии по расследованию причин и характера Балканских войн, отдельное приложение которого посвящено «Положению македонских мусульман во время Первой войны»⁶. Встречая кое-где ожесточенное сопротивление, сербская армия обращалась к репрессиям, в том числе расстрелам мирного населения с целью устрашения. Так, в сентябре 1912 г. в селе Рестелица было расстреляно 13 местных жителей⁷. В это время люди Горы переживают первую массовую волну выселения в Турцию (вторая волна придется на период после 1918 г., а третья – на 1960-е гг., «время Ранковича»).

На момент «воссоединения» Горы с сербством приходится действие рассказа «Австрийские головы»⁸ писателя Фериды Мухича, профессора философии из Скопье, председателя созданной в июне 2011 г. в Новом Пазаре Бошняцкой академии наук и искусств (БАНУ).

Известный с первой четверти XX в. топоним «Австрийские головы», обозначающий одну долину Шар-Планины, побудил Мухича предпринять своеобразное литературно-философское расследование. В основе его лежит устное предание о происшествии в этой горной долине на высоте 1800 м над уровнем моря в конце Первой мировой войны, вероятно, в 1917 г.

Вступившая в долину после мучительного многодневного похода рота австро-венгерского 6-го горного полка (163 человека) в тексте Мухича имеет своим командиром капитана Тракля, поручиком – Музиля. Известно имя еще одного героя – Мартин Лупино, ординарец капитана Тракля.

Выставлены сторожевые посты, и солдаты располагаются на отдых в естественном амфитреатре. Высокогорный пейзаж невообразимой красоты. Но рядом невидимый противник – суровые горцы, занявшие господствующие высоты и укрытые высокой густой травой. Беспощадный огонь их ружей уничтожает австрийский отряд. Нападающие, «в темной одежде из грубого шерстяного сукна», стреляют и затем забирают добычу (форму, оружие и амуницию) «серьезно, сосредоточенно и безучастно».

Единственный уцелевший из целой роты Мартин Лупино спасается бегством. Он попадает в каменный капкан, но покидает его, протиснувшись через узкую щель. Наконец, поздней ночью он оказывается в ближайшем селе Рестелица.

В Рестелице Мартина принимают к себе первые увидевшие его на улице люди. Перекусив, он ночует вместе с приютившей его семьей. На следующий день в местной лавке Мартин встречает нескольких разбойников, зашедших за провизией. Один из них, в одежде Тракля, приехавший на его коне, смеясь, говорит Мартину:

«Я не желаю никому зла. Такой у меня род занятий. Им я живу. А жить так нелегко и недолго. Если ты сейчас выжил, будешь жить долго. Меня точно переживешь. Вот тебе три дуката. Пригодятся. На счастье. Помянешь, когда узнаешь, что меня не стало».

Три года живет Мартин Лупино в Рестелице, работая сельским поваром. Его рецепты помнят там и сейчас. Со временем он узнает о том, как готовилось нападение. Его планировал три дня известный разбойник, располагавший 38 сторонниками. Но не решился бы на дело, если бы не соединился еще с двумя отрядами. Всего собралось 94 разбойника под условием одинакового распределения добычи. В их рядах оказался только один погибший и четверо раненых.

Место нападения, известное ранее как «Рупа», получило название «Австрийские головы». Пастухи овец долго избегали этой долины, усеянной человеческими костями. Только по прошествии нескольких лет кое-кто из них отваживался там появляться. Топоним стал означать место, через которое проходят в исключительных случаях, при этом быстро и молча.

В конце своего пребывания в Горе Мартин Лупино посещает «Австрийские головы» и ему открывается смысл топонима – именно черепа оказываются наиболее экспрессивной деталью пейзажа. Он возвращается в Италию и переселяется жить в горную область, напоминающую ему Гору. Мартину не дает покоя сон о мыслях, обитающих в черепах погибших товарищей на высоте 1800 м над уровнем моря.

В Горе и сегодня опасаются называть виновников происшествия. По одной версии, разбойниками были «люмляне», жители региона, названного по р. Люма⁹. По словам Ф. Мухича, «Мартин» — подлинное имя уцелевшего солдата. Он прожил в Рестелице три года, работая поваром, и в 1920 г. вернулся в Больцано, откуда был родом. В селе его помнил Хамза, родственники которого приютили Мартина. Еще в 1970-е гг. Хамза рассказывал об уроках итальянской кухни. Костяк разбойников, расправившихся с австрийцами, действительно, составляли «люмляне»,

выходцы из албанского села Коловоз (Kollovoz) во главе с Батыром Коловозом. В тех местах разбойники промышляли вплоть до конца 1940-х гг., используя в качестве базы Жур (Zhur), единственное село, не платившее разбойникам налог в обмен на уход за ранеными и оказание иной помощи¹⁰.

Несомненно, Балканские войны привели в движение самосознание горан. С другой стороны, Балканские войны могут преподать важный урок этнографу / антропологу: нам трудно понять другого; мы не знаем и от незнания ошибаемся. В случаях, подобных горанскому, наши классификации и «объективное знание» приходят в столкновение с жизненными интересами локального населения — им нужно утверждение *своей меры*, правота их наполняет собой весь мир, не оставляя места для сомнений.

Итак, Балканские войны 1912–1913 гг. обозначают собой завершающийся цикл этнографических разысканий XIX века и подчеркивают значение исследований антропологического типа, требующих внимания к оральности и интеллектуальной традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стара Сербия и Албания. Путевые записки И.С. Ястребова // Споменик. ХLI. Други разред. Кн. 36, Београд, 1904; *Лутовац М.* Гора и Опоље. Антропогеографска испитивања. Београд, 1955; Шарпланинске жупе Гора, Опоље и Средска. Антропогеографско-етнолошке, демографске, социолошке и културолошке карактеристике / Уред. Д. Антонијевић, М. Радовановић. Београд, 1995 и др.

² Интервью с Рамаданом Реджеплари в Призрене 31.10.2006 г. Я благодарю Мустафу Балье за помощь в организации работы в регионе.

³ *Лутовац М.* Гора и Опоље (антропогеографска проучавања) // Српски Етнографски Зборник. Књ. LXIX. Насеља и порекло становништва. Књ. 35. Београд, 1955. С. 270.

⁴ Интервью с Рамаданом Реджеплари в Призрене 31.10.2006 г.

⁵ Интервью в с. Рестелица 04.11.2006 г.

⁶ Report of the International Commission to Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars. Washington, 1914. P. 277–284.

⁷ *Idrizi Aljabak S.* Gora daleka i sama. Dragaš, 2004. P. 26–30.

⁸ *Muhić F.* Austrijske glave // Muhić F. Štit od zlata. Priština, 2006. S. 177–199.

⁹ Интервью в Горе 03.11.2006.

¹⁰ Интервью с Феридом Мухичем в г. Скопье 3 сентября 2009 г.

Мирослав Крлежа и Балканские войны

Бывают эпохи, когда исторические процессы наиболее ярко проявляются в культурной среде. Именно таким годами для Хорватии стал в историческом измерении хронологически небольшой период рубежа XIX и XX веков, напоминая по интенсивности и силе воздействия на общественный климат в стране в «иллирийские времена». В общей форме этот факт, собственно, не вызывает ни у кого возражений. Он признается и А.И. Филимоновой – одним из авторов недавно вышедшей книги «Югославия в XX веке». Отмечая выдвигание к началу этого столетия на первый план общественно-политической жизни светскую интеллигенцию, А.И. Филимонова пишет, правда, имея в виду уже 1910-е годы: «Предвоенное молодежное движение представляло собой реакцию на давление Вены в период аннексионного кризиса и на клерикальные организации, старающиеся вовлечь хорватскую молодежь в ряды организации римско-католической церкви. Его отличала деятельность в культурной сфере, но с ярко выраженной югославянской направленностью. Так, существовал союз молодых представителей искусства «Лада» (1904), объединяющий сербов, хорватов, словенцев, а также болгар. В 1908 г. союз был трансформирован в организацию «Медулич», выступающую с национальных позиций. Настоящими выразителями национальных чаяний югославянских народов стали культовый скульптор И. Мештрович, писатели В. Черина, Т. Уевич»¹.

Все сказанное совершенно правильно, и хорошо, что сказано, хотя и вскользь, мимоходом. Но нельзя не видеть, что за этими фактами стоит огромный пласт явлений культурного плана, суть которых состояла в том, что у еще сохранявшего прочные позиции духовенства появился сильный соперник и оппонент в лице радикально настроенной молодежи и светской, прежде всего, гуманитарной и художественной интеллигенции. Именно с их деятельностью было связано формирование не только культурной, но и общественно-политической атмосферы 1900-х и 1910-х гг., оживление часто пересекающихся националистических и югославянских идей, определивших восприятие активной частью хорватского общества Первой и Второй балканских войн, в свою очередь ставших существенным фактором распространения идей славянской взаимности в тех

частях балканского региона, где они далеко не всегда были приоритетными. Активная часть художественной интеллигенции, отнюдь неоднородная по своим политическим взглядам, в тяжелой ситуации германизации и мадьяризации, конформизма основных политических партий и сгущающихся репрессий стала застрельщиком и проводником обновительных идей и в культурной, и в политической сфере, давших этому времени название Хорватского модерна (*Hrvatska moderna*). Особенностью эпохи стала политизация общества зачастую через культурные акции, многие из которых получали широкий резонанс, привлекая внимание самых разных слоев населения, формируя «модерное самосознание» и гражданское отношение к тем или иным событиям внутренней и внешней жизни.

Естественно, я могу лишь пунктирно обозначить некоторые из них. Как известно, после сожжения в Загребе венгерского флага в 1895 г., исключенная из хорватских учебных заведений молодежь отправилась продолжать учебу в Вену и Прагу. Вернувшись через несколько лет на родину, молодые люди активно включились в общественную жизнь, кстати, тоже не стоявшую на месте. Начиная с организованных «Хорватским салоном» в 1898–1901 гг. выставок художников и скульпторов, сопровождавшихся литературными манифестациями (такие совместные акции художников и писателей вошли в практику), идет реорганизация сначала Общества хорватских художников (1897), затем Общества хорватских писателей (1900). По возвращении в Хорватию, «молодые» попали в уже оживленную среду и развернули в своих многочисленных, хотя и недолговечных изданиях бурные дискуссии о судьбах родины, ее культуры и искусства. Передавая друг другу своеобразную эстафету, эти издания превращались в клубы единомышленников. Поначалу дискуссии шли между самими «молодыми». «Венцы» (идеологи Б. Ливадич и М. Дежман Иванов) под влиянием австро-немецкого модернизма выступали за свободу индивида, за освобождение искусства от общественных функций и право на многообразие художественных форм. Они в основном и стали проводниками новых философских и эстетических концепций, новых средств изобразительности – символизма, неоромантизма, импрессионизма. Политически более активны были пражане во главе с критиками М. Марьяновичем и М. Шаричем, впитавшие многие идеи Т. Масарика об общественной роли искусства. Для них не были пустым звуком идеи славянской взаимности, идеи единства сербов и хорватов,

они, что очень важно, отказались от понимания хорватского пространства как исключительно хорватского.

Между тем, несмотря на эстетические расхождения и разную степень общественной ангажированности представители обоих течений написали на своих знаменах слова «прогресс» и «модерн», понимая под ними освобождение от всяческих догм и традиционных штампов, открытость свободному выражению мнений, открытость миру и соседям-славянам, в том числе и сербам. Их собственная незашоренность рождала и нового, незашоренного читателя, причем не только в столице, но и в провинции. В результате к 1900-м гг. их победа над традиционными журналами в борьбе за читателей становится очевидной. Постепенно (хотя это слово может быть употреблено в данном случае условно в силу ограниченности временного отрезка) происходит примирение двух литературных поколений – «старшего» и «молодого». В редколлегию многолетнего традиционного журнала «Виенац» («*Vijepac*») входят самые значительные представители Модерна (Ц. Нехаев, М. Бегович, Б. Ливадич), и, наоборот, в журнале «Савременик» («*Savremenik*»), единственном из изданий Модерна долгожителе (он выходил с 1906 до 1941 г., с 1907 – стал органом Общества хорватских писателей) публикуются писатели старшего поколения. Собственно с этого времени складывается подлинное модернистское направление, отличительной чертой которого станет плюрализм художественных стилей от реализма до импрессионизма и неоромантизма и символизма. Помимо скульптора И. Мештровича с его Косовским и Видовданским циклами (скульптуры «Королевич Марко», «Мать» и «Воспоминание», 1907–1912), культовыми фигурами становятся писатели разных эстетических взглядов, но объединенных возрожденческими национальными и югославянскими идеями. Огромную популярность приобретают полные жизненного оптимизма и веры в судьбу Хорватии стихотворения и поэмы В. Назора («Славянские легенды», 1900, «Хорватские короли», 1912) – современники, причем из «молодых», назовут его «поэтом нас, завтрашних». В этот же ряд встанут также драмы И. Войновича «Смерть матери Юговичей» (1907) и «Воскрешение Лазаря» (1912). Именно И. Войновичу принадлежит ставший символом всей эпохи лозунг – «Негероическому времени вопреки», под которым в 1910 г. прошла выставка художников.

Как уже говорилось, идеи хорватской и сербской взаимности становятся не просто популярной фразой, они реализуются в практических делах, вовлекая в свою орбиту все больше сторонников. При этом

надо принимать во внимание, как пишет В.И. Фрейдзон, что утвердившееся в то время понятие «югославянский национализм» не содержало на практике демократического начала, признания равноправия народов, а рассматривалось лишь как путь к национальному освобождению². Заслуга в распространении этих идей принадлежала еще одному культовому персонажу того времени – А.Г. Матошу, великолепному поэту и критику, который стал первым хорватским исследователем сербско-хорватских литературных связей. Этому же, кроме журналов, объединявших представителей Сербии, Хорватии и Словении, способствовало и издание в Загребе в 1910 г. «Альманаха хорватских и сербских новеллистов», в 1911 – «Антологии новейшей сербской лирики», подготовленной для Матицы Хорватской известным сербским критиком Б. Поповичем, а в 1913 – на кириллице книги «Современная Хорватия», выполненной по заказу Матицы Сербской М. Марьяновичем. Добавлю к этому, что в 1911 г. на Международной выставке в Риме Мештрович выставит свои работы – в сербском павильоне. В том же году в Загребе В. Черина начнет издание журнала «Вал» («Val») – органа хорватской и сербской молодежи, выразившего интересы наиболее радикальной ее части. Своей целью он провозгласит «создание молодой современной, свободолобивой, революционной молодежи Югославии в наших хорватских и сербских землях, ибо «основа нашего движения, главный пункт нашей ежедневной работы – народное единство Хорватов и Сербов и радикальный, опирающийся на знания, антиклерикализм»³.

1912 год особенно насыщен событиями. В начале мая более 150 хорватских молодых людей самых разных политических и эстетических взглядов (среди них был и начинающий, а в будущем один из самых ярких хорватских поэтов – Тин Уевич) едут в Белград, где встречают теплый прием. В самой Хорватии начинаются радикальные выступления молодежи – в июне 1912 г. студентом Л. Юкичем совершено покушение на бана Славко Цува, с апреля 1912 г. назначенного «королевским комиссаром». Среди его участников были В. Черина, сотрудник «Вала»; будущий писатель, а тогда гимназист, А. Цесарец и будущий известный литературный критик С. Галогожа. Напуганная протестными настроениями молодежи и популярностью югославянских настроений монархия ужесточает в Хорватии и так весьма суровый режим, а с началом Первой балканской войны проводится частичная мобилизация, запрещается целый ряд журналов, культурные мероприятия и выступления, организо-

ванные в поддержку балканской войны, воспринимавшейся как освободительная для всех южных славян.

В этом году происходит еще одно событие, правда, не имевшее общественного резонанса, но, тем не менее, весьма показательное для понимания умонастроения активной части хорватской молодежи того времени. Близкий этой группе молодежи и тоже вскоре ставший известным писателем Мирослав Крлежа бежит из Военной академии в Будапеште, курсантом которой он являлся, чтобы присоединиться к готовящейся к войне с Турцией Сербии (май 1912), а во второй свой побег он попадает в нее уже в самый канун Второй балканской войны (июнь 1913). На эпизоде с М. Крлежей я задерживаюсь более подробно, так как он, в силу оставленных автором свидетельств о времени и о себе, дает возможность представить состояние умов и чувств этой части хорватского общества. К интересующим нас годам Крлежа обращался неоднократно и непосредственно после них, и гораздо позднее, затрагивая как личные, так и общественные проблемы Хорватии, Балкан, Европы, всего человечества – в дневниках, текущей публицистике, книгах: «Поездка в Россию. 1925» (1926), «Поездка в Венгрию. 1947» (1953), «Мой расчет с ними» (1932), «Разговоры Мирослава Крлежи с П. Матвеевичем» (1974), в воспоминаниях «С Крлежей изо дня в день» (I–V, 1986), записанных Э. Ченгичем, многочисленных статьях, например, «О некоторых проблемах Энциклопедии» (1953, Крлежа был директором Лексикографического института, готовившего Югославскую энциклопедию) и, наконец, в своем последнем многотомном, преимущественно автобиографическом романе «Знамена» (I–V, 1977).

Выделю несколько моментов, относящихся непосредственно к нашей теме. Очень важно отметить, что Крлежа принадлежал к тому типу молодых людей, для которых с гимназических лет эстетические и политические увлечения были связаны неразрывно. Он родился в 1893 г., до 1908 г. учился в загребской гимназии, где и сдружился с А. Цесарцем, В. Чериной, с будущими руководителями КПЮ – Д. Цвиичем и Д. Хорватичем. В 1908 г. он направляется в Кадетскую школу в Печухе, а, окончив ее с отличием в 1911 г. и получив королевскую стипендию, поступает в Венгерскую военную академию – Людовициум – в Будапеште. Живя пять лет в казарме, он, однако, не терял связи со своими друзьями, и, как он писал, оставался под влиянием «предвоенного омладинского тумана нашей народной романтики с именами Супило, Мештровича, Назора, Пьемонта, ставшими символами «Sturm und Drang» того време-

ни»⁴. (Под югославским Пьемонтом выступала Сербия). Однако годы, проведенные в венгерской казарме, вырабатывают в нем обостренное чувство несовместимости с ней. «Греза о международной солидарности, читая Толстого, Петефи, Ибсена, сочиняя стихи, – делает он запись в дневнике, – я обрывал в себе последние нити, связывавшие меня с Австрией и португеей австрийского офицера»⁵. Все эти чувства обострились до крайности в канун балканских военных дней. Ему хотелось не только духовно быть связанным с друзьями, находившимися после покушения на бана в тюрьме или эмиграции, но и активно действовать. К 1911–1912 гг. Сербия становится для него неким идеалом: «Это было время, когда в задымленных кофейнях Пешта я сидел до поздней ночи, перелистывая антологию Богдана Поповича, и в тяжелой, душной атмосфере накаленных парламентских дебатов и рабочих забастовок, в этих стихах ощущал биение новых жизненных сил и иллюзий, которые нас в те годы так будоражили и так увлекали»⁶. Под впечатлением этих идей он и бежит в Сербию, чтобы вступить в борьбу с Турцией. Биограф Крлежи С. Ласич фиксирует его поездку в Белград в мае 1912 г. (в этом месяце, как уже отмечалось, в столице Сербии были также 150 хорватских студентов), во время которой он посещал военное министерство и некоторые другие государственные институты, но везде был встречен с сомнением и недоверием, от него требовали отказа от австрийского подданства и перехода в сербское⁷. Первый побег был неудачен. Во время второго, так как границы между Австрией и Сербией были закрыты, молодой человек по фальшивым документам окольными путями через Париж, Марсель и Салоники добирается до Скопье. Там его арестовывают как австрийского шпиона, и лишь случай помог ему избежать сербского военного суда. Он был отправлен в Белград и выдан Австрии, здесь арестован по требованию Людовициума, предан австрийскому военному суду, разжалован в рядовые и лишен права учиться в высших учебных заведениях империи.

Личный опыт столкновения с австрийской и сербской военщиной определил писательский интерес Крлежи к военной теме. «Сознательно я пережил обе балканские войны, а Первая мировая была третьей. Пережил их как огромный моральный шок. Они стали для меня огромным моральным шоком. То есть я понял, что такое вообще война. Эти три войны для меня важны, так как они сформировали меня как личность»⁸, – написал он в статье 1966 г. Естественно, надо учитывать, что приводимые оценки относятся к более позднему времени и содержат видение зрелого человека, но все же в них присутствует автобиографический момент, дух тех

лет, передается «ответ пожара кумановского сражения по всей стране», восприятие Первой балканской войны как «исторического факела, словно отдававшего посмертную честь и озарявшего бесчисленные могилы погибших поколений»⁹, а также разочарование, охватившее после Брегалницы, «преподавшей урок циничного макиавеллизма малых балканских династий», когда развеялись иллюзии «целого югославянского поколения» («О некоторых проблемах Энциклопедии») ¹⁰.

Уже осенью 1913 г., после, по его словам, «злополучного балканского похода» Крлежа задумывает свой «первый антивоенный, антимилитаристский роман»¹¹. Этот замысел позднее выльется в прославивший писателя цикл рассказов «Хорватский бог Марс», первый из которых – «Хорватская рапсодия» – появится в 1917 г. А в конце жизни он вновь вернется к этой теме и продолжит художественное осмысление событий 1913–1922 гг., в том числе «своих трех войн» – Балканских и Первой мировой, – в объемном романе, символически названном им «Знамена».

В центре этого произведения находится известный в мировой литературе конфликт поколений, но разработанный на специфическом хорватском материале. Поколение отцов олицетворяет Камило Эмерицкий-старший – высший чиновник государства, шеф Кабинета королевства хорватско-славонско-далматинского политического управления Австро-Венгрии, молодое поколение – его сын Камило Эмерицкий-младший (образ во многом автобиографический), прошедший трудный путь интеллектуального возмужания от романтического националиста, сподвижника террориста, затем югослависта и, наконец, сторонника коммунистических идеалов. В первых двух книгах романа на фоне Балканских войн, общественной и культурной обстановки в Хорватии тех лет и политических баталий в австрийских, венгерских и хорватских околоправительственных кругах раскрываются перипетии не только «хорватской, но и балканской, южнославянской, подунайской австро-венгерской, а, по сути, человеческой, исключительно человеческой, судьбы»¹². Внимание писателя приковано не к самим событиям – они лишь отправная точка, – а к вызываемым ими движениям мысли, передаче идейного, духовного поиска путей в многоголосой атмосфере разных мнений и взглядов. Почти все персонажи, и в первую очередь отец и сын, втягиваются в бесчисленные дискуссии, споры с самими собой, размышления по самым острым вопросам времени. Сменяя знамена, герой вновь и вновь подвергает рефлексии те или иные факты. Ключевые моменты, вокруг которых концентрируется действие, обрастают массой политических, исторических и

историко-культурных ассоциаций и аналогий, вовлекаемых в общий поток напряженной схватки идей. Одна из глав романа так и названа – «Негероическому времени вопреки».

На страницах произведения встречается множество лиц – и вымышленных и исторических – например, Франо Супило, Любомир Йованович Чула, Драгутин Димитриевич Апис, Стеван Михаилович Груич (я специально выбрала относящиеся к теме имена), лидеры хорватских и венгерских политических партий, цитируются телеграммы с фронта, упоминаются политические и культурные деятели прошлого и настоящего, многочисленные герои мировой художественной литературы и близкой автору – хорватской, сербской, венгерской. Немалую роль играет при этом и авторский голос, объективирующий разноречивые субъективные мнения, естественно, не теряющие образной формы. Приведу в качестве иллюстрации данную автором заключительную оценку Балканских войн: «Прошел год после Куманова, а перед рождеством в новогоднюю ночь Война уже стреляла пробками из-под шампанского на лондонских банкетах, и только было переселилась в Париж, в фешенебельные отели, чтобы урегулировать среди балканских народов кое-какие финансовые формальности, как вдруг была вызвана телеграммой, срочно вернуться домой. Вернулась, и точно молнией подошла всю Македонию, от Косова до Брегалници. Никто не верил, что балканским «цыганам» удастся отыскать лозунг, который их объединит, чтобы при помощи оружия низвергнуть турецкое владычество. Накануне битвы под Брегалницей не было человека, который мог бы поверить, что болгары, эти легендарные герои Кирк-Килиса и Люле Бургаза, проиграют войну. А песенка была спета: турки освободили большую часть Фракии, Балканский союз приказал долго жить; Лондонский мир лопнул; арнауты подняли восстание во имя свободы равенства и братства. В Косово свирепствует холера. И это было только начало, запомните хорошо, начало безумия всех народов...»¹³.

По роману нельзя восстановить ход исторических событий. Цель его в другом – воссоздать настроения и мысли людей, их ожидания и разочарования, и в целом – воссоздать мозаичную картину духовного состояния общества, подготовившего дальнейшее его очень противоречивое развитие.

Национально-югославянские настроения, получившие подпитку в канун и во время Балканских войн, насколько это было возможно, сохранялись и после них. В начале 1914 г. В. Черина начинает новое изда-

ние – двухнедельник «Вихор» («Vihoг», вышло 9 номеров), целью которого было «полное и всестороннее освещение всех современных вопросов культурно-национальной жизни Хорватов, Сербов и Словенцев»¹⁴. Для его сторонников по-прежнему образцами являлись Мештрович, Матош и Назор. Как написал в этом журнале в статье о Матоше И. Андрич «Вся Хорватия безобразно храпит. Бодрствуют только террористы и поэты»¹⁵, выразив охватившее общество пессимистическое настроение. В январе того же года в Риеке М. Марьянович издает еженедельник «Книжевне новине» («Književne novine», вышло 26 номеров), который объединяет на своих страницах сербских, хорватских и словенских авторов (О. Жупанчич, В. Назор, У. Донадини, Ю. Козак, И. Секулич). Здесь же были опубликованы первые пьесы М. Крлежа. Оба журнала вскоре были запрещены. И. Андрич (как член «Молодой Боснии») и И. Войнович (за свои югославянские взгляды) были арестованы, В. Черина, М. Марьянович и Т. Уевич отправились в эмиграцию, А. Цесарец и М. Крлежа рядовыми австрийско-венгерской армии сражались на фронте – один в Сербии, другой в Галиции.

Так заканчивалась эпоха Модерна и начиналась эпоха новых политических и эстетических идей, несколько отодвинутая Первой мировой войной, но не остановленная. Разошлись в разные лагеря деятели предшествующей эпохи. Уже в ходе Первой мировой войны с журналами У. Донадини «Кокот» («Kokot, 1916) и А.Б.Шимича «Виявица» («Vijavjca», 1917) в хорватскую литературу вошел экспрессионизм с его гиперболизацией вселенского хаоса и кричащим отрицанием войны как символа человеческого страдания. И. Андрич и М. Црнянский в 1918 г. основывают в Загребе журнал откровенно югославянской ориентации – «Книжевни юг» («Književni jug»), а в 1919 г. А. Цесарец и М. Крлежа начинают издавать первый литературно-общественный журнал социалистического направления «Пламен» («Plamen»), заложив основы революционной литературы Югославии. Тин Уевич и М. Марьянович, вернувшись из эмиграции, отошли от политики и активной общественной деятельности. При всем том эти во многом сформировавшиеся в первые десятилетия XX в. писатели вошли в первый ряд своих национальных литераторов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Филимонова А.И. Хорватские земли и Воеводина // Югославия в XX веке. М., 2011. С. 130–131.

² Фрейдзон В.И. История Хорватии. СПб., 2001. С. 229.

³ Цит. по: Šicel M. Povijest hrvatske književnosti: književnost moderne. Zagreb, 1978. Knj. 5. S. 52.

⁴ Lasić S. Krleža. Kronologija života i rada. Zagreb, 1982. S. 90.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. S. 93.

⁷ Ibid. S. 94.

⁸ Lasić S. S. 97.

⁹ Krleža M. 99 varijacija. Beograd, 1972. S. 45–46.

¹⁰ Lasić S. Ibid. S. 106.

¹¹ Ibid. S. 108.

¹² Ćengić E. Sa Krležom iz dana u dan. Zagreb, 1986. Knj. 1. S. 296.

¹³ Крлежа М. Знамена. М., 1985. Кн. 1. С. 464.

¹⁴ Цит. по: Šicel M. Povijest hrvatske književnosti... S. 55.

¹⁵ Ibid.

III

**События Балканских войн.
Деятельность общественных и
тайных организаций.
Оценки современников**

Балканские войны 1912–1913 гг. и организация «Черная рука»

Начало XX в. знаменовалось новым этапом развития балканского кризиса. 29 мая 1903 г. в результате кровавого переворота произошла смена правящей династии в Сербском королевстве, летом того же года крупное антитурецкое восстание вспыхнуло в Македонии, а в 1908 г. развился известный аннексионный кризис, который рассматривался в Сербии как национальное унижение и активизировал сближение славянских государств для совместной борьбы против Османской империи. Дальнейшие события развивались со стремительной быстротой. Взятие реванша за 1908 г. путем присоединения Старой Сербии и Македонии становилась для сербской политической элиты реальностью. В марте 1912 г. оформился сербско-болгарский союз. В мае – между Белградом и Софией подписана военная конвенция. Аналогичные соглашения были заключены между Болгарией и Грецией. В свою очередь, 1 октября 1912 г. черногорский король Никола издал указ о мобилизации своей армии. Военная машина была запущена. 8 октября 1912 г. Черногория – первая из балканских стран объявила войну Османской империи. 18 октября, не получив ответа на формальную ноту с требованием проведения реформ в Македонии под контролем балканских стран, армии союзников перешли турецкую границу¹.

Уже 23–24 октября 1912 г. 1-я сербская армия нанесла туркам крупное поражение под Куманово и 26 октября сербские войска вошли в Скопье (Ускуп)². 30 октября сербской армией был захвачен Призрен, а 4 ноября – Дьяково. Болгарская армия, в свою очередь, окружила Адрианополь (Эдрине); греческие войска осадили Янину, а 8 ноября заняли Битоль и Салоники. Положение османской армии стало критическим. В ходе кровопролитных боев в районе Битоли сербские и греческие войска соединились на северо-западе Греции в районе Флорины, что означало окончательное военное поражение Османской империи. 5 марта 1913 г. греки овладели Яниной, а 24 марта болгарская армия, при поддержке сербских частей, вошла в Адрианополь, что создало реальную возможность перехода Проливов под болгарский контроль. Российская дипломатия предприняла все возможные усилия для того, чтобы не допустить занятия османской столицы болгарской армией. В то же время сербские

войска предприняли военную экспедицию вглубь Албании, стремясь выйти к Адриатическому морю. К концу 1912 г. большая часть территории Албании попала под власть союзников.

30 мая 1913 г. в Лондоне были подписаны мирные соглашения, согласно которым практически вся европейская Турция переходила под контроль держав-победительниц. Стамбул уступал союзникам всю территорию к западу от линии Энез-Мидье, кроме Албании, которая должна была получить независимость. Однако окончание Первой балканской войны отнюдь не гарантировало установления на Балканах мира. Именно на Лондонской конференции родились истоки Второй балканской войны. На Адриатическом побережье образовывалось самостоятельное албанское государство, которое провозглашалось независимым от Турции и нейтральным княжеством с князем, назначаемым великими державами. Им стал германский принц Вильгельм Вид. Таким образом, Сербия лишалась надежд на выход к морю, взамен которого был предложен коммерческий порт на юге. По решениям этой же конференции, Румыния получила Силистрию. Компенсировать неудачу сербские политические и военные круги пытались за счет присоединения как можно большей части македонской территории, рассчитывая тем самым осуществить выход к Эгейскому морю. Столкновение двух вчерашних союзников – Сербии и Болгарии – стало неизбежностью. 1 июня 1913 г. Сербия и Греция подписали военную конвенцию, к которой присоединилась Черногория. Просербскую позицию заняло румынское руководство.

29 июня 1913 г. II и IV болгарские армии напали на сербские и греческие позиции в районе Брегалницы³. Умеренный кабинет Гешова, который предлагал решить вопрос о территориальных претензиях с помощью международного арбитража, вышел в отставку за месяц до начала новых военных действий. Вторая балканская война началась. В начале июля войну Болгарии объявили Румыния и Турция. 20 июля 1913 г. оправившиеся от поражения турецкие войска вступили в Адрианополь. И уже в конце того же месяца Болгария запросила мира. 30 июля в Бухаресте открылись мирные переговоры, завершившиеся подписанием 10 августа 1913 г. соответствующих соглашений. Сербия получила не только спорную, но и большую часть болгарской зоны в Македонии. Греция – южную Македонию, Салоники, часть Западной Фракии. Румыния получила Добруджу. 29 сентября между Болгарией и Турцией был подписан Константинопольский мир, согласно статьям которого, к Турции переходили обратно Восточная Фракия и Адрианополь. Болгарии удалось сохранить

за собой лишь Западную Фракию, дававшую ей выход в Эгейское море. По словам болгарского министра И. Гешова, «мученик возвышенного идеала, который он поставил себе в своей непреложной цели, Балканский союз умер мученической смертью»⁴.

Таким образом, Болгария, которая, по словам того же Гешова, «была ограблена, погублена, унижена, обесславлена»⁵, потеряла не только большую часть своих недавних завоеваний, но и некоторые исконные территории, что окончательно толкнуло ее в объятия германской политики. Д. Бьюкенен – посол Великобритании в России в 1910–1918 гг. отметил: «Бухарестский мир с удовлетворением был приветствуем императором Вильгельмом по вполне понятным причинам. Этот мир переделал все, что сделала Первая балканская война, и создал такое положение, которым прекрасно воспользовалась Германия в начале Европейской войны. После его подписания король Фердинанд, как говорят, сказал: “Ma vengeance sera terrible” (моя месть будет ужасна), – и он сдержал свое слово»⁶. Управление страной взяли в свои руки представители Либеральной партии, придерживавшиеся прогерманской и проавстрийской ориентации в достижении идеала Сан-Стефанской Болгарии. По словам российского министра иностранных дел С.Д. Сазонова, «горечь обманутых надежд и затаенная злоба против тех, кого они считали виновниками испытанных ими разочарований, поставили судьбы болгарской политики в тесную связь с венским кабинетом, как это наглядно доказала мировая война 1914 года»⁷.

Общим итогом Балканских войн стало включение в состав Сербии части территории Ново-Пазарского санджака, создание общей границы между Сербией и Черногорией. В состав Сербии вошла также Вардарская Македония. Территория Сербского королевства значительно расширилась; почти в два раза – до 4,5 млн. человек – увеличилось и население страны. Казалось, мечта сербской военной и политической элиты о Сербии как новом «Пьемонте» близка к осуществлению. Однако вхождение в состав Королевства новых земель, населенных несербским населением, требовало решить проблему их интеграции в состав Сербии, что только усугубило внутривнутриполитический кризис между правящей Радикальной партией и офицерским корпусом. Конфессиональный и религиозный состав населения новоприобретенных территорий также был крайне сложен. Еще в декабре 1904 г. полковник Ф.А. Шостак, посланный в Македонию в составе международной жандармерии, образованной в соответствии с решениями Мюрцштегской конвенции, отмечал, что на обо-

стрение ситуации в регионе влияет не столько греко-болгарско-сербская вражда, сколько состояние самого местного населения, к началу XX в. так и не сумевшего решить этноконфессиональный вопрос: «Кто мы?» Он пишет: «В остальных участках борьба между местными жителями-патриархистами и экзархистами на почве церковно-школьного соперничества продолжается беспрерывно, разжигаемая комитскими деятелями; в ней принимают участие, главным образом, недовольные священники и учителя, хотя и амнистированные, но лишённые права вернуться к своей прежней деятельности, – и убийства следуют за убийствами, совершенные к тому же зачастую с проявлением чисто зверской жестокости. Называть эту борьбу исключительно расовой, греко-болгарской, будет вряд ли правильно: почти все враждующие говорят по-турецки, и по-гречески, и по-болгарски, но в обоих последних случаях объясняются наречием настолько перемешанным словами из других двух языков, что ни греки, ни болгары их сразу и не поймут, как и они не понимают говорящих на чисто греческом или северно-болгарском языках. Поэтому будет, вероятно, правильнее всего считать их всех *македонцами* (выделено в оригинале. – Я.В.), но одних патриархистами, а других экзархистами; первые, пока остаются патриархистами, называют себя греками, а перешедшие в экзархисты, хотя и звались до этого греками, тотчас переименовывают себя в “болгар”. Мне пришлось встретить семью, где отец-патриархист называл себя греком, мать-экзархистка – болгаркой, старший сын, оставшийся патриархистом, значился греком, брат его – болгарин. Со смертью отца, сын – патриархист перешел также в экзархисты и из грека сделался болгарин»⁸. К 1912 г. ситуация в крае никак не поменялась, что дало повод российскому корреспонденту газеты «Раннее утро» – свидетелю событий Первой балканской войны, язвительно заметить: «Я забыл упомянуть еще одну национальность – “македонцев”, впрочем, кто-то удачно сострил, что македонцы – это не национальность, а профессия. Их очень много, происхождения они разного и на вопрос о национальности гордо отвечают: мы македонцы. Они-то и есть главные сеятели смут и политических интриг, попеременно служа сегодня Болгарии, завтра Сербии, а там и Турции, – в зависимости от того, кто больше платит»⁹.

Именно поэтому вопрос об управлении, создании новых административных учреждений, статусе новых земель стоял крайне остро, хотя сербский премьер Н. Пашич в беседе с корреспондентом российского телеграфного агентства в Вене В.П. Сватковским весьма оптимистически оценивал положение вещей. «Нет, – говорил сербский премьер, – маке-

донцы будут спокойны. Главное, священников их уже прислали к нам. Мы будем платить им жалование не менее 50 франков в месяц, вместо прежних 30–40 и они будут довольны объяснить народу перемену положения. Одной из главных задач будет обеспечить население от террора болгарских банд, и это нам удастся легче, нежели туркам»¹⁰.

Причем еще в ходе Первой балканской войны сербские военные власти не только показали полную административную неспособность в установлении общего порядка на захваченных территориях, но и открыто выражали презрительное отношение к местному христианскому населению¹¹. Вот, например, как описал Н. Шевалье первые часы пребывания сербской армии в Ускюбе (Скопье): «Не хватало выдержки даже на первое время скрыть свою традиционную вражду к болгарам и грекам, в особенности к первым, и не успело население Ускюба, преимущественно болгары, выкинуть для встречи войск, кроме сербских, также болгарские национальные флаги, как ретивые сербские войники, обходя дома, срывали болгарские и греческие флаги, указывая вывесившим их домовладельцам, что Ускюб и Северо-Западная Македония – отныне составляют сербские владения, и что в восстановленной Старой Сербии иноземным флагам незачем развеиваться. Болгарское население, политически более развитое, чем сербы, и руководимое столь просвещенным и гуманным пастырем, как болгарский митрополит Неофит (русский воспитанник, кончивший Киевскую духовную академию), не желая омрачать торжества первых дней освобождения христиан Македонии от многовекового турецкого ига, сдерживало свой справедливый гнев и молча переносило обиды»¹². Шевалье при этом показательно резюмировал: «Армия престолонаследника Александра вступила в Ускюб с большим запасом патронов и снарядов, с громадным воинским пылом, но упустила захватить с собой хотя бы немного культуры и христианской любви к ближнему»¹³.

Причем устанавливаться такой «новый порядок» стал не только в Македонии, но и в Старой Сербии¹⁴, в том числе и при непосредственном участии сербских четников, что прекрасно иллюстрируют воспоминания того же Н. Шевалье. Вот как он описывает их бой с арнаутами у деревни А-во: «Арнауаты не приняли удара и разбежались по разным углам своей деревни. Вот тут-то началась расправа: четники обстреливали все дома арнаутов, не пропуская буквально ни одного окна, ни одной двери; через три часа ответные выстрелы арнаутов прекратились, и в деревне словно все вымерло; тогда четники приступили к обходу всех домов и находили в них одних стариков, детей и женщин, забаррикадиро-

ванных в задних помещениях. Везде валялись раненые и трупы, а там, где случайно уцелел арнаут, его приканчивали ятаганом.

– Мы кончили обход, – рассказывает воевода, – как вдруг мимо нас стали пролетать пули; мы огляделись и увидели арнаутку лет 45, спокойно целившуюся в нас.

– Я повалил ее из винтовки и приказал четникам обыскать *как следует* (выделено в оригинале. – Я.В.) все дома, женщин и детей.

– Теперь, закончил воевода, там все спокойно. Я не хотел его смущать щекотливыми вопросами, и без того догадавшись, какой ценой достигнуто это спокойствие в албанской деревне. Четники, неруководимые офицерами регулярных войск, не блещут великодушием и рыцарством»¹⁵.

Даже если предположить в этих словах некоторое преувеличение, свойственное усердию пера российского репортера, то все же общая картина положения населения новоприсоединенных областей выглядит весьма реалистично, что иллюстрируется мемуарами российского посланника в Сербии Г.Н. Трубецкого, дважды побывавшего в Митровице, – в 1908 и 1915 гг. Сравнивая свои впечатления от «столицы разбойничьего царства», он отмечал, что в 1908 г. «во всей Митровице только двое носили европейские шляпы – это были русский и австрийский консулы». Он подчеркивал, что «на меня пахнуло тогда какими-то отдаленными временами, словно это была Запорожская Сечь. И, конечно, Албания была сплошной вольницей, а Митровица каким-то разбойничьим гнездом». Осенью 1915 г. российский дипломат с удивлением увидел, что «прежние времена сменились новыми. Я не узнал гордых арнаутов. Куда делись эти молодцы, щеголявшие своими кинжалами, пистолетами и винтовкой? Как потухли их взоры, сверкавшие мрачным пламенем, как поникли их головы! <...> Вся эта перемена была достигнута не только завоеванием края у турок, но и суровым беспощадным подавлением албанского восстания после войны, когда целые селения почти поголовно исчезали с лица земли и пощады не давалось иногда даже детям. Странно было теперь видеть арнаутов, чинящих дорогу под наблюдением прикрикивающего на них старого досмотрщика – серба»¹⁶. Трудно в этой связи не согласиться с мнением популярного в начале XX в. русского писателя Е.Н. Чирикова, также побывавшего на фронте Первой балканской войны как корреспондент газеты «Киевская мысль», который образно заметил: «Вообще эту войну приличнее называть войной мести, чем

идеализировать ее поэтическими эпитетами “борьбы за освобождение братьев”»¹⁷.

Такое «умиротворение» стало возможным благодаря жесткому курсу правительства Н. Пашича. В конце 1913 г. возглавляемой им Радикальной партией для освобожденных краев было разработано дискриминационное «Положение об общественной безопасности», фактически дискредитировавшее всю систему сербской власти на данных сложных полиэтничных территориях, что только усилило проблему межнациональных и межэтнических отношений. Согласно его статьям, «не признающие государственной власти, скрывающиеся от нее, только за это проявление возмущения наказываются до 5 лет каторжных работ. Свидетельством наличия такого уголовного дела является решение полицейских властей, объявленное в общине, откуда родом мятежник (бунтовщик, непокорный). Подобного мятежника имеют право убить все находящиеся на государственной службе, а также и военные лица, если он не сдастся им по первому требованию. Если в какой-либо общине произойдет несколько случаев непризнания государственной власти (мятежа) и мятежники в 10-дневный срок не вернутся по требованию полицейских властей по домам, то полицейские власти имеют право расселить их семью, куда будет признано удобным. Точно также могут быть расселены обитатели тех домов, в коих укрывалось оружие или вооруженные люди, или преступники вообще; кроме того, виновные подвергаются еще и наказанию согласно настоящему положению. Решение о расселении выносит начальник округа, в котором находится селение. Решение выполняется немедленно и безапелляционно. Кто, зная совершителя какого-либо преступления, не пожелает об этом донести, наказуется каторжными работами до 5 лет»¹⁸. Действительно, такие меры смогли на некоторое время принести во вновь присоединенные края внешнее успокоение. Однако взаимная ненависть на ментальном уровне была столь же остра, как и глубока. Понятно в этой связи, что только одними репрессиями решить вопрос о глубинной интеграции новых территорий в состав Сербии было невозможно.

В свою очередь, «маленькие победоносные войны» окрылили не только многих сербских политиков. У сербской военной элиты, значительная часть которой была связана с организацией «Объединение или смерть», также появилась реальная возможность осуществить свои планы по собиранию «еще не освобожденных земель». Следующим шагом могло стать присоединение к Сербии славянских земель, находившихся под

властью Австро-Венгрии. Опять, как в 1908–1911 гг., встал вопрос о том, какая внутренняя сила будет играть решающую роль в этом процессе, а вместе с тем и в общей политике страны. С. Чиркович отметил по этому поводу: «В ходе Балканских войн были серьезно поколеблены два основополагающих принципа прежней политики Сербии – этничности и парламентской демократии. Завоевания в Албании и Македонии показали, что Сербия выходит за рамки отстаиваемой десятилетиями стратегии освобождения сербского народа. Предстоящая же схватка с Турцией стала причиной усиления военных кругов, и без того влиятельных после переворота 1903 г. Наряду с конституционными факторами – королем, кабинетом и парламентом – политику государства стала определять и группа офицеров во главе с полковником Драгутином Димитриевичем Аписом (1876–1917). Офицерская организация “Объединение или смерть” (“Черная рука”) выступала за агрессивную внешнюю политику, поддерживала связи с сербскими организациями в соседних государствах, а также занималась разведывательной деятельностью. Офицеры, полагавшие, что военный режим лучше подходит для достижения целей национальной политики, сформировали особый центр влияния, который угрожал существованию демократии и парламентаризма в Сербии»¹⁹. В этом контексте курс правящей Радикальной партии на ускоренное создание «новой», послушной армии был очевиден. Н. Пашич в беседе с В.П. Сватковским в октябре 1913 г. особо подчеркнул, что «наша первая задача, к которой мы приступим немедленно, это реорганизовать и увеличить армию до полумиллиона», причем строевых частей – «400 тысяч штыков, 100 тысяч артиллерии, кавалерии и технических войск». Сербский премьер планировал также пропорциональное увеличение численности офицерского состава²⁰. В свете новых перспективных задач, устранение политического влияния офицеров–“чернорукцев” стало первоочередной задачей правительства Пашича. В этой же связи В.А. Артамонов особо подчеркивал: «С окончанием первой войны отношения радикалов и военных вообще стали натянутыми, как из-за вопроса о способе управления новыми краями, так и по поводу сербо-болгарских отношений. Опасаясь возобновления “милановщины”, личного режима, пользовавшегося армией против радикалов, последние стараются держать военных в руках. Некоторые полагают даже, что разлад в офицерском корпусе считается радикалами до известной степени благоприятным явлением, с партийной точки зрения»²¹.

Российский дипломатический корпус также со всей серьезностью следил за непростыми отношениями военных и политических кругов страны. В одном из своих донесений, отправленном 23 июня (6 июля) 1914 г., т. е. буквально сразу после печально знаменитого Сараевского выстрела, посланник в Цетинье А.А. Гирс резюмировал причины нового внутривосточного кризиса в стране: «Сербские офицеры, громадное большинство которых прямо или косвенно причастно к государственному перевороту 1903 г., всегда были, как и весь народ, демократичны до мозга костей. Патриотизм их вне всяких сомнений; но после насильственного удаления Обреновича они заразились, так же, несомненно, преторианским духом, а две балканские войны возрастили в них крайнее самомнение. Уверенные, что сербской армии придется в недалеком будущем сыграть большую роль в деле укрепления сербского государства, они уже заблаговременно заботятся о сохранении за нею первенствующего в стране положения и ведут упорную борьбу с гражданской властью, олицетворяемую в настоящее время радикалами с Пашичем во главе»²². Он же отмечал далее: «Привязанности к той или другой династии у них нет; предвидя неминуемое объединение Сербии и Черногории, они пока мало озабочены вопросом о том, кто окажется на объединенном сербском престоле, одинаково отрицательно относясь и к королю Петру, и к королю Николаю. Им нужно процветание сербства, и ради него они не остановятся ни перед какими династическими соображениями. Такие взгляды и задачи лежат в основе деятельности существующего среди офицеров общества «Црна Рука», преследующего исключительно патристическую в вышеприведенном толковании – цель. Общество это действует негласно, правительством игнорируется, но не преследуется; настроение членов его по отношению к королю Петру враждебное. Во время пребывания в России наследного королевича Александра (в янв.-февр. 1914 г.) несколько офицеров членов общества «Черной руки», под впечатлением известий о благосклонном приеме, которого удостоился сербский престолонаследник при русском дворе, явились к королю Петру и предложили ему воспользоваться благоприятно слагающимися для Сербии обстоятельствами и отречься от престола в пользу своего сына, отличившегося во время войны. Король, как потом рассказывали, ответил офицерам, что добровольно он не отречется ни в коем случае и предпочитает погибнуть от руки требующего такого отречения. На это офицеры ответили, что такую цену они не желают добиться перехода престола в другие руки. Нельзя не признать, что нынешние на-

строения многих сербских офицеров чреваты всякими последствиями. Трудно сказать, каково будет их поведение в ближайшем будущем, но очевидно, что они сохраняют господствующую роль во всех событиях, в которые развернется то, что ныне происходит на почве сербо-черногорского объединения и *last but not least* – отношений Сербии к австро-венгерской монархии (курсив наш. – Я.В.)»²³. Российский посланник при этом подчеркнул, что «короля Петра офицеры уже давно упрекают в том, что преувеличенно, по соображениям личного эгоистического свойства, истолковывая свои обязанности конституционного правителя, он не только не принимает действительного участия в делах армии, но и не обнаруживает никакого интереса к жизни и трудам офицеров, уклоняясь даже от установленных обычаем внешних проявлений своей связи с армией, как ее верховного вождя»²⁴. Внутриполитическая ситуация в стране накануне Первой мировой войны все более напоминала сценарий недавних событий 29 мая 1903 г.

В январе 1914 г. в отставку был отправлен военный министр М. Божанович, причем поводом к разбирательству стал поступок члена «Черной руки» В. Вемича²⁵, застрелившего в ходе Первой балканской войны солдата, который отказался выполнить его приказ. Осенью 1913 г. военный трибунал приговорил его к 10 месяцам (sic!) тюрьмы, причем одновременно, за проявленную храбрость в боях Вемич был произведен в майоры и награжден золотой медалью. В этой же связи король издал указ о его помиловании. Эта история стала поводом для нападок на министра со стороны радикального печатного органа – газеты «Самоуправа»²⁶. В.А. Артамонов, однако, прямо указывал главные причины отставки военного министра: «Главною, однако, причиной недовольства кабинета генералом М. Божановичем является подозрение, если не убеждение, что генерал действует по указанию “военной партии”, основанной для борьбы с радикалами, мешающим в дела армии, разводящими “аферы” и недостаточно энергично стремящихся к объединению всех сербов в одном государстве»²⁷.

Н. Пашичу в борьбе с «црнорукцами» удалось провести на пост главы военного ведомства своего ставленника. В.А. Артамонов в донесении от 23 декабря / 10 января 1914 г отмечал по этому поводу: «Между тем, Н. Пашичу удалось найти весьма подходящее лицо на пост военного министра. 4 января состоялось решение, а 5 января подписан указ о назначении военным министром Душана Стефановича. Это назначение встречено весьма благоприятно обществом, в виду весьма хорошей репу-

тации нового министра. Полковнику Д. Стефановичу 43 года; он офицер генерального штаба, пожелавший перевестись в пехоту по антипатии к партийному духу, царящему в сербском генеральном штабе; командовал не менее 5 лет полком, в том числе во время обеих кампаний. После войны выполнял очень трудную обязанность председателя комиссии по разграничению с Грецией, и, наконец, только что был назначен на важный для сербов пост военного агента в Румынии»²⁸. Столкновение стало неизбежным. Именно поэтому разразившийся вскоре «спор о приоритете» имел под собой более глубокие основания, чем просто вопрос о том, кто будет иметь старшинство в новоприсоединенных территориях – гражданские или военные власти.

Формальным поводом к началу нового противостояния явилось издание сербским правительством указа о порядке отправления церковной службы по поводу сербских побед в Балканских войнах. Отныне почетные места у алтаря должны были занимать не офицеры, а сербские чиновники. Указ о «старшинстве гражданских властей в Новой Сербии над военными» был введен по инициативе министра внутренних дел Стояна Протича и предполагал введение первенства гражданских чинов над военными при всех тожественных церемониях. При этом, как доносил В.А. Артамонов, в июне 1914 г., «условия жизни в Новой Сербии схожи с условиями самых заброшенных углов Дальнего Востока: правительство не находит желающих служить там, несмотря на 10% прибавки содержания. При необходимости внезапно удвоить весь административный персонал в государстве пришлось взять на службу многих заведомо негодных чиновников. Их плохое поведение, вымогательства и проч. дискредитировали сербское управление и, естественно, офицерский корпус, поставленный распоряжениями министра внутренних дел в подчиненное положение, на второе место в крае, который они только что завоевали и который, в сущности, находится на “военном положении”. В небольшом городке какой-нибудь срезский мальчик, т.е. полицейский начальник, молодой человек, часто едва лишь покинувший школьную скамью, оказывается во всех случаях, при всех церемониях старше полкового командира, полковника»²⁹.

Непосредственным поводом к изданию соответствующего указа послужил открытый конфликт в Битоли между одним из руководителей «Черной руки», начальником дивизии генералом Дамианом Поповичем и начальником местного округа, что вылилось в очередной министерский кризис. Д. Попович демонстративно подал в отставку. К весне 1914 г.

события достигли своей кульминации. Была распущена Скупщина, а Н. Пашич подал в отставку, однако в мае 1914 г. король возвратил его на пост главы правительства. Российский военный агент отмечал в донесении от 4(17) июня 1914 г.: «Война объединила всех; мелкие дрязги, различия в мнениях о способе создания Великой Сербии – все было забыто. Но уже после первых успехов начали происходить мелкие недоразумения и неприятности между радикалами и военными. Последние, реабилитированные войною, подняли высоко голову. Члены правительства, депутаты Скупщины, приехавшие посмотреть Скопье и рассчитывавшие на удобства при железнодорожном переезде, были весьма нелюбезно встречены начальником военных сообщений, полковником К. Смиляничем, которому вагоны и поезда были чрезвычайно нужны для военных перевозок. Вскоре засим какой-то господин, родственник министра финансов г. Пачу, пожелал устраивать в Скопье какие-то гешефты, перевозить свои товары и требовал незаконных послаблений. Помощник начальника полевого штаба генерал Живоин Мишич без церемонии отделал этого господина, а в частном разговоре отозвался оскорбительно и о самом министре. К тому же генерал Мишич не скрыл своего мнения о необходимости для Новой Сербии военного управления в течение известного периода лет, чтобы честным и справедливым управлением привлечь население на сторону Сербии. Это не совпало с планами радикалов»³⁰.

На сторону обиженного офицерского корпуса встали «младорадикалы» – Л. Давидович, М. Драшкович³¹ и либерал В. Велькович, вступившие в прямой контакт с Дмитриевичем-Аписом. В стране назрела реальная опасность нового военного переворота – повторения событий мая 1903 г. Дмитриевич, через помощника командира Шумадийской дивизии полковника Плазину, переправил в Македонию письмо своему родственнику подполковнику Душану Глишичу, в котором содержался прямой призыв к военному путчу, причем Апис настаивал на походе войск из Скопье в сербскую столицу³². После смены власти в Македонии, продолжение событий следовало бы ожидать уже в самом Белграде. Однако вопреки воле Аписа, его инструкции исполнены не были, поскольку офицеры восприняли этот план как авантюру, граничащую с безрассудством. «Прошу вас отказаться от того пути, на который вы задумали встать, поскольку вас на том пути никто не будет сопровождать. Мы должны довести сие до вашего сведения, чтобы вы не допустили какую-то непоправимую ошибку, которая станет фатальной для страны и для вас», – написал в ответном письме подполковник Глишич³³. Апис же в

борьбе с радикалами еще больше усилил контакт с сербской оппозицией. В.А. Артамонов писал в донесении от 4(17) июня 1914 г.: «Особенно деятельное заступничество за унижаемый офицерский корпус проявили “молодые радикалы”, вошедшие, по-видимому, в соглашение с воеводой Путником и “Черной рукой” об отмене “уредбы о приоритете” в случае перехода власти к оппозиции. Было очевидно, что даже и король недоволен отношением радикалов к офицерскому корпусу. Однако, так как оппозиционные партии не смогли столкнуться по вопросу об общей программе, о коалиционном кабинете и совместном производстве выборов в новую Скупшину, то, в конце концов, король оставил у власти кабинет Пашича, сделавшего известные уступки; а именно “уредба о приоритете” будет изменена в том смысле, что гражданские власти будут занимать первое место лишь при церемониях, имеющих политический характер, а во всех остальных случаях старшинство представителей гражданских и военных властей будет определяться по их чинам и получаемому содержанию»³⁴.

В свою очередь, Н. Пашичу удалось привлечь на свою сторону главу российской дипломатической миссии Н.Г. Гартвига, поскольку, по словам Ю.А. Писарева «русская дипломатия вынашивала в это время идею восстановления Балканского союза, и ей казались опасными авантюрные планы организации “Черная рука”»³⁵. Этот же факт отмечает Н.П. Полетика, по мнению которого, «“Черная рука”, которую Гартвиг не мог контролировать, стала опасна для проведения его политики, что привело его к полной поддержке Пашича. Сербский премьер, в свою очередь, расставил для членов “Черной руки” “опасные сети”»³⁶. Сам же Н.Г. Гартвиг, в оправдание собственных действий, отмечал, что общество «Черная рука», которое «пользуется всяким походящим случаем, чтобы сеять раздор и неудовольствие среди военных», «никогда не встречало ни малейшего сочувствия со стороны армии, благоразумно воздерживающейся от вмешательства в дела внутренней политики»³⁷.

На сторону Пашича, под влиянием российского посланника в Белграде, окончательно склонился престолонаследник Александр. Как заметил сам Гартвиг, «питая глубокое уважение и доверие к Пашичу, престолонаследник, одно время увлекшийся, наравне с воинствующей партией, успехами сербского оружия, готов был осудить премьера за нерешительность действий; но вскоре, под влиянием дальнейших событий, он осознал свою ошибку и ныне является самым ярким сторонником осторожной и благоразумной политики первого государственного мужа

Сербии»³⁸. Британский исследователь Первой мировой войны С. Фей резюмировал в этой же связи: «Князь Александр первоначально покровительствовал этой организации. Говорят, что он дал 26 тыс. динаров в виде субсидии ее газете “Пьемонт”, а также делал разные подарки офицерам и оплатил Димитриевичу расходы по лечению осенью 1912 г.³⁹ Но тогда он дал понять, что хотел бы стать во главе этого общества, а офицеры по разным соображениям не пожелали понять этот намек, то князь Александр почувствовал себя обиженным. С этого времени между ним и организацией “Черная рука” началось отчуждение, которое усилилось еще больше, когда он принял сторону Пашича и радикалов в так называемом “вопросе о приоритете”»⁴⁰.

На фоне «спора о приоритете» разгорелся еще один скандал, связанный с ревизией расходуемых средств «Офицерской задруги» – организации, объединявшей всех офицеров сербской армии, председателем которой стал Д. Попович – «родоначальник» конфликта. По словам Артамонова, «его выступление как бы в защиту умышленно принижаемого радикалами офицерского корпуса создало ему популярность» и, как следствие, способствовало единогласному избранию его в председатели офицерской «Задруги»⁴¹.

В то же время вопрос учета расходуемых «Офицерской задругой» средств стал еще одним поводом для столкновения офицерских кругов страны с лидерами радикалов. В.А. Артамонов в мае 1914 г. указывал, что причины столкновения офицеров с радикалами связаны, «во-первых, с указом о старшинстве в Новой Сербии гражданской власти над военными властями, а во-вторых, с ревизией отчетности Офицерской задруги, прекратившей с января 1911 года выплаты процентов по займу в 4 млн. франков в петербургский международный коммерческий банк. К апрелю 1914 года задолженность по просроченным векселям составила 2143023,40 франков, а по векселям, срок платежа которых еще не подошел, – 1625000 франков⁴². В связи с этим офицерская задруга обратилась к правлению банка с предложением оплатить «немедленно все причитающееся с нее в настоящее время проценты. Что же касается капитального долга, то такое имеет быть произведено в течение 8 лет 96 равными долями»⁴³. При этом, российский военный агент особо подчеркивая, что «известные суммы расходовались на патриотические великосербские цели, на поддержание великосербского журнала “Пьемонт”», пишет о причастности к этим делам не только известного сербского генерала Р. Путника («многое очевидно, делалось с молчаливого согласия или

попущения воеводы Путника»), но и самого наследника Александра. «Как мне весьма доверительно сообщил посланник, осведомленный Н. Пашичем, перед ревизией Задруги вексель генерала Путника на 9000 франков, полученных им из Задруги, был погашен королевичем Александром из личных средств»⁴⁴.

А вот, что говорится в уже упоминавшемся нами донесении А.А. Гирса Г.Н. Трубецкому от 6(23) июля 1914 г.: «Возникший между Пашичем и офицерством конфликт на почве проверки деятельности “Офицерской задруги” – явление частичного порядка в общей планомерной борьбе с правительством известных кругов армии, получившее остроту благодаря тому обстоятельству, что центральной фигурой его явился в тот момент Дамиан Попович, командующий войсками под Скутари и в некоторых других пунктах Албании. Попович – один из самых видных участников низвержения и убийства короля Александра. После того, как правительство решилось, наконец, от него освободиться и уволило его в отставку (под предлогом непринятия надлежащих мер для отражения албанского набега), офицерство, в виде протеста, поспешило избрать его в совет своей “Задруги”. Конфликт был вслед за тем перенесен в Скупщину, но возникший при этом министерский кризис разыгрывался не по поводу отставки Поповича, а на почве столкновения между гражданскими и военными властями в Новой Сербии, где последние, как известно, потребовали признания за ними преимущественных перед первыми прав управления. Кризис разрешился, впрочем, довольно быстро; выйдя временно в отставку, Пашич снова стал во главе правительства, и дело о Дамиане Поповиче пока заглохло, но надолго ли, сказать нельзя. *Весь этот эпизод имел, однако, только один вполне определившийся результат, а именно, усиление недовольства офицерства королем Петром* (курсив наш. – Я.В.)»⁴⁵.

В свою очередь, В.А. Артамонов оценивал эти события следующим образом: «Оппозиция воспользовалась случаем для нападков на правительство и вступилась за оскорбленный офицерский корпус, обвиняя правительство в дурном управлении новыми краями, в стремлении унижить офицерский корпус, и т. д. Правительство в лице министра внутренних дел старалось обвинить некоторую часть офицерского корпуса (пре-словутую „Черную руку“) в стремлении к преторианству, а Задругу в плохом бесконтрольном управлении, неисполнении своих обязательств по отношению к С.-Петербургскому банку и расходовании управляющим Задругой чиновником Ч. Йовановичем средств Задруги на посторонние

цели (например, издание газеты “Пьемонт”, органа военной партии и т. п.). Вероятно, эти вопросы (о старейшинстве властей, об упорядочении дел в Офицерской задруге) могли бы быть решены и приведены к благоприятному результату без шума и без создания недовольства в известной части офицерского корпуса. Нетактичность, резкость, грубость некоторых членов правительства (С. Протича, В. Янковича) сплотила против правительства офицерский корпус и заставила в лице его делегатов на выборах управления Офицерской Задруги выступить демонстративно против правительства. Остается сожалеть об этом, так как такого рода столкновения подрывают престиж и правительства и офицерского корпуса за границей, а вместе с тем в бесплодных прениях тратится время на заседаниях Скупщины, тогда как спешные заказы вооружения ожидают, когда дойдет до них очередь»⁴⁶.

В этой ситуации король Петр, чья власть балансировала между армией и правительством, решил уйти из большой политики. Уже 11(24) июня 1914 г., т. е. за четыре дня до Сараевского покушения, был обнародован королевский указ о возложении монарших прерогатив на престолонаследника Александра, ставшего принцем-регентом при своем престарелом отце. Желание «Черной руки» формально было выполнено. Однако это была «пиррова победа» Аписа. Пашич, в свою очередь, 16 июня 1914 г. сформировал новый «послушный» кабинет министров, нанеся, таким образом, скрытый удар по «Черной руке».

Столкновение военных и политических кругов страны в 1913–1914 гг. окончилось победой сербского правительства и Радикальной партии, а по позициям «Черной руки» был нанесен существенный удар, что привело к значительному ослаблению ее влияния на политику страны. Однако канун Первой мировой войны сербское государство встретило в состоянии очередного политического кризиса, носившего системный характер. Генерал Панта Драшкич в своих мемуарах весьма показательно подметил эту внутреннюю черту сербской политики, проходящей красной нитью через всю государственную историю страны начала XX в.: «Как только мы, сербы, перестаем ожидать опасность, мы немедленно начинаем грызться между собой»⁴⁷. Выход из сложившейся ситуации мог быть только один – уничтожение одной из сторон конфликта. «Спор о приоритете» открыл это противостояние. Закончил его знаменитый Салоникский процесс 1917 г., приведший к окончательной ликвидации организации «Черная рука».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Начало Первой балканской войны вызвало сильнейший патриотический подъем среди населения Сербии. Как замечал по этому поводу российский журналист И. Табурно, – свидетель событий 1912–1913 гг., на призывные пункты в течение первых трех дней после объявления мобилизации явилось 95% призывников. Через неделю их было уже 98%. «Бывали случаи, – отмечал российский корреспондент, – что офицеры, лишённые физической возможности участвовать в походе вследствие тяжелой болезни, в отчаянии застреливались» (*Табурно И. О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.).* СПб., 1913. С. 23).
- ² Сербские войска были разделены на четыре армии. Первой командовал королевич Александр, второй – Степа Степанович, третьей – Боже Янкович, четвертой – Михайло Живкович. Описание боя под Куманово приводится в книге И. Табурно (см.: *Табурно И. Указ. соч. С. 36–55*).
- ³ Отметим, что российский военный агент в Сербии В.А. Артамонов категорически отказался ехать на театр военных действий Второй Балканской войны. Объясняя сербскому монарху причины своего поступка, он подчеркнул, что не получал соответствующих инструкций, а кроме того, «совершенно воздержался от этой поездки, оставаясь, во-первых, на точке зрения “братоубийственной” войны, а во-вторых, с военной точки зрения, потому что, находясь в кампании с австрийцем и итальянцем, я должен был бы подвергнуться одинаковому с ними режиму, что было бы оскорбительно, а выгодно для австрийца и невыгодно для сербов» (Российский Государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2000. Д. 3048. Л. 20).
- ⁴ *Гешов И.Е.* Балканский союз. Воспоминания и документы. Пг., 1915. С. 79.
- ⁵ Там же. С. 80.
- ⁶ *Бьюкенен Д.* Мемуары дипломата. М., 2001. С. 112.
- ⁷ *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991 С. 121. Еще в сентябре 1913 г. российский военный агент в Турции полковник Леонтьев предупреждал о необходимости скорейшего изменения политики России по отношению к Болгарии: «Игра стоит свеч, ибо вопрос идет о сотнях тысяч штыков и о том направлении, какое могут принять в будущей и по существу неизбежной борьбе, в которой может быть и нам волей-неволей придется принять непосредственное участие. Очень уж велика

- разница – будут ли славянские армии действовать с нами заодно, или же, по примеру недавнего прошлого, займутся взаимоистреблением к вящей радости торжества врагов России и славянства» (РГВИА. Ф. 2000. Д. 3048. Л. 34). Пророчество Леонтьева полностью оправдалось в ходе Первой мировой войны.
- ⁸ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 139. Оп. 631. Д. 11. Л. 205–206.
- ⁹ *Шевалье Н.* Правда о войне на Балканах. Записки военного корреспондента. СПб., 1913. С. 90.
- ¹⁰ АВПРИ. Ф. 340 (личный архив Сватковского). Оп. 793. Д. 6. Л. 136.
- ¹¹ Местное население пыталось найти защиту у российского дипломатического представителя. Н. Шевалье писал: «Русское консульство в эти дни положительно походило на конак, в который обращались и перс, лавку которого разграбили, и грек, у которого без денег и без реквизиционной расписки отобрали последнюю лошадь, и болгарский селяк, у которого угнали стадо баранов, и турок, у которого отняли силой сбережения и увели сына в крепость, и албанцы, молившие о помощи и защите. В русское консульство, словно в казначейство, турецкие купцы приносили мешки золота, десятки тысяч турецких лир, умоляя г. Калмыкова хранить их у себя» (*Шевалье Н.* Указ. соч. С. 61–62).
- ¹² Там же. С. 93–94.
- ¹³ Там же. С. 77. Он же пишет: «Но какая разумная цель побуждала сербов ежедневно сочинять бюллетени о покорности и преданности албанцев Ускюбского санджака, о твердой власти и порядке в сфере военного управления сербской армии, когда каждый из тех, для кого сочинялись эти сообщения видел своими глазами совершенно обратное и, если его лишали возможности передавать правду, то, во всяком случае, никакая власть не в состоянии была заставить его лгать» (Там же. С. 74).
- ¹⁴ Под термином «Старая Сербия» следует понимать северо-западную Македонию, Косово и Метохию, Прешево, Буяновац, Пчине и Рашку. В географическом смысле это понятие возникает в ходе Первого сербского восстания (1804–1813), как определение ядра средневековой сербской государственности. Этим же понятием в начале XX в. оперировали не только ученые, но и политические деятели Сербии (см. подробнее: *Тимофеев А.Ю.* Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда 1878–1912 гг. СПб., 2007. С. 5).

- ¹⁵ *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 69–70. О том, что в албанских селах зверствовали именно сербские четники указывал и И. Табурно, отметивший: «Говорят, сербские войска жгли арнаутские селения. Прежде всего, я должен категорически опровергнуть это: войска ничего не поджигали, наоборот, старались воспрепятствовать поджогам, но ничего не могли делать». Причем в арнауках, как отмечал российский журналист, «сдающихся, а затем начинающих стрелять в доверчивого и великодушного противника» также трудно увидеть признаки «великодушия и рыцарства». Он приводит не менее показательные примеры поведения пленных или раненых арнаутов. «На носилках сербские санитары несут двух раненых: одного серба и одного арнаута. Оба ранены тяжело. Серб не в состоянии уже двигаться, арнаут ранен не так тяжело. Санитары поставили носилки рядом, а сами пошли на зов недалеко лежащих в поле раненых. Возвращаются и видят ужасную картину: арнаут имеющимся у него ножом зарезал раненого серба» (*Табурно И.* Указ. соч. С. 63).
- ¹⁶ *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 190–191.
- ¹⁷ *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента М., 1913. С. 142.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 2000. Д. 3166. Л. 10–11об.
- ¹⁹ *Чиркович С.* История сербов. М., 2009. С. 312. Организация «Объединение или смерть» («Черная Рука») была основана в марте 1911 г. Ее идейным вдохновителем стал чиновник сербского МИДа Богдан Раденкович. Председателем Общества был выбран начальник белградской жандармерии Илия Радивоевич. В состав Верховной управы новой организации также входили полковник Илия Йованович, майоры Войа Танкосич и Милан Васич, а также Милан Гр. Милованович – полковник генерального штаба и помощник начальника штаба сербской армии. Радивоевич был убит в ходе Балканских войн в 1913 г., и его место председателя занял Д. Димитриевич-Апис, ставший подлинным лидером этого Общества.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 793. Д. 6. Л. 135.
- ²¹ РГВИА. Ф. 2000. Д. 3168. Л. 11–11об.
- ²² МОЭИ. Серия III. Т. IV. 1914–1917. М.–Л., 1931. С. 147–148.
- ²³ Там же. С. 148–149.
- ²⁴ Там же. С. 147.

- ²⁵ На квартире Велимира Вемича 3 марта 1911 г. было принято решение об организации общества «Объединение или смерть», а сам Вемич стал секретарем этой организации. На Салоникском процессе 1917 г. Вемич был одним из главных обвиняемых.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 2000. Д. 3168. Л. 11.
- ²⁷ РГВИА. Ф. 2000. Д. 3168 Л. 11; МОЭИ. Т. V. С. 454.
- ²⁸ МОЭИ. Т. V. С. 441.
- ²⁹ МОЭИ. Т. V. С. 455–456.
- ³⁰ МОЭИ. Т. V. С. 455.
- ³¹ Г.Н. Трубецкой называл Драшковича «самым выдающимся членом кабинета». По словам российского дипломата, «он был еще молодой, чрезвычайно привлекательный искренностью и горящий силою своего патриотизма, человек. Вместе с тем, он обладал редким в Сербии качеством деловитости; на слова его можно было надеяться больше, чем на слова других. А это много значило в Сербии, где славянская халатность давала себя чувствовать» (*Трубецкой Г.Н.* Указ. соч. С. 90).
- ³² Об этом в своих воспоминаниях пишет участник переворота 29 мая 1903 г., имевший близкие отношения с руководством «Черной руки», А. Антич (*Антич А.* Белешке. Зајечар. 2010. С. 264). См. также: *Макензи Д.* Апис. Гениальный конспиратор. М., 2005. С. 166–167.
- ³³ *Маккензи Д.* Указ.соч. С. 169.
- ³⁴ МОЭИ. Т. V. С. 458.
- ³⁵ *Писарев Ю.А.* За кулисами суда в Салониках над организацией «Объединение или смерть» (1917) // Новая и новейшая история. 1979. № 1. С. 111; *Он же.* Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990. С. 30.
- ³⁶ *Полетика Н.П.* Сараевское убийство. Исследование по истории австро-сербских отношений и балканской политики России в период 1903–1914 гг. Л., 1930. С. 403.
- ³⁷ МОЭИ. Серия III. Т. III. М.-Л., 1933. С. 330.
- ³⁸ МОЭИ. Серия III. Т. IV. С. 63.
- ³⁹ В августе 1912 г. Димитриевич-Апис с группой офицеров, куда входили Чедомир Попович, Божин Симич, Милан Милованович, Велимир Вемич, Радое Пантич, Милан Видоевич и Милан Заваджил были посланы с секретной миссией в Албанию, целью которой было установление контактов с местными военными кругами с тем, чтобы добиться от них благожелательного нейтралитета в будущей войне с Османской империей. Вскоре после возвращения из Албании Апис заболел стран-

ной болезнью, лекарства от которой не смогли найти в Белграде. После достаточно продолжительного пребывания в белградском военном госпитале, он был отправлен на лечение в Берлин, причем за счет престолонаследника Александра. Официальный диагноз гласил об отравлении Аписа некипяченым козьим молоком, хотя факт попытки его отравления нельзя отрицать полностью. Из-за болезни Д. Димитриевич не принял участия в Балканских войнах (см. подробнее: *Животић А.* Апис на Косову 1912 године // Војно-историјски гласник. Београд, 2005. Бр. 1–2).

⁴⁰ *Фей С.* Происхождение мировой войны. Т. 2. М.-Л., 1934. С. 89.

⁴¹ МОЭИ Т. V. С. 456.

⁴² МОЭИ. Серия III. С. 131.

⁴³ Там же. С. 131.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 2000. Д. 3168. Л. 18–18об.

⁴⁵ МОЭИ. Серия III. С. 146–147.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 2000. Д. 3168. Л. 15–15об.; МОЭИ. Т. V. С. 450–451.

⁴⁷ *Драшкић П.* Моји мемоари. Београд, 1990. С. 117.

**Деятельность
Санкт-Петербургского
Славянского благотворительного общества
по оказанию помощи Сербии
во время Балканских войн**

Из многочисленных отечественных исследований следует¹, что официальная Россия, в силу взятых на себя международных обязательств, не могла открыто поддерживать освободительную войну балканских народов, но в то же время не хотела допустить ослабления своего влияния в регионе. Одним из инструментов расширения ее присутствия, в частности, в Сербии, была гуманитарная деятельность. Использование общественных организаций давало Российской империи определенную маневренность во внешней политике, позволяя официальным кругам, в случае необходимости, дистанцироваться от практической деятельности в конкретной стране. При этом государство могло ее расширять или свертывать за счет поддерживающих или сдерживающих факторов. Таким образом, можно предположить, что активная гуманитарная деятельность иностранной организации в стране пребывания является прямым или косвенным подтверждением заинтересованности официальных кругов обеих стран в расширении сотрудничества.

В рамках настоящей работы мы попытаемся оценить реальный вклад одной из самых крупных и влиятельных славянских организаций – Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества² – в дело оказания гуманитарной помощи Сербии, а также выяснить, пользовалась ли оно, и в какой мере, поддержкой своей деятельности на самом высоком уровне.

Подготовительные мероприятия

Впервые положение дел на Балканском полуострове Совет Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества обсудил на заседании 28 августа 1912 г.³ Для обеспечения адресной помощи славянским странам, руководство организации в срочном порядке начало проводить консультации с некоторыми деятелями Российского общества Красного Креста⁴. Итогом заседания Совета 18 сентября 1912 г. ста-

ло решение об отправке пособий жертвам ожидаемой войны через национальные общества Красного Креста в Болгарию, Сербию и Черногорию⁵. В сопроводительном письме в Сербское общество Красного Креста отмечалось, что это – «помощь славным сынам Сербии, открывшим решительную борьбу с исконным врагом веры Христовой и свободы славянских народностей»⁶.

Для обеспечения возможной отправки благотворительных грузов Общество заблаговременно договорилось с одесским Товариществом русского пароходства и торговли о приеме и хранении вещевых пожертвований для отправки их на Балканы⁷.

2(15) октября 1912 г. состоялось заседание Совета, на котором была образована распорядительная комиссия в составе А.А. Башмакова (председатель), Н.И. Каменкова, В.К. Кораблева, А.И. Соболевского. Комиссии была поручена организация помощи южным славянам.

При Обществе было открыто Дамское отделение. Его возглавила Вера Михайловна Христианович, одна из дочерей генерала Черняева. Дамское отделение занималось, в основном, сбором и отправкой вещевых пожертвований, а также изготовлением белья и перевязочных материалов для госпиталей.

Финансовое обеспечение деятельности Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества во время Балканских войн

30 сентября 1912 г. под председательством генерала от инфантерии Петра Дмитриевича Паренсова состоялось очередное заседание Славянского благотворительного общества. На основании поступающей информации с Балкан было принято решение организовать врачебную и санитарную помощь славянам и грекам. Серьезные планы требовали серьезных средств. Общее собрание разрешило Совету взять кредит в 40000 рублей⁸ из резервного капитала Общества. «Голос Москвы» написал по этому поводу: это «большая жертва со стороны Общества, если принять во внимание, что весь запасной капитал составляет 52000 рублей»⁹.

Возможностей для пополнения кассы ввиду чрезвычайных обстоятельств Общество предусмотрело несколько. В первую очередь был открыт регулярный сбор пожертвований от населения в пользу больных и раненых славян и греков в помещении Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества и редакции газеты «Новое время»¹⁰.

Кроме того, решили регулярно проводить *публичные* заседания Общества, используя их, как для пропаганды своей деятельности, так и для сбора пожертвований. Одно из первых таких заседаний прошло 18 октября 1912 г., когда Славянское благотворительное общество устроило в ресторане «Вена» «славянский обед», пригласив свыше 100 активных деятелей. В повестке дня заседания было обсуждение балканских событий, по итогам его приняли ряд постановлений об оказании помощи балканским христианам¹¹.

Но в основном надежды возлагались на целевые тарелочные сборы, пожертвования населения и продажу изданий Общества. Его Совет незамедлительно предпринял шаги с целью пополнения кассы и, в первую очередь, обратился с ходатайствами о разрешении сбора в пользу славян в день 22 октября в церквах соответствующих епархий к митрополитам Петербургскому, Киевскому и Московскому¹². Ходатайство было удовлетворено в кратчайшие сроки. Кроме того, Священный Синод разрешил тарелочные сборы на нужды пострадавших от войны славян и греков во всех церквах империи 25 и 26 декабря. Эти средства также поступили на счет Общества.

Следующим логичным шагом Совета стало решение о возобновлении издания «Славянских известий»¹³, тем более, что интерес к славянским проблемам в связи с предстоящими событиями резко возрос.

Сбор средств осуществлялся и на специальных мероприятиях, устраиваемых Обществом самостоятельно либо совместно с частными лицами или организациями. Это – концерты, Славянские базары, выставки и тому подобное. В начале октября 1912 г. председатель Славянского благотворительного общества обратился к администрации всех петербургских частных театров с просьбой дать спектакль на пополнение средств Славянского общества. При этом в театрах должны были быть поставлены пьесы из жизни южных славян¹⁴.

Первые результаты были достигнуты к 1 ноября 1912 г.¹⁵. С учетом пожертвований от разных лиц и организаций в Общество поступило 26520.75 рублей¹⁶. К 6 февраля 1913 г. общая сумма поступлений от пожертвований составила 98734.04 рублей¹⁷.

Помощь населению Сербии

Собранные средства Совет Общества направлял на удовлетворение насущных нужд сербского общества. Как правило, это было реакцией на просьбы, получаемые с мест. Основными корреспондентами

Общества на территории Сербии были супруга российского посланника Александра Павловна Гартвиг и митрополит Димитрий.

Славянское благотворительное общество установило тесный контакт с российской дипломатической миссией в Сербии. А.П. Гартвиг возглавила комитет по координации помощи, поступающей из России, который был специально образован при русском дипломатическом представительстве. Ее стараниями при миссии был создан склад, где вещевые посылки сортировались и распределялись по заявкам сербских общественных организаций, официальных лиц и госпиталей¹⁸.

Одной из своих обязанностей супруга посланника считала почти ежедневное посещение раненых в госпиталях Белграда. Достоверно известно, что в мае 1913 г. она раздавала раненым открытки с изображением царской семьи, присланные Славянским благотворительным обществом, часть которых, судя по письму Александры Павловны, она берегла до конца войны для организации лотереи в пользу двух российских приютов¹⁹. Эти благотворительные учреждения полностью содержались за счет пожертвований из России.

Одно из них, Приют военных сирот²⁰, был открыт по инициативе супруги российского посланника в период 1-й балканской войны в Белграде. Он находился под покровительством ее королевского высочества княгини Елены Петровны. В начале октября 1912 г. А.П. Гартвиг обратилась в Славянское благотворительное общество с просьбой оказать денежную помощь этому учреждению, в которое «сербы, потерявшие жен, приводят и оставляют детей, сами же идут под ружье». Она писала, что «пока имеются только дети жителей Белграда, но скоро будут поступать и из провинций». В том же месяце Совет общества перечислил 500 рублей на поддержание приюта.

Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество регулярно отправляло в Сербию вещевые пожертвования. Архивные данные за 1912 г. свидетельствуют²¹, что в этих отправлениях были сукно, полотно, рубашки, кальсоны, простыни, полотенца, наволочки, чулки, носки, медикаменты, перевязочные материалы, 90 фунтов сахара и прочие необходимые в Сербии предметы²².

Через сербского митрополита Димитрия шли целевые пожертвования для поддержки беднейших слоев населения. Как только до России дошли сведения, что на границе с Турцией скопилось более двух тысяч семей сербских беженцев, экстренное собрание Общества в начале октября решило выслать средства в пользу пострадавших от турец-

ких погромов. По 1000 рублей было перечислено черногорскому митрополиту Митрофану, сербскому митрополиту Димитрию и российскому консулу в Битоли²³.

11 октября 1912 г. российский посланник Н.Г. Гартвиг передал Обществу слова глубокой признательности митрополита Димитрия за своевременно предоставленные средства²⁴, потраченные на пропитание семей сербских беженцев. Гартвиг также сказал, что необходимо продолжить сбор денег на те же цели²⁵. Его информацию в Обществе восприняли как руководство к действию. 15 ноября 1912 г. митрополиту Димитрию через посланника было передано 1516 рублей 80 копеек (4000 франков) в помощь семьям убитых и раненых воинов²⁶. Эти деньги были собраны на Славянском базаре, устроенном Дамским отделением Общества.

В феврале 1913 г. председатель Дамского отделения В.М. Христианович отправила митрополиту Димитрию 700 рублей «от русских женщин, сочувствующих своим братьям на Балканах»²⁷. Кроме того, член Совета общества А.В. Васильев вручил ему «для раздачи самым бедным в Сербии» 5000 рублей (из них 1000 была пожертвована вдовой генерала Черняева)²⁸.

10 сентября 1913 г. митрополит Димитрий обратился с письмом в Славянское благотворительное общество с просьбой об оказании помощи Русско-Сербскому клубу в Белграде, который занимался изучением и популяризацией русского языка и литературы, но его деятельность была приостановлена в связи с войной. Чтобы возобновить его работу, требовалась, по мнению сербского иерарха, финансовая поддержка со стороны России. Совет Общества ассигновал на эти нужды 300 франков²⁹.

Не оставались без внимания и другие запросы. 16 октября 1912 г. в Славянское благотворительное общество поступило письмо из сербской женской общественной организации «Коло Српских Сестара»³⁰. В нем сообщалось о крайней нужде в постельном и нательном белье, одежде и, главным образом, денежных средствах, необходимых «для поддержания существования многочисленных бедствующих семей, из которых отцы, мужья, братья и сыновья были взяты на войну, так равно и для прокормления нескольких тысяч беженцев из Турции, оставшихся без крова и без куска хлеба». 4 ноября 1912 г. Совет Славянского благотворительного общества известил «Коло Српских Сестара» о передаче ей 1000 франков (379 рублей)³¹.

Пожертвования, собранные на концерте, устроенном солисткой

его императорского величества М.И. Долиной (8793.3 руб.) в конце декабря 1912 г., Совет Общества округлил до 8800 рублей, и, разделив пополам между сербским и болгарским Красным Крестом, отправил по назначению³².

Совет Славянского благотворительного общества не остался безучастным к проблемам жителей славянского села Экши-су, разрушенного турками после нанесенного им поражения у Баницы – Сорович. Донесение российского консула в Битоли Николая Кохманского от 23 декабря 1913 г. свидетельствует, что он лично передал сельчанам средства в 1500 франков, собранные Обществом на восстановление этого населенного пункта.

Медицинская помощь Сербии

7 октября 1912 г. на заседании Совета обсуждалась целесообразность оборудования и отправки на Балканы лазарета на 50 кроватей в составе двух врачей, шести сестер милосердия и десяти санитаров³³. Составив приблизительную смету, Совет пришел к выводу, что, в случае отправки лазарета, Общество будет лишено возможности оказывать какую-либо другую помощь балканским народам. Но зная о потребности воюющих сторон в специалистах-медиках, члены Совета на заседании 16 октября 1912 г. решили направить в славянские земли несколько врачей. 28 октября обсуждался вопрос об отправке одного врача в Белград в распоряжение российского посольства³⁴.

21 ноября 1912 г. ГУ РОКК получило телеграмму из Белграда от председателя общества Красного Креста Фронасовича с просьбой командировать в Сербию пять врачей-терапевтов, о чем ГУ уведомило Петербургское Славянское благотворительное общество. 13 декабря Совет общества сообщил о командировании в Сербию пяти врачей, которые уже выехали к месту назначения³⁵. Данные об их деятельности в сербских медицинских учреждениях, пока не обнаружены, но в переписке Общества сохранились их фамилии и, частично, сведения о сроках их пребывания. В делах Общества упоминаются врачи Покровский³⁶, Перримонд³⁷, Орлов, Горбунов³⁸ и женщина-врач Буева³⁹. Командировка этих специалистов в Сербию обошлась Обществу в 3000 руб.⁴⁰.

С началом 2-й балканской войны в распоряжение Сербского Красного Креста и российского посланника в Сербии Славянским благотворительным обществом было командировано пять врачей: М.А. Сопцько-Сырокомля⁴¹, В.М. Доброхотов⁴², профессор хирургии М.И. Ро-

стовцев⁴³ с ассистентами – М.П. Маловым и В.А. Бригером⁴⁴. Врачи ехали без страховки в случае гибели. Финансовые вопросы с врачами Славянское благотворительное общество улаживало через Н.Г. Гартвига.

Врачи, направленные Славянским благотворительным обществом в Сербию, прибыли к окончанию 2-й балканской войны. Военные действия вскоре закончились, и острая необходимость в русских хирургах отпала. По согласованию с Сербским Обществом Красного Креста они вернулись в Россию.

Из всех врачей, командированных в Сербию Славянским благотворительным обществом, наиболее востребованным оказался эпидемиолог М.А. Сопочко-Сырокомля. В ряде районов страны вспыхнули очаги холеры. Специалистов катастрофически не хватало. 12 августа 1913 г. Сербское общество Красного Креста обратилось в российскую императорскую миссию в Белграде с просьбой продлить его командировку на третий месяц. Ходатайство было удовлетворено⁴⁵.

М.А. Сопочко-Сырокомля вместе с женой, сестрой милосердия, прибыл в Белград 13 июля 1913 г. После двухдневного ожидания получил назначение в Скопье (Ускюб) в распоряжение начальника санитарной части действующей армии полковника Л. Генчича для борьбы с холерой. На месте было принято решение направить Сопочко-Сырокомлю в Косовскую Митровицу, где на 400 больных приходилось два врача, один из них был пленным болгаринном и не пользовался доверием местных властей. За время командировки чета Сопочко-Сырокомля⁴⁶ почти в одиночку героически сражалась с холерой в Митровице, Лесковаце, Вранье, Пожароваце. По согласованию с сербскими властями, М.А. и Л.И. Сопочко-Сырокомля были отозваны в Россию по окончании третьего месяца командировки.

Черняевский комитет

25 сентября 1912 г. Совет Славянского благотворительного общества рассмотрел предложение бывшего добровольца на сербской войне 1876 г., петербургского журналиста и драматурга И.М. Булацеля о снаряжении полевого лазарета имени генерала-лейтенанта Черняева для обслуживания сербской армии.

Совет поддержал эту инициативу, и при организации был создан временный «Комитет по снаряжению и отправлению в Сербию санитарного отряда им. М.Г. Черняева», более известный как «Черняевский комитет». Его почетной председательницей стала Антонина Алек-

сандровна Черняева, вдова генерала. От Славянского благотворительного общества в него вошли действительный тайный советник Афанасий Васильевич Васильев⁴⁷ и генерал-лейтенант в отставке Николай Романович Овсяный. От «черняев-цев» – генерал-майор Ф.А. Григорьев, генерал-майор Г.Д. Кузь-минский, публицист Г.В. Комаров, И.М. Булацель и другие.

На очередном заседании Общества 2 октября черняевские добровольцы получили разрешение Совета собирать средства в пользу лазарета имени Черняева на особый счет, специально открытый для этих целей под флагом Славянского благотворительного общества. Пожертвования принимались также в помещении Славянского благотворительного общества, в доме вдовы М.Г. Черняева и редакции газеты «Новое время». Отчеты о сборах публиковались в прессе. 30 ноября «Московские ведомости» поместили отчет Черняевского комитета о пожертвованиях, полученных с 7 по 29 октября 1912 г. Среди прочего, в нем отмечалось, что вдова Черняева передала 1000 рублей, а его внук Миша – 15 рублей⁴⁸.

По ходатайству Славянского благотворительного общества Санкт-Петербургский митрополит Антоний разрешил вновь созданному комитету целевой церковный сбор в пользу летучего отряда за всенощной 3 ноября и литургией 4 ноября во всех церквях города и 8 ноября после литургии в Казанском соборе⁴⁹. Однако средства собирались слишком медленно. Понимая проблему, Совет Славянского благотворительного общества помог с организацией однодневного сбора с целью пополнения средств Черняевского комитета, для чего обратился за специальным разрешением к министру внутренних дел⁵⁰. И получил его.

Для проведения однодневного сбора комитет напечатал 450000 открыток с портретом генерала М.Г. Черняева и особые жетоны. 5 декабря 1912 г. была организована продажа жетонов и открыток с портретом генерала на улицах и в казенных учреждениях Варшавы. Особой популярностью, как отмечала российская пресса, этот сбор пользовался у военных и ветеранов сербо-турецкой и русско-турецкой войн. Супруга варшавского генерал-губернатора М.И. Ска-лой⁵¹ лично собрала в пользу этого отряда 118 рублей⁵².

В Петербурге «черняевский день» состоялся 6 декабря. Целью сбора, кроме устройства в Сербии госпиталя имени генерала Черняева, было заявлено и оказание помощи населению продовольствием. Было привлечено около 2000 сборщиков⁵³. Совместными усилиями

собрали 12165.93 рубля⁵⁴.

Этих средств оказалось недостаточно для создания и функционирования санитарного отряда. Реально оценивая свои возможности, Черняевский комитет принял решение на собранные деньги организовать пункты питания и вещевые склады для пострадавших от войны, в особенности для детей, как в самой Сербии, так и на вновь присоединенных к ней территориях». С этой целью 24 декабря в Сербию были командированы Н.Р. Овсяный и назначенный ему в помощь бывший доброволец на войне 1876 г. подполковник Н.И. Чехович⁵⁵. С ними были отправлены вещи, пожертвованные разными лицами и изготовленные Дамским отделением при Славянском благотворительном обществе⁵⁶. Данные о пребывании представителей Черняевского комитета на территории Сербии не выявлены. Российская пресса проинформировала, что в феврале 1913 г. их принял король Петр, после чего Н.Р. Овсяный вернулся в Россию, а Н.И. Чехович выехал в Ускюб для оказания помощи семьям, пострадавшим от войны⁵⁷.

В феврале 1913 г. генерал Н.Р. Овсяный отчитался перед Черняевским комитетом по итогам поездки. Он сообщил, что средства, эквивалентные 54000 динаров были распределены следующим образом: 20000 динаров (по 2000) десяти сербским дивизиям, 2000 динаров – по спискам, составленным генералом Овсяным, 32000 были распределены по списку, составленному полицейским управлением Верховной Команды Сербии.

Расходы генерала Овсяного были признаны правильными⁵⁸.

Черняевский комитет просуществовал с 10 октября 1912 г. по 13 декабря 1913 г. За это время было собрано 52827.24 рублей пожертвований⁵⁹. Как уже упоминалось, 5000 рублей были переданы А.В. Васильевым в распоряжение сербского митрополита Димитрия, столько же – в распоряжение черногорской королевы Милены. 1827,28 рублей было передано приюту Святой Елены в Белграде, 225 рублей – настоятелю Сербского подворья в Москве архимандриту Михаилу для уплаты взноса на воспитание кадета-сербана⁶⁰. Остаток средств поступил на счет Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества на уставные цели.

Таким образом, приведенный фактический материал свидетельствует, что Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество оперативно откликалось на насущные проблемы населения Сербии, пострадавшего от войны, что способствовало укреплению российско-

сербских связей и повышению авторитета Российской империи в регионе. Расширение географии помощи на вновь присоединенные области косвенно свидетельствует о поддержке территориальных приращений Сербии российскими официальными лицами.

Деятельность Общества на Балканах в сколько-нибудь значимых масштабах была бы невозможна без поддержки правительственных кругов и РОКК. Основной приток средств Обществу давали тарелочные и кружечные сборы, как в церквах, так и на улицах города. Разрешение давали МВД и Священный Синод (в зависимости от цели и места проведения) и всегда после предварительной консультации с МИД. Все это, по нашему мнению, подтверждает тезис о поддержке гуманитарной деятельности Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества на самом высоком уровне. Таким образом, можно говорить о гуманитарной деятельности общественных организаций как об одном из факторов, обеспечивавших присутствие и укрепление влияния России в регионе в период Балканских войн.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например, «В «пороховом погребе Европы» 1878–1914. М., 2003; *Виноградов В.Н.* Двуглавый орел на Балканах. 1683–1914. М., 2010 и др.

² Образован в 1868 г. как петербургский отдел Московского Славянского благотворительного комитета. Деятельность отдела была направлена исключительно на удовлетворение духовных нужд славян, политические вопросы были ему чужды. В 1875 г. получил высочайшее соизволение на сбор средств в пользу жертв восстания в Боснии и Герцеговине. Собранные средства предназначались для отправки на театр военных действий санитарного отряда и добровольцев в сербскую армию, а часть их выдана сербскому правительству в виде ссуды. В 1877 г., одновременно с объявлением войны Турции, петербургский отдел Славянского комитета был преобразован в Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество, утвержден его устав. По окончании войны Общество стало оказывать в основном помощь молодым людям в получении образования, содействовало также укреплению духовных и культурных связей между славянами. В начале 1899 г. в обществе возник кризис, 16 апреля 1900 г. был принят новый устав. Целью организации провозглашалось содействие развитию славянской взаимности и духовному единению славян с Россией. Общее собрание проводилось не менее двух раз в год. Членами

- Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества состояли отставные военные, бывшие дипломаты, чиновники, ученые-слависты и т. д. Они, как правило, обладали хорошими связями в МИДе, военном ведомстве и были прекрасно осведомлены о происшедшем на Балканах.
- ³ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1315. Л. 21.
- ⁴ Там же. Л. 26.
- ⁵ По 2000 рублей – в Сербию и Болгарию и 1000 рублей – в Черногорию (Там же. Д. 1391. Л. 10).
- ⁶ Там же. Л. 23.
- ⁷ Московские ведомости, 17(30) октября 1912. С. 3. Этот канал доставки не понадобился, так как гуманитарные грузы на театр военных действий отправлялись через Главный склад РОКК, отделение которого было устроено в Софии.
- ⁸ Этот капитал комитета предназначался для организации всеславянской выставки.
- ⁹ Голос Москвы. 2 октября 1912. С. 2.
- ¹⁰ С просьбой напечатать объявления о сборе пожертвований Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество обратилось также в газеты «Вечернее время», «Петербургскую газету», «Речь», «Копилку», «Русское слово» и другие. В большинстве редакций отнеслись благожелательно.
- ¹¹ Московские ведомости, 20 октября (2 ноября) 1912. С. 4.
- ¹² Там же. 2(15) октября 1912. С. 2.
- ¹³ Там же. 17(30) октября 1912. С. 3.
- ¹⁴ Речь, 10(23) октября 1912. С. 4.
- ¹⁵ Через редакцию «Нового времени» было получено 7121.4 руб., собор Александро-Невской Лавры передал 5000 рублей. Церковный сбор в 153 церквях дал 5238.91 рублей. Согласно документам Общества, жертвователями были различные слои общества, например, Санкт-Петербургская биржевая владимирская артель, «движимая искренними чувствами глубокой симпатии к страждущему славянству», служащие Балтийского судостроительного и механического завода, воспитанницы Пермского епархиального женского училища и прочие.
- ¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1392. Л. 67об.
- ¹⁷ Там же. Л. 252.
- ¹⁸ Там же. Д. 1391. Л. 175.
- ¹⁹ Там же. Л. 190 об. Эти открытки пользовались большой популярностью

в связи с широким празднованием в России 300-летия Дома Романовых.

²⁰ Он назывался Приют Святой Елены. Из письма А.П. Гартвиг в Славянское благотворительное общество от 1 июня 1913 г. известно, что, кроме него, существовал еще один приют для военных сирот в Крагуеваце во имя Пресвятой Богородицы.

²¹ 5 мест были сданы 1 ноября на Главный склад Красного Креста (из них четыре места в распоряжение княгини Елены Петровны, одно – в распоряжение русского посольства в Белграде), 22 ноября – еще 4 места на Главный склад Красного Креста в распоряжение княгини Елены Петровны, 29 ноября и 12 декабря – 7 и 4 места соответственно в распоряжение сербского митрополита Димитрия (197,5 аршин сукна и 3 ящика белья для взрослых и 1 ящик детского. Сукно было приобретено Славянским благотворительным обществом, а белье изготовлено Дамским отделением названного общества и Гатчинским дамским кружком). 21 декабря – 5 мест в распоряжение А.П. Гартвиг. (См.: ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1392. Л. 182).

²² ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1398. Л. 3.

²³ Московские ведомости, 5(18) октября 1912. С. 3.

²⁴ Речь идет о двух тысячах рублей, уже упомянутых в данном тексте.

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1391. Л. 54–54 об. Здесь речь идет о 2000 рублей, перечисленных по решению от 18 сентября 1912 г.

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1392. Л. 324–324 об. Такие же суммы Совет Общества передал российским посланникам в Болгарии и Греции.

²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 3. Д. 74. Л. 119–119об.

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 3. Д. 74. Л. 119об.

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1578. Л. 2–3.

³⁰ Общество «Коло Српских Сестара», возникшее вскоре после аннексии Боснии и Герцеговины, состояло под покровительством супруги премьер-министра Джурджини Пашич. Учитывая острую нужду в медицинской помощи, попечительский совет этой организации оборудовал на свои средства в Белграде госпиталь на 110 человек, который сразу же был переполнен ранеными. Из-за недостатка средств, часть вещей дамы-организаторы принесли из своих домов. Кроме того, организация оказывала помощь беженцам и сиротам. (См.: Вечернее время. 15(28) октября 1912).

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1391. Л. 80, 102–102 об. 29 ноября в Совет пришло подтверждение о получении этих средств.

- ³² Московские ведомости. 29 декабря 1912. С. 3.
- ³³ Стоимость оборудования была оценена в 18000 рублей, содержание госпиталя и больных ежемесячно требовало около 5000 рублей. То есть на отправку и содержание лазарета на полгода требовалось 48000 рублей.
- ³⁴ Врачи отправлялись, как правило, на 2–3 месяца с возможным продлением договора. Жалованье врачу составляло 300 рублей, оплачивалась дорога в оба конца, и выдавалось пособие в 200 рублей на покупку инструментов.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д 1475. Л 153. Славянскому благотворительному обществу не всегда удавалось оказать требуемую помощь. В основном, из-за недостатка финансовых средств. В феврале 1913 г. в связи с ухудшением эпидемиологической обстановки в стране в ГУ РОКК поступило ходатайство начальника санитарной части сербской армии Р. Зондермайера о командировании в Сербию пяти врачей-эпидемиологов и 40 санитаров для борьбы с эпидемией тифа. РОКК приняло решение данное прошение отклонить, так как борьба с эпидемиями не входила в задачи Общества Красного Креста. Однако ГУ незамедлительно проинформировало о возникшей проблеме Славянское благотворительное общество. Однако, и оно просьбу выполнить не могло.
- ³⁶ В конце января – начале февраля 1913 г. возвратился в Россию.
- ³⁷ Находился в Сербии до марта.
- ³⁸ Находился до апреля.
- ³⁹ Находилась в Сербии до марта 1913 г.
- ⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1392. Л. 324–324 об.
- ⁴¹ Михаил Аркадьевич Сопоцько-Сырокомля, в 1-ю балканскую войну был командирован Славянским благотворительным обществом в Болгарию.
- ⁴² Владимир Михайлович Доброхотов, проживал в Переславле-Залесском Владимирской губернии, окончил императорский Харьковский университет; изучал хирургию и на 4 и 5 курсах работал в земском фельдшерском пункте Переславского уезда. Выехал в Сербию 10 июля 1913 г. Прибыл в Белград 16 июля и в тот же день получил назначение во 2-ю резервную больницу в Вальево. Приступил к работе 18 июля. К моменту прибытия русского хирурга там уже было три врача. Они обслуживали 350 больных, из которых 75 находились в тяжелом состоянии. До окончания командировки Доброхотова (7 сентября 1913 г.) в больнице находилось на излечении 400 человек, а за все время 2-й балканской

- войны, по его сведениям, до 800 раненых. (См.: ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1496. Л. 30–31, 54–54 об., 73–73 об).
- ⁴³ М.И. Ростовцеву 9ПРОФЕССОРУ Юрьевского – ныне Тартурского – университета. Советом Общества было выделено 1200 рублей, в том числе 500 рублей на приобретение рентгеновского кабинета (См.: ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1496. Л. 23). С 18-го июля 1913 г. Ростовцев вместе с ассистентами приступил к работе в 8-й резервном госпитале Белграда (располагался в здании Новой военной академии. С 2 декабря 1912 г. по 15 января 1913 г. там находился лазарет Тверской Серебряной общины им. Петербурга). Их командировка длилась до начала августа. 9 августа они покинули Белград. Рентгеновский кабинет вернулся в Россию. Отчет о деятельности не обнаружен.
- ⁴⁴ Владимир Александрович Бригер, в тот момент был слушателем военно-медицинской академии; сын инспектора классов Морского корпуса генерал-майора Александра Михайловича Бригера.
- ⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1496. Л. 66, 70.
- ⁴⁶ Военное министерство и Общество Красного Креста высоко оценили труды Михаила Аркадьевича и Любови Ивановны. Король Петр пожаловал М.А. Сопощко-Сырокомле орден Святого Саввы IV степени. Общество Красного Креста наградило его большим крестом за заслуги, а супругу – медалью. В отчете Славянскому благотворительному обществу М.А. Сопощко-Сырокомля написал, что они с женой «очень довольны отношением к ним сербов (См.: ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1496. Л. 85–86).
- ⁴⁷ Общественный деятель, председатель Общества «Соборная Россия».
- ⁴⁸ Московские ведомости. 30 ноября 1912. С. 3.
- ⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1384. Л. 2.
- ⁵⁰ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1404. Л. 5.
- ⁵¹ Скалон Мария Иосифовна (урожденная Корф), дочь отставного гвардии полковника, супруга Георгия Антоновича Скалона, генерала от кавалерии (с 1906), генерал-адъютанта (с 1903), варшавского генерал-губернатора и командующего войсками Варшавского военного округа, участника русско-турецкой войны 1877–1878 гг.
- ⁵² Московские ведомости. 9 и 12 декабря 1912. С. 3.
- ⁵³ Московские ведомости. 9 декабря 1912. С. 3.
- ⁵⁴ Для проведения подобного сбора в Москве, туда были командированы члены Черняевского комитета генерал-лейтенант Ф.А. Григорьев и И.М. Булацель. Предполагалось, что «черняевский день» будет органи-

зован в середине января 1913 г. Генерал Григорьев встретился с московским градоначальником А.А. Андриановым и председателем Славянского комитета Н.И. Гучковым. Григорьев получил единодушную поддержку начинания. (См.: Московские ведомости. 13 декабря 1912. С. 3). Московский Славянский комитет передал Черняевскому комитету 5000 рублей.

⁵⁵ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1404. Л. 23.

⁵⁶ Мужских рубаш – 56 штук, кальсон – 6 пар, фуфайка – 1, шарф вязаный – 1, марля небеленая – 100 аршин, вата – 5 фунтов, бинт – 75 аршин. (ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1404. Л. 26).

⁵⁷ Московские ведомости, 6(18) февраля 1913. С. 3. О работе склада Черняевского комитета на вновь присоединенных территориях мы имеем косвенные сведения. Например, о грузах, отправленных с Главного Склада РОКК в Ускюб.

⁵⁸ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1315. Л. 25.

⁵⁹ Кроме упомянутых кружечных сборов, средства поступили, в основном, от воинских частей, в которых сохранилась память о генерале Черняеве, от средних и низших учебных заведений и учреждений императрицы Марии.

⁶⁰ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1404. Л. 37–37 об.

Албанское измерение Балканских войн *

Победоносная Первая балканская война стала для Сербии торжеством национальной идеи в том, что касается освобождения от многовекового османского ига обширных территорий Старой Сербии. Для того, чтобы лучше понять значимость военных успехов сербского оружия, а заодно лучше разобраться в географии интересующих нас районов со смешанным сербо-албанским населением, обратимся к ведущему сербскому ученому-историку, этнографу и географу начала XX в. Йовану Цвийичу, – чьи взгляды в целом соответствовали подходам и вожделениям сербских правящих политических и военных кругов. В опубликованной в ноябре 1912 г. статье «Балканская война и Сербия» он следующим образом определил границы Старой Сербии: Новопазарский санджак, Косово Поле, Метохия и некоторые области к югу от Шар-Планины. Эти границы, по его словам, были определены сербо-болгарским соглашением, которое провело линию Охрид – Велес – Крива-Паланка, предусмотрев, что эти города перейдут к Сербии.

К слову, подобное разграничение выводило за скобки фактор албанского движения, который к этому времени уже играл активную роль в формировании этнорелигиозной картины районов Охрида и Дебара. По свидетельству немецкого филолога и этнографа Густава Вайганда, к тому времени албанцы составляли вторую по численности этническую группу населения Охрида, причем речь шла, в частности, об албанцах-гегах, переселившихся из района Дебара¹. Оценки общей численности населения «Албании» как «региона в западной части Европейской Турции» в то время существенно разнились, но согласно наиболее принятой трактовке она превышала один миллион человек².

Кроме того, Й. Цвийич подчеркивал, что Старая Сербия «выходит узким поясом на Адриатическое море около Скадара (Шкодера. – П.И.), Леша и, вероятно, Драча (Дурреса. – П.И.)». На основании личных

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ («Великая Албания: прошлое, настоящее, будущее»), проект № 11-01-00259а.

впечатлений от посещения этих областей в 1900–1912 гг. Цвийич называл их «страной самой большой анархии и насилия не только на Балканском полуострове, но возможно и в мире». По данным ученого, накануне Первой балканской войны в самой Сербии проживало порядка 150.000 сербских беженцев из Старой Сербии – и это только те, кто был вынужден покинуть родные очаги еще в 1876 г. – в разгар Великого восточного кризиса – и которые «имеют документы на право владения недвижимым имуществом». Они живут в значительной степени за счет правительства Сербии и «ожидают момента, чтобы возвратить свою собственность».

Те же, кто остались жить в Старой Сербии под османским гнетом, по словам Й. Цвийича, подвергались всевозможному насилию, разорению и исламизации, сочетавшимися с насильственным выселением сербов и их заменой на мусульманское население: «Нигде на Балканском полуострове турецкое управление не было столь опустошительным, как здесь». По данным сербских источников, в общей сложности в XVIII–XIX вв. из Старой Сербии в Королевство Сербия переселились около полумиллиона человек. Основной пик переселения пришелся на периоды после сербских восстаний 1804–1815 гг. и сербо-турецких войн 1876–1878 гг. Оставшиеся подвергались насильственной исламизации, в результате чего значительная часть косовских албанцев, по словам Й. Цвийича, имела сербское происхождение.

Тем не менее, он считал, что на территории Старой Сербии к началу Первой балканской войны имелось «значительное число сербов». Учитывая отсутствие в Османской империи точной статистики сербского населения, Цвийич приводил следующие приблизительные данные: на 900.000 сербов, из которых до 300.000 человек исповедовали ислам (включая переселившихся в Санджак мусульман из Боснии), «арнаутшей» было до 200.000 человек, а еще 300.000–400.000 являлись настоящими албанскими колонистами. Таким образом, «старое и очень старое албанское население» представляло собой меньшую часть.

На основании вышеприведенных данных Йован Цвийич делал вывод, который с готовностью был воспринят сербскими властями и общественным мнением: «Сербия и Черногория, следовательно, имеют сильные гуманитарные и национальные причины и права, чтобы прекратить эти преступления и насильственные действия, которые осуществляются в отношении их соплеменников». По его словам, насколько «турецкое управление и албанские преступления и насилие»

остаются во многом абстрактными понятиями, настолько самой Сербией они понимаются как «уничтожение нашего народа».

Однако помимо освобождения сербского населения Старой Сербии от османского ига и насилия со стороны албанцев, Йован Цвийич сформулировал еще одну цель, достичь которую Сербия могла военным путем. Речь шла о получении того самого выхода на Адриатическое море через территорию собственно Албании, из-за чего в 1912–1913 гг. разгорелись жаркие дебаты, как в самом Белграде, так и на Совещании послов великих держав в Лондоне. Сербский ученый назвал получение подобного выхода условием освобождения страны от австрийской и турецкой блокады и подчеркнул, что именно стремление решить эту задачу во многом заставляет сербские власти «интересоваться территорией Старой Сербии». Напомнив о сербско-австрийской таможенной войне 1906–1911 гг. и трудностях, с которыми Сербия сталкивается в вопросе транзита своих товаров через территорию Османской империи, Цвийич подчеркивал, что «сейчас уже каждый крестьянин на своей шкуре почувствовал то, что, как мне кажется, раньше всего отметили английские публицисты: а именно, что Сербия – это обнесенная забором страна, а сербы – арестованный народ». По мнению автора, естественный выход на Адриатическое море лежал через территорию Старой Сербии и проходил по долине реки Дрин. «Только в результате выхода на Адриатическое море Сербия получила бы условия для экономической самостоятельности и оказалась удовлетворенной. Это – одно из главных устремлений в начавшейся войне», – заключил в ноябре 1912 г. Йован Цвийич.

Эта концепция в той ее части, которая касалась необходимости и возможности получения Сербией выхода на Адриатику через албанские земли, сразу же стала предметом жарких дебатов – особенно в условиях, когда стремление албанских лидеров создать автономную и даже независимую Албанию встречало сильную поддержку со стороны держав Тройственного союза³. В сложившейся ситуации единственным способом для сербских властей предотвратить появление у своих границ Албанского государства, опирающегося на поддержку, в первую очередь, Австро-Венгрии и Италии, было «сыграть на опережение» и попытаться, говоря словами сербского историка Димитрие Богдановича, «охватить албанский народ каким-то сербским государством». В поддержку этих намерений активно использовалась концепция об общих историко-демографических корнях сербов и племен Северной Албании, через

которую должен был проходить сербский коридор на Адриатику. Кроме того, эту цель должны были преследовать и контакты, которые ко времени Первой балканской войны установились у Белграда с отдельными албанскими лидерами, и которые получили новый импульс после ее завершения. Как заявлял еще в начале 1906 г. видный сербский политик и государственный деятель Милован Милованович, отвечая на звучавшие из Софии обвинения в стремлении Сербии получить выход на Эгейское море через Салоники, – «Сербия стремится к получению выхода на Адриатическое море, и ради этого надо будет найти какую-то комбинацию совместной государственной жизни сербов и албанцев, так, как это и было до турецкого вторжения»⁴.

Кроме того, образование Балканского союза было ускорено антитурецкими албанскими восстаниями 1910–1912 гг. Сербский историк Душан Батакович отмечает: «Понимая неспособность мирного разрешения вопроса о положении христианского населения в Турции, союзники решили воевать». В качестве официальной причины войны они назвали отказ турецких властей провести реформы в балканских вилайетах, т. е. предоставить христианскому населению европейской Турции права, равные тем, которые получили албанцы⁵.

Тем не менее, с еще одним тезисом Д. Батаковича можно поспорить, а именно: вряд ли получение выхода на Адриатическое море «в полосе между Дураццо и Сан-Джованни-ди-Медуа» являлось главной целью Сербии в Первой балканской войне. Несмотря на то, что осенью сербские войска стремительно, и не встречая сопротивление албанских отрядов, заняли Алессию, Эльбасан, Тирану и Дуррес, после чего сербские солдаты, по свидетельству сербских источников, «в экстазе попрыгали в воды Адриатики», все-таки освобождение Старой Сербии представлялось в той войне более важным фактором.

Понимая неизбежность войны, сербский премьер Никола Пашич предложил в 1912 г. албанским лидерам, по сути, «контракт на объединение сербов и этнических албанцев в Косовском вилайете» в рамках сербской государственной организации⁶. Это соглашение предусматривало, что сербские структуры (под юрисдикцию которых должен был перейти Косовский вилайет) гарантируют албанцам свободу вероисповедания, использование албанского языка в школах, судах, а также в общинных и районных администрациях, восстановление старых судебных обычаев и создание отдельной Ассамблеи, которая получила бы право принимать законы, касающиеся религиозных, образовательных и

правовых вопросов⁷. Кроме того, в албанонаселенных общинах создавалась бы албанская администрация и соответствующие административные районы⁸.

С секретной миссией в Косово были направлены два наиболее видных офицера секретной службы – будущий «герой» Салоникского процесса Драгутин Димитриевич-Апис и Божин Симич. Они должны были представить предложения Пашича Исе Болетини и Идризу Сеферу, а заодно добиться от них гарантий, что албанцы не примут участия в предстоящей войне⁹. Оба албанских лидера считались в Белграде потенциальными партнерам, поскольку во время предыдущих восстаний они установили с Сербией в целом дружественные отношения¹⁰. Кроме того, сербские власти адресовали албанцам специальные обращения, в которых говорилось, что «албанцы получают защиту и будут рассматриваться в качестве друзей, но только до тех пор, пока они будут заслуживать такого обращения»¹¹.

Однако албанцы отвергли инициативы Пашича – во многом вследствие того, что в рамках Османской империи они уже и без того пользовались вышеуказанными правами, если не де-юре, то де-факто. Сербскому правительству и албанским лидерам не удалось придти к согласию также по военному и финансовому вопросам, хотя лидеры албанского движения со своей стороны пытались договориться о совместных антитурецких действиях с сербским населением албанонаселенных вилайетов Османской империи. Кроме того, они обратились к правительству Сербии с просьбой оказать повстанцам материальное содействие.

Главная причина колебаний и непоследовательности сербского премьера заключалась в его сомнениях относительно действительных планов и замыслов албанской стороны. По свидетельству российского посланника в Белграде Н.Г. Гартвига, Пашич, крайне встревоженный «тем обстоятельством, что на сей раз восстание организуется в Косовском вилайете, в непосредственной сфере влияния Сербии»¹², отклонил эти предложения. Он направил своих представителей Аписа и Симича в Албанию как раз с целью попытаться «убедить албанских вождей в несвоевременности затеваемого ими движения»¹³. Однако и эти попытки окончились провалом.

Антисербские настроения среди албанцев питались не только их собственными национальными устремлениями, входившими в противоречие с территориальным расширением Сербии и дипломатическими

усилиями государств Центрального блока, но и активностью балканских соседей, среди которых ведущая роль принадлежала определенным болгарским кругам. Уже в 1903 г. – в период Илинденского восстания – тесные связи установились между албанскими и македонскими лидерами. Дополнительный импульс они получили во время младотурецкой революции 1908 г. В первую очередь это относилось к Внутренней македонской революционной организации (ВМРО) и ее легальной структуре в Османской империи в лице Народной федеративной партии во главе с Димитром Влаховым и Яне Санданским и к левому крылу албанского национального клуба¹⁴. Подобные контакты полностью отвечали интересам Софии, где рассчитывали, что предоставление автономии албанцам сделает более вероятным аналогичный сценарий¹⁵ и в отношении Македонии, – и начали оказывать содействие албанским лидерам уже во время албанского антитурецкого восстания в 1910 г.¹⁶

Пытаясь воспрепятствовать укреплению связей по линии «Албания-Македония-Болгария», правительство Сербии убеждало Софию в том, что появление на балканской карте самостоятельного Албанского государства представляет для болгарских интересов едва ли не большую угрозу, чем для сербских, ибо, как планировали в Вене, в состав Албании должны войти не только Старая Сербия, но и три четверти Македонии. Болгарские власти не вняли предупреждениям Белграда, что, однако, не помешало двум государствам заключить перед Первой балканской войной антитурецкий союз.

Что характерно – в своих теоретических построениях сербский премьер Никола Пашич был отнюдь не чужд интеграционных моделей, в том числе и напоминавших идею сербских и болгарских социал-демократов о создании Балканской федерации (о ней речь пойдет ниже). Так, еще в 1875 г. – в разгар антитурецкого восстания в Герцеговине – Пашич выступил с предложением о создании своеобразного «временного правительства» с участием представителей Сербии, Черногории, Воеводины, Хорватии. Эта идея внешне похожа на будущую идею Д. Туцовича и ССДП о создании – уже в региональном масштабе – Балканской федерации. Правда, «временное правительство» Герцеговины, по Пашичу, должно было базироваться на этническом – сербском – принципе, а не на интернациональном.

Стоит отметить и составленную Пашичем в 1876 г. самую раннюю программу будущей Радикальной партии. Она свидетельствовала, что идея объединения балканских народов не была чужда

Пашичу. В ней говорилось: «Что касается освобождения и объединения внешнего, мы всегда решительно выступали – «за». Только, по нашему мнению, лучшим решением этого вопроса было бы освобождение революционным путем, ... что привело бы к объединению по воле народа, а не монархов. Мы – за союз сербско-болгарского народа, а, по возможности, и за создание Дунайской конфедерации»¹⁷. Как тут не отметить, что исторические корни Балканского союза 1912 г., обусловившего победу союзников в Первой балканской войне 1912–1913 гг. против Турции (стержнем его было тайное соглашение между Белградом и Софией), а затем давшего ту самую трещину из-за раздела освобожденных земель Македонии, которая вызвала братоубийственную Вторую балканскую войну 1913 г., восходят как раз к 1889 г., когда Н. Пашич посетил с неофициальным визитом Софию и предложил болгарскому руководству заключить политический договор о союзе против Османской империи, а также соглашение о последующем разделе Македонии.

Но вернемся в 1912 г. Неспособность Белграда не только переубедить Софию, но и обеспечить своим планам в отношении Албании благоприятное общественное мнение, не в последнюю очередь была связана с тем обстоятельством, что, как во многом справедливо подметил сербский историк Димитрие Джорджевич, сербское руководство само не имело ясного представления о том, как следует решать албанский вопрос на землях, которые стали театром боевых действий в Первую балканскую войну: «Сербское правительство придерживалось точки зрения, что албанцы вообще не являются народом, а представляют собой лишь разобщенные и находящиеся в кровной вражде племена без общего языка, письменности и веры». Исходя из этого, в Белграде были уверены, что сербы возвращаются в свое отечество, которого они лишились четыре столетия назад, потеряв в противостоянии с турками Шкодер и Северную Албанию. Албанцы же выступали на стороне турок, и потому сейчас (в 1912 г.) должны разделить их судьбу»¹⁸.

С началом Первой балканской войны перед албанцами встал непростой выбор. Учитывать приходилось разнонаправленные обстоятельства: кровавое подавление турецкими властями албанских восстаний 1910–1912 гг., с одной стороны, и помощь оружием, которую они получали в эти годы от сербского правительства, с другой стороны. Однако в итоге возобладали лозунг, выдвинутый в Косово одним из албанских лидеров Исой Болетини: «Ислам в опасности». В том, что албанцы заняли сторону своих многовековых угнетателей, сыграли свою

роль и австрийская, и турецкая пропаганда, а также опасения лишиться своих привилегий, которые они уже успели выбить из Константинополя. Кроме того, албанские лидеры опасались, что переход вилайетов с албанским населением под контроль Сербии приведет к изменению их этнической картины, в связи с чем влиятельные беи лишатся военно-политического влияния и доходов¹⁹. Как заявил тогда будущий «отец независимой Албании» Исмаил Кемали, «в момент опасности албанский вопрос перестает существовать»²⁰. Собравшись 10 октября 1912 г. в Скопье, албанцы заявили, что они будут сражаться за Турцию, в том числе оружием, которое они ранее получили от Сербии. Они, кроме того, направили петицию великим державам (за исключением России) с требованием объединения албанцев, проживающих в Скутарийском, Косовском и Янинском вилайетах²¹.

Аналогичные собрания прошли в октябре в Дебаре и Приштине, на которых были поддержаны решения, принятые в Скопье. Албанцы решили защищать свое «Оттоманское отечество» с оружием в руках²². Не помогло сербам и назначение командующим Третьей сербской армии, с задачей военных действий в Косово, хорошо известного албанцам по предыдущим контактам генерала Божидара Янковича.

Узнав о решениях, принятых в Скопье, Дебаре и Приштине, турецкое правительство передало албанцам в Косово через Ису Болетини 63.000 ружей. Сам албанский лидер во всеуслышание пригрозил сжечь дома тех албанцев, которые откажутся защищать «турецкую землю». Не дремала и австрийская пропаганда, призывавшая албанских мусульман и католиков с оружием в руках выступить против сербских войск и обещавшая, что австрийская армия выступит в их поддержку с территории Боснии²³.

Однако, несмотря на все усилия турецких властей, лишь малая часть розданного оружия нашла своих обладателей. В ответ на объявленную турками мобилизацию лишь 16 тысяч албанцев собрались на границе с Сербией²⁴. Как сообщал австрийский консул в Битоли, «во время мобилизации энтузиазм в пользу формирования отрядов башибузуков преобладал по всей Албании над стремлением получить статус батальонов редифа»²⁵.

Сопrotивление албанцев оказалось серьезным лишь в ходе первых вооруженных стычек. Сербская артиллерия успешно подавила эти очаги, и албанские лидеры хорошо поняли перспективу. После взятия сербскими войсками Скопье албанцы окончательно разуверились в

военно-политической состоятельности Константинополя. Хорошо вооруженная и оснащенная сербская армия развивала свое наступление на волне беспрецедентных патриотических чувств, нацеленных на реализацию «сербской заветной мечты». Аналогичные чувства испытывали и черногорцы, успешно продвигавшиеся в направлении городов Печ и Джяковица²⁶. Смирившись с неизбежным, Байрам Цурри, Риза-бей и Иса Болетини покинули Косово и укрылись в горной албанской области Малиссия, а после взятия сербской армией 22 октября Приштины и победы 23–24 октября под Куманово Первая балканская война для Косово и Македонии была закончена. 29 октября сербская и черногорская армии соединились в Метохии. Третья сербская армия в полном составе присутствовала на литургии в Грачанице в ознаменование освобождения Косово. Сербские военные власти издали в Приштине и других освобожденных городах прокламации, в которых призывали албанцев успокоиться и сложить оружие. Часть албанцев сочла за благо укрыться в близлежащих горах, однако большинство населения приняло условия сербов. Последними разоружились албанцы Дреницы и Печа. Сербские власти в своей пропаганде подчеркивали, что война велась против Турции, а не против албанцев. На территории Косово были образованы три сербских округа – Лабский, Приштинский и Призренский, и два черногорских – Печский и Джяковицкий. Однако к довоенной идее о заключении всеобъемлющего сербо-албанского соглашения по Косово Белград уже не вернулся, установив в этих землях жесткий военно-административный режим²⁷. А дальнейшие военные действия сербов с целью получения выхода на Адриатическое море в районе города Дуррес окончательно похоронили предвоенные сценарии и комбинации.

Эта операция началась с форсирования реки Дрин, после чего сербские войска взяли города Леш, Круя и Тирана и 29 ноября вышли на Адриатику в районе Дурреса, установив контроль над самим портом. Сопrotивление албанских войск было не очень значительным, несмотря на то, что они формально входили в состав турецкой армии. Великие державы были удивлены новыми военными успехами Сербии, однако в европейских столицах хорошо понимали, что судьбы балканского разграничения окончательно решаться будут за столом переговоров, а не на поле битвы. Британский дипломат Джордж Бьюкенен даже позволил себе саркастически заметить своему сербскому коллеге по поводу занятия «города Драч» (как в сербском языке и по сей день именуется

Дуррес, известный Европе того времени как «Дураццо»): «О, у вас уже есть название для Дураццо!»²⁸.

Стремительные успехи сербской армии произвели тяжелое впечатление на албанских лидеров. По образному выражению албанского исследователя Ставро Скенди, «проблема, с которой должны были столкнуться албанские патриоты, оказалась весьма зловещей: судьба их страны»²⁹. Во время Первой балканской войны албанцы в основной сражались на стороне Османской империи, поскольку «они верили, что, делая это, они лучше защитят собственную территорию»; теперь же они оказались свидетелями осады черногорцами Шкодера, оккупации сербами центральной части Албании и марша греческой армии на Янину – иными словами, «расчленения» их отечества³⁰. Еще больше осложняли ситуацию отсутствие в стране дееспособной центральной власти и плачевное состояние инфраструктуры. Отныне судьба Албании и албанцев оказалась в значительной степени в руках международной дипломатии – в первую очередь держав Тройственного союза. И не случайно один из лидеров и идеологов албанского национально-освободительного движения Сами Бей Фрашери именно в Вене и Лейпциге опубликовал в 1913 г. свое знаменитое сочинение³¹.

Один из ведущих современных сербских историков Славенко Терзич по-своему видит главные причины неудачи попыток властей Сербии и лидеров недавних антитурецких восстаний договориться накануне Первой балканской войны о создании единого фронта против Константинополя. По его мнению, национальное возрождение албанцев запаздывало по сравнению с другими балканскими народами, а его главными носителями были албанцы – православные и католики, занимавшие более высокую ступень социального и культурного развития, чем исповедовавшие ислам. Албанцы-мусульмане, составлявшие большинство албанского населения, во время Восточного кризиса были полностью на стороне Османской империи и самыми горячими защитниками теократического характера османского общества, сопротивляясь какой бы то ни было его европеизации, не отделяя интересы албанцев от интересов всей империи. Безусловно, ситуация менялась в конце XIX – начале XX вв., когда на политическое поведение албанцев вместо Турции стала влиять Австро-Венгрия, которая в албанском национальном движении видела удобное средство для осуществления своих имперских политических амбиций на Балканах. На главном направлении австрийских политических стремлений на Балканах, а в этих рамках и в отноше-

нии Старой Сербии, находилась и поддержка албанского экспансионизма в Старой Сербии со стороны Двуетной монархии. В Вене считали, что вытеснение сербов из этой области – в интересах австро-венгерской балканской политики. Такая политика делала невозможным попытки политического договора между сербами и албанцами для совместной борьбы против Турции. Накануне освобождения Старой Сербии в 1912 г. политические лидеры Королевства Сербии стремились установить связи с представителями местных албанцев для совместной борьбы против Османской империи. Сербское правительство обратилось с прокламацией к албанцам, в которой, в частности, говорилось, что сербская армия идет против Турции, чтобы освободить сербов и албанцев, что албанцам будет обеспечена мирная жизнь и защищено имущество, сохранены старые обычаи, что им будет гарантировано управление своими школами и церквями. Однако, религиозная идентификация с оттоманской властью, а также сильное влияние Австро-Венгрии на политическое руководство албанцев были намного сильнее идеи балканской солидарности. Играла свою роль и позиция международной общественности. Она в целом носила антисербский и проалбанский характер – причем это было характерно не только для Австро-Венгрии, но даже для лишь только начинавших присматриваться к балканским проблемам США. Американская пресса уделяла растущее внимание к ситуации вокруг Албании и сербо-албанским отношениям, видя в ней серьезную угрозу общеевропейскому миру и испытывая явное недоверие по отношению к властям Сербии. В частности, по словам выходившей в Нью-Йорке газеты «Нью-Йорк трибьюн», «для безопасности недостаточно одних заверений Сербии в том, что она не будет укреплять свой порт на Адриатике, и коридор через Албанию к побережью не может быть ей дозволен»³²...

Специалист в области сербо-албанских отношений сербский историк Душан Батакович формулирует главные причины сложных взаимоотношений сербов и албанцев в начале XX в. более кратко. По его мнению, основную роль играла «многовековая приверженность большинства албанцев в Оттоманской империи исламской структуре общества (в которой мусульманин имел привилегированный статус: христианин обязан был подчиняться)», вследствие чего сербам и албанцам даже при наличии общего неприятеля в лице Константинополя не удавалось «создать более или менее постоянное политическое сотрудничество и достичь национальной и религиозной терпимости». Кроме того, с подъемом албанского национального самосознания и параллельным

развитием сербского и черногорского освободительного движения их взаимные интересы объективно получали почву для противоречий. В результате, вместо совместной с другими балканскими союзниками борьбы против Османской империи албанские лидеры, за редким исключением, сделали выбор в пользу реализации идеи «этнической Албании»³³. Для того, чтобы лучше понять видение ими ситуации, сложившейся вокруг Албании, приведем фрагмент из воспоминаний главы созданного во Влёре 28 ноября 1912 г. временного албанского правительства Исмаила Кемали, опубликованных в 1920 г. в Лондоне:

«Летом 1911 г. я отправился в Цетинье, чтобы присоединиться к лидерам малиссоров, нашедшим убежище со своими семьями в Черногории перед лицом угроз со стороны Торгута Шефкет-паши. Я хочу воспользоваться возможностью, чтобы выразить нашу признательность королю Николе, который оказал мне содействие в решении моей задачи, оказав дружеский прием, и помог нашедшим убежище семьям своей добротой и человечностью. Все прославившиеся героическим сопротивлением делегаты малиссоров подписали на встрече в Гертче меморандум, разработанный по моей инициативе и содержащий сведенные в двенадцать пунктов национальные требования, – одновременно подтвердив еще раз свои заверения в желании быть частью Оттоманской империи. К сожалению, этот период успокоения оказался кратковременным. Новая Палата, выборы в которую были навязаны в целях укрепления позиции правительства, состоявшего исключительно из младотурок, возобновила свою игру, в которой они одной рукой отнимали то, что другой рукой давали в предыдущий день.

Озабоченный подобным актуальным подходом Порты и убежденный, что война с Италией может привести на Балканах к всеобщей войне, окружавшей Албанию со всех сторон, я обратился из Ниццы, где находился в отставке, с циркулярным письмом ко всем албанским центрам, напомнив им о категорической необходимости быть готовыми к любой возможности. Эти мрачные предупреждения и всеобщее недовольство, вызванное Триполитанской войной, вызвали в Албании всеобщее восстание. Дикое упрямство младотурок в их попытках абсорбировать национальности сделало наше сопротивление неизбежным и заставило нас подняться на борьбу за нашу национальную жизнь. Находясь в условиях, когда наше существование как народа было подвергнуто нападению и поставлено под угрозу, – могли ли мы не озаботиться, прежде всего, собственным спасением – хотя мы и

чувствовали, насколько сильно эта борьба идет вразрез с нашим не ослабевавшим желанием быть вместе с Империей? Всеобщее восстание и триумфальное вступление лидеров всех племен в Ускюб (Скопье. – *П.И.*) положили конец экстравагантной и преступной власти младотурок и привели к роспуску Палаты. Наши патриотические цели были достигнуты, и с этого времени мы на будущие вновь вернулись к нашей верности Империи.

Вновь отправившись из Валоны (Влёра – *П.И.*) в Константинополь, я прибыл в Триест, где меня посетил полковник Бекир, который заявил мне, что черногорский князь Мирко хотел побеседовать со мной в Порто-Росо под Триестом. Когда я его увидел, князь показал мне телеграмму, полученную от короля, его отца, приглашавшую меня посетить его в Антивари и обсудить ту роль, которую Албания могла бы сыграть в войне против Турции, и те преимущества, которые она могла бы извлечь из подобного участия. Однако подобный разговор не состоялся. Я счел его преждевременным и решил, что со всех сторон будет лучше, если я прежде установлю контакты с новым кабинетом, его основными министрами, среди которых были мои личные друзья, с тем, чтобы попытаться прийти к взаимопониманию, – что я и разъяснил королю Николе в телеграфном ответе. Но когда я сделал то, что предполагал, обнаружил, что попросту бьюсь о слепое упрямство тех, кто отказывается осознавать всю тяжесть ситуации или рассматривать те угрозы, о которых я дал им понять, не нарушая условия конфиденциальности, которыми я был связан в Порто-Росо. Порта считала достаточными паллиативные меры и отказалась предпринимать энергичные шаги, которые были необходимы. Столкнувшись с подобным подходом, балканские союзники объявили Турции войну, и болгарские армии приступили к оккупации Кирк-Килиссе, в то время как сербы заняли Ускюб (Скопье. – *П.И.*). Я понимал, что для нас, албанцев, настало время предпринять энергичные меры для собственного спасения.

Великий визирь Кямиль-паша настаивал на том, чтобы я был с ним, предложил мне портфель в своем кабинете. При других обстоятельствах я бы принял этот достойный пост с удовольствием, но теперь мои более высокие обязанности заставили меня отказаться от него. Мое место было уже не там, и я полностью посвятил свою службу моей собственной стране. Кямиль-паша в конце концов склонился было к признанию неотложных обстоятельств, которые он не мог отрицать, и мы расстались с взаимным сожалением. По пути обратно я заехал в Бухарест,

где имелаась большая албанская колония. По результатам состоявшихся там встреч, пятнадцать моих соотечественников решили отправиться со мной обратно в Албанию. Я отправил телеграммы во все районы Албании, предупредив о моем приезде, и заявил, что для нас настал момент осознать наши национальные стремления. Одновременно я попросил делегатов из всех районов страны отправиться в Валону, где должен был состояться национальный конгресс.

В Вене я получил телеграмму от своего личного друга в Будапеште, который пригласил меня приехать туда, чтобы побеседовать с одним высокопоставленным лицом. Моим первым визитом в Будапеште стало посещение графа Андраши, у которого я встретил графа Хадика, его старого друга и бывшего заместителя государственного секретаря. Он сказал мне, что персону, которую я должен был увидеть – ни кто иной, как граф Берхтольд. Я встретился с ним в тот же вечер в доме графа Хадика. Его Превосходительство одобрил мои взгляды по национальному вопросу и с готовностью удовлетворил единственную просьбу, с которой я к нему обратился, а именно – предоставить в мое распоряжение корабль, чтобы я мог прибыть в первый же албанский порт до того, как к нему подойдет сербская армия.

Поскольку Валона была блокирована греческим флотом, я был рад высадиться в Дураццо. Там мы обнаружили два ожидавших нас греческих военных корабля, которые находились там с предыдущего вечера. Наш капитан очень беспокоился за нас – и не без причины; мы разделяли его озабоченность. Однако поднявшийся на борт офицер после проведения скрупулезного исследования, во время которого он не нашел ничего, за исключением небольшого количества оружия у моих компаньонов, позволил мне сойти на берег, и наш корабль продолжил свой путь.

Мы обнаружили, что народ в Дураццо находился в полном неведении о происходящих событиях. Обманутые разрозненными новостями, приходившими к ним по тенденциозным каналам, они верили, что турецкая армия побеждает, занимает Филиппополь и марширует на Софию и Белград. Они даже не знали, что сербы стоят у самых их ворот. Наше прибытие вызвало определенное волнение в городе, разжигавшееся турецкими элементами, к которым присоединилась часть местного населения, состоявшая в основном из боснийских иммигрантов; они распространяли сведения, что мы является агентами-провокаторами. Эти особые и локальные чувства не помешали Дураццо и близлежащим

округам выбрать своих делегатов на национальный конгресс, и они отправились в Валону вместе со мной и моей небольшой группой албанцев из Бухареста.

Мы передвигались верхом, и перед прибытием в первый остановочный пункт я узнал от явившегося встретить меня местного нотабля, что турецкий главнокомандующий в Янине направил телеграмму местной жандармерии с требованием арестовать меня и доставить в его штаб-квартиру. В соответствии с этим мы изменили наш маршрут и провели ночь в другой деревне. На следующее утро начальник жандармов, который должен был осуществить арест, показал мне телеграмму от того же командующего в Янине, просившего местные власти принять нас с почтением и сделать все, что в их силах, чтобы помочь нам в нашей поездке. Однако нас это ничуть не успокоило, а скорее подтвердило тревожные новости, услышанные вечером накануне; и в итоге, отказавшись от маршрута, по которому нас отслеживали, я выбрал более безопасный, и мы в итоге прибыли в Валону. Здесь прием нас сильно отличался от того, что был в Дураццо. Моим родным городом овладело пламя патриотизма, и мы встречали повсюду общественный энтузиазм и восхищение. Очень быстро я оказался в окружении восьмидесяти трех делегатов, мусульман и христиан, которые прибыли из всех частей Албании, независимо от того, были они оккупированы воюющими армиями или нет.

Сразу же открылся конгресс. На его первом заседании – 15/28 ноября 1912 г. – делегаты единогласно проголосовали за провозглашение независимости. Затем заседание было прервано, и его участники покинули зал, чтобы подняться к моему дому – дому, где я родился, и в котором жили мои предки, – сопровождаемый приветственными восклицаниями тысяч людей и славным флагом Скандербега, покоившимся в свернутом виде последние 445 лет. Это был незабываемый момент, мои руки дрожали от волнения, когда я в надеждой и гордостью закреплял на балконе старого дома штандарт последнего национального правителя Албании. Казалось, словно сам дух бессмертного героя спустился в этот момент как священный огонь над головами людей ³⁴.

На возобновившемся заседании я был избран Председателем Временного правительства с мандатом на формирование кабинета. Но я считал более подходящим, чтобы и министры были избраны Конгрессом, и поэтому отказался от данной прерогативы, оставив за собой лишь распределение портфелей. Правительство было создано, Конгресс избрал

восемнадцать членов, которые должны были сформировать Сенат. Я уведомил о конституции нового государства великие державы и Высшую Порту следующей телеграммой:

“Национальная Ассамблея, образованная делегатами, прибывшими из всех частей Албании, независимо от вероисповедания, собравшаяся сегодня в городе Валона, провозгласила политическую независимость Албании и создала Временное правительство, которому поручено решать задачу защиты прав албанского народа, которому угрожает истребление со стороны сербских армий, и освобождения национальной территории, подвергшейся вторжению иностранных сил. Сообщая об этих фактах Вашему Превосходительству, я имею честь просить Правительство Его Британского Величества³⁵ признать данное изменение в политической жизни албанской нации.

Албанцы, которые вошли в семью народов Восточной Европы, где они льстят себя надеждой быть самым древним народом, преследуют одну-единственную цель – жить в мире со всеми балканскими государствами и стать элементом стабильности. Они убеждены, что Правительство Его Величества, а также весь цивилизованный мир, окажут им благожелательный прием, защитив от нападений против их национального существования, и от любого расчленения их территории”.

Мною, как наделенным президентской властью, владела одна – доминирующая – мысль: обустроить то небольшое пространство нашей страны, которое оставалось у нас, и продемонстрировать великим державам, что Албания способна сама управлять собой и нуждается в доверии со стороны Европы. Что касается будущего правителя, то интерес к этому в тот момент заключался не столько в его персоне, сколько в принципе, на основании которого должен был определиться выбор между европейским и мусульманским князем. Моя собственная точка зрения открыто тяготела в пользу христианского и европейского князя, и в этом меня поддерживали все албанцы; кроме того, данная позиция соответствовала тем политическим обстоятельствам, которые необходимо было принять во внимание. Только европейский правитель мог бы должным образом повести нас в великую европейскую семью, членами которой мы становились. Вопрос о религии князя не принимался во внимание, так как все три вероисповедания, отправлявшиеся в стране – мусульманское, католическое и православное – пользовались равной и полной свободой, никакое соперничество и никакое превосходство были невозможны.

Высокая Порта сразу же после получения нашего уведомления о независимости, встала в оппозицию к нашим вожделям. Великий визирь в ответной телеграмме на мою ноту попытался навязать нам в качестве правителя члена императорской³⁶ семьи. Согласно его позиции, Албания могла быть спасена, исключительно будучи вассалом Османской империи с князем из императорской семьи. На какую державу – спросил он – она намерена опираться? На Австрию? На Италию? Пусть она не забывает – добавил он – пример Крыма, чья независимость под протекторатом России стала лишь прелюдией к полному подчинению. Мой ответ заключался в том, что Албания опирается ни на Италию, ни на Австрию, а на права албанцев существовать и иметь собственную национальность, а также на обязанность держав уважать национальности. Я добавил, что Турция могла бы быть ничем иным, как плохим защитником дела свободы национальностей, и что Албания предпочтет сама защищать свое дело; однако с другой стороны, когда окончательное решение будет достигнуто, она сделает все, что в ее силах, чтобы новая ситуация не стала препятствием для развития хороших отношений с Высокой Портой. В конце концов, я могу объявить одну кандидатуру на албанский трон, за которой последуют другие, но они не будут иметь никакого веса для албанцев, обращающих свое доверие к великим державам.

Вопреки подобному подходу Порты и угрозе со стороны турецких армий, все еще оккупировавших часть страны, мы занялись организацией администрации и поддержанием порядка в тех ее частях, которые нам остались. У нас вызвало отвращение молчание великих держав, их равнодушие к вторжению Сербии и опустошению нашей земли при одновременной блокаде и бомбардировке со стороны Греции города Валона и побережья. Немногим позже греческий флот перерезал кабель, остававшийся единственным каналом связи с остальным миром, и мы оказались полностью изолированы и отрезаны от любой информации о том, что происходит за нашими границами...

Теперь нам оставалось лишь дожидаться того дня, когда представители цивилизации и человечества объединятся и решат признать наши права, которые столь долго, к несчастью, игнорировались с единственным оправданием: попытаться избежать того неизбежного. Мы убеждены, что справедливые и согласованные для нас меры были бы выгодны не только нам, но и тем, кто стремится к собственному росту и укреплению путем нашего уничтожения. Реконструкция балканского

дома и гарантия его независимости стали бы одним из самых действенных факторов мира на Востоке и в мире. Это балканское здание может быть крепким лишь благодаря совместным усилиям и путем консолидации Албании, являющейся его четвертой опорой»³⁷...

Особняком на албанской сцене тех лет находилась фигура крупного землевладельца Эссад-паши Топтани. В начале 1913 г. турецкие власти доверили Эссад-паше командование гарнизоном крепости Шкодер – осажденной союзными сербо-черногорскими войсками. Он проявил на этом посту незаурядные полководческие способности; однако 23 апреля 1913 г., когда в крепости свирепствовали голод и эпидемии, все же был вынужден сдать Шкодер черногорцам, вытребовав, правда, почетные условия капитуляции: право покинуть крепость во главе отрядов в полном боевом вооружении. Поскольку к этому времени Совещание послов великих держав в Лондоне уже в принципе приняло решение оставить Шкодер в границах автономного Албанского княжества, сдача крепости на почетных условиях представлялась Эссаду мудрым политическим решением³⁸. Впрочем, британские источники называли более точную цену уступчивости Эссад-паши: 16.000 фунтов стерлингов, которые он якобы получил от Сербии «в поддержку его притязаний на титул правителя Албании под сюзеренитетом султана, при условии отказа от Шкодера и территорий к северу от реки Дрин в пользу Черногории»³⁹...

Вооруженная сила и денежные средства были необходимы Эссаду для начала ожесточенной борьбы за верховенство в Албании – в которой к тому времени участвовало несколько влиятельных группировок. И в этой борьбе он рассчитывал не только на поддержку влиятельных мусульманских лидеров Центральной Албании (на территории между Дурресом и Тираной), но и на помощь славянских союзников в лице Сербии и Черногории. Уже 5 мая 1913 г. он проинформировал черногорского короля Николу о своем намерении провозгласить себя верховным правителем Албании и выразил желание сотрудничать с балканскими союзниками, подчеркнув, что албанский народ обязан своей свободой другим балканским народам, и пообещал совместными усилиями – без участия великих держав – определить границы Албании. А сербскому дипломатическому представителю в Дурресе Живоину Балугджичу он прямо заявил, что хочет заключить соглашение с Сербией.

Дипломат поверил своему собеседнику и постарался убедить сербские власти в искренности его намерений⁴⁰. И Белград после определенных колебаний согласился иметь дело с Эссад-пашой, поскольку, как заверял сербские власти Балугджич, «в общем и целом его поведение выражало искреннее желание достичь соглашения с Сербией, которую он считал ядром действующих на Балканах сил»⁴¹.

Вторая балканская война 1913 г. стала еще одним искушением для Эсада. Стремясь свести счет со своей недавней союзницей – Сербией – Болгария попыталась сделать ставку на албанских лидеров, в первую очередь, группировавшихся вокруг главы временного албанского правительства во Влёре Исмаила Кемали. В обмен на вооруженное выступление против Сербии им были обещаны территориальные компенсации за счет сербских земель. Расчеты Софии строились на том, что восставшие против Сербии албанцы провозгласят автономию на территории Македонии, а затем Болгария аннексирует интересующие ее районы под предлогом обеспечения безопасности. В результате реализации данного плана, говоря образными словами Душана Батаковича, «через Македонию пройдет албано-болгарская граница». С военной же точки зрения, штаб болгарской армии рассчитывал на 20 тысяч албанских штыков из Старой Сербии и Македонии, которые после Первой балканской войны нашли прибежище в Албании. Повести это войско в антисербские сражения должны были заседавшие к тому времени во Влерском правительстве Хасан Приштини и Иса Болетини. Временное албанское правительство распорядилось задержать на албанской территории беженцев из Старой Сербии, аргументируя это тем, что вскоре их земли будут освобождены из-под власти Сербии⁴².

Болгарские комитаджи активно готовили албанские отряды для партизанских действий внутри Сербии; оружие и финансовые средства исправно поступали из Вены. На пестрой албанской сцене единственной силой, способной противостоять попыткам албанских лидеров спровоцировать антисербское восстание в Косово и Македонии, чтобы потом прийти на помощь соплеменникам, являлся в создавшейся ситуации Эссад-паша. Он остался верен союзническим обязательствам в отношении Сербии и не только отказался присоединиться к албанским главарям, но и держал сербское правительство в известности о происходящем⁴³.

В итоге организовать скоординированное албанское выступление против Сербии не удалось. Против него выступил Эссад-паша, и его

влияния хватило для нейтрализации усилий и Болгарии, и Австро-Венгрии с Италией. Две последние великие державы действовали в унисон с Софией, пытаясь – через своих агентов в лице священников и школьных учителей – натравить албанцев на Сербию, а заодно дискредитировать Эссада как главного противника данных усилий⁴⁴. В результате, в мае–июне 1913 г. дело ограничилось разрозненными нападениями на сербские пограничные посты и отдельные передовые отряды. Что же касается позиции других албанских лидеров, то их настроения хорошо выразил Иса Болетини. Покидая в гневе Лондонское совещание послов великих держав после отказа его участников присоединить Косово к Албании, он в сердцах бросил: «Когда придет весна, мы удобрим равнины Косово телами сербов, от которых мы пострадали слишком много, чтобы это забыть».

Эмоции Исы Болетини были во многом связаны как раз с начальными месяцами Первой балканской войны – когда, вместо возможного и обсуждавшегося в сербском руководстве сербо-албанского антитурецкого альянса, армия Сербии стремительно заняла те районы Балкан, которые албанцы считали ядром своего будущего национального государства. История отвела косовским землям противоречивую и взрывоопасную роль: служить одновременно колыбелью национальной государственности двух народов. И то, что, по крайней мере, часть косовско-албанского этноса имеет сербские и православные корни, сделало данное обстоятельство еще более драматическим. А своекорыстная и очень часто провокационная роль великих держав лишь усиливала и продолжает усиливать сербо-албанские противоречия...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: *Вайганд Г.* Етнография на Македония. Скопье, 1924.

² *The Day Book* (Chicago). 2 Nov. 1912.

³ Подробнее см.: *Борђевић Д.* Излазак Србије на Јадранско море и конференција амбасадора у Лондону 1912. Београд, 1956.

⁴ *Први Балкански рат.* Београд, 1959. С. 48.

⁵ Там же. С. 147–176; *Богдановић Д.* Књига о Косову. Београд, 1990. С. 165–176.

⁶ *Mikić Dj.* The Albanians and Serbia during the Balkan Wars // *East Central European Society and the Balkan Wars.* New York, 1987. P. 170.

⁷ *Ibid.*

- ⁸ *Микић Ђ.* Албанци и Србија у балканским ратовима 1912–1913 // Историјски гласник. 1986. № 1–2. С. 60; *Станковић Ђ.* Никола Пашич и стварање балканске државе // Марксистичка мисао. 1985. № 3. С. 157–169.
- ⁹ *Поповић Ч.* Рад организације «Уједињење или смрт» – припреме за Балкански рат // Нова Европа. XVI. 1927. № 10–11. С. 313–315; *Jovanović M. Z.* Pukovnik Apis. Beograd, 1957. S. 649–651; *Savremenici o Kosovu i Metohiji 1850–1912.* Beograd, 1989. S. 351–353, 381–383.
- ¹⁰ *Ђорђевић Д.* Излазак Србије... С. 53–54; См. такође: *Поповић Ч.* Рад организације «Уједињење или смрт»...
- ¹¹ *Mikić Dj.* The Albanians and Serbia... P. 171; См. такође: Први Балкански рат... С. 294–296, 417, 432.
- ¹² Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 353.
- ¹³ Там же. Л. 366.
- ¹⁴ Подробнее см.: Историја српског народа. Књ. 6. Т. 1. Од Берлинског конгреса до уједињења 1878–1918. Београд, 1983. С. 165–166; Историја на македонскиот народ. II. Скопје, 1969. С. 326–327.
- ¹⁵ Први Балкански рат... С. 83, 90.
- ¹⁶ Там же. С. 79.
- ¹⁷ *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998. С. 118. Позднее идея южнославянской или балканской конфедерации и сербско-болгарского союза получит в идейных исканиях Н. Пашича новый импульс в период его нахождения в эмиграции в Болгарии в середине 1880-х гг.
- ¹⁸ *Ђорђевић Д.* Излазак Србије... С. 11–12.
- ¹⁹ Први Балкански рат... С. 416.
- ²⁰ *Mikić Dj.* The Albanians and Serbia... P. 170.
- ²¹ *Ђорђевић Д.* Излазак Србије... С. 84.
- ²² *Микић Ђ.* Албанци и Србија... С. 60.
- ²³ *Микић Ђ.* Албанци и Србија... С. 61; *Ratković B.* Prvi balkanski rat 1912–1913. Beograd, 1975. S. 246–247.
- ²⁴ Први Балкански рат... С. 417.
- ²⁵ *Mikić Dj.* The Albanians and Serbia... P. 171.
- ²⁶ *Tomić J.* Rat na Kosovu i Staroj Srbiji 1912. godine. Novi Sad, 1913.
- ²⁷ Први Балкански рат... С. 46–417, 464, 469, 496; *Микић Ђ.* Албанци и Србија... С. 63.

- ²⁸ Подробнее см.: *Dragnich A., Todorovich S. Prelude To World War I: Balkan Wars and Serbo-Albanian Relations // Kosovo. 1992.*
- ²⁹ *Skendi S. The Albanian National Awakening, 1878–1912. Princeton, N.J., 1967. P. 451.*
- ³⁰ *Ibid. P. 452.*
- ³¹ *Fraserheri, Sami Bey. Was war Albanien, was ist es, was wird es werden? Vienna – Leipzig, 1913.*
- ³² *The New York Tribune. 11 Nov. 1912.*
- ³³ *Skend S. Op. cit. P. 438–463; Barti P. Op. cit. P. 173–184; Hrabak B. Arbanaski ustanci 1912 godine. S. 323–350; Mikic B. The Albanians and Serbia... P. 165–196; Kosovo und Metochien in der serbischen Geschichte. Lausanne, 1989. P. 311.*
- ³⁴ Вместе с Исмаилом Кемали флаг на балконе двухэтажного здания подняли Иса Болетини и Луиджь Гуракучи.
- ³⁵ В тексте изданных в Лондоне мемуаров Исмаила Кемали по понятным причинам процитирована телеграмма правительству Великобритании. В телеграммах в другие столицы подобное обращение менялось в соответствии с местными государственно-дипломатическими реалиями.
- ³⁶ Так в тексте. По смыслу соответствует «султанской».
- ³⁷ *The Memoirs of Ismail Kemal Bey. London, 1920. P. 368–386.*
- ³⁸ Подробнее см.: *Батаковић Д. Есад-паша Топтани и Србија 1915. године // Србија 1915. године. Београд, 1986. С. 299–303.*
- ³⁹ *Смирнова Н.Д. История Албании в XX веке. М., 2003. С. 58.*
- ⁴⁰ *Храбак Б. Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988. С. 52–64.*
- ⁴¹ *Балуѓић Ж. Кад се стварала Албанија // Српски књижевни гласник. Београд, 1937. С. 521–522; Микић Ђ. Албанци и Србија... С. 75; Документи о спољној политици Краљевине Србије. Књига VI. Свеска 2. Београд, 1984. С. 75, 77, 80, 86, 93, 100, 105, 124, 130, 135.*
- ⁴² *Документи... Књига VI. Свеска 3. С. 262.*
- ⁴³ Подробнее см.: *Храбак Б. Арбанашки упади и побуне... С. 33–38, 60–61.*
- ⁴⁴ *Документи... Књига VI. Свеска 3. С. 194, 239, 253.*

Сербия и албанский вопрос (1912–1913). Причины, политика, традиция

История сербско-албанских отношений в период от Берлинского конгресса до завершения Первой мировой войны была наполнена спорами, столкновениями и конфликтами. Для конфронтации существовало много причин – кровавые стычки, месть, бесцельная борьба. Некоторые события имели продолжительное влияние на отношения между сербами и албанцами, переносясь в более поздний период и, тем самым, создавая своего рода преемственность и вертикаль сербско-албанских отношений¹. Прежде всего, надо сказать, что территории, которые ранее населяли и ныне населяют как сербы, так и албанцы, и области, где они соприкасались и сталкивались, формировали менталитет одних и других, вырабатывали их взгляды и мировоззрение, а также «провоцировали» заинтересованность и присутствие великих держав в этих областях. Мощное историческое наследие, присутствующее всюду эпическое племенное сознание и, как правило, мифологическое понимание прошлого чаще всего становились основой национальных идей. Столкновение национальных идей сербов и албанцев решающим образом определило характер их взаимоотношений, придавая особую силу межэтническим конфликтам и направляя их в русло территориальных претензий и межэтнического соперничества. Особенно важную роль играли великие державы, стремившиеся реализовать собственные интересы в регионе; навязывавшиеся ими проекты сербско-албанских отношений, как правило, лишь поощряли различия между двумя народами. Отдельную проблему представляла неудачная попытка интеграции албанцев в сербское государство после Первой балканской войны.

Различия в менталитете, обычаях, образе жизни и социальных нормах придали особую печать сербско-албанскому взаимному непониманию. Иностранное вмешательство в Албанию решающим образом стало влиять на формирование ее политической судьбы, открыв в ней новую историческую главу, отмеченную постоянными попытками соседей и великих держав в той или иной мере «поучаствовать» в развитии албанской ситуации. Рассмотрим некоторые аспекты социальных, ментальных,

географических, стратегических, политических причин сербско-албанских противоречий в конце XIX–XX вв.

Географическое положение

Территория нынешней Республики Албания занимает площадь 28 748 км². Это, в основном, холмистая и горная страна. Вдоль берега от Скадарского озера до Валоны (Влеры) стелется низменность. Горными цепями в направлении с востока на запад побережье отделено от менее населенных районов.

Выделяют три географические зоны: 1) Прибрежная зона со средиземноморским климатом и растительностью, где имеются очень благоприятные условия для сельского хозяйства. В средние века отсюда вывозилось зерно, что придавало Албании особое экономическое значение в регионе. 2) Область высокогорья (Проклетие или Северо-Албанские Альпы), простирается вдоль сербско-македонской и македонско-албанской границы до Охридского озера. Пространство Проклетия характеризуется глубокими речными долинами, которые чередуются с котловинами. Горные хребты достигают высоты более 2000 м. (самые высокие: Кораб – 2751 м. и Езерца – 2694 м.). Весь район малонаселен, экономически слабо развит и малодоступен. 3) Внутренняя, южная часть страны – также горный район. Но благодаря просторным котловинам и широким речным долинам, сельскохозяйственные земли весьма обширны. Эта территория простирается до Эпира.

Адриатическое море обеспечивает подход к Албании с запада, но из-за мелководья имеется не так много подходящих портов, кроме Дурреса (Драча) и Влеры (Валоны). Одним из важнейших коммуникационных путей является долина реки Шкумбы (Шкумбии), по которой в старые времена проходил путь *Via Egnatia* из Дураццо в Фессалоники (Салоники), как наиболее удобной связующей нити между Адриатическим морем и Македонией². В то же время, это было самым удобным направлением для продвижения с востока в глубь Албании, которое турки использовали в своих завоеваниях. Другой путь, который ведет через долину реки Дрин в центр Албании, можно было относительно легко защищать, поэтому он был пригоден для продвижения только в благоприятные времена года³. В средние века по этому пути пробивались сербские правители. Несмотря на малодоступность территории Албании, ее географическое положение очень важно геостратегически. Расстояние между Албанией и Апеннинским полуостровом в направлении Отранто со-

ставляет всего 80 км.⁴ При этом, труднодоступность края затрудняла проникновение во внутренние районы Албании⁵. Недоступная с суши, легко обороняемая, эта территория позволяла создавать компактную зону обороны, что ее правители широко использовали.

Столкновение идей и межэтническая напряженность

Национальная эмансипация албанцев проходила в очень специфических условиях. Прежде всего, на развитие албанского общества повлияли турецкий феодализм, замедленное проникновение современных капиталистических тенденций, региональное и религиозное разделение, а также этническая чересполосица. В результате появились более сложные структуры феодального общества на юге и сильные племенные общины на севере Албании. Кроме того, долго длившаяся колонизация севера горами создала разные по силе и влиянию ветви албанского этноса в Косово, Метохии, Албании и Эпире. Конечно, на развитие национальной идеи в Албании повлиял целый ряд внешних факторов, таких, как связи албанской знати с османской государственной системой, экономическая и политическая экспансия Австро-Венгрии, а затем и Италии в конце XIX в., как и последующий конфликт между ними за контроль над бассейном Адриатического моря. В этих общественных структурах рождались многочисленные политические программы, идеи и движения, которые привели к ряду албанских восстаний и движений в XIX в.⁶

Албанский вопрос возник при заключении Сан-Стефанского мира и в ходе подготовки к Берлинскому конгрессу. Первым проявлением организованной борьбы албанцев за национальное освобождение стала Призренская лига. Значительное влияние на ее формирование оказали войны Сербии и Черногории против Турции, их военные цели и результаты⁷. В условиях общего кризиса в регионе, конфликта интересов великих держав и национальных устремлений балканских народов влиятельные лидеры албанского культурного кружка в Константинополе Абдул Бей Фрашери и Пашко Васа начали политическую деятельность, направленную на достижение албанской автономии и независимости. В то время, как Пашко Васа действовал среди дипломатических представителей великих держав, Фрашери подготовил меморандум в адрес правительства Османской империи, в котором требовал создания единого албанского вилайета (провинции), где власть должна была быть доверена албанцам, а образование, суд и администрация функционировать на албанском языке. Подразумевалось, что будущий вилайет должен охватывать территории

Косовского, Скадарского, Янинского и Битольского санджаков, т. е. земли, где на момент выработки программы албанское население составляло около 44%⁸. Несомненно, на будущее подразумевались новые территориальные претензии и национальная экспансия. Такая национальная программа не нашла понимания османских властей. Агитация среди представителей великих держав также не дала значительных результатов.

Великий Восточный кризис вызвал крупные потрясения на Балканах. Бурный расцвет национальных движений и идея создания независимых государств не обошли стороной албанцев, но им не удалось решить свои национальные проблемы, в том числе при заключении Сан-Стефанского мирного договора. Реакцией на такой исход событий и было создание 10 июня 1878 г. Призренской лиги, которую составили влиятельные представители албанской знати, торговцев и интеллектуальной элиты⁹. Уже 15 июня Лига направила меморандум великим державам, требуя целостности албанской территории. Тем самым албанский вопрос был впервые вынесен на международный уровень. Центры Лиги находились в Призрене и Гирокастре и действовали через сеть комитетов, сформированных на территории Албании. Координационный центр Лиги был в Эльбасане.

На первом этапе своего существования Призренская лига выступала за территориальную целостность Османской империи. Поэтому она прервала работу комиссии по разграничению с Черногорией, воспротивившись черногорскому расширению в областях Плава и Гусинья¹⁰. Одновременно Абдул Фрашери поднял восстание в южной Албании, чтобы остановить греческое продвижение в Эпире, проводившееся в нарушение постановлений Берлинского конгресса о границах новопринятых государств¹¹. Вследствие того, что в сентябре 1880 г. Порта была вынуждена принять берлинские решения как окончательные и уступить Улцинь Черногории, а часть Эпира Греции, между Лигой и центральной властью в Стамбуле произошел конфликт¹². Другой его причиной явился раскол в самой Лиге: в ней выделилось автономистское направление, выступавшее за определение статуса албанцев в Османской империи; реформистское течение довольствовалось реформами в рамках существующей системы.

Комитет Лиги в Приштине вступил в конфликт с режимом, оказав сопротивление рекрутскому набору и признанию полномочий государственных чиновников. Речь шла об открытом неподчинении центральной власти. В Призрене в январе 1881 г. возникли беспорядки, которые быстро перекинулись в Скопье и Дебар. Весной того же года ос-

манским властям в ходе энергичной военной операции удалось подавить восстание, схватить и осудить вождей Призренской лиги, а саму Лигу разбить и ликвидировать¹³. Одним из результатов этих событий стало создание в Европе сети албанских эмигрантских объединений, которые занимались пропагандой и основывали культурные и просветительские структуры, стремясь интернационализировать албанский вопрос¹⁴.

Поражение Призренской лиги не означало заката ее идей. После ее ликвидации обострились отношения албанцев с соседями, участились открытые конфликты, вплоть до погромов в тех областях, которые идеологи албанской Лиги считали «албанской землей». Этот процесс сильнее всего проявился на территории Косовского вилайета. Славянское население так интенсивно выдавливалось албанскими переселенцами с земель, занятых в Косове сербскими и черногорскими войсками в ходе войны с Турцией 1877–1878 гг., что фактически албанцы стали живой стеной (через Качаник, Куманово, Буяновац до Пчинья), которая отделила славянское население на севере от остальной его части на юге¹⁵. После 1878 г. эта зона, укреплявшаяся со времен сербских восстаний, превратилась в препятствие для расширения политического и культурного влияния Сербии и Черногории на своих соплеменников в Османской империи¹⁶. Пограничные области других вилайетов также становились оборонительными зонами, и так называемая вилайетская Албания, по мысли Д. Борозана, превратилась в своеобразную военную пограничную область по отношению к соседним регионам¹⁷. Одновременно с территориальным, формировалось и этнографическое пространство Албании¹⁸.

Великие державы и сербско-албанские противоречия

После ликвидации Лиги османские власти старались провести всеобъемлющие реформы на территориях, населенных албанцами. Положение сербского народа, который в условиях двоевластия был обязан платить подати двум хозяевам, быстро ухудшалось. Австро-Венгрия пыталась использовать хаос на пограничных землях, дабы заручиться поддержкой албанцев как противовеса сербским интересам в регионе. Положение наследников Призренской лиги укрепилось после заключения в 1897 г. соглашения между Италией и Австро-Венгрией (и подписания в 1901 г. дополнения к нему, касающегося раздела сфер интересов в Албании), а также соглашений 1909 и 1914 гг. Тем самым была зафиксирована необходимость создания Албании в качестве препятствия славянскому прорыву в эту часть Адриатического побережья¹⁹. В австро-венгерских и

итальянских геостратегических проектах Албания мыслилась противоречивым славянским государствам на Балканах и русскому влиянию на них²⁰. Одновременно систематически усиливалось влияние католической церкви на албанское население, преимущественно в северных районах Албании²¹. На этих основаниях подчеркивалась и албанская «особость» в национальном отношении – аргумент, находивший при содействии заинтересованных великих держав все больше сторонников в самих албанских землях.

Восстание на Крите в 1896–1897 гг., приведшее к признанию критской автономии при гарантиях великих держав²², усилило албанские устремления к автономии. Кроме того, среди албанцев имелось сильное направление, черпавшее идеи из соглашения российского и австрийского императоров от 8 мая 1897 г., в котором предусматривалось, в случае раздела земель Османской империи, создание независимого албанского государства. Австро-Венгрии удалось через Хаджи Зеку, влиятельного албанского вождя Малесии и Метохии, заручиться поддержкой своих планов на Балканах со стороны албанцев. Сообразуясь с гипотетическими возможностями создания албанской автономии, влиятельные албанские круги в Стамбуле связались с Хаджи Зекой. Хотя первая попытка создания новой Лиги в ноябре 1897 г. провалилась, происходившие в Косово и Македонии события, а также проявления заинтересованности Сербии и Черногории в защите своих единоплеменников, постоянно давали повод албанским вождям учреждать новые лиги. В меморандуме от 1 января 1898 г., который албанский комитет в Стамбуле и соответствующие общества в Бухаресте, Италии и Египте направили Порте и великим державам, подчеркивалось, что политика Порты позволила сербам, грекам и болгарам открыть школы и церкви в албанских областях²³.

Заинтересованное отношение Сербии, Греции и Черногории к событиям в периферийных районах Османской империи, населенных албанцами, как и внимание к ним со стороны великих держав, укрепляли албанских лидеров в намерениях защитить свои интересы в случае нового военного конфликта²⁴. 23–29 января 1899 г. в Печи состоялся сбор около 500 албанских вождей Косовского, Янинского и Битольского вилайетов во главе с Хаджи Зекой. На нем была сформирована Печская лига и принята программа, которая строилась на принципах, провозглашенных Призренской лигой²⁵. Печской лиге очень помогли члены комитета в Бухаресте, выступившие с требованием скорейшего превращения Лиги в защитника общеалбанских интересов. С формированием Комитета обо-

роны в Скадаре деятельность Лиги была распространена и на среднюю Албанию. Особенно заметной стала акция Дебарского комитета, которому удалось вытеснить турецкие власти из Битольского вилайета и спровоцировать выступления на территории Косовского вилайета²⁶. Столкнувшись с восстанием, Порта была вынуждена принять меры и в середине 1900 г. ликвидировала и эту Лигу²⁷. В этих условиях сербское правительство и сербы, проживавшие в пределах Османской империи, старались интернационализировать проблему защиты своих прав, правда, поначалу без особого успеха²⁸. По мере того, как сербское население в Косовском вилайете подвергалось все более сильному албанскому давлению, что проявлялось в «албанизации» территории Косова и Метохии, в насилиях и участившихся грабежах, изгнании сербов из родных мест²⁹, правительству Сербии, которое апеллировало к великим державам, все же удалось заинтересовать европейскую общественность положением сербов в Косово, Метохии и Македонии³⁰.

Повышение активности Печской лиги в Косово отвечало интересам Австро-Венгрии, стремившейся к ухудшению отношений между славянским и албанским населением с целью использовать дестабилизацию в регионе как повод для будущей интервенции. Исходя из того, что только через Косово возможно осуществить прорыв через Вардарскую долину к Салоникам, Австро-Венгрия старалась изъять этот район из пространства реформ, которые Порта обязалась провести по Берлинскому договору. Стремление Габсбургской монархии поддерживала и Германия. После же 1908 г., когда Вена отказалась от политики договоренностей о разделе сфер интересов с Россией на Балканах и с Италией на Адриатике, албанский проект национальной автономии занял видное место в ее военных и политических планах³¹.

Попытка союзничества

Усиление албанского движения против реформ совпадало с австро-венгерскими планами. В первой фазе борьбы за создание единой территориальной и этнической базы будущего албанского государства повстанческое движение использовало опыт итальянского ирредентизма. После младотурецкой революции и аннексионного кризиса 1908 г. творцы идеи территориально-административной автономии Албании взяли курс на расширение национальной основы движения, что не могло не увеличить внимание к их деятельности со стороны, как соседних стран, так и великих держав³². В ходе младотурецкой революции 1908 г. албан-

цы связывали борьбу за национальную автономию с исходными положениями младотурецкой национальной программы. Однако после вооруженной акции, закончившейся подавлением восстания, идеи руководителей повстанцев о единой территориальной и этнической Албании получили еще большее распространение. И уже в 1910 г. произошло новое албанское восстание. Повстанцев поддерживали комитеты в Стамбуле, Бухаресте, Каире и в городах на юге Италии. Основание в том же году албанского комитета в Скопье только подтвердило их приверженность более ранним взглядам. Главным принципом деятельности этого комитета было игнорирование любых прав неалбанского населения. Одновременно считалось, что только Турция может быть защитником албанцев при угрозе со стороны соседних государств³³.

В начале 1912 г. Турецкая империя пребывала в серьезном военном, политическом и экономическом кризисе. После поражения в войне с Италией турецкие позиции на Балканах оказались под угрозой из-за непрерывных албанских мятежей, которые с 1909 г. регулярно вспыхивали каждое лето, и из-за создания и быстрого укрепления Балканского союза. Албанские восстания угрожали разрушить существующий политический порядок в Турции, в то время как балканские государства старались вытеснить ее с территории полуострова вообще. Естественно, самым заинтересованным во всем, что касалось Косово, Метохии и северо-западной Македонии, являлось Королевство Сербия, – как вследствие исторических причин, так и из-за многочисленности сербского населения в регионе. Сербия в течение многих лет готовилась к началу военных действий против Турции. Такая подготовка велась на многих уровнях и особенно усилилась в 1903–1912 гг. Она проходила в разных направлениях – военном (укрепление вооруженных сил и организация добровольческих партизанских отрядов), дипломатическом (создание Балканского союза, постоянные обращения к великим державам с целью защиты сербского населения в Турции), в области культуры (создание сербских школ, укрепление церковной организации). В проектах сербской политической элиты особое место занимали албанцы. С одной стороны, Сербия была заинтересована в политической нестабильности в пограничных районах Турции, что облегчило бы ей предстоящие военные действия Сербии на этих территориях. С другой стороны, с политическими представителями албанцев имело смысл улучшить отношения, дабы облегчить будущую интеграцию албанского населения в сербское государство. Хорошие отношения были необходимы и в целях защиты местного сербского населе-

ния, поскольку оно страдало в ходе столкновений между восставшими албанцами и войсками младотурецкого режима³⁴.

Весной 1912 г. вспыхнул крупнейший до той поры албанский мятеж. Он начался в Джаковицкой Малессии в результате агитационной кампании, которую вели Исмаил Кемаль и Хасан Приштина после неудачи на парламентских выборах. Восстание быстро ширилось и к июлю 1912 г. охватило территории от Корчи, Колоньи, Чемерии до Великой Малессии, Подуева и Гнилана, а в начале августа захватило и Скопье. 9 августа в особой турецкой комиссии Хасан Приштина представил требования восставших из 14 пунктов. Турецкие власти приняли требования, так как их исполнение не подразумевало осуществления албанской территориальной автономии³⁵. По этому вопросу произошел раскол между руководством повстанцев – политическим (Хасан Приштина и Неджиб бег Драга) и военным (Иса Болетинац, Идриз Сефер, Байрам Цури, Луиджи Гуракучи, Риза Криезиу): командиры албанских вооруженных групп были недовольны таким исходом восстания³⁶. Сербское правительство, которое материально помогало повстанцам, попыталось использовать это недовольство в целях дестабилизации положения в регионе и защиты местных сербов³⁷. Оно также стремилась склонить албанцев к участию в военных операциях на своей стороне, для чего в Косово и Метохию были посланы специальные миссии, но им не удалось добиться желаемого³⁸.

В конце августа 1912 г. оформлением союза балканских государств завершилась политическая подготовка их к войне против Турции. Также были закончены и многолетние военные приготовления. Согласно плану Генерального штаба Сербии, предусматривалось наступление 3-й армии на территорию Косово и Метохии³⁹. При этом вставал важнейший вопрос – какую позицию в отношении сербских войск займет местное албанское население и его политические представители, когда война начнется? В частых албанских бунтах против турецкой власти накануне и непосредственно в 1912 г. особенно выделился албанский вождь из окрестностей Косовской Митровицы Иса Болетинац, который на тот момент считался самым влиятельным (в военном и политическом смысле) албанским лидером. С точки зрения руководства Сербии, использование его недовольства турецкой властью могло бы в случае войны сыграть решающую роль в деле дальнейшей дестабилизации и так нестабильного политического положения в Турции⁴⁰.

Сербское правительство установило контакты с Исой Болетинацем еще в начале 1912 г., когда в качестве специального эмиссара Генерального штаба и министерства обороны в село Болетин был направлен капитан Воислав Танкосич. Весной 1912 г. глава сербского правительства Милован Милованович направил в Болетин новую миссию, которую составляли капитан Божин Симич, православный священник из Косовской Митровицы Анджелко Нешич, и Огнян Раденкович⁴¹. Во время встречи с ними Иса Болетинац заявил, что готов помочь Сербии военными средствами в случае ее войны с Австро-Венгрией. Со своей стороны, он потребовал от сербских представителей обязательства – если албанское восстание будет подавлено, то Сербия примет и будет содержать его участников. О том и договорились⁴². Результатом встречи стали обещание сербов поддержать албанское восстание и договор о поставке албанцам военных материалов и оказание финансовой помощи. По возвращению из Косова капитан Божин Симич предложил, чтобы военное министерство и Генеральный штаб направили к косовским албанцам двух офицеров.

В конце августа 1912 г. возникла необходимость обновить контакты с Исой Болетинацем, поскольку успех албанского восстания освободил его от каких бы то ни было обязательств по отношению к Сербии. К тому же начальник Генерального штаба и военный министр Радомир Путник настаивал на точных новейших данных об обстановке на двух важнейших направлениях, где сербская армия должна была наступать с началом военных действий. Вести переговоры с Исой Болетинацем можно было только на турецкой территории, поэтому в его лагерь отправилась сербская разведывательная миссия. Ее «командировка» представлялась особенно рискованной, так как турецкие власти, зная о военных приготовлениях балканских союзников, заметно усилили меры безопасности в пограничных районах.

Для выполнения столь специфической задачи нужно было выбрать людей с особыми способностями. Надзорный офицер Враньского пограничного района⁴³ капитан Божин Симич, лучший знаток условий жизни албанцев в Косово и Метохии, предложил генералу Р. Путнику, чтобы этой миссией руководил майор Генштаба Драгутин Димитриевич-Апис, начальник штаба кавалерийской дивизии. Путник принял это предложение, считая Димитриевича офицером выдающихся военных и политических способностей⁴⁴. Кроме Д. Димитриевича, следовало отобрать еще одного офицера Генштаба и опытного дипломата, знакомого с особенностями жизни в Турции. Выбор пал на капитана Милана Завадила,

служившего в Разведывательном отделе Генштаба, и вице-консула Богдана Раденковича. Оба были родом из Косово и имели опыт контактов с албанскими вождями Косово и Метохии.

Разведывательная группа, которую составляли Д. Димитриевич, М. Завадил и Б. Раденкович, отправилась из Белграда в ночь с 23 на 24 августа 1912 г. После перехода границы группа прибыла в Болетин, выше которого, на горе Соколица, находился лагерь Исы Болетинаца. По соображениям безопасности Болетинац хотел, чтобы к нему пришли под покровом ночи. Посланцам пришлось дожидаться темноты на полпути Рашка – Косовская Митровица. В сумерках прибыли к Исе Болетинацу. Хозяин проявил гостеприимство, но переговоров в первый вечер не велось. Сам лагерь Болетинаца был почти разрушен в ходе последнего албанского мятежа⁴⁵. На следующий день, 26 августа, члены сербской разведывательной миссии встретились с Исой Болетинацем на небольшом плато. После обычного обмена приветствиями начались переговоры. Разговор, в основном, вел Богдан Раденкович, старый знакомый Исы Болетинаца и его сосед из села Бугарича, расположенного в нескольких километрах от Болетина⁴⁶. Кроме того, Раденкович отвечал за проведение переговоров, ибо остальные не владели албанским языком. В ходе переговоров майор Димитриевич пытался склонить Болетинаца к более четкой артикуляции его позиции.

Сербская делегация представляла ему ситуацию так, чтобы у него сложилось впечатление, будто Сербии угрожает турецкая агрессия, поскольку Турция обвиняла ее в подстрекательстве албанцев к бунту и помощи им. Более конкретно – что Сербия отправляла оружие и деньги албанским мятежникам, а сыновья Исы Болетинаца и другой албанский вождь Идриз Сефер летом 1912 г. побывали в Белграде, где их принял король Петр⁴⁷. Болетинац пытался опровергнуть этот тезис, указывая, что турецкая опасность Сербии не угрожает, ибо Турция больше не располагает адекватными силами для этого. В один из моментов, раздраженные неопределенностью речей Болетинаца сербские эмиссары Димитриевич и Раденкович резко заявили, что сербское правительство помогло ему деньгами и вооружением, и что недопустимо, если военные материалы, которые ему уступили сербы, будут использованы против сербской же армии. Сербским эмиссарам пришлось долго настаивать, требуя от Болетинаца конкретного и недвусмысленного ответа. Наконец, тот заявил, что *сначала он – турок и лишь потом – албанец*⁴⁸, и что, в случае, если Турция нападет на Сербию, то он и его албанцы не будут на турецкой сторо-

не, но он не может утверждать, что они присоединятся к сербам; самое вероятное – это будет нейтральная позиция. Болетинац решительно сказал, что в таком случае он не будет наносить удара по Черногории, где скрывался во время турецкой операции против его отряда повстанцев. В итоге, косвенным образом можно было заключить, что отряды Болетинаца не выступят против сербской армии ⁴⁹.

Сербская миссия оставалась на Соколице еще два дня, в течение которых с Исой Болетинацем велись интенсивные переговоры. Сербские эмиссары пытались убедиться в том, какими военными средствами (количество людей и винтовок, состояние другого военного снаряжения) располагает Болетинац. Также предметом их интереса были отношения между Исой Болетинацем и другими албанскими вождями, как и другие менее важные вопросы, которые могли бы повлиять на ход и результат предстоящих операций сербской армии. На основе этих переговоров был сделан вывод, что отношения между албанскими вождями не очень хорошие и что между ними много зависти, ревности и открытой борьбы за лидерство ⁵⁰.

Затем группа продолжила путь к монастырю Девич, куда уже прибыли албанские руководители из Дреницы; среди них был Садик Рама, с которым ранее были установлены связи через эмиссаров, которыми весной 1912 г. руководил капитан Божин Симич. Садик Рама в ходе разговора недвусмысленно подчеркнул, что он и его люди будут бороться вместе с сербскими войсками, для чего просил еще денег, оружия, боеприпасов. Майор Димитриевич не скрывал своих сомнений в искренности заявлений Садика Рамы ⁵¹.

Наступление сербской армии в Косово и Метохию с началом войны против Турции было мощным и неуправляемым. За неполные два месяца военных действий сербским войскам удалось овладеть всей территорией Косово и Метохии и проникнуть вглубь территории Албании. В войне албанцы участвовали на стороне Турции, однако медленность мобилизации, нарушенная в ходе прошлых восстаний система военной и гражданской власти, а также стремительное продвижение сербов, сделали невозможным интенсивное привлечение албанцев к боевым действиям. Быстрое военное поражение Турции и заключение 3 ноября 1912 г. перемирия подтолкнули албанских вождей (испугавшихся раздела территорий, которые во всех их ранних программах были обозначены как албанские, между балканскими союзниками) к провозглашению 28 ноября 1912 г. независимого албанского государства. Временное правительство

обратилось к европейским державам с просьбой признать албанскую независимость. Поскольку Порта отказалась ее признавать, вопрос остался в компетенции конференции великих держав, назначенной на 17 декабря в Лондоне. Такое положение сохранилось до подписания договора 30 мая 1913 г., когда прекратилась и формальная связь Албании с Турцией⁵².

Первая балканская война изменила не только политическую карту полуострова, но и баланс сил между великими державами. В балканский кризис особо вовлеченной оказалась Австро-Венгрия, настаивавшая на отводе сербских войск с албанского побережья в обмен на признание ею результатов войны. Отказ сербского правительства выполнить требования Вены привел к острому конфликту, грозившему перерасти в австро-российское столкновение⁵³. Австро-Венгрия предприняла военное давление на Сербию, что вызвало военные приготовления и в России. Кульминацией кризиса стало вступление 29 ноября 1912 г. сербских войск в Драч. Существовала опасность австро-венгерского вторжения в Сербию. Войска сосредоточивались на сербской границе, в Сараево была подготовлена военная прокламация. Решение великих держав о признании албанской независимости и отводе сербских войск с албанского побережья, принятое 17 декабря 1912 г., остановило военную эскалацию.

Однако, «застопорив» войну, Лондонская конференция не устранила ее причины⁵⁴. Кризис в связи с вопросом о выходе Сербии к морю, как и первые трещины в Балканском союзе, подтолкнули Турцию прервать мирные переговоры в Лондоне и продолжить войну. В ходе дальнейших боевых действий возник новый кризис, связанный с черногорской осадой Скадара, который по решению мирной конференции был включен в состав Албании. Речь шла о повторном прессинге на Сербию (помогавшей черногорцам под Скадаром) с угрозой отдельной акции против Черногории, если та не прекратит осаду Скадара. После военно-дипломатического давления и морской демонстрации европейских держав сербское правительство решило отвести войска из-под Скадара, но черногорский король Никола упорствовал и 22 апреля взял город. Правда, в последний момент он пошел на уступки и 4 мая, когда Австро-Венгрия уже приняла решение о военной интервенции против Черногории, решил передать Скадар великим державам. Конфликт был на время потушен, но границы Албании остались неопределенными – их должны были «провести» Державы⁵⁵.

Попытка интеграции и албанское восстание против сербского государства

Во второй половине 1913 и начале 1914 г. политическая и военная ситуация на границах Албании и Сербии отличалась постоянной напряженностью, являвшейся прямым следствием прошедших военных действий. Сначала в ходе Второй балканской войны в русле болгаро-албанских переговоров и подпитанные Веней начались широкие приготовления к вооруженному мятежу против Сербии в пограничных районах Македонии и Косова⁵⁶. Болгарские власти рассчитывали, что бунт албанцев может спровоцировать восстание в Македонии, которая при случае присоединилась бы к Болгарии, откорректировав албанские границы за счет Сербии. Поскольку в ходе войны около 20 тысяч албанцев бежали из Косова и Метохии в Албанию, временное албанское правительство стремилось использовать их недовольство и организовать восстание, заставив сербские войска оставить албанскую территорию до линии разграничения⁵⁷.

В сентябре 1913 г. около 10 тысяч албанцев напали на территории, которые решениями конференции в Лондоне передавались Сербии, после чего сербское правительство отказалось выполнять ее постановления об уходе сербов из контролируемых ими зон на территории Албании. Организация восстания была доверена албанским вождям из Косова – Байраму Цурии, Исе Болетинацу, Ризе-бегу Круезии. Есад-паша Топтани отказался присоединиться к восстанию и сообщил о его целях сербскому правительству. В ходе восстания были захвачены Дебар, Охрид, Струга и окрестности Гостивара. Одновременно, другая группа албанцев заняла Джаковицу и осадила Призрен. Но уже в начале октября последовал контрудар усиленных сербских частей, которые вытеснили албанские отряды с занятых территорий. Захват сербами стратегических точек на албанской территории и изгнание повстанцев стали поводом для новой кампании Австро-Венгрии против Сербии⁵⁸.

Албанское восстание в сентябре 1913 г. было проявлением ирредентистского движения за присоединение Косова, Метохии, западной Македонии и восточных областей Черногории к Албании. Кроме того, оно использовалось албанским правительством в Валлоне для демонстрации готовности бороться за единую территориально и этнически Албанию, в соответствии с взглядами главных деятелей албанского возрождения⁵⁹. Сербскому государству не удалось интегрировать новоприсоединенные области, и оно столкнулось с новой военной опасностью.

Общественные противоречия

Между сербами и албанцами существовали значительные различия в менталитете и взглядах на мир, хотя и присутствовали некоторые общие черты в образе жизни. Албанское общество по своей сути представляло племенную автаркию, в которой господствовали особые законы, имевшие глубокие корни в традиционном праве и повсеместно распространенном обычае кровной мести. Сербский же социум, хотя и находился в самом начале движения по европейскому пути развития, значительно отличался от албанского, прежде всего, благодаря государственной организации, которая постепенно и с тяжкими муками, пыталась принять очертания современной европейской структуры. Привыкшее к напряженности в отношениях с центральной властью Османской империи, албанское население воспринимало государство как институт, враждебный личным свободам и племенному образу жизни, ощущая его как нечто чуждое и неприемлемое⁶⁰. В отличие от албанцев, сербы, на протяжении почти векового государственного развития, смогли в значительной мере отойти от такого понимания государственности.

Таким образом, само расширение сербской государственности на территории, в значительной степени населенные албанцами, несло в себе ростки нового конфликта в виде албанского сопротивления государственной власти, пусть и новой для них. Тем самым, неприятие институтов современного государства постепенно принимало в сознании албанцев черты вражды по отношению к Сербии. Кроме того, албанцы, как народ, имевший многовековой опыт жизни в чужом государстве, нелегко принимали новую «иностранную» власть и общество, где господствовали законы и обычаи, чуждые албанскому народу и его менталитету. Кроме того, сложные экономические условия на территориях, населенных албанцами, скудная экономическая база, тяжелые условия жизни, радикально влияли как на межэтнические отношения, создавая напряженность, на восприятие албанцами сербского, а затем и югославского государства⁶¹.

Почти полувековое противостояние албанцев и сербов – со времени Великого восточного кризиса до начала Первой мировой войны – показало всю остроту и глубину противоречий между ними, крайнее противопоставление интересов и политических программ, идей и концепций, а, кроме того, и высокую степень вмешательства великих держав в данную ситуацию, в соответствии с текущим раскладом политических, военных и экономических обстоятельств в регионе. Проблема взаимоотношений осталась нерешенной, получив с формированием Королевства Юго-

славии и в изменившихся политических и дипломатических условиях новый облик и новые измерения. Хотя с созданием Югославии появились важные предпосылки для интеграции земель, населенных албанцами, в новый государственный организм, и кроме того, стало возможным урегулировать межгосударственные отношения с Албанией, нерешенность старых проблем, которые годами обременяли отношения сербов и албанцев, угрожала миру на Балканах и после Первой мировой войны.

Перевод М.Л. Ямбаева

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О спорных моментах сербско-албанских отношений в период между Берлинским конгрессом и концом Первой мировой войны подробнее см.: *Димић Љ, Борозан Ђ.* Југословенска држава и Албанци. Т. I. Београд, 1998. С. 5–24.
- ² *Бартл П.* Албанци. Од средњег века до данас. Београд, 2001. С. 7.
- ³ Там же. С. 8.
- ⁴ Пока наиболее полным из известных военно-географических исследований албанской территории является сделанное Генеральным штабом югославской армии в 1947 г.
- ⁵ *Stavrijanos L.* Balkan posle 1453. godine. Beograd, 2005. S. 473–475.
- ⁶ *Ђорђевић Д.* Националне револуције балканских народа (1804–1914). Београд, 1995. С. 95.
- ⁷ *Војводић М.* Србија и балканско питање (1878–1914). Нови Сад, 2000. С. 24.
- ⁸ *Борозан Ђ.* Велика Албанија. Поријекло. Идеје. Пракса. Београд, 1995. С. 46–49.
- ⁹ Там же. С. 28.
- ¹⁰ Подробнее о черногоро-албанских отношениях в конце XIX – начале XX в. см.: *Ракочевић Н.* Црногорско-албански односи 1878–1914 // Срби и Албанци у XIX и почетком XX века. Београд, 1990. С. 123–160.
- ¹¹ *Ковић М.* Дизраели и Источно питање. Београд, 2007. С. 368–370.
- ¹² *Ђорђевић Д.* Указ. соч. С. 96.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 97–98.
- ¹⁵ Подробнее о переселении албанцев с юга Сербии после 1878 г. см.: *Јагодић М.* Насељавање Кнежевине Србије 1861–1880. Београд, 2004; *Jagodić M.* The Emigration of Muslims from the new Serbian Regions 1877–1878, *Balkanologie.* 1998. № 1–2. S. 99–122; *Јагодић М.* Насељавање Топличког округа 1878–1879. године // Годишњак за друштвену историју. 2000. Бр. 1. С. 52–57.

- ¹⁶ Стојанчевић В. Обновљена српска држава и Арбанаси 1804–1876 // Срби и Албанци у XIX и почетком XX века. С. 5–34.
- ¹⁷ Борозан Ђ. Указ. соч. С. 40–41.
- ¹⁸ Иванова Ј.В. Албанци и их соседи. М., 2006. С. 70–73.
- ¹⁹ Борозан Ђ. Указ. соч. С. 40–41.
- ²⁰ Митровић А. Албанци у политици Аустро-Угарске према Србији 1914–1918 // Срби и Албанци у XX веку. Београд, 1991. С. 79–81.
- ²¹ Žitić N. Vatikan i Albanci. Beograd, 2000. S. 11–14.
- ²² Борозан Ђ. Указ. соч. С. 42.
- ²³ Батаковић Д. Косово и Метохија у српско-арбанашким односима. Београд, 2007. С. 100–102.
- ²⁴ О взглядах сербской политической и интеллектуальной элиты на место и роль албанцев в политике великих держав на Балканах см.: Ђорђевић В. Арнаути и велике силе. Београд, 2004 (репринтно издание).
- ²⁵ Богдановић Д. Књига о Косову. Београд, 1985. С. 136–140.
- ²⁶ Војводић М. Путеви српске дипломатије. Београд, 1999. С. 162–165.
- ²⁷ Борозан Ђ. Указ. соч. С. 42.
- ²⁸ Подробнее см.: Батаковић Д. Косово и Метохија у српско-арбанашким односима. С. 115–174.
- ²⁹ Подробнее об отношениях сербов и албанцев в Косовском вилайете см.: Јагодић М. Српско-албански односи у Косовском вилајету (1878–1912). Београд, 2009.
- ³⁰ Војводић М. Србија и албанско питање крајем XIX века // Срби и Албанци у XIX и почетком XX века. С. 63–92.
- ³¹ Митровић А. Продор на Балкан и Србија 1908–1918. Београд, 1984. С. 74.
- ³² Борозан Ђ. Указ. соч. С. 48.
- ³³ Там же. С. 50–52.
- ³⁴ Бартл П. Указ. соч. С. 136.
- ³⁵ Војводић М. Србија и балканско питање (1878–1914). Нови Сад, 2000. С. 303–306.
- ³⁶ Бартл П. Указ. соч. С. 136.
- ³⁷ Батаковић Д. Косово и Метохија. Историја и идеологија. Београд, 2007. С. 66–68.
- ³⁸ Он же. Косово и Метохија у српско-арбанашким односима. С. 175–180.
- ³⁹ Именно из-за специфики задач 3-й армии на должность ее командующего был назначен Божидар Янкович, знакомый и ранее с албанцами.
- ⁴⁰ Поповић Ч. Указ. соч. С. 327.

- ⁴¹ *Марко (Божин Симић)*. Пред Кумановску битку // Нова Европа. Бр. XVI. 11. октобра 1927. С. 329–343.
- ⁴² Документи о спољној политици Краљевине Србије. Т. V – 1 (документ бр. 281).
- ⁴³ Србски Генерални штаб после анексије Босније и Херцеговине сформирао пограничне районе на границама с Турцијом и Австро-Венгријом, којима руководили надзорни официри. Границу с Турцијом покривали погранични райони: *Врански* (надзорни официр – капитан Божин Симић), *Рашки* (надзорни официр – капитан Радоје Панчић) и *Јворски* (надзорни официр – капитан Милан Видојевић). Надзорни официри имали задаци искључиво разведывателног својства. Практически сваки погранични район представљао разведывателни центар.
- ⁴⁴ *Мекензи Д.* Апис. Горњи Милановац, 1996. С. 130.
- ⁴⁵ Разрушење логора Исы Болетинаца произошло летом 1912 года во время контрнаступления турецких сил.
- ⁴⁶ Архив Српске Академије наука и уметности (далее – АСАНУ). Оставштина Милана Ж. Живановића. Бр. 14434 / 37.
- ⁴⁷ *Батаковић Д.* Указ. соч. С. 171.
- ⁴⁸ *Завађил М.* На извиђању међу Арнаутима // Политика. 22. новембра 1922. Бр. 5207.
- ⁴⁹ АСАНУ. Оставштина Милана Ж. Живановића. Бр. 14434 / 7.
- ⁵⁰ Там же. Бр. 14434 / 4019.
- ⁵¹ *Завађил М.* Указ. соч.
- ⁵² *Борозан Ђ.* Указ. соч. С. 54.
- ⁵³ *Станковић Ђ.* Никола Пашић. Прилози за биографију. Београд, 2006. С. 211–213.
- ⁵⁴ *Ђорђевић Д.* Указ. соч. С. 140.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ *Војводић М.* Србија и балканско питање (1878–1914). С. 404–406.
- ⁵⁷ *Храбак Б.* Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до 1915. године. Врање, 1988. С. 33–35.
- ⁵⁸ *Борозан Ђ.* Указ. соч. С. 62.
- ⁵⁹ Там же. С. 65.
- ⁶⁰ Југословенска држава и Албанци. Т. I. С. 18–19.
- ⁶¹ О социјално-економским условима на територијама, где у већинству проживали албанци, подебнеје см.: *Микић Ђ.* Друштвене и економске прилике косовских Срба у XIX и почетком XX века. Од чифчијства до банкарства. Београд, 1988.

Румыния во Второй балканской войне

26 сентября (9 октября) 1912 г. вооруженным выступлением Черногории против Турции началась Первая балканская война. Болгария, Греция, Сербия – союзники Черногории по Балканскому союзу – открыли боевые действия несколькими днями позже.

Но уже 26 сентября (9 октября) 1912 г. Румыния объявила нейтралитет, что было встречено с пониманием и одобрением как соседями, так и великими державами. Страна географически занимала особое положение, она не граничила с македонскими землями, к освобождению которых и разделу между собой стремились члены Балканского союза.

Территориальные притязания Румынии могли касаться только соседей, в первую очередь Болгарии. А сие означало многое. Война из освободительной в случае ее вмешательства превратилась бы в междоусобную, что грозило распадом балканской коалиции. Знаком одобрения провозглашенного нейтралитета со стороны Петербурга явился визит в Бухарест великого князя Николая Михайловича, вручившего королю Карлу фельдмаршальский жезл в ознаменование его заслуг в ходе войны обеих стран против Турции в 1877–1878 гг. Произошел редчайший случай: жезл вручался по сути дела не за победу в прошлой войне, а за уклонение от участия в той, что тогда происходила.

После триумфального для союзников окончания военных действий в Первой балканской войне российская дипломатия выбивалась из сил, чтобы предотвратить вторую, призывая правительства Софии, Белграда, а заодно и Бухареста к мудрой умеренности и сохранению мира. Увы, это был глас вопиющего в пустыне. Ни одна из великих держав не собиралась раздувать большой пожар в Юго-Восточной Европе, грозивший перерасти в мировой, к которому они еще не были готовы. Беда заключалась в том, что конфликт назревал в среде союзников. Что же касается Румынии, то никто не верил в то, что бухарестская олигархия будет с олимпийским спокойствием взирать на обретение соседями новых владений и перекройку баланса сил в регионе. И действительно, из румынской столицы последовали заявления о необходимости стратегического исправления границы с Болгарией. Оставалось выяснить, что скрывалось за этой формулой. 8 января 1913 г. последовали разъяснения. Ру-

мыния объявила о намерении занять своими войсками на правобережье Дуная крепость Силистру и территорию от нее до городов Туртукай (Тутракан) и Балчик. «Уточнение границы» обернулось требованием присоединения к Румынии целой провинции, Южной Добруджи площадью около 8 тысяч квадратных километров¹.

Российская дипломатия сочла предъявленные притязания роковой ошибкой, другие державы тоже их осудили. 3 (16) марта в Петербурге открылась конференция посланцев. Позицию членов Антанты изложил француз Т. Делькассе: способствовать интересам Румынии, но без ущерба для Болгарии. Значительных разногласий между делегатами не возникло. 26 апреля (9 мая) конференция завершилась подписанием протокола, по которому город Силистра на правом берегу Дуная с окрестностями радиусом в 3 километра предназначались Румынии².

Болгарское правительство смирилось с необходимостью дать согласие на решение держав. Ободряющие вести поступили и из Бухареста. Палата депутатов парламента приняла вердикт держав. Казалось, мелькнул луч надежды на урегулирование. Стороны вступили в переговоры. Но нельзя сказать, что в их ходе они зашли в тупик, потому что из тупика они не выходили с самого начала. Румыны, естественно, отсчитывали трехкилометровый радиус от окраин города, болгары, по понятным причинам, производили замер, считая точкой отсчета центр Силистры.

И все же не эти подсчеты явились основой разногласий. Обнаружилось, что парламентарии поторопились со своими выводами. Вершители политики рассуждали иначе. Министр земледелия в консервативном правительстве во главе с Титу Майореску Н. Филипеску заявил, что уступаемая по решению держав территория достаточна разве для того, чтобы «похоронить там национальное самолюбие», другой видный консерватор, Петре Карп заметил, что упомянутая земля по площади уступает его поместью Цибенешть³.

В поисках выхода из тупика болгары измыслили комбинацию, в ворота здравого смысла не влезающую. Они предложили вместо земельных уступок признать румынский суверенитет над Святой горой Афон в Греции. Соблазнять до мозга костей прагматичных румынских министров подобным «богоугодным делом» было все равно, что приучать тигра к вегетарианству. Бухарест, в свою очередь, придумал нечто, хотя и не столь фантастическое, но в равной степени неосуществимое: соглашение о военном, политическом и экономическом сотрудничестве, своего рода альянсе двух стран. Для Болгарии это означало сближение с блоком дер-

жав Центра, членом которого состояла Румыния, и разрушение вековых связей с Россией, к чему София тогда не была готова. Сближению двух стран на реалистической основе мешало распространенное в Болгарии мнение, что державы не допустят румынского нападения на нее. Стало ясно: в условиях мира искомого Бухаресту не добиться. А из всей политической элиты сравнительно умеренных позиций придерживался лишь консерватор-демократ, англофил Таке Ионеску. Он считал единственным способом достижения каких-то результатов сотрудничество с Россией.

Опытный политик, король Карл, делился своими мыслями с историком Н. Йоргой: «Не отказываясь от выжидания, нам надо тайно готовиться к войне; медлить можно лишь до тех пор, пока не обрисуеться вероятность неблагоприятных для Румынии территориальных изменений» (которыми с фатальной неизбежностью грозила разразившаяся межсоюзническая война). Лидер либеральной оппозиции И. Брэтиану выступал еще решительнее: «Как только равновесие сил будет нарушено, с чьей бы стороны это ни произошло, я брошу шпагу на весы».

Было и соблазнительно, и боязно. Король не скрывал от ближайшего окружения своих опасений: «Война в настоящий момент была бы безумием. Война, даже победоносная, через три года повлечет за собой другую, в виде реванша проигравшей стороны»⁴. Однако, как говорил Т. Ионеску, никто так просто территорий не раздает. Возникла мысль – провести мобилизацию армии в надежде, что это сделает Болгарию уступчивее. Однако мало кто верил, что София поддастся на подобный примитивный шантаж, и идею оставили.

Посланник России Н.Н. Шебеко выступил перед бухарестским кабинетом с резкой отповедью воинственным приготовлениям: «Нападение Румынии или вооруженное занятие без объявления войны территории Болгарии создало бы в нашем общественном мнении такой взрыв сочувствия болгарам, к которому правительство не сможет отнестись безразлично. Помимо всего этого, мы не можем не обратить внимания Румынии, что в своих нынешних переговорах она далеко уклонилась от первоначальных требований стратегического исправления границы. В силу этих соображений мы вновь настойчиво и дружески советуем румынскому правительству проявить мудрую умеренность в своих требованиях. Наше желание – скрепить старые узы с Румынией – требует от нас совершенно откровенно объяснить ей, что для нас окажется невозможным допустить насильственное отторжение от Болгарии части ее территории»⁵.

Ожидаемого эффекта в смысле сокращения территориальных претензий демарш не произвел. Но официальный Бухарест запаса терпением. От внимания его элиты не ускользнули раздоры в Балканском союзе, предвещавшие его распад. Петербург терял контроль над ситуацией. Еще в ноябре 1912 г. начались стычки патрулей союзных армий. Позднее в перестрелки стали вступать взводы, роты и даже батальоны. Ранее достигнутые договоренности о разделе македонских земель нарушались. Арбитраж царя с порога не отвергался, но его принятие каждая сторона обуславливала выполнением своих претензий. На приглашение в Петербург премьеров Болгарии и Сербии ни тот, ни другой не откликнулся. И в Софии, и в Белграде сознавали – российская дипломатия поведет дело к компромиссу, а каждый из партнеров жаждал безусловного успеха. По словам В.А. Жебокрицкого, ни одна из сторон «не желала уступить, заявляя в то же время, что все зависит от противоположной стороны, снимая с себя и взваливая на других всю ответственность за будущие последствия»⁶.

Болгары не без причин резко и болезненно реагировали на пренебрежение их интересами в Македонии. Российский военный атташе в Софии полковник Романовский свидетельствовал: «К сожалению, повод к дальнейшим недоразумениям подают теперь сами сербы проявлением крайнего шовинизма и нетерпением к болгарам в занятых ими пунктах Македонии»⁷. Создалась та печальная ситуация, когда правых в спорах и недоразумениях не существует. Выразительно и не без яда обстановку характеризовал британский посол в Петербурге Дж. Бьюкенен: в Софии и Белграде мало считаются с мнением России. «Страдая острой формой мании величия, все балканские союзники были намерены удержать в своих руках все области, которые их армии захватили у Турции»⁸. Румынским нейтралам оставалось набраться терпения и выждать, пока на их улицу придет праздник.

* * *

Российская дипломатия отчаянно и до конца билась против распада Балканского союза, что было мыслимо лишь при сохранении баланса сил между его участниками. Державы Центра, напротив, с самого начала конфликта делали ставку на Болгарию, раздавая софийским правителям щедрые посулы приобретений за счет территорий, на которые претендовали Сербия и Греция. Петербург не мог с ними состязаться на этом поприще, попирая интересы своих подопечных. С предельной четкостью анализировал создавшуюся обстановку посланник в Афинах Е.П. Деми-

дов в депеше от 3 (16) июня 1913 г.: «Линия нашего поведения была ясно намечена Вами в начале кризиса: обеспечить союзникам законные плоды их успехов на условиях равновесия. Только при этом условии, казалось, Россия могла рассчитывать в будущем на благожелательность союза, так как только таким путем он мог быть сохранен. Любое абсолютное преобладание одного из его членов поставило бы остальных в зависимость от наших соперников, не гарантируя нас, однако, от измены со стороны преобладающего его элемента, который стремился бы увеличиться за счет ослабления сторон. В настоящем случае я подразумеваю, конечно, преобладание Болгарии. Я бы привел такие же доводы в отношении возможной гегемонии Греции или Сербии. В настоящий момент вопрос, мне кажется, не в том, чтобы выбрать между Болгарией и Сербией, а в выборе между сохранением союза путем равновесия сил или усиления влияния Австрии путем нарушения его. Следует заботиться об их (т. е. балканских союзников. – В.В.) интересах в свете наших. Наша немедленная задача – отвлечь вооруженное столкновение между ними»⁹.

Дипломатический язык выразителен и богат оттенками, в этом убеждаешься, знакомясь с перепиской тех лет, когда важно было избежать в сношениях с союзниками-соперниками таких понятий, как отступление, уступка, компромисс. Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов советовал болгарам, не отступая от своих позиций, допускать все же внесение некоторых, ставших необходимыми корректив в достигнутые ранее договоренности. Адресаты не реагировали на филологические нюансы российской стороны в демаршах к ним.

Венцом миротворческих усилий отечественной дипломатии явилось предложение сократить численность армий участников войны до одной трети или даже четверти прежнего состава, что должно было охладить воинственные страсти. Демобилизации не произошло, страсти разгорались.

Николай II, кайзер Вильгельм и британский король Георг V позорно обратились к Софии с призывом не провоцировать новых военных действий. Никакого отклика их демарш не имел.

Но вскоре произошло подписание протокола между Сербией и Грецией, предусматривавшего общую политику в отношении Болгарии, за которым последовало заключение военной конвенции. Две страны заранее готовились к отпору болгарскому нападению. Реакция в Софии не имела ничего общего с благоразумием, военные круги выражали уверенность, что армия одолеет совместные сербо-греческие силы,

общественность, окрыленная и опьяненная победами превосходной болгарской армии в 1912 г., не мешала им заблуждаться. Встреча глав правительств Сербии и Болгарии Н. Пашича и И. Гешева в Цариброде выдалась «невыразимо холодной»; «казалось, что мы едем присутствовать на погребении Балканского союза», – писал один из свидетелей. Так оно и было. «С мучительным чувством узнали мы, – говорилось в телеграмме царя Николая от 26 мая (8 июня), – что балканские государства готовятся к братоубийственной войне, способной омрачить славу, приобретенную совместно». В своих ответах монархи Сербии и Болгарии свалили друг на друга вину за скатывание к катастрофе. 13 (26) июня С.Д. Сазонов предпринял еще одну попытку предотвратить междоусобное побоище. Он объявил румынскому посланнику, что в сложившихся обстоятельствах Россия прекратит поддержку Болгарии в ее конфликте с Румынией, считая, что давление последней в Софии поможет предотвратить войну. Но и эта угроза не остановила болгарских шовинистов¹⁰.

* * *

Принципиальное решение о нападении на союзников совет министров Болгарии принял 9 (22) июня. В ночь на 17 (30) число ее войска атаковали сербские и греческие позиции на широком фронте. Нельзя сказать, что противника застали врасплох. Еще 9 июня германский посланник в Афинах сообщал в Берлин: «Греческое правительство имеет достоверные сведения, что болгарское сосредоточение войск закончится к 18 июня и болгары без объявления войны перейдут в наступление»¹¹. Дипломат ошибся всего на одни сутки. Подчиняясь роковому приказу царя Фердинанда в ночь на 17 (30) июня нападение состоялось. Относительным успехом оно сопровождалось всего один день, уже 18 числа вчерашние союзники перешли в контрнаступление. Болгарская операция провалилась, задуманный молниеносный удар обернулся для Софии катастрофой.

Румынии царь Фердинанд преподнес большой подарок. Сомнения, колебания, опасения кончились. Следовало, не мешкая, вступать в дело. Белград и Афины уже раньше обращались в Бухарест с предложениями о союзе. Премьер-министр Т. Майореску забыл о прежних своих заверениях не сотрудничать с Сербией. Румыния не развязывала межсоюзническую войну, а вступала в нее на стороне жертв агрессии, по случайной случайности оказавшихся сильнейшей стороной в завязавшейся схватке. У Т. Майореску сложилось впечатление, что она действует с молчаливого согласия держав (за исключением России). Война для Бол-

гории становилась совершенно безнадежной. Посланник в Софии А.В. Неклюдов доносил в Петербург: болгарским войскам приказано не оказывать румынам сопротивления. Шансы на присоединение Южной Добруджи стали реальными, не могла же страна остаться – единственной – без всякого территориального приращения. 20 июня последовало объявление о мобилизации в румынскую армию, сопровождавшееся взрывом не антиболгарских, а антиавстрийских страстей. Митинги и демонстрации протеста против габсбургского гнета в Трансильвании, где проживало много румын, ущемленных в национальных правах, состоялись в Бухаресте, Крайове, Констанце, Джурджу, Галаце, Плоешти, Сулине, Бырладе, Яссах, Брэиле. Раздавались призывы «Долой коварную Австро-Венгрию!», «Довольно нам австрийской опеки!». Французский посланник Э. Блондель заметил, что несведущий человек решил бы, что речь идет о начале войны с Австрией. И тут нам придется совершить экскурс в историю сложных и запутанных отношений Румынии с Габсбургской монархией.

* * *

В русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Румыния вступила как союзник России, в мае 1877 г. парламент провозгласил ее государственную независимость. Российская дипломатия, одна против всех, добилась признания независимости Сербии, Румынии и Черногории на Берлинском конгрессе 1878 г. Румынская армия с честью участвовала в осаде и взятии крепости Плевна. Но затем конфликт вокруг судьбы Южной Бессарабии¹² побудил румынскую олигархию переметнуться на сторону противников России. Последовали демарши в Лондоне, Вене и Стамбуле с предложением военной помощи трем державам – Великобритании, Австро-Венгрии и Турции – в их столкновении с Россией, которое в Бухаресте считали весьма вероятным. Румынской помощи трем державам не потребовалось, бросить вызов Петербургу соперники не решились.

В 1883 г. Румыния вступила в единственный существовавший в Европе военно-политический союз Центральных держав – Германии, Австро-Венгрии и пока еще Италии. Страну захлестнула мутная волна антироссийской истерии. Обывателю внушали мысль, что необузданный северный медведь занес над бедняжкой Румынией свою агрессивную лапу, и спасения от его посягательств следует искать под сенью германо-австро-венгерского альянса. Премьер-министр И.К. Брэтиану-старший отправился на свидание к канцлеру О. Бисмарку – вербоваться в союзники в войне с Россией, представлявшейся ему неизбежной.

Бисмарк, конечно, понимал, что Румынии никто и ничто не угрожает, а его партнер по переговорам отнюдь не безгрешен по части посягательств на земли восточной соседки. Беседа прошла отнюдь не в том ключе, на который рассчитывал И.К. Брэттиану. Канцлер считал его замыслы «румынскими реваншистскими завоевательными вождениями, простирающимися до Днестра и далее на восток», «несостоятельными и невероятными» (в ином варианте – «румынскими воздушными замками») и не выразил желания поставлять пушечное мясо для их осуществления¹³.

Румыния все же была принята в блок, как никак она могла служить барьером на пути продвижения русской армии к Балканам, что теоретически не исключалось. Но условия союза продиктовал Бисмарк. Непосредственно союз был заключен с Австро-Венгрией, а Германия к нему присоединилась. То был намек: румынским властям не следует проявлять особой заботы о положении соплеменников в Габсбургской монархии, превратившейся в дорогого союзника правящего Бухареста. Договор по форме был оборонительным, Россия в нем не фигурировала, Бисмарк самолично проследил за тем, чтобы упоминание о ней было вычеркнуто. В тексте значилось некое сопредельное государство, с которым следовало быть начеку.

Вступление соседки в направленный против Франции и России союз привело к растянувшемуся на много лет охлаждению в отношениях Петербурга и Бухареста. Румынская печать клеветала на Россию. Порой возникали своего рода микрокризисы. В июле 1884 г. газета «Телеграфул» ударила в колокола: страна наводнена агентами из-за Прута, готовящими заговор против короля. В центре шпионского скандала оказался посланник А.П. Извольский, будущий министр иностранных дел. Александр III не поскупился на едкие пометки на полях поступавших из Бухареста депеш: «Это более смешно, чем грустно!». «Комедия!», «Жалкое и подлое правительство»¹⁴.

В 1886 г. история повторилась. Близкая к правительственным кругам газета «Эндепанданс румэн» утверждала: миролюбивые и дружественные декларации Петербурга скрывают суть дела. Россия однажды потребует «открыто и откровенно установить свое преобладание, по меньшей мере, в восточной части Балканского полуострова». Каковы бы ни были в прошлом заслуги России в освобождении Балкан, ныне страны региона ориентируются на Запад, они «принадлежат Западу». Тогда же появилась брошюра «Россия и болгарский кризис», в которой страна наша представлялась в самом мрачном свете и звучали нотки откровенного

превосходства: «Ни одна великодушная идея не распространяется в правящих сферах и у народа, живущего в снежной пустыне, обитатели этой скорбной страны всегда пребывали в полнейшем порабощении». Народам, ей покорившимся, Россия приносила «сперва надежду, потом гибель». И далее: «В отношении Балкан ее завоевательные порывы не могут опираться на что-либо правдоподобное; тираническая автократия не может оправдать свои завоевательные поползновения в отношении стран, ставших независимыми и свободными»¹⁵.

На самом деле со времени отмены крепостного права прошло уже четверть века, отечественная дипломатия принимала деятельное участие в составлении демократической Великотырновской конституции в Болгарии, ни один из покорившихся России народов, даже самый маленький, не исчез с лица земли, как то случалось в других странах, а захватнические поползновения в отношении Балкан у самодержавия отсутствовали как таковые. Не преминула участвовать в общей вакханалии и радикальная газета «Лупта» («Борьба»). Сочтя излишним заниматься поисками улики и доказательств, она просто обвинила нового российского посланника М.А. Хитрово в том, что он содержит целую армию агентов, организовал некий комитет и готовит революцию¹⁶. Обвинения звучали нелепо хотя бы потому, что миссию снабжали деньгами расчетливо и даже скуповато, и содержать армию заговорщиков ей было просто не на что. Создается впечатление, что в правительственных сферах Бухареста, наконец, спохватились, что нельзя обострять обстановку до бесконечности. В тронной речи короля (декабрь 1886 г.) появилось заверение – ни с Австро-Венгрией, ни с Германией не было даже обмена мнениями относительно возможности войны с Россией¹⁷. Накал страстей несколько спал, но не годы, а десятилетия продолжался своего рода заговор молчания вокруг России. Много позже в дневнике свидетеля Балканских войн В. Дрейера появилась такая запись: «Бухарест. 27 июля (1913 г.): Попасть в столицу Румынии русскому человеку, свободно изъясняющемуся только на отечественном языке, – все равно, что очутиться в Центральной Африке среди негров и бушменов. Ни в одном книжном магазине вы не найдете ни одной русской книжки, ни в одном киоске или кафе – ни одной русской газеты. Между тем в любом количестве вы здесь достанете немецкие, австрийские, французские, итальянские и даже бельгийские газеты и несколько местных, печатаемых на французском и немецком языках»¹⁸. Все русское, за малым исключением, замалчивалось, что способствовало распространению небылиц о неумемной агрессивности се-

верного соседа. Сменивший Н.Н. Шебеко на посту посланника А.С. Урусов жаловался на свободу печати румынского образца, его попытки пресечь публикацию так называемых «сообщений из России», «сфабрикованных вне всякого сомнения в Бухаресте», отвергались ссылками на независимость прессы¹⁹.

Но все же время брало свое. Минуло 10–20, почти 30 лет, и даже самое воспаленное воображение не могло представить ничего, хотя бы отдаленно похожего на российские посягательства на Румынию. Договор с Австро-Венгрией и Германией хранился в глубокой тайне, его текст находился в личном архиве короля, его оглашение грозило вызвать серьезный общественный протест. Национальные устремления румын сконцентрировались вокруг Трансильвании и других областей Венгерского королевства, где проживали миллионные массы соотечественников, не пользовавшихся национальным равноправием. В противовес коалиции Центральных держав появилась Антанта, альянс Великобритании, России и Франции. С ее, а не австро-немецкой помощью в случае большой войны можно было добиться объединения с трансильванскими землями и осуществить вызревавшие планы образования Великой Румынии. По словам австрийского посланника в Бухаресте К. Фюрстенберга, ни один здешний политик не мог сопротивляться трансильванским соблазнам. Тот же В. Дрейер свидетельствовал в 1913 г.: «В народе и военной среде течение в сторону России растет с каждым днем». Далее следовали слова, требующие комментария: «Всюду слышишь: неужели и теперь Россия пропустит момент и не сделает жеста, чтобы оторвать нас, наконец, от вероломной нашей союзницы. Скажите вашему посланнику Шебеко, снискавшему в такой короткий срок симпатии в Румынии, чтобы он использовал настоящий подъем духа со свойственным ему талантом, и мы, как один, двинемся с Россией и Сербией против нашего общего врага»²⁰. По сути дела России предлагалось послужить интересам Румынии, хотя правители последней вели себя далеко не однозначно. Немец на престоле, как верноподданные именовали короля Карла, в феврале 1913 г. продлил срок действия альянса с Центральными державами. Монарх сохранял верность фатерлянду до последнего вздоха. Протестов не раздалось. Румынская олигархия стремилась при любом исходе назревавшей великой войны очутиться на стороне победителя, а торжества прусского меча в предстоявшей схватке никто не исключал. Монарх мог подписать бумагу о продлении союза, но был бессилен вдохнуть жизнь в угасший альянс. Явное предпочтение, которое австро-немецкая группировка отдавала

во время Балканских войн Болгарии, показывало, что подлинной союзницей Румынию они не считали. Центральный блок перестал быть доминирующей военной коалицией на континенте. Появилась Антанта, только от нее можно было ожидать помощи в осуществлении вожделенного идеала. Румыния медленно, но верно сближалась с «Сердечным согласием».

Неосведомленная румынская общественность не ведала, что посланник Н.Н. Шебеко, как и его предшественники и преемники немало способствовали румынским интересам, но с одним важным добавлением: не в ущерб ее соседям, в первую очередь Болгарии. А уж ополчаться на эту страну значило ставить крест на балканском сотрудничестве, подрывать под корень традиционную российскую политику в регионе. Подобное вмешательство грозило спровоцировать европейское столкновение. Водворять мир и согласие на юго-востоке континента, а не примыкать к одной из перессорившихся и передравшихся группировок и увековечивать тем самым мрачную репутацию порохового погреба Европы, было миссией России.

* * *

Вернемся к июню 1913 г. Наивным обывателям, вообразившим, что мобилизация проводится для войны с Австрией, разъяснили их заблуждение: подлинный враг находится на юге, а не на севере. Состоялась хорошо организованная бурная антиболгарская демонстрация. Добрые вести приходили с полей сражений. Инициатива царя Фердинанда обернулась трагедией для Болгарии, ее войска еле держались под натиском противников. Балканский союз распался по всем швам. Следовало спешить и приобщиться к победителям, пока не поздно. Премьер-министр Титу Майореску забыл о своем заверении австрийскому посланнику – он никогда не свяжет Румынию сотрудничеством с Сербией. В поход (не решаемся сказать в бой) были двинуты немалые силы – 285 тысяч солдат и офицеров. Сражений как таковых не происходило. Потери войска несли от холеры. По распространенному в Болгарии мнению, именно вмешательство Румынии сделало продолжение войны безнадежным. Войска нового противника переправились через Дунай, не встретив сопротивления. Кампания превратилась в военную прогулку, в вышедшей вскоре книге К.М. Петреску воспел ее ход в восторженных тонах. В Силистру кавалерия ворвалась галопом с саблями наголо. В городе царил мертвая тишина, опустели улицы, закрылись лавки. Болгарских резервистов застали в казарме за обеденным столом. В качестве военного трофея забрали саблю коменданта крепости. «Пехота проявила себя ... великолепно

со всех точек зрения». Мобилизацию, по уверению автора, вся Румыния встретила восторженно. Король Карл заглянул в войска на два дня и был принят с «безграничным энтузиазмом»²¹. Армия устремилась вперед, делая по 25 километров в сутки. К.М. Петреску сравнивал темп ее движения с тем, что совершала армия Наполеона в кампании 1809 г. против Австрии (28 километров в день). Но тут поступило своего рода уникальное распоряжение из Бухареста: не спешить, не утомлять солдат подобными маршами. Командование выразило недоумение: остановить армию может только перемирие. Указание пришлось повторить. Правительство явно хотело продлить «военные действия», дабы они выглядели солиднее, и можно было с большим основанием отстаивать свои требования на мирной конференции. Отсюда стремление затянуть кампанию. В. Дрейер замечал: «Церемониальный марш к Софии несомненно привел бы к занятию болгарской столицы, если бы король сам решительно не вмешался в военные операции и не остановил бы горячившихся генералов»²². В Зимнем дворце тревожились, опасаясь непомерного роста румынских притязаний. Т. Майореску клялся, что требования не выйдут за рамки установления надежной со стратегической точки зрения границы, но мало кто ему верил, само это понятие Бухарест толковал непомерно расширительно.

А из Софии в Петербург посыпались мольбы о спасении. Царь Фердинанд обратился к Николаю II с призывом «положить как можно скорее конец ужасающей резне» между бывшими союзниками, которую он сам развязал. Раньше он не обращал внимания на звучавшие из Петербурга предупреждения – в случае нарушения мира Россия не сможет воспрепятствовать выступлению Румынии. Теперь победоносная коалиция не обращала внимания на миротворческие усилия российской дипломатии. Фердинанд наделил Николая неограниченными полномочиями на заключение мира, сопроводив их упреками: «Неужели Болгария заслужила, чтобы ее так жестоко третировали?» Премьер-министр Ст. Данев перекладывал вину за собственные грехи на Петербург: «Неужели голос России настолько слаб, что его не слышат в Царьграде и Бухаресте?». Слышали, но не слушались. Мировая общественность, в том числе российская, не забыла «инициативы» царя Фердинанда и не верила в превращение болгарских экспансионистов в агнцев. Защищать царя Фердинанда, а тем более поддерживать его значило для России превратиться в международного изгоя.

20 июля (2 августа) Болгария капитулировала. На следующий день румынские войска получили приказ остановиться.

Путь к миру был открыт. Но к какому? Послы держав на конференции в Бухаресте отсутствовали, победители демонстрировали полную самостоятельность. Корреспондентов разных газет съехалось множество. Нахлынуло в «маленький Париж» немало и прочей публики. Элегантные румынские дамы света и полусвета демонстрировали себя и свои туалеты.

По Бухарестскому договору 28 июля (10 августа) 1913 г. соседи обкорнали Болгарию со всех сторон. Сербия приобрела почти всю Северную Македонию, Греция – ее южную часть с портами Салоники и Кавалла на Эгейском море и часть Западной Фракии. Болгарии оставили лишь Пиринский край, занимавший едва десятую часть македонских земель. На момент подписания мира считалось, что Болгария компенсировала потери, даже с лихвой, приобретением Адрианополя с окрестностями. Но с Турцией еще шла война, вскоре город был утрачен и по Константинопольскому миру 16 (29) сентября пограничная линия прошла значительно западнее намечавшейся прежде, когда державы соглашались на вхождение Адрианополя в состав Болгарии.

Румыния присоединила Южную Добруджу и без драки попала в большие забияки. По размерам – и по территории, и по населению – она стала первым государством на полуострове. «Опереточная для Румынии война безусловно не прошла даром и принесла стране громадную пользу»²³. Само по себе избрание Бухареста местом переговоров о мире свидетельствовало о ее возросшем весе в балканских делах, здесь совершенно забыли о своих хлопотах по сохранению баланса сил в регионе, историография именовала достигнутый результат триумфом точки зрения ответственных лиц в столице. Создается впечатление, что верхи уверовали в прочность достигнутой договоренности. Король Карл направил кайзеру Вильгельму благодарственную телеграмму: после преодоления значительных трудностей: «Заключение мира, благодаря Тебе, обеспечено»²⁴. Последовало правительственное заявление: Румыния не допустит ни изменения, ни тем более отмены трактата. Монарх подтвердил, что ориентация на союз с Центральными державами остается неизменной. Заверениям Карла не поверил начальник Генерального штаба австро-венгерской армии Ф. Конрад фон Гетцендорф, а посланник в Бухаресте граф Оттокар Чернин счел договор с Румынией стоящим немногим больше той бумаги, на которой он написан. Он обратил внимание на то,

что на антиавстрийских и антивенгерских манифестациях в Румынии стал звучать совсем неприятный призыв: «Да здравствует Россия!».

Новый российский представитель С.А. Поклевский-Козелл в первых же своих донесениях отмечал, что румынские ирредентистские устремления направлены в сторону Трансильвании: «Правительства Вены и Берлина были детально информированы о растущей враждебности румынского народа к Габсбургской монархии²⁵. В Вене мелькнула незадачливая мысль – побудить румынских партнеров предать гласности секретный договор. Таким путем там надеялись вдохнуть жизнь в пребывавший в коме альянс. Когда Чернин, повинувшись полученным указаниям, намекнул на это королю Карлу, тот потерял дар речи.

В январе 1914 г. кабинет министров возглавил либерал И.К. Брэтиану. Будучи убежден, что конец Австро-Венгрии не за горами, он заявил монарху, что невозможно сформировать правительство, способное осуществить трактат.

В том же году военный атташе России, полковник Семенов счел нужным доложить о крутом повороте в настроениях общественности, чему доказательства видны каждый день, как при сношениях с представителями правительства, так и армии, а также слышать, пожалуй, даже слишком восторженные изъявления симпатий со стороны общества столицы. Приписывать такой крутой поворот одному увлекающемуся характеру народа, явно недостаточно. Главная причина в том, что события прошлого года рассеяли в известной степени кошмар «славянской опасности». Итоги межбалканской войны для России не следует поэтому подводить со сплошным знаком минус. Обозначившаяся переориентация Румынии на сторону Антанты в канун Первой мировой войны свидетельствовала о серьезном сдвиге в расстановке сил на Балканах в пользу «Сердечного согласия».

На Болгарию мирный договор обрушился страшной тяжестью. Страна оцепенела от горя. Так жестоко великие державы с ней никогда не обходились, Россия всегда стояла на страже ее интересов, в тот момент Германия и Австро-Венгрия не собирались оплачивать румынские услуги болгарскими территориями. В кои веки раз в позициях антагонистов, Вены и Петербурга, появились точки соприкосновения, первая стремилась укрепить свое влияние в Болгарии, а Петербург опасался его утратить. Обе державы выступали против навязывания стране непомерно тяжелого мира. Генерал Фичев считал одной из главных причин поражения вторжение румынских войск: людские потери болгар достигли ста

тысяч человек. «Несомненно, мы справились бы с сербами и греками. Но когда на нас накиннулись черногорцы, а затем румыны и турки, мы отказались от борьбы». По словам И. Гешова, его страна была «ограблена, погублена, уничтожена, обесславлена»²⁶. И все же Европа признала мир. Берлин и Вена сочли его, и не без основания, неудачей для России, Лондон констатировал усиление позиций своего старого протеже, Греции, Париж поддерживал Румынию.

В России печать всех направлений предавалась скорби, считая мир крупным дипломатическим поражением. В оценках случившегося встречались и прямые несуразности, касавшиеся в том числе и Румынии. Так, газета «Голос» поместила статью под заголовком «Румыния и ее вассалы», что никак не вязалось со здравым смыслом. Другие органы печати, уже обоснованно, утешались тем, что на Балканах сохранилась опора в лице окрепших Сербии и Черногории. Посол в Париже А.П. Извольский счел нужным поздравить своего преемника на посту министра С.Д. Сазонова с успехом, тот достиг цели, о которой он мечтал – оторвал Румынию от Австрии. То же самое, но со скорбной миной, констатировал Ф. Конрад фон Гетцендорф. Британский посол Дж. Бьюкенен оценивал ситуацию кратко и выразительно: сложилось положение, при котором София и Белград мало считались «с приказами из Петербурга. Опьяненные своими победами и страдая острой формой мании величия, все балканские союзники были намерены удержать в своих руках все области, которые их армии захватили у Турции».

Румынская общественность и пресса предавались торжеству: наконец-то мир заключен без участия держав, и результаты налицо. В Германии и Австро-Венгрии урегулирование рассматривалось как поражение России. В других странах общественность утешалась мыслью: какой-никакой, но мир в пороховом погребе Европы наступил, авось Балканы на какое-то время утихомятся.

Довольно спокойная реакция держав объяснялась и следующим. В балканском измерении результаты межсоюзнической войны выглядели впечатляюще: Балканский союз рухнул, его участники перессорились и передрались друг с другом. Баланс сил в регионе подвергся крутому изменению, и мало кто подозревал, что за сим последует. В европейском измерении все выглядело иначе. Основной результат Первой балканской войны сохранился, ибо она явилась как бы последним аккордом в симфонии национального освобождения и в вековом противостоянии Востока и Запада, Азии и Европы, мусульманства и христианства. В 1683 г. войска

Османской империи осадили Вену, турецкая власть собиралась прочно, навечно утвердиться в сердце христианского континента. В 1913 г. Турция в Европе была прижата к проливам Босфор и Дарданеллы. Ее власть на Балканах пришла к концу. В этом историческое величие Балканских войн.

Что касается Бухарестского мира, то самую четкую и меткую оценку ему дал С.Д. Сазонов, уподобив договор пластырю, наклепленному на незажившие балканские язвы и сочтя его лишь кратковременным и зыбким перемирием²⁷.

И первый похоронный сигнал прозвучал немедленно. Царь Фердинанд не без поддержки оскорбленной и возмущенной общественности устремился дальше по гибельному пути. В приказе по армии он призвал свернуть знамена до лучших времен, что означало призыв к реваншу, а в создавшихся условиях – заявку на вступление в блок Центральных держав. И Болгария, себе на горе, так и поступила в октябре 1915 г., в разгар трагического отступления российской армии и немецких побед на полях сражений. Никто тогда в стране не обратился к истории, не вспомнил, что союз России и Великобритании всегда выходил из войн победителем. И расплачиваться за неуместную прыть своих правителей Болгарии пришлось второй национальной катастрофой согласно миру в Нейи, заключенному осенью 1919 г.

Реакция на Бухарестский мир в Румынии была совсем иной. Представлялось, что можно выиграть войну, по сути дела не воюя. Либеральный кабинет И. Брэтиану-младшего попытался повторить удачный опыт и переложить тяжесть военных операций во время Первой мировой на союзников, но потерпел неудачу. Быстро обнаружилось, что король Карл в своих клятвах верности австро-германскому военному союзу говорит от своего имени и мнения общественности не выражает. Подданные придерживались совсем иной точки зрения, и даже правящие круги в своих декларациях эволюционировали от более или менее платонических заявлений о нерушимости альянса с блоком Центральных держав к признанию принципиальной невозможности осуществления условий старого секретного трактата, возобновленного всего за несколько месяцев до Второй балканской войны. В Вену от миссии в Бухаресте поступала тревожная информация о росте антиавстрийских настроений в стране, охвативших и офицерский корпус, и распространении слухов, что если не дни, то годы двуединой монархии сочтены. По мнению коменданта Бухареста генерала Сочека, 80% офицерского состава находились на стороне России. «Мысли румын, – заявил он военному атташе Семенову, –

обращены не столько в сторону Бессарабии, откуда до них не доходит изъявлений недовольства и чувства сепаратизма, как в сторону Трансильвании, где живет сплошное трехмиллионное население родных им по крови и языку румын»²⁸.

В январе 1914 г. к власти пришло либеральное правительство во главе с И.К. Брэтиану, склонное к сотрудничеству с Антантой. В первой же беседе с российским посланником С.А. Поклевским премьер, по словам дипломата, заверял его, что «с начала своей политической карьеры он всегда был сторонником искренней с нами дружбы» и совсем недавно способствовал совершению «благоприятного для России поворота в общественном мнении Румынии». Надвигался мировой военный пожар, и Поклевский затронул в разговоре и эту животрепещущую тему. Собеседник не стал уклоняться от ответа: если Россия хочет соблюдения Румынией нейтралитета и даже более этого, следует укрепить торговые и культурные связи. Брэтиану высказал также пожелание лично познакомиться с С.Д. Сазоновым. Последнего ждать долго не пришлось.

Весной 1914 г. антиавстрийские манифестации состоялись в Крайове, Турну-Северине, Джурджу, Яссах, Галаце, Фокшанах, Констанце и Синае. Габсбургский посланник О. Чернин пришел к выводу, что оный союзный договор превратился в простую и пустую бумажку²⁹. Немецкий посланник Вальдъхаузен в декабре 1913 г. информировал руководство Аусамта: король Карл и лидер либералов И.К. Брэтиану заявили ему, что в существующей ситуации, когда вся общественность настроена против Австрии, она не пойдет вместе с нею в случае войны.

В июне 1914 г. царская яхта с Николаем II на борту бросила якорь в порту Констанцы. Императора сопровождал С.Д. Сазонов, явившегося на свидание короля Карла – И.К. Брэтиану. Российская сторона получила заверение, что Румыния ни с кем и ничем не связана и свободна в выборе союзников. С.Д. Сазонов поинтересовался позицией Румынии на случай австро-русской войны, до которой оставалось две недели. Ответ Брэтиану гласил: «Румыния никоим образом не обязана принять участие в какой-либо войне без того, чтобы ее личные интересы были прямо затронуты». Все будет зависеть от обстоятельств, которые побудили бы Россию прибегнуть к военным действиям. Интересы Румынии выражались тогда одним словом: Трансильвания, а помочь в присоединении этой области могла только Антанта, «Сердечное согласие» получало в свои руки большой дипломатический козырь. И все же российская сторона не обольщалась дружескими речами собеседников и пришла к вы-

воду, подтвердившемуся в дальнейшем: Румыния будут выжидать, пока не определится победитель, и примкнет к нему³⁰.

Разумеется, представителям Тройственного союза Брэтиану представил свидание в Констанце совсем в ином свете: обе стороны крайне озабочены сохранением мира на Балканах, чему и были посвящены их беседы. Вряд ли кого-либо сбила с толку подобная версия. О. Чернин продолжал свою надгробную песнь над почившим союзом с Румынией. Он считал, что свидание в Констанце ознаменовалось зарождением новой политики Румынии, которая отвечала намерениям России. Румынская общественность убеждена – двуединая монархия пребывает в «сумерках», и час ее гибели близок. Даже до сотрудников германской миссии дошли слухи о разговорах членов свиты императора с румынскими офицерами. Граф Апраксин будто бы заверил последних – пройдет год-два, и Румыния, при поддержке России, обретет вождельную Трансильванию.

С.Д. Сазонов не ограничился переговорами в Констанце, а вместе с И.К. Брэтиану совершил автомобильную прогулку в Карпатских горах. Любознательные экскурсанты при этом пересекли границу с Венгрией и покатались по дорогам Трансильвании, что вызвало крайне нервную реакцию в Вене и Будапеште. Поскольку в Берлине реагировали на трансильванский вояж сдержаннее, немецкий аусамт получил от партнера по альянсу упрек за проявленную близорукость.

Но, в отличие от казуса с Болгарией, в отношениях с Румынией державы Центра не могли превзойти Антанту в выдаче обещаний будущего территориального расширения и затмить трансильванский соблазн.

В Бухаресте приведенная королем в Палате депутатов в речи с трона информация о встрече в Констанце была встречена аплодисментами представителей всех фракций. Румыния одобряла поворот в политике.

* * *

Первая реакция российской общественности на Межсоюзническую войну и Бухарестский мир несли на себе отпечаток душевного смятения. Мечталось о великом и прекрасном, о завершении процесса национального объединения, об укреплении независимости стран и упрочении их государственности, о сплочении балканцев в союз равноправных при строгом соблюдении баланса сил и интересов. Видение исчезло, грезы рассеялись. Участники союза рассорились при дележе освобожденных земель. Рывок болгарских лидеров к верховенству на Балканах дорого обошелся стране, соперники навязали ей жестокий и несправед-

ливый мирный договор. В Софии урок не был извлечен, реваншистские силы привязали ее к коалиции Центральных держав и устремили страну к новой национальной катастрофе. Отсюда – унылые констатации в России в первых откликах на случившееся.

Но, обращаясь к смиренной прозе жизни, следует упомянуть и другое. Территориально расширившиеся, укрепившиеся Сербия, Черногория, Греция и новобранец в их среде Румыния закономерно оказались в лагере Антанты в годы Первой мировой войны. Позиции России на Балканах, и в первую очередь в Сербии и Черногории, сохранились прочные. Так можно ли говорить о ее неудаче, о поражении ее дипломатии в ходе Балканских войн?

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кросс Б.Б. Вступление Румынии во Вторую балканскую войну и русская дипломатия // ГПИ им. А.И. Герцена. Т. 502. Псков, 1971. С. 118.
- ² Жебокрицкий В.А. Болгария во время балканских войн. Киев, 1961. С. 144
- ³ Кросс Б.Б. Указ. соч. С. 151.
- ⁴ Jorga N. Comment la Roumanie s'est detachee de la Triplice. Bucarest, 1933. P. 8, 18; Marghiloman A. Note politique. V. 1. Bucurtsti, 1927. P. 140.
- ⁵ Кросс Б.Б. Указ. соч. С. 150; На путях к мировой войне 1914–1918 гг. М., 1940. С. 143.
- ⁶ Жебокрицкий В.А. Указ. соч. С. 181.
- ⁷ Там же. С. 183.
- ⁸ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 108.
- ⁹ Жебокрицкий В.А. Указ. соч. С. 163.
- ¹⁰ Там же. С. 164, 169, 171; Marghiloman A. Op. cit. P. 154.
- ¹¹ Жебокрицкий В.А. Указ. соч. С. 175.
- ¹² Виноградов В.Н. Двуглавый российский орел на Балканах 1683–1914. М., 2010. С. 393–426.
- ¹³ Die Grosse Politik der Europaischen Kabinette. В. 3. Berlin, 1926. S. 263, 264.
- ¹⁴ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Политархив. 1884. Д. 612. Л. 116, 164, 191.
- ¹⁵ L'Independence roumaine. 27.08.1886.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. 1886. Д. 318. Л. 229.
- ¹⁷ Там же. 1887. Д. 621. Л. 88–91.
- ¹⁸ Там же. 1886. Д. 318. Л. 301.

- ¹⁹ Дрейер В. Разгром Болгарии. Вторая балканская война. СПб, 1914. С. 160–161.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. 1886. Д. 318. Л. 140.
- ²¹ Дрейер В. Указ. соч. С. 161.
- ²² Petrescu C.M. *Istoricul campaniei militare din anul 1913*. Bucuresti, 1914. P. 95, 41, 35, 37.
- ²³ Дрейер В. Указ. соч. С. 151, 180.
- ²⁴ Cazan Gh., Radulescu-Zone S. *Romania si Tripla Alianta*. Bucuresti, 1979. P. 352.
- ²⁵ Международные отношения в эпоху империализма. Сер 3. Т. 1. М., 1931. № 94.
- ²⁶ Виноградов В.Н. Указ. соч. С. 448.
- ²⁷ В «пороховом погребе Европы». М., 2003. С. 302; Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991, С. 120–121.
- ²⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Д. 312. Л. 13–15.
- ²⁹ *România în relațiile internaționale 1899 1939*. Iași, 1980. P. 372; О свидании см.: Кросс Б.Б. Констанцское свидание // Уч. Записки Шуйского гос. пед. института. Шуя, 1959; Виноградов В.Н. Румыния. Медленный дрейф к Антанте (в книге «В «пороховом погребе Европы»).
- ³⁰ В «пороховом погребе Европы». С. 372.

Балканские войны 1912–1913 гг. и развитие общественного движения югославын в Америке

Статья посвящена рассмотрению влияния событий Балканских войн на развитие общественного движения югославянских эмигрантов в Северной и Южной Америке. В ней предпринята попытка осветить общественно-политическую активность югославын (в основном сербов и хорватов) в указанном регионе в начале XX в. и ответить на вопросы: что представляло собой общественное движение югославын в Америке в то время? Как были восприняты переселенцами события Балканских войн? Как эти события повлияли на дальнейшее развитие деятельности эмигрантов?

Массовая эмиграция из югославянских областей Австро-Венгрии, Сербии и Черногории в Новый свет пришла на последние десятилетия XIX и начало XX в. Самыми многочисленными группами в США были хорваты, словенцы, сербы и черногорцы. Подавляющее большинство переселенцев в Южной Америке составляли хорваты из Далмации, соседних островов и Дубровника, также там проживали сербы, черногорцы и немногочисленные уроженцы Герцеговины¹.

Значительная часть эмигрантов рассчитывала как можно скорее поправить свое материальное положение и вернуться на родину. Однако необходимость выжить и адаптироваться в чужой среде, а также сохранить свои национальные и культурные традиции привела югославын к созданию собственных колоний и организаций. В конце XIX – начале XX в. они основали довольно много благотворительных, религиозных, культурных обществ, издавали газеты и журналы, развивая социально-культурную деятельность. Переселенцы поддерживали связь с родиной, следили за событиями в Европе (особенно в Австро-Венгрии, Сербии и Черногории) и устраивали акции в ответ на них. Югославыне участвовали в общеславянских и национальных мероприятиях, связанных с культурной и общественно-политической жизнью европейских стран.

Приведем некоторые сведения об общественном движении эмигрантов в США. Первая крупная политическая акция хорватов состоялась в ответ на выступления хорватского населения против политики венгер-

ского правительства в 1903 г.² Во всех хорватских колониях были организованы собрания, вынесены резолюции о солидарности с соотечественниками и собраны средства. Периодическая печать эмигрантов освещала события в Хорватии и деятельность хорватов в США. Хорватов поддержали сербские и словенские переселенцы, приняв участие в митингах протеста и сборе помощи «для пострадавших в Хорватии»³.

Заметим, что на эти события откликнулись и югославянские эмигранты в Чили. В частности, российский посланник в Буэнос-Айресе Е.Ф. Штейн упоминал в своем донесении о том, что, «когда в 1903 г., по поводу происшедших в Хорватии кровавых беспорядков, император Франц-Иосиф отказался принять хорватскую депутацию, славянские общества по всей Чилийской республике решили отпраздновать ближайший день его рождения по следующей программе: 1. В день 5/18 августа все славянские торговые и деловые предприятия будут закрыты (их насчитывают в Чили до 500), и на их дверях будет помещена надпись: “Закрыто по случаю национального траура”. 2. Во всех славянских обществах их флаги будут приспущены. 3. В 9 часов вечера во всех югославянских клубах будут прочтены лекции о насилиях австро-венгров над славянами. Программа эта была выполнена в точности во всех республиках»⁴.

Аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в 1908 г. стала поводом для первой значительной и организованной политической акции сербов в США. Такие сербские газеты, как «Американски Србобран (Американский защитник сербов)», «Балкан (Балканы)», «Борба Балкана (Борьба Балкан)» и «Српски гласник (Сербский вестник)», призвали сербских эмигрантов организовать движение за освобождение и объединение всех сербов. С этого времени сербская пресса все чаще писала о Сербии как о освободительнице югославян⁵.

Под влиянием этого события Михайло Пупин, видный ученый-физик и профессор Колумбийского университета сербского происхождения, развернул активную деятельность среди сербских переселенцев и призвал всех южных славян поднять голос против политики Австро-Венгрии и просить поддержки у американской общественности⁶. Также были проведены собрания и вечера, на которых собирались пожертвования для Сербского Красного Креста. А в Нью-Йорке был основан «Српски централни одбор (Сербский (народный) центральный комитет)»⁷, который возглавили М. Пупин и выдающийся ученый-изобретатель Никола Тесла⁸. Есть сведения и о том, что в 1908 г. при содействии

Пупина, был сформирован первый добровольческий легион готовый к отправке в Сербию⁹.

Благодаря своей деятельности, Пупин довольно скоро стал самым авторитетным и известным представителем сербов в Америке. В 1909 г. он был избран председателем Союза объединенных сербов «Слога (Согласие)»¹⁰, а в 1911 г. назначен Почетным генеральным консулом Королевства Сербии в США и Канаде¹¹. Будучи консулом, Пупин много сделал для Сербии и американских сербов. В частности, он открыл и содержал на свои средства консульскую канцелярию в Нью-Йорке, учредил и поддерживал Сербский культурный и благотворительный фонд, основал Славянское иммигрантское общество (1907 г.) и Сербский церковный фонд, оказывал содействие патриотической гимнастической организации «Сокол»¹².

Наряду с сербами, другие югославянские эмигранты также откликнулись на известие об аннексии. Югославянские газеты призывали переселенцев на борьбу с целью помешать политике, препятствовавшей освобождению и объединению югославянских народов¹³.

Общественно-политическая деятельность американских сербов продолжилась и расширилась во время Балканских войн, вызвавших большой отклик славянских эмигрантов. Именно тогда началось интенсивное добровольческое движение югославян (прежде всего, сербов и черногорцев), получившее развитие в Первую мировую войну. Его организацией занимался крупный сербский благотворительный союз «Согласие», собирая добровольцев в «Сербском доме» в Нью-Йорке¹⁴. Общества черногорских эмигрантов и сербская пресса в США также приняли в этом активное участие¹⁵.

По имеющимся в нашем распоряжении сведениям, за время Балканских войн из США в Сербию и Черногорию отправилось более 8000 добровольцев¹⁶. Так, например, в 1912 г. из Америки на корабле «Адриатика» отправилось несколько сотен волонтеров, чтобы сражаться в Черногории. Они прибыли в порт Бар 3 или 4 ноября 1912 г., а оттуда направились к Скадару. В части источников говорится, что в этой группе было около 300 выходцев из Черногории, Боснии, Герцеговины и Боки Которской, готовых помочь сербам и черногорцам решить их территориальные проблемы. Их приезд материально поддержали Сербский и Черногорский Красный Крест в США, а также многочисленные граждане и комитеты, занимавшиеся набором там добровольцев и их отправкой в Европу¹⁷.

Интересно, что в 1912 г. в числе первых патриотов-добровольцев из Америки был архимандрит Себастьян Дабович, который внес огромный вклад в становление сербской православной церкви в США. В 1912 г. он служил в сербской армии как священник¹⁸.

Большую роль в организации отправки добровольцев в Европу в 1912 г. и сборе благотворительной помощи для Сербии и Черногории сыграли видные деятели эмиграции¹⁹. В частности, М. Пупин, будучи председателем Союза объединенных сербов «Согласие», неоднократно проводил массовые акции переселенцев с целью сбора средств на отъезд волонтеров. Довольно большие деньги, полученные в ходе этих мероприятий, помогли черногорцам и другим эмигрантам добраться до черногорского театра военных действий. Сам Пупин также финансировал отправку людей в Европу²⁰.

Кроме того, уже через два дня после начала Первой балканской войны, 20 октября по новому стилю, Пупин организовал в Нью-Йорке собрание сербов и черногорцев с целью основать общество Красного Креста для сбора и пересылки пожертвований в Сербию и Черногорию. На митинге присутствовало около 500 человек; помимо эмигрантов, там были и репортеры «Нью-Йорк Таймс», самой влиятельной американской газеты. Он произнес (на сербском языке) речь о Балканской войне и участии в ней Сербии, объяснил цель мероприятия – основание общества Красного Креста, и сделал первый взнос в 10 000 долларов, что в то время было огромной суммой. Другие участники собрания также делали вклады, и в общем итоге за один час было собрано 16 000 долларов²¹. В 1912 г. в Нью-Йорке был основан сербский «Народни одбор (Народный комитет)», который собирал пожертвования для Сербского Красного Креста в Белграде и Цетинье. По данным отчета главного комитета союза «Согласие», отправленная сумма составила около 60 000 долларов²².

Заметим, что собрания переселенцев, в которых участвовал сербский консул, были полезны еще и тем, что демонстрировали единство славянских народов, а, кроме того, об этих мероприятиях писали ведущие американские газеты, знакомя американскую общественность с борьбой и солидарностью славян. Более того, под влиянием Пупина некоторые американские профессора участвовали в собраниях эмигрантов, выступали в защиту Сербии и Черногории, способствуя увеличению пожертвований для Сербии и Красного Креста²³.

Довольно скоро, акция сбора помощи соотечественникам в Европе, инициированная сербским консулом, распространилась по всей Аме-

рике. При этом Пупин агитировал не только сербов и черногорцев. Он участвовал и в собраниях других славянских переселенцев, читал лекции, призывал оказать посильную помощь. Эту акцию поддержали общества и периодическая печать югославянских эмигрантов.

Так, «Американски Србобран», старейшая и самая влиятельная газета сербов в США, 31 октября напечатала воззвание к сербам под названием «За дело, братья!». В нем содержался призыв к эмигрантам помочь сербам, и говорилось, что скоро «правда и сербское оружие победят, и пробьет час сербского народного освобождения и объединения»²⁴. А влиятельные хорватские газеты, в числе которых были «Hrvatski svijet (Хорватский мир)»²⁵ и «Zajedničar («За объединение»)»²⁶, призвали хорватов помочь югославянам на родине. Хорватские эмигранты откликнулись на это, сделав пожертвования в пользу Красного Креста и пострадавших от войны сербов и черногорцев²⁷. Политическое общество «Хорватский союз» встало на сторону славян в войне, осудило политику Австро-Венгрии в отношении балканских народов и приняло решение направить материальную помощь раненым сербам и черногорцам²⁸. Черногорские переселенцы также участвовали в финансовой поддержке населения на родине²⁹.

В ноябре 1912 г. в Америку прибыла супруга Славко Груича, сербского дипломата в Англии, чтобы помочь Пупину и другим эмигрантам в сборе благотворительных средств. В этом деле ее поддержали известные американские деятели в области науки, культуры, политики и религии. Помимо прочего, она посетила Йельский, Гарвардский, Висконсинский университеты. В своих выступлениях она говорила об оправданности борьбы сербов и черногорцев и подчеркивала необходимость оказания помощи Сербскому Красному Кресту³⁰.

Стоит отметить, что интерес сербских эмигрантов к событиям на Балканах в 1912 г. был настолько велик, что для распространения информации была создана их первая ежедневная газета. «Српски дневник (Сербская ежедневная газета)» печаталась в типографии «Сербского дома» в Нью-Йорке. Она выходила тиражом 4000 экземпляров и распространялась по всем сербским колониям. Эту газету начал выпускать сербский эмигрант Божа Ранкович, редактором стал сербский журналист Милан Ефтич. Ее изданию немало поспособствовал и М. Пупин³¹. В частности, когда вести о Балканской войне достигли Нью-Йорка, он поручил союзу «Согласие» основать ежедневник и бесплатно его рассылать в колонии сербов, чтобы эмигранты могли получать известия об успехах

сербской и черногорской армий из собственных газет³². Он обеспечил и некоторую финансовую поддержку мероприятия³³.

До Балканских войн американская общественность совсем мало знала о Сербии и еще меньше о Черногории. Пупину принадлежала большая заслуга в изменении такого положения. Сербский консул развернул активную деятельность по оповещению американцев об этих государствах. Он регулярно давал информацию американским журналистам о Сербии, Черногории и их балканских союзниках в борьбе против Турции, готовил статьи для сербской и американской прессы, читал лекции о Сербии и Черногории в известных клубах, церквях и школах³⁴.

Наряду с освещением военных операций и мирных переговоров, Пупин много писал о Сербии, ее истории и общественно-политических целях. Его статьи печатались в ведущих американских газетах и имели влияние на американское общество. Можно утверждать, что статьи сербского консула в американской прессе были также важны для Сербии и Черногории в то время, как и его деятельность по сбору материальной помощи, если не важнее. Поскольку тогда он был единственным человеком, который, благодаря своему положению в американском обществе, мог как-то повлиять на общественное мнение в отношении сербов и черногорцев³⁵. И, если в начале войны американская общественность в основном была на стороне Турции, то вскоре сербскому консулу удалось вызвать некоторые симпатии к Сербии и Черногории³⁶.

Обобщая изложенное, отметим, что события Балканских войн 1912–1913 гг. вызвали большой отклик американских сербов и явились стимулом к развитию их общественно-политического движения, ставшего основой их политической деятельности в годы Первой мировой войны.

Добавим, что, помимо названных, славянские эмигранты устраивали и другие акции в поддержку соотечественников на Балканах. Так, 14 декабря 1912 г. австрийские славяне в Нью-Йорке организовали демонстрацию протеста против возможной интервенции Вены на Балканы. В ней приняли участие около 5000 переселенцев. В числе выступавших был и М. Пупин, произнесший речь о борьбе Сербии против Турции³⁷. Заметим, что мероприятия эмигрантов проходили как в Нью-Йорке, так и в других крупных городах Америки. Например, 27 октября 1912 г. в Питтсбурге на собрании присутствовали хорваты, чехи, словаки и русские³⁸.

События на Балканах не оставили равнодушными и югославян в Южной Америке. Они привлекли пристальное внимание эмигрантов и в определенной мере повлияли на формирование их политических взглядов.

На рубеже XIX–XX вв. часть югославянских (хорватских) переселенцев являлась противником политики Австро-Венгрии в отношении славян, поддерживала идеи славянской взаимности. Более того, многие являлись приверженцами России, от которой ожидалось освобождение славян от «австрийского ярма»³⁹.

Так, Е.Ф. Штейн сообщал в 1916 г. о югославянах в Аргентине: «Уже с давних пор эмигранты эти сорганизовались здесь в различные общества и клубы, и хотя последние и назывались всегда Австро-Венгерскими, но в них свято хранились славянские традиции, идеалы и язык»⁴⁰. По данным хорватского историка Л. Антича, «Slavjansko društvo od uzajamne pomoći (Славянское общество взаимопомощи)», возникшее в Буэнос-Айресе в 1882 г., вместе с ежемесячной газетой «Iskra slavjanske slobode (Искра славянской свободы)» и читальней «Spavajući lav (Спящий лев)» являлись ядром патриотической и культурной деятельности переселенцев в Аргентине. Они проповедовали идеи славянской взаимности, выступали против славянской политики Австро-Венгрии⁴¹.

О переселенцах в Чили Штейн писал: «Еще задолго до настоящей войны⁴² южнославянские выходцы в Чили, в огромном большинстве далматинцы, одинаково хорваты-католики из северной Далмации и сербы-православные из южной, стремились определить свою отдельную и особенную расовую сербскую национальность в глазах местного правительства и общества, учреждая сербо-славянские общества, членом коих может быть любой славянин – русский, чех, поляк – австро-венгерского или иного подданства, но из коих категорически исключаются хотя бы и австрийцы, но не славянской крови. В программу этих ассоциаций неизменно входит догмат о России, как призванной и признанной покровительницы славянства...»⁴³. По сведениям Антича, в Антофагасте с 1894 г. существовало общество «Slavjansko pripomočno društvo (Славянское общество помощи)», а в Пунта Аренасе с 1900 г. – «Hrvatsko dobrotvorno društvo (Хорватское благотворительное общество)», действовавшие в русле поддержания национальной (хорватской) самобытности⁴⁴. Заметим, что деятельность указанных обществ в Аргентине и Чили стала основой для развития политического югославянского движения эмигрантов в годы Первой мировой войны.

В начале XX в. среди эмигрантов получили распространение и некоторые политические идеи хорватов. В частности, хорватские переселенцы поддерживали требования объединения Далмации с остальными частями Хорватии, политических свобод и т. д. Однако, помимо негатив-

ного отношения к Австро-Венгрии и стремления улучшить положение Хорватии, конкретного плана решения хорватского вопроса у них не было. Эти национальные идеи не приобрели исключительного значения, они не противопоставлялись и не выделялись из общеславянских⁴⁵.

Балканские войны, по-видимому, стали переломным моментом в политическом определении части хорватов. С этого времени они начали переходить от хорватской программы к идеям югославянского единства, что проявилось в их деятельности – организации поддержки Сербии и Черногории. Вероятно, на отношение эмигрантов к сербам и черногорцам в определенной степени повлияло общественное мнение в Хорватии, приветствовавшее их успехи и изгнание турок с югославянских территорий⁴⁶.

События на Балканах вызвали живой отклик переселенцев в Южной Америке. Они отслеживали и освещали военные действия Сербии и Черногории, принимали участие в акциях в пользу сербов и черногорцев. Так, в Пунта Аренасе было торжественно отмечено взятие черногорцами и сербами Скадара, организатором выступил хорватский спортивный клуб «Sokol (Сокол)»⁴⁷. Кроме того, эмигранты собирали финансовую помощь для Сербии и Черногории. Эту акцию начали хорватские общества, а затем были учреждены «Комитеты помощи Сербско-черногорскому Красному Кресту». Главный комитет находился в Росарио де Санта Фе (Аргентина). Средства чаще всего отправлялись через русские консульства или на адреса видных деятелей в Хорватии, которые потом ее распределяли⁴⁸. Так, основанный в Вальпараисо (Чили) «Комитет Сербско-черногорского Красного Креста» переправил в Сербию и Черногорию 1892 песо⁴⁹.

Добавим, что одной из главных целей организации «Hrvatski savez (Хорватского союза)», основанного в 1913 г. Иваном Раделяком в Росарио де Санта Фе, было «выступление в пользу народного единства» югославян. Во время Балканских войн газета этого общества «Zajednica (Объединение)» выступила с призывом собрать помощь для Сербского и Черногорского Красного Креста, сопровождая это лозунгом: «Да здравствует братство хорватов и сербов!»⁵⁰.

Подчеркнем, что ориентация на идеи славянской взаимности, антиавстрийские и проюгославянские взгляды и общественная деятельность эмигрантов в Аргентине и Чили в конце XIX – начале XX в. явились фундаментом для развития в 1914–1918 г. их политического югославянского движения.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что во время Балканских войн американские югославыне – особенно сербы, черногорцы и хорваты – оказали немалую моральную и материальную помощь сербам и черногорцам в Европе. Этот опыт участия в европейской политической жизни стал определенным этапом в развитии общественно-политической деятельности сербских и хорватских переселенцев в Америке, а также основой для становления в годы Первой мировой войны политического движения, имевшего целью государственную интеграцию всех югославян. Практическая помощь югославянских эмигрантов соотечественникам в Европе в 1914–1918 гг., также как и в годы Балканских войн, выражалась в проведении собраний солидарности, финансовой поддержке Красному Кресту и пострадавшим от войны, отправке добровольцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Подробнее о югославянской эмиграции в Америке см., например: *Antić L.* Hrvati u Južnoj Americi do godine 1914. Zagreb, 1991; *Govorchin G.* Americans from Yugoslavia. Gainsville, 1961; *Гречић В., Лопушина М.* Сви срби света. Београд, 1994; *Сеоба Срба некад и сад.* Београд, 1990; *Срндовић С.* Библиографија југословенске исельеничке периодике у Северној и Јужној Америци до 1945 / Предговор и увод П. Крејић. Београд, 2008; *The Ethnic Press in the United States. A Historical Analysis and Handbook.* New York, 1987 и др.
- ² О событиях в Хорватии в 1903 г. см., например: *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб., 2001. С. 204.
- ³ *Čizmić I.* Jugoslavenski iseljenički pokret u SAD i stvaranje jugoslavenske države 1918. Zagreb, 1974. S. 25.
- ⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. ДП. ОО. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 180–180 об.
- ⁵ *Čizmić I.* Op. cit. S. 31.
- ⁶ *Grečić V.* Uloga Mihajla Pupina u organizovanju srpskog iseljništva u SAD // *Život i delo Mihajla Idvorskog Pupina.* Novi Sad, 1985. S. 282–283.
- ⁷ Комитет был распущен после окончания «аннексионного кризиса» (*Petrovich M.B.* Pupin u srpsko-američkom životu pre prvog svetskog rata // *Život i delo Mihajla Idvorskog Pupina.* S. 292).
- ⁸ *Čizmić I.* Op. cit. S. 31.

- ⁹ *Остојић-Фејић У.* САД и српски добровољачки покрет у првом светском рату // *Добровољци у ослободилачким ратовима Срба и Црногораца.* Београд, 1996. С. 195.
- ¹⁰ *Џизмић И.* *Op. cit.* С. 16.
- ¹¹ *Grečić V.* *Op. cit.* С. 285; *Petrovich M.B.* *Op. cit.* С. 293.
- ¹² *Petrovich M.B.* *Op. cit.* С. 293–294.
- ¹³ *Grečić V.* *Op. cit.* С. 282.
- ¹⁴ *Џизмић И.* *Op. cit.* С. 32.
- ¹⁵ Подробне см., на пример: *Гојнић В.* *Црногорци у Америци.* Подгорица, 2002; *Radovich M.* *The Serbian Press // The Ethnic Press in the United States. A Historical Analysis and Handbook.* New York, 1987. Р. 347.
- ¹⁶ Извештај Главног Одбора Савеза сједињених срба «Слога». Лос-Анђелес, 1920. С. 17; *Grečić V.* *Op. cit.* С. 286.
- ¹⁷ *Стојковић М.* Број добровољаца из прекоморских земаља у ратовима 1912–1918 // *Добровољци у ослободилачким ратовима Срба и Црногораца.* С. 219.
- ¹⁸ *Калабић Р.* Српска емиграција. Прилози за историју српског иселњеништва (1830–1992). Београд, 2001. С. 31.
- ¹⁹ *Гојнић В.* *Op. cit.* С. 45; *Grečić V.* *Op. cit.* С. 285.
- ²⁰ *Гојнић В.* *Op. cit.* С. 355.
- ²¹ *Karanović M.* *Doprinos Mihajla I. Pupina Srbiji i Crnoj Gori za vreme Balkanskih ratova // Život i delo Mihajla Idvorskog Pupina.* С. 328–329.
- ²² Извештај Главног Одбора Савеза сједињених срба «Слога»... С. 17–18. Такође см., на пример: *Слијенчевић П.* *Срби у Америци.* Женева, 1917. С. 71. По даним В. Гойничча, Србском и Черногорском Крсту била тогада направљена помоћ у размере 63641 доллара (*Гојнић В.* *Op. cit.* С. 128).
- ²³ *Karanović M.* *Op. cit.* С. 330.
- ²⁴ *Ibid.* С. 329.
- ²⁵ Газета «*Hrvatski svijet*» с 1911 г. явљалась печатным органом политического объединения «*Hrvatski savez* (Хорватский союз)». «Хорватский союз» был образован в 1911 г., его председателем стал хорватский католический священник Нико Гршкович, видный югославянский деятель в США, один из руководителей югославянского движения в годы Первой мировой войны.
- ²⁶ «*Zajedničar* («За объединение»)» – печатный орган крупной хорватской организации страхования и взаимопомощи «*Narodna hrvatska zajednica* (Народное хорватское сообщество)».

- ²⁷ *Karanović M.* Op. cit. S. 329–330.
- ²⁸ *Čizmić I.* Op. cit. S. 30.
- ²⁹ *Gojnuh B.* Op. cit. C. 10.
- ³⁰ *Karanović M.* Op. cit. S. 330.
- ³¹ *Čizmić I.* Op. cit. S. 19, 32.
- ³² *Grečić V.* Op. cit. S. 285.
- ³³ *Petrovič M.B.* Op. cit. S. 293.
- ³⁴ *Grečić V.* Op. cit. S. 285–286.
- ³⁵ *Karanović M.* Op. cit. S. 333.
- ³⁶ *Grečić V.* Op. cit. S. 286.
- ³⁷ *Karanović M.* Op. cit. S. 335–336.
- ³⁸ *Ibid.* S. 330.
- ³⁹ *Antić L.* Naše iseljništvo u Južnoj Americi i stvaranje jugoslavenske države 1918. Zagreb, 1987. S. 41.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 184.
- ⁴¹ *Antić L.* Op. cit. S. 28–29.
- ⁴² Первой мировой войны.
- ⁴³ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 179об–180.
- ⁴⁴ *Antić L.* Op. cit. S. 29.
- ⁴⁵ *Ibid.* S. 41.
- ⁴⁶ *Antić L.* Op. cit. S. 32, 42.
- ⁴⁷ *Ibid.* S. 41–42.
- ⁴⁸ *Ibid.* S. 32.
- ⁴⁹ *Ibid.* S. 42.
- ⁵⁰ *Ibid.* S. 30.

**Деятельность великой княгини
Милицы Николаевны Романовой
по оказанию помощи Черногории
во время Балканских войн**

Статья подготовлена на основе архивных материалов Государственного архива Российской Федерации (личные фонды великого князя Петра Николаевича Романова – № 653 и великой княгини Милицы Николаевны Романовой – № 669), а также документов из фонда черногорского короля Николы в Архивном отделении Народного музея Черногории (Цетинье). Большинство этих архивных раритетов впервые вводится в научный оборот. Кроме того, нами использовались опубликованные источники ¹, а также ряд мемуаров ².

Следует отметить, что вопрос о деятельности великой княгини Милицы Николаевны Романовой (1866–1951) в период Балканских войн до сих пор не был предметом научного исследования, хотя ряд историков и журналистов, особенно в последнее время, затрагивали его в своих сочинениях ³. Привлеченные документы помогли восстановить картину ее «работы» на благо Черногории в 1912–1913 гг.

* * *

Прежде всего, необходимо сказать несколько слов о самой великой княгине. В семье правителя Черногории, князя Николы Петровича-Негоша (1841–1921) и его жены Милены Вукотич (1847–1923) было 12 детей, из них 9 – женского пола.

Милица появилась на свет 14 (26) июля 1866 г.; она была вторым ребенком в семье, второй дочерью ⁴. 23 декабря 1867 г. (4 января 1868 г.) родилась третья дочка – Анастасия (Стана). Именно эта младшая сестра-погодка стала лучшей подругой Милицы, они всю жизнь были неразлучны, и судьбы обеих были связаны с Россией.

Раннее детство Милица провела на родине с сестрами, в семье родителей, где складывался ее характер и где она получила основные представления о жизни. Отец, Никола Петрович-Негош, будучи хорошо образованным человеком, постарался и своим детям дать отличное образование, однако главное, что он сделал, – сформировал в них чувство собственного достоинства и глубокий патриотизм. Планируя связать будущее своих дочерей с Россией, Никола не оставил их учиться на родине, а отправил в Петербург – в знаменитый Смольный институт.

В России Милица с сестрами Зоркой (1864–1890), Станой (1867–1935), Марией (1879–1885) и Еленой (1873–1952) столкнулись с суровым петербургским климатом и тяжелыми условиями институтской жизни, о чем можно узнать из воспоминаний бывших «смолянок» А.Н. Энгельгардт и Е.Н. Водовозовой. Институтки недоедали и постоянно страдали от переохлаждения⁵. В таких условиях многие девицы не выдерживали – они заболели и даже умирали. Так случилось и с младшей сестрой Милицы, княжной Марией, скончавшейся в 1885 г. в шестнадцатилетнем возрасте. Это стало большой травмой для Милицы и Станы. Тогда Милице было 19, а Стане – всего 17 лет.

Отметим, что Милица и ее сестры были отправлены в Россию не в самом раннем возрасте, как это было принято по правилам Смольного института. Милице в то время было 10 лет, и она уже сложилась как личность со своим характером, утвердившимися представлениями о жизни, на формирование которых, безусловно, повлияли ее родители, особенно отец. Он воспитал в Милице большую тягу к знаниям, что проявилось во время обучения, несмотря на его тяжелые условия.

После окончания учебы сестры вышли замуж – в 1889 г. состоялись свадьбы Милицы Николаевны Петрович–Негош и Петра Николаевича Романова (1864–1931) и Анастасии Николаевны Петрович–Негош и Георгия (Юрия) Романовского (1852–1912), 6-го герцога Лейхтенбергского, третьего сына великой княжны Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского. При объявлении о бракосочетаниях Александром III был произнесен знаменитый тост «за единственного друга России черногорского князя Николая». Свадьбы черногорских княжон с двоюродными братьями русского императора вызвали волну «одушевленных возгласов и великих надежд», как пишет югославский исследователь Н. Шкеревич, не только со стороны черногорских вожakov, народа, прессы и придворных поэтов, но и всего общественного мнения сербов, хорватов и словенцев⁶.

Георгию Романовскому тогда было 38 лет, и он был вдовцом. Первым браком герцог был женат на герцогине Терезии Ольденбургской. Овдовев, герцог стал вести легкомысленный образ жизни. Однако указание императора Александра III немедленно жениться на молодой черногорской княжне Георгий исполнил беспрекословно, хотя было очевидно, что этот брак не вызван обоюдными нежными чувствами, а заключался по договоренности, будучи политическим шагом. Анастасия Николаевна относилась к супругу с уважением, продиктованным чувст-

вом долга, а полученное воспитание заставляло ее ценить брак и семью. А вот герцог на вопрос, любил ли он свою жену, открыто отвечал: «Ни одного дня!»⁷. Хотя брак Анастасии Николаевны и Георгия Лейхтенбергского был несчастлив, в нем родилось двое детей: Сергей (1890–1974) и Елена (1892–1976).

Брак Милицы и великого князя Петра Николаевича был более удачным. Подчеркнем, что сам факт этих брачных союзов говорил о многом. До того момента дом Романовых не брал невест из славянских стран, но для правящего дома Петрович–Негош было сделано исключение. Причем, женихи были выбраны не «простые», а двоюродные братья императора. Эти браки, и в первую очередь брак Петра и Милицы, открыли для династии Петрович–Негош большие возможности. После признания, таким образом, равноудности черногорской династии и другие европейские дома не погнушались заключить брачные союзы с ее представителями.

Итак, два брачных союза Романовых и Негошей нарушили существовавшую не один век традицию принятия в семью Романовых немецких принцесс, которым приходилось переходить в православие и учить русский язык. Они полностью ассимилировались и становились «русскими до мозга костей». Милице не пришлось проходить через это, она с рождения была православной, русским языком владела, как родным; на таком же уровне владела и французским (кстати, практически все свои письма Стане Милица писала именно на французском языке, как было установлено правилами придворного этикета)⁸.

В браке Милицы и Петра родилось трое детей (четвертый ребенок умер вскоре после рождения).

Освоившись при Дворе, черногорские принцессы, по сведениям очевидцев, стали проявлять активность в вопросах политики и в целях получения Черногорией финансовой помощи⁹.

В своих мемуарах С.Ю. Витте, министр финансов России в 1892–1903 гг., рассказывает о частых к нему визитах черногорских принцесс с просьбами об оказании помощи. Со свойственной Сергею Юльевичу критичностью, он отдавал должное черногоркам, замечая, что «они были преданные дочери и постоянно хлопотали о всяких денежных субсидиях своему княжескому родителю»¹⁰. Их устоявшаяся формулировка с просьбой «оказать содействие»¹¹ подразумевала финансовую помощь, однако черногорок практически всегда ожидал отказ, что вызывало их негативное отношение к министру финансов. Милица и Стана обращались не только к Витте, но и к В.Н. Коковцову (министр финансов в

1904–1905, 1906–1914 гг.), и к Н.К. Гирсу (министр иностранных дел России в 1882–1895 гг.), о чем свидетельствуют письма из личного фонда Милицы Николаевны¹².

Придворное окружение отмечало постоянную активность черногорских принцесс в том, что касалось политики, – они часто пытались давать царю советы, «постоянно выдвигали политические предложения», их собственные дворы часто служили местом горячих политических споров¹³.

Основываясь на письмах периода Балканских войн и начала Первой мировой войны, можно согласиться с черногорским историком Р. Распоповичем, что Милица являлась неофициальным дипломатическим представителем Черногории в России¹⁴. Она пыталась вести политическую линию своего отца. Эта «черногорка № 1»¹⁵ писала трогательные и милые письма своему другу, императору Николаю II, щедро снабжая их политическими идеями о будущем Черногории. Она постоянно упоминала о «вопросах важных, в глазах моего отца», о «поручении отца», «желании отца»¹⁶, показывая, с одной стороны, что она здесь как бы ни при чем и лишь является проводником и представителем интересов князя (короля) Николы. С другой же, – подчеркивала, что ее мнение совершенно совпадает с мнением отца¹⁷, следовательно, она решала вопросы, важные для нее самой.

Ко всему прочему, Милица лично принимала участие в планировании территориальных приобретений Черногорией по итогам Первой мировой войны. Ввиду того, что Черногория не имела официального дипломатического представителя в России, его функции великая княгиня в это время возложила на себя. Так, в письме от 5 апреля 1915 г. на имя императора Милица указала те границы, в которых, по ее мнению (как и мнению ее отца), должна была находиться Черногория после победы Антанты. Тем самым на бумаге «создавалась» Великая Черногория – заветная мечта черногорского короля¹⁸. Так, Милица пыталась посредством личных встреч, бесед и переписки влиять на императора в угоду проведения в жизнь «черногорской мечты», которой, как показала история, так и не суждено было сбыться.

С.Ю. Витте недаром именовал Милицу Николаевну не иначе, как «черногорка № 1», а ее сестру Анастасию – «черногорка № 2». Примечательно, что придворное окружение, даже те, кто не общался с Милицей и Станой лично, все же знало, что они черногорки, и за глаза называли их «черными женщинами», «черными паучихами», связывая это и со

смуглым цветом их кожи, и с неприязнью к ним, и с именем их родины – Черногории. Русские великие княгини Милица и Стана оставались при дворе «черногорками», они сохранили свою самобытность, до конца не ассимилировались и не обрусели.

Великая княгиня Милица Николаевна постоянно и внимательно следила за развитием политической ситуации в Европе и на Балканах, живо обсуждала международные отношения в своем доме. Особенно она интересовалась политической ситуацией в Сербии (как видно из воспоминаний Георгия Карагеоргиевича (1887–1972), племянника Милицы, сына ее сестры Зорки)¹⁹ и, естественно, Черногории. В 1907 г. Милица писала мужу: «В Черногории политический горизонт очень темный. Копия нашего»²⁰. Милица имела в виду либо нарастающую оппозицию против князя в Черногории, либо назревающий Боснийский кризис и усложняющиеся отношения балканских стран с Османской империей.

Когда «пороховой погреб Европы» сдетонировал, и в регионе вспыхнула Балканская война, Милица и Анастасия не сидели сложа руки. Необходимость постоянной деятельности и долг перед малой родиной заставили их отправиться в Черногорию. По дороге туда, из Вены, Милица Николаевна писала мужу письма, сообщая обо всех известных ей особенностях обстановки на Балканах. Она пристально следила за событиями, внимательно изучала прессу²¹. И ее интерес и внимание носили вовсе не поверхностный характер. Вообще такая глубокая заинтересованность политикой не была свойственна особам столь высокого положения. Однако в семье великой княгини балканские события живо обсуждались; даже сын Милицы, 16-летний Роман, детально изучал планы Черногории по своей настольной карте Скутари²² – албанского города, которым столь сильно желал обладать его дед Никола, в то время уже черногорский король.

Черногорцы первыми из балканских союзников объявили Турции войну. Это произошло 25 сентября (8 октября) 1912 г., однако военные действия были отложены на следующий день в связи с празднованием дня рождения короля²³. Военные победы черногорцев русская пресса называла «чем-то поистине чудесным», «сверхчеловеческим» и даже «победой Давида над Голиафом»²⁴. В то время, как черногорцы героически сражались с Турцией, в их тылу разворачивалась деятельность общества Красного Креста, которым руководила сестра русской великой княгини королева Ксения Петрович-Негош²⁵. Об этой родственной связи не забыли упомянуть и издатели популярного русского

иллюстрированного журнала «Нива» (как и о формальных отношениях Романовых со всеми балканскими союзниками)²⁶.

Во время Первой балканской войны [26 сентября (9 октября) 1912 г. – 17 (30) мая 1913 г.] госпиталь Красного Креста был размещен в Цетинье, столице Черногории, в здании кадетского корпуса, только недавно, в 1911 г., открытого под руководством В.Н. Егорьева (1869–1948)^{*}. Однако уже в конце 1912 г. появилась необходимость перенести госпиталь в здание Женского института (черногорский аналог Смольного института). Решением этого вопроса занялась Милица Николаевна, втянув в свою бурную деятельность как мать – черногорскую королеву Милену, так и супруга – великого князя Петра Николаевича. Женский институт в Цетинье имени императрицы Марии Александровны^{**} был открыт в 1869 г. при всесторонней помощи России и успешно действовал в течение нескольких десятилетий. Для переоборудования института в госпиталь было необходимо получить разрешение вдовствующей императрицы Марии Федоровны^{***}, которая курировала институт со стороны России (с черногорской стороны за деятельностью института следила королева Милена).

В письме от 30 января 1913 г. Милица писала мужу по-французски: «Мама только что телеграфировала императрице Марии Федоровне, прося ее дать согласие на переоборудование института в госпиталь. Это очень срочно, скажи Шервашидзе^{****}, что нужно телеграфировать приказ императрицы директорисе института Мертваго. Это дело чрезвычайной важности»²⁷. Когда указание императрицы было получено, и Институт был преобразован в госпиталь для раненых, Милица осталась там работать. «Работаю весь день, размещая постоянно прибывающих раненых [...]. Их слишком много, помощь оказываться не

* Егорьев Владимир Николаевич с 1910 по 1914 гг. состоял при Генеральном штабе. Был командирован в Черногорию, где занимал важные посты в армии: главный начальник военно-учебных заведений, генерал-инспектор народного образования, командир кадетского корпуса.

** Императрица Мария Александровна (1824–1880) – жена императора Александра II.

*** Императрица Мария Федоровна (184–1928) – жена Александра III, мать Николая II.

**** Шервашидзе Георгий Дмитриевич – князь, обер-гофмаршал, состоявший при вдовствующей императрице Марии Федоровне.

успеает [...]. Напишу подробнее, как только будут разбиты миллионы турок»²⁸, – телеграфировала она Петру Николаевичу. Ее неумемной энергией и преданностью родине можно только восхищаться.

Многие родственники Милицы Николаевны по материнской линии (Вукотич) принимали участие в военных действиях. Они храбро сражались, отстаивая честь своего рода и Родины. Милица следила за их судьбами и во время осады города-крепости Скутари с прискорбием сообщала супругу 4 февраля 1913 г.: «Все наши раненые были госпитализированы. Мамин брат воевода Стево Вукотич был слегка ранен, остальные три маминых двоюродных брата Вукотич были убиты. Пять раненых Вукотич со стороны матери. 4 убитых и 4 раненых маминых двоюродных брата и 1 племянник. Ее двоюродный брат Перко Вукотич нес знамя своего батальона, из-за чего героически погиб (очень любили)»²⁹. В эти февральские дни, когда продолжалась осада Скутари, черногорские войска понесли большие потери. Как сообщал полковник Н.М. Потапов, русский военный агент в Черногории в 1903–1916 гг., «после трехдневного упорного боя потери – 1500 убитых и 3500 раненых», и если бы не сербы, отвлекавшие на себя часть турецких войск, то исход битвы при Бардагиоле был бы не в пользу черногорцев³⁰. В тот же день Милица докладывала мужу и другие, более приятные новости: «Здорова. Забыла дать подробности о том, как был подбит турецкий корабль нашими пушками с большого корабля «Широка» [...], также был подбит корабль, который, чтоб укрыться, бежал в Скутари и там сел на мель. С их корабля продолжают поступать сведения»³¹.

В этот период великая княгиня жила войной, писала мужу лишь о боевых действиях и о родных, которых война не щадила: король Никола провел 10 дней в лагере под Скутари и заболел, да и «Перо*, возможно, подхватил малярию, когда переходил рвы с водой...»³². Через несколько дней – новые вести: «Папе лучше, всё проходит, температура нормальная. У Перо вчера был новый приступ малярии, он принимал хинин, чтобы быстрее поправиться»³³.

Помимо оказания помощи в госпитале, великая княгиня собирала материальную помощь для пострадавших в результате Балканских войн. Именно к ней обращались люди, выражая восторженные чувства по поводу начала войны балканских союзников против Турции и делая

* Петр Петрович-Негош (1889–1932), младший сын черногорского князя Николы.

пожертвования. Множество таких писем, хранящихся в личном фонде Милицы Николаевны, были написаны в период Балканских войн; отправителями их являлись как частные лица, так и организации. Приведем одно из них, датированное 11 декабря 1912 г.: «Комитет города Кронштадт по сбору пожертвований на нужды пострадавших от войны балканских народов просит Ваше высочество принять собранные 500 рублей, переводимые через Русско-Азиатский банк пострадавшим от войны черногорцам. Председательница Надежда Вирен»³⁴. На это письмо Милица Николаевна ответила: «Глубоко тронута сердечным участием. Душевно благодарю Комитет и всех пожелавших оказать помощь нашим раненым борцам за Веру и Родину. М.»³⁵. Однако, как были потрачены эти пожертвования, нам не известно.

Великая княгиня всегда находилась в курсе происходивших событий и постоянно собирала необходимую информацию. Примечательно, что временно исполняющий должность военного агента России в Цетинье (во время отъезда Н.М. Потапова в действующую армию) уже упоминавшийся полковник В.Н. Егорьев, в октябре 1912 г. докладывал последние данные о наступательных действиях черногорских отрядов (Северного и Зетского) именно на основе сведений, сообщенных ему великой княгиней. Например, он доносил в Отдел генерал-квартирмейстера Генерального штаба: «10-го [октября] генерал Вукотич занял и сжег деревню Ругову на дороге Плав-Ипек. Фанатическое мусульманское население избило затем окрестных сербов. Зетский отряд продвигается к Скутари, и, по сведениям от княгини Милицы Николаевны, вчера стреляли по городу»³⁶.

В какой-то степени хорошая осведомленность великой княгини о подробностях военных действий объясняется и тем, что ее родственники по материнской линии – Вукотичи, храбрые воеводы, в большинстве своем, стояли во главе черногорских войск. Милица всей душой переживала за судьбу черногорских родственников и Черногории. И эти переживания преобразались в бурную деятельность, которая не всегда была свойственна статусу великой княгини. Возможно, столь сильное чувство патриотизма, которое мы наблюдаем у нее, было той особой чертой черногорцев, о которой пишет российская исследовательница Е.Ю. Гуськова: «Трогательной особенностью черногорца всегда была глубокая привязанность к своей земле. Покидая свой край, он всегда оставался черногорцем, был тесно связан с племенем, с селом, в котором был рожден...»³⁷.

Активность Милицы Николаевны не угасла после Балканских войн. Во время Первой мировой войны она организовала, под своим

личным покровительством, «Комитет по оказанию помощи раненым воинам русским, черногорским и сербским и их семьям и семействам убитых воинов», который иначе назывался «Зеленым Крестом»³⁸. И хотя с приходом к власти большевиков многое в стране поменялось, но даже советские историки, уничтожительно писавшие о царской власти, не могли отрицать значимости деятельности Милицы Николаевны³⁹.

А в апреле 1913 г. депутат Государственной думы от крайне правых В.М. Пуришкевич, поддерживая славянофильские народные настроения в России, высказался о Балканской войне так: «Мы можем сейчас сказать, что чувство сильнее политики»⁴⁰. Видимо, именно чувствами руководствовалась великая княгиня Милица Николаевна Романова, будучи русской по статусу, но черногоркой по рождению. Она всегда была предана своей маленькой Родине и своему отцу, к которому относилась с трепетным уважением, говоря, что в Черногории нет правящей династии, есть только король и его слуги, к числу которых причисляла и себя⁴¹.

На волне необычайного душевного подъема в России в пользу славянских народов, 28-летний трубач, кавалерист полка Василий Агапкин написал самый известный и любимый в России военный марш «Прощание славянки». «Марш написан мною по поводу балканских событий 1912 года. Он посвящается всем славянским женщинам»⁴², – эти слова В. Агапкина мы в полной мере относим и к «героине» нашей статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. В 3 т. СПб., 1888–1915; *Медведев С.* Николай II и его двор. М., 1917; *Николай II и великие князья* (Родственные письма к последнему царю). М., 1925; *Платонов О.А.* Терновый венец России: Николай II в секретной переписке. М., 1996; *Н.М. Потапов.* Русский военный агент в Черногории. Т. 1, 2. М.–Подгорица, 2004.

² *Данілов Ю. Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930; *Карађорђевић Ђ.* Истина о моме животу. Београд, 1988; *Мосолов А.А.* При дворе последнего Российского императора. Записки начальника Министерства Императорского Двора. М., 1993; *Витте С.Ю.* Воспоминания в 3 т. Таллинн–М., 1994; *Воейков В.Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995; *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996; *Ден Ю.* Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Федоровны (перевод с английского В.В. Куз-

нецова). СПб., 1999; *Редигер А.* История моей жизни. Воспоминания военного министра в 2 т. М., 1999; Великий князь Гавриил Константинович в Мраморном дворце. Мемуары. М., 2001.

³ Женщины-добровольцы в тылу в период Балканских войн (1912–1913 гг.) не раз становились объектом исследования. Сербские ученые исследовали данную тему и написали ряд трудов: *Суботић В.* Поменик погинулих и помолих лекара и медицинара у ратовима 1912–1918. Београд, 1922; *Станојевић В.* Историја српског војног санитета. Београд, 1925; *Он же.* Рад нашег санитета у Балканским ратовима (1912–1913 г.). Ратна хирургија I. Санитетска управа ЈНА. Београд, 1953; *Лазаревић Ј.* Енглескиње у српском санитету. Београдско женско друштво. Београд, 1929; *Левентал З.* Ратници и рањеници. Медицински гласник. 1963. № 6–7, 8–9; *Гавриловић В.* Допринос мисије шкотских жена. Симпозијум секције СРС, 1968 и др.; *Он же.* Жене лекари у ратовима 1876–1945. Београд, 1976; *Ник А.* Хисториографија војног санитета југословенских земаља. II дио (1912–1913) // Зборник радова XX научног састанка. Дубровник-Купари, 1969; *Велимировић М.* Искуства руских лекара у Балканском рату. Зборник радова I. Сарајево, 1970; *Кнежевић С.* Учешће двеју енглескиња у нашем санитету. Српски архив за целокупно лекарство 101/1. Београд, 1973; *Стојанчевић В.* Виђени странци о Србији и Србима XIX и почетком XX века. Београд, 1998. Однако деятельность русских великих княгинь Милицы Николаевны и Анастасии Николаевны в данном аспекте еще не рассматривалась. Вообще об этих великих княгинях-черногорках до сих пор не написано ни одного серьезного научного труда. Данная работа является небольшой частью будущей кандидатской диссертации автора, посвященной правящему черногорскому Дому Петрович-Негош и русско-черногорским отношениям в период с 1889 по 1914 гг.

⁴ Специальных научных трудов, как уже отмечалось, о великих княгинях Милице Николаевне и Анастасии Николаевне нет, однако стоит отметить работы, в которых затрагивалась данная тема: *Писарев Ю.А.* Шесть десятилетий на троне. Черногорский монарх Николай Петрович-Негош // Новая и новейшая история. 1991. № 6; *Боханов А.* «Черные сестры». Черногорские княгини при царском дворе // Родина. 2003. № 3; *Распоповић Р.* Милица Николајевна Романова као дипломатски заступник Црне Горе у Русији на почетку XX вијека // Црна Гора и Русија. Огледи и есеји. Београд–Подгорица, 2005; *Грачева Д.* Матримониальные

- планы черногорских сестер. 2007. <http://www.informonte.com/articles/6.html>;
Хохрев А. Аномальная княгиня.
<http://www.gazetastrela.ru/gazeta/print.php?id=2606>; *Кузьмичева Л.В.* Балканские принцессы в семье европейских монархов // Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.). СПб., 2007; *Буренина К.* Милица и Стана. Черные принцессы. 2008.
http://burenina.ru/chernye_princessy.
- ⁵ *Водовозова Е.Н.* На заре жизни // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц, М., 2008. С. 229; *Энгельгардт А.Н.* Очерки институтской жизни былого времени // Там же. С. 135–144.
- ⁶ *Шкеровић Н.П.* Црна Гора на освитку XX вијека. Београд, 1964. С. 29.
- ⁷ Цит. по: *Боханов А.* «Черные сестры». Черногорские княгини при царском дворе // Родина. 2003. № 3. С. 80.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 671 (Фонд великого князя Николая Николаевича (младшего)). Оп. 1. Д. 34. Л. 1–23об. – Письма Милицы Николаевны великой княгине Анастасии Николаевне (жене великого князя Николая Николаевича). 28 октября 1910 г. и б/д.
- ⁹ Великий князь Гавриил Константинович в Мраморном дворце. Мемуары. М., 2001; *Витте С.Ю.* Воспоминания в 3 т. Таллинн–М., 1994; *Воейков В.Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995; *Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930; *Ден Ю.* Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Федоровны. СПб., 1999; *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996; *Карађорђевић Ђ.* Истина о моме животу. Београд, 1988; *Мосолов А.А.* При дворе последнего Российского императора. Записки начальника Министерства Императорского Двора. М., 1993.
- ¹⁰ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 251.
- ¹¹ Там же. С. 253.
- ¹² ГАРФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. – Письма и телеграммы (с подписями «Александра, Николаша, Георгий) великой княгине Милице Николаевне Романовой, 21 августа 1882 г. – 9 января 1915 г.
- ¹³ *Мосолов А.А.* При дворе последнего Российского императора. Записки начальника министерства императорского Двора. М., 1993. С. 71.

- ¹⁴ *Распоповић Р.* Милица Николајевна Романова као дипломатски заступник Црне Горе у Русији на почетку XX вијека // Црна Гора и Русија. Огледи и есеји. Београд–Подгорица, 2005. С. 383.
- ¹⁵ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 250.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 601. Д. 1300. Л. 1об., 2об., 6, 8, 10.
- ¹⁷ Там же. Л. 10об.
- ¹⁸ Там же. Л. 11об.–12об.
- ¹⁹ *Карађорђевић Ђ.* Истина о моме животу. С. 135–136.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 653. Оп. 2. Д. 156. Л. 43.
- ²¹ В фонде великой княгини Милицы Николаевны (№ 669) хранятся вырезки из иностранных газет периода Балканских войн. Это «Europe Versus Liberty», «Daily mail», «Pro and con», «Het Vaderland», «Глас Црногорца», «Вјестник» // ГАРФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 22. Романова Милица Николаевна, великая княгиня. Europe Versus Liberty – Стихи и выдержки из прессы на английском языке, посвященные Николаю I Королю Черногорскому (6 л.); Там же. Д. 20. Газеты «Het Vaderland», «Глас Црногорца», «Вестник», вырезки из газет и журналов, карта Черногорского княжества и др. карты. 1913–1914 гг. (37 л.).
- ²² Там же. Д. 159. Л. 2–3.
- ²³ Телеграмма Н.М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера с сообщением срока начала военных действий Черногории // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. 1 – Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. М.-Подгорица, 2004. С. 597; Телеграмма В.А. Сухомлинова Николаю II о дате объявления войны Турции и начале военных действий // Там же. С. 598.
- ²⁴ Россия и Австрия на Балканах (Политическое обозрение) // Нива. 1912. № 41. С. 821.
- ²⁵ Там же. С. 956.
- ²⁶ Славяно-турецкая война. Очерк кн. Д.П. Багратиона // Там же. № 48. С. 955.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 653. Оп. 2. Д. 159. Л. 5.
- ²⁸ Там же. Л. 6.
- ²⁹ Там же. Л. 10.
- ³⁰ Телеграмма Н.М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера о предоставлении Сербией вооружения Черногории при условии передачи сербскому командованию руководства осадой Шкодры // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. 1. С. 628.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 653. Оп. 2. Д. 159. Л. 11.

- ³² Там же. Д. 160. Л. 2.
- ³³ Там же. Л. 3.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 13. Л. 33–33об. Письма и телеграммы от частных лиц (протокол общего собрания Общества русских ориенталистов; прошения вдов, крестьян; поздравления великой княгине Милице Николаевне Романовой 1892–1915 гг.
- ³⁵ Там же. Л. 33об.
- ³⁶ Телеграмма директора черногорского кадетского корпуса В.Н. Егорева в отдел генерал-квартирмейстера о наступательных действиях Северного и Зетского отрядов // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. 1. С. 610.
- ³⁷ Гуськова Е. Черногорский характер – от легенды к действительности // Перспективы: Как жить славянам дальше. Родина. 2001. № 1. С. 183.
- ³⁸ История Псковской епархии // http://www.pskov-eparhia.ellink.ru/browse/show_news_type.php?r_id=5227; Дерюшева М.А. Некоторые аспекты деятельности благотворительных учреждений Пермской губернии в 1917 г. // <http://www.archive.perm.ru/page.php?id=371>. О деятельности Красного Креста в годы Первой мировой войны см. также: Шевцова Г.И. Деятельность российских благотворительных организаций в Сербии и Черногории в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Научные труды МосГУ. Вып. 58. М., 2005; Она же. Россия и Сербия: Из истории российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны (гуманитарный аспект). М., 2010; Она же. Деятельность на территории Сербии и возвращение из плена эпидемиологического отряда Александровской общины РОКК (отряда Н.С. Спасского) в годы Первой мировой войны // Вестник ТГУ (Таганрогского Государственного Университета). История. Таганрог, 2010. № 4 (12).
- ³⁹ См. в кн.: Николай и великие князья (родственные письма к последнему царю). Лг., 1925.
- ⁴⁰ Думские отзвуки на события дня // Нива. 1913. № 14. С. 280.
- ⁴¹ Редигер А. История моей жизни. Воспоминания военного министра в 2 т. Т. 2. М., 1999. С. 210–212.
- ⁴² Цит. по: Сироткина А. «Чтобы не быть друг от друга далеко...». М., 2010. С. 102.

**И.Г. Пехливанов –
один из первых историографов
Первой балканской войны***

Как известно, в XIX в. Россия выступила защитницей болгар от османского ига, однако мало кто знает, что один из сынов Болгарии фактически возглавил оборону России от германского нашествия в критический для страны период начала 1918 года. В этой статье речь пойдет о судьбе болгарина по происхождению, поступившего на русскую военную службу и внесшего заметный вклад в освещение и изучение событий Первой Балканской войны, а также в события Первой мировой и Гражданской войн, полковника Генерального штаба Йордана (Юрдана, Иордана) Юрьевича (Георгиевича) Пехливанова¹.

Жизнь и деятельность этого необычного офицера почти не привлекала внимания исследователей ни в России², ни в Болгарии³, что вполне объяснимо. Основные заслуги Пехливанова связаны именно с русской военной службой, поэтому болгарских исследователей эта сторона его деятельности мало интересовала. Отечественные авторы, в свою очередь, не интересовались Пехливановым в советское время по той причине, что он был царским офицером, а также изменником Советской власти. Сведения о том, что он успел послужить не только у красных, но и у белых, либо оставались неизвестными, либо тщательно скрывались. Современных российских исследователей Пехливанов не привлекает, поскольку он был одним из создателей Красной армии, ее первых военных специалистов, тогда как изучение этой темы не пользуется большой популярностью в новой России. В итоге его имя (нередко с ошибками в русских текстах, одной из самых распространенных среди которых стала перемена местами имени и отчества офицера) фигурирует (часто с одним и тем же набором фактов), в основном, лишь в советских (и в отдельных пост-

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350а2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.». Печатается в сокращении, полная биография Пехливанова в настоящее время готовится к печати в историческом альманахе «Русский сборник».

советских⁴) обобщающих работах, посвященных обороне Петрограда или зарождению Красной армии, а также болгаро-советской дружбе⁵.

В советской литературе Пехливанов упоминался как интернационалист, которым он в действительности не был, так как поступил на русскую службу еще до Первой мировой войны, присягнув на верность России. По мнению известного отечественного военного историка А.Г. Кавтарадзе, Пехливанов сотрудничал с Советской властью вплоть до конца 1920 г.,⁶ что, однако, не соответствует действительности. Упоминая о том, что Пехливанов не значился в списках «лиц Генштаба», составлявшихся в 1919–1920 гг., Кавтарадзе, не дал объяснения этому факту, тогда как причина заключалась в том, что Пехливанов в это время уже не служил в Красной армии и находился за пределами Советской России.

Вследствие игнорирования вклада Пехливанова в создание Красной армии до сих пор остаются малоизученными и подвергаются искажению некоторые ключевые моменты начального периода советского военного строительства. Настоящий шквал антибольшевистской публицистики последних двух десятилетий связан со стремлением целого ряда авторов принизить значимость празднования Дня защитника Отечества 23 февраля (в прошлом – дня Советской армии и Военно-морского флота), показать неосновательность исторической канвы событий вокруг 23 февраля 1918 г. и даже то, что такой праздничной дате не место в современном календаре⁷. События обороны Петрограда в феврале-марте 1918 г. самым тесным образом связаны с деятельностью Пехливанова. Обращение к архивным документам, отражающим его деятельность в этот период, показывает огромное фактическое и моральное значение февральско-мартовских событий для судеб Советской России и зарождавшейся Красной армии.

Иордан Георгиевич Пехливанов родился 7 октября 1876 г. в городе Сливен (в русском написании Сливна) в Болгарии⁸. По вероисповеданию был православным. Окончил трехлетний курс единственного в Болгарии Софийского военного училища (1898 г.). Во время учебы был награжден первым призом (серебряными часами) за отличную стрельбу (20 декабря 1896 г.), дослужился до фельдфебеля, однако затем был понижен до старшего портупей-юнкера. 1 января 1898 г. был произведен в подпоручики с зачислением в 1-й артиллерийский полк. Служил в 5-й батарее. Пехливанов с февраля 1901 г. носил очки. Во время службы помимо основных обязанностей был также делопроизводителем полкового суда. Вскоре после производства в поручики, последовавшего 2 мая 1902 г.,

молодой офицер был командирован в Русук для держания поверочного экзамена перед комиссией при штабе 5-й пехотной Дунайской дивизии. От результатов зависела перспектива зачисления Пехливанова в высшее военно-учебное заведение. Командировка продолжалась с конца мая по 21 июня. Судя по всему, экзамен был успешно сдан, после чего примерно через месяц Пехливанова командировали в Софию на конкурсный экзамен для поступления в Михайловскую артиллерийскую академию в России. Благополучно преодолев и этот барьер, Пехливанов 1 сентября отправился в Россию⁹. Едва ли он тогда мог предположить, что с незнакомой для офицера страной окажутся связаны почти два десятилетия последующей жизни и службы и что именно в России он найдет себе жену.

В 1906 г. Пехливанов завершил полный курс академии по 1-му разряду, причем превзошел в учебных успехах даже русских слушателей, так как окончил академию «первым по успехам всего выпуска с правом занесения имени его на почетную мраморную доску и награжден большой серебряной медалью на основании чего в том же году переведен в Николаевскую Академию Генерального Штаба»¹⁰. Таким образом, болгарский офицер продемонстрировал выдающиеся способности. Окончание же Николаевской академии должно было еще более расширить его кругозор, сделать уникальным военным специалистом своего времени.

Впрочем, по свидетельству будущего Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова, учившегося на курс младше, проходившие академический курс болгарские офицеры «учились... усердно, но, правда, оценки им ставились с большим снисхождением. Иногда в академию приезжал болгарский военный агент при русской армии, следивший за занятиями офицеров своей армии. В общем развитии болгары отставали, и некоторые жаловались на трудность прохождения курса в русской академии, сравнивая его с курсом итальянской академии генерального штаба, где предъявлялись менее жесткие требования и ставились более высокие баллы (эти оценки впоследствии имели значение при прохождении службы в армии). Отношение русских офицеров к болгарам было чисто товарищеским»¹¹.

Всего к осени 1912 г. через обучение в российской академии Генштаба прошли 123 болгарских офицера, причем 9 офицеров (капитаны И.П. Сирманов и Г.Н. Хесапчиев, ротмистр П.И. Златев, поручики Г. Люцканов, Т.Д. Радев, К.Г. Панов, Г.Н. Попов, Й.Т. Пеев и Е.Т. Годоров) осенью 1912 г., окончив два класса академии, возвратились на родину в связи с началом Первой Балканской войны.¹²

20 августа 1907 г. Пехливанов был произведен в капитаны, а 2 августа 1908 г. награжден болгарским орденом за 10-летнюю отличную службу. В 1909 г. он окончил курс академии, и 24 июля приехал в Болгарию, правда, уже с 21 августа снова отправился в Россию, вернувшись в Болгарию только к 26 ноября.

По данным Пехливанова, болгарский Генеральный штаб насчитывал к 1912 г. около 75 выпускников Николаевской академии, 44 выпускника итальянской военной академии в Турине, 10 выпускников французской военной академии, 4 выпускника бельгийской академии и одного выпускника австро-венгерской академии. Всего же офицеров с высшим специальным образованием было порядка 250 или примерно 10% болгарского офицерского корпуса¹³.

Эти данные свидетельствуют о том, что в болгарской военной элите сосуществовали выпускники, в основном, российской и итальянской военных академий. Разумеется, подобное разделение влияло и на мировоззрение офицеров, порождая противоречия между ними. Так, «итальянцы» были, как правило, настроены против «русских» и против России, традиционно популярной в болгарском обществе. Этими противоречиями успешно пользовался в интересах укрепления собственной власти болгарский царь Фердинанд Кобург, манипулировавший группировками офицеров¹⁴. Осенью 1911 г. открылась и собственная болгарская военная академия в Софии с трехгодичным курсом обучения, рассчитанная на 75 слушателей.

На родине капитан Пехливанов с 30 ноября был прикомандирован к штабу армии для отбытия ценза на причисление к Генеральному штабу. Однако уже 30 марта 1910 г. уволился со службы по собственному желанию с зачислением в запас армии.

Нельзя не сказать об одной из причин, по которой Иордан Георгиевич, вероятно, перебрался в Россию. Причиной этой, видимо, стала любовь к необычной женщине – Вере Васильевне Пушкаревой.

Вера Пушкарева (в первом браке – Котляревская; 1871–1942)¹⁵ происходила из дворянской семьи, в прошлом была актрисой и светской дамой. Она окончила Смольный институт, Женские педагогические курсы, филологическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов, Драматические курсы при императорском Александринском театре. Ее первый муж (с 1894 г.) академик Нестор Александрович Котляревский был не только известным литературоведом, но и заведующим репертуаром драмы императорских театров. В 1898–1916 гг. Вера Васильевна со-

стояла в труппе Александринского театра в Петербурге, была у истоков созданного в 1911 г. Общества любителей выразительного чтения при народных университетах, в котором вела занятия по художественному чтению и технике речи. Пушкарева была известна тем, что содержала в Петербурге собственный литературный салон на улице Кирочной, дом 32, кв. 42, который посещал состоявший с Пушкаревой в близких отношениях президент Российской Академии Наук великий князь Константин Константинович (знаменитый поэт К.Р.), петербургский бомонд. Современники отмечали привлекательную внешность Пушкаревой — ее высокий рост, представительность и элегантность, прекрасные манеры, глубокий голос и красивые голубые глаза¹⁶. Не одно свое стихотворение посвятил ей поэт К.Д. Бальмонт. Ее портрет написал И.Е. Репин. При склонности Веры Васильевны к светскому времяпрепровождению и немалом количестве поклонников, ее первый брак распался.

Среди поклонников актрисы был и Иордан Георгиевич Пехливанов, с которым Пушкарева познакомилась в 1906 г. в Сестрорецке. Затем они встречались на минеральных водах за границей в 1909 г., а также на юге России — в Ялте и на Кавказе в 1910 г. Первый муж Пушкаревой, академик Котляревский, даже оказал содействие переходу Пехливанова на русскую службу¹⁷. В 1914 г. у Пушкаревой и Пехливанова родилась дочь Кира. Судя по служебным документам Иордана Георгиевича, он не был женат, по меньшей мере, до 1917 г. Браки офицеров с играющими на сцене актрисами в то время не поощрялись. Поэтому Кира родилась, когда Вера Пушкарева еще была замужем за Котляревским, который, однако, согласился стать крестным отцом ребенка. Иордан Георгиевич стал вторым мужем Веры Васильевны уже после Гражданской войны.

Однако вернемся в предвоенное время. Пехливанова явно тянуло в Россию, где остались друзья по учебе и любимая женщина. В итоге 11 февраля 1910 г. (еще до увольнения с болгарской службы) на основании Высочайшего соизволения, последовавшего по Всеподданнейшему докладу главноуправляющего Канцелярией Его Императорского Величества по принятию прошений, Пехливанов был принят в русское подданство. 4 мая 1910 г. он был приведен к присяге на подданство России. Существует версия о том, что Пехливанов остался в России, якобы, из-за несогласия с прогерманской ориентацией болгарских властей¹⁸, однако применительно к событиям 1909–1910 гг., когда офицер принял решение перебраться в Россию, такая версия несостоятельна, поскольку говорить о какой-то германской ориентации болгарской элиты в это время еще не

приходится. В то время в военных кругах Болгарии шло негласное соперничество группировок русофильски и русофобски настроенных офицеров. Немалая часть болгарского генералитета и сам царь Фердинанд Кобург были настроены антироссийски, а положение русофилов было непростым. Возможно, эти причины и повлияли на выбор Пехливанова.

Первым местом службы офицера в русской армии стала 4-я батарея 23-й артиллерийской бригады, в которую он был зачислен 24 июня 1910 г. Пехливанову был оставлен его капитанский чин, но старшинство считалось с 17 июня 1910 г., когда был издан Высочайший приказ о зачислении Иордана Георгиевича на русскую службу. Время пребывания в офицерских чинах болгарской армии с 1 января 1898 г. по 30 марта 1910 г. Высочайшим соизволением от 21 мая 1910 г. определено было зачесть в действительную службу офицера. 30 июня 1910 г. Пехливанов был причислен к Генеральному штабу и прикомандирован к штабу войск гвардии и Петербургского военного округа для ознакомления со службой Генерального штаба в поле в течение лагерного сбора 1910 г., после которого подлежал прикомандированию к 89-му пехотному Беломорскому полку для двухлетнего командования ротой. В итоге, однако, с 4 октября он был прикомандирован к 94-му пехотному Енисейскому полку, в котором благополучно откомандовал 11-й ротой.

Болгарин по национальности Пехливанов не мог стоять в стороне от событий на Балканах, происходивших в начале второго десятилетия XX века. Эти события его живо интересовали, не случайно он посвятил им целый ряд своих работ, в том числе книгу. Однако помимо публикаций офицер стремился на родину, чтобы лично увидеть все происходившее, принести своими знаниями и опытом пользу Болгарии.

26 сентября (9 октября) 1912 г. началась Первая балканская война, в которой государства Балканского союза (Болгария, Греция, Сербия, Черногория) выступили против Османской империи. Война продлилась до мая 1913 г. В результате боевых действий турки лишились практически всех своих владений в Европе, кроме части Фракии. Война фактически завершила освобождение балканских народов от османского господства.

В сентябре 1912 г., перед самым началом Балканской войны, Пехливанов опубликовал в «Известиях Императорской Николаевской военной академии» статью «Вооруженные силы Болгарии», в которой дал восторженный отзыв о командном составе болгарской армии. Среди прочего в статье утверждалось: «Про болгарскую армию можно сказать, что, начиная с рядового и кончая генералом, чем лицо выше рангом, тем

больше оно отвечает необходимым для него требованиям и тем ближе стоит к идеалу»¹⁹. Подобные наивные заявления, конечно же, трудно принимать всерьез применительно к любой армии. Тем не менее, такие оценки весьма сочувственно встречались русским общественным мнением, в том числе военными кругами, но были далеки от реального положения вещей²⁰.

Подобные суждения не помешали Пехливанову детально проанализировать состояние болгарской армии, пусть и с преобладанием восторженных тонов. В заключение автор статьи отмечал, что «болгарская армия по своему составу является чисто национальной; армия находится в тесной живой связи со всеми слоями народа, причем более образованные классы населения не менее причастны к военной службе, чем необразованные... Сознание необходимости ведения войны с Турцией за освобождение зарубежных братьев создало всеобщий интерес к армии и военное дело становится любимым делом народа...»²¹.

К сожалению, данные об участии Пехливанова в Первой балканской войне крайне отрывочны. В его послужном списке вообще не упоминается о том, что офицер покидал русскую военную службу. О том, что он все-таки уезжал в Болгарию в период войны свидетельствует лишь скупая строка о пребывании в 28-дневном отпуску с сохранением содержания в период со 2 октября 1912 г., причем срок отпуска был продлен на два месяца, но офицер вернулся за десять дней до окончания срока – 20 декабря 1912 г.²² Разумеется, в русских документах того времени даты приводились по старому стилю.

Итак, наш герой мог с большой долей вероятности находиться на театре военных действий в первый период войны – в октябре-ноябре 1912 г. В эти месяцы происходило крупномасштабное и стремительное наступление армий государств Балканского союза, турки были вынуждены обороняться и отступать. В связи с переходом к позиционной войне начались мирные переговоры, увенчавшиеся 20 ноября (3 декабря) подписанием перемирия между Болгарией и Сербией, с одной стороны и Турцией, с другой. Поскольку боевые действия, в основном, прекратились, Пехливанов вернулся в Россию, причем раньше срока. Разумеется, он не мог предполагать, что 21 января (3 февраля) 1913 г. война возобновится.

По итогам поездки на страницах научно-библиографического журнала «Известия Императорской Николаевской военной академии» увидела свет целая серия публикаций Пехливанова о Первой балканской войне, напоминающая заготовки для отдельной книги.

Летом 1913 г. выходит его статья «Действия на Восточном театре»²³. В ней он подробно разобрал вопрос о подготовке сторон, прежде всего, Болгарии и Турции, к войне и действия на Восточном (Фракийском) театре военных действий. По всей видимости, именно там и находился Пехливанов (хотя нигде не упомянул об этом) в период своей командировки. Пехливанов справедливо отмечал, что подготовка к войне – это не только приведение в готовность вооруженных сил, но и создание «благоприятного для проявления моральных сил настроения народа (курсив автора. – А.Г.)»²⁴. Далее он отмечал важность построения хорошей экономической и политической системы, тщательной разработки стратегических решений.

По данным Пехливанова, до 1910 г. военное руководство Болгарии готовилось к наступательной войне с Турцией один на один, что было возможно, вследствие недостаточной организованности турецкой армии и слабости Адрианопольского укрепленного лагеря. Усиление крепости Адрианополь, находившейся на главном операционном направлении, привело к переменам в болгарских планах²⁵. Было решено блокировать Адрианополь и пытаться разбить противника на Фракийской равнине. Стало ясно, что для победы нужно искать союзников. К сожалению, источники осведомленности автора о военных планах болгарского руководства нам неизвестны.

В отношении турок Пехливанов отмечал их легкомысленно-пренебрежительное восприятие болгарской армии²⁶, что не могло не сказаться на исходе боевых действий в начальный период войны. По мнению Пехливанова, вместо заблаговременно подготовленного плана турки решили воспользоваться импровизированным, направленным на упреждение активных действий болгар. Офицер отмечал, что подобный план «должен был привести к самым печальным результатам. Это не план, а случайное решение, которое указывает на отсутствие настоящего плана кампании»²⁷.

В октябре 1913 г. выходит еще один очерк Пехливанова «Мобилизация болгарской армии»²⁸, в котором он рассмотрел вопрос вступления Болгарии в Первую балканскую войну. По мнению автора, к началу второго периода войны болгары выставили против турок свыше 600 000 человек²⁹, что, однако, является значительным преувеличением. В другой своей работе Пехливанов рассмотрел мобилизацию турецкой армии и развертывание болгарских войск³⁰. По оценке Пехливанова, в Турции не

было подъема народного духа, наоборот, преобладали отрицательные настроения³¹.

В нескольких номерах журнала «Известия Императорской Николаевской военной академии» за 1914 г. частями вышла статья Пехливанова «Военные действия на Фракийском театре. Лозенградская операция», посвященная боям октября 1912 г.³². Статья была очень подробной, сопровождалась документами и схемами. По сути это был специализированный военно-исторический труд, в котором досконально, по дням исследовались действия сторон в короткий промежуток времени. Непосредственно перед мировой войной публикуется продолжение предыдущей статьи Пехливанова «Действия полевых болгарских армий во Фракийской равнине»³³, которые сам автор охарактеризовал как решительные.

Фактически Пехливанов был одним из первых в России обозревателей и исследователей Первой балканской войны. К сожалению, сегодня в этом качестве он совершенно забыт. Позднее в Санкт-Петербурге в 1914 г. увидела свет его книга о Балканской войне («Балканская война 1912–13»), но обнаружить хотя бы один экземпляр этого издания не удалось. По всей видимости, основу работы составил как раз цикл статей, публиковавшихся на страницах «Известий Императорской Николаевской военной академии».

В России 8 декабря 1912 г. Пехливанов был переведен в Генеральный штаб с назначением старшим адъютантом штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии. Некоторое время он исполнял должность начальника штаба дивизии. В 1912–1913 гг. Пехливанов украсил грудь медалями в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. на Владимирской ленте и в память 300-летия Царствования дома Романовых, а 6 декабря 1913 г. — орденом Св. Станислава 3-й ст. Кроме того, 13 сентября 1913 г. ему было Высочайше разрешено носить болгарские ордена — Крест «За десять лет отличной службы» и «Крест независимости», которым он был награжден как участник Первой Балканской войны. К сожалению, вопрос о том, в какой форме Пехливанов участвовал в той войне (только как наблюдатель или с оружием в руках), остается открытым. 13 июня 1914 г. император разрешил Пехливанову принять и носить пожалованный болгарский орден Св. Александра 5-й ст. с мечами.

Иордан Георгиевич не только добросовестно нес службу, но и активно участвовал в военно-научной жизни. Как уже отмечалось, он постоянно сотрудничал с журналом «Известия Императорской Николаевской военной академии». Помимо этого, в 1912 г. в Петербурге в военном

книгоиздательстве В. Жукова под редакцией Генштаба генерал-майора А.Н. Апухтина вышел подготовленный Пехливановым совместно с его однокашником по академии В.И. Базаревичем перевод труда французского генерала А. Персена «Боевая связь сверху и снизу»³⁴. В редакторском предисловии Апухтин отметил, что выполнил эту работу по просьбе переводчиков – его сослуживцев. Работа была посвящена слабо разработанному тогда вопросу взаимодействия родов войск, в особенности пехоты и артиллерии. Вспомним, что Пехливанов по первоначальному образованию был артиллеристом. По всей видимости, накануне Первой мировой войны проблемы, затронутые французским генералом, его живо интересовали.

В 1913 г. Пехливанов совместно с А. Семеновым перевел на русский язык работу болгарского офицера К. Киркова «Записки по военной педагогике (Психология, обучение и воспитание)», представлявшую собой учебный курс для специальных классов военного его царского величества училища в Софии. В этом курсе активно использовалось военно-теоретическое наследие А.В. Суворова и М.И. Драгомирова, исследовались военная этика и методика преподавания военных дисциплин, затрагивались тогда еще малоизученные вопросы, как, например, психологические и физиологические основы душевной жизни человека, память, воображение, мышление, внимание. Книга была издана в Петербурге в находившейся в здании Главного штаба военной типографии императрицы Екатерины Великой при содействии Общества ревнителей военных знаний³⁵.

Летом 1913 г. Пехливанов участвовал в полевой поездке в окрестностях Санкт-Петербурга, а с 6 декабря 1913 г. был назначен помощником старшего адъютанта штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. На этом посту его и застала мировая война. 1 августа 1914 г. Пехливанов назначен и. д. помощника старшего адъютанта военцензурного отделения штаба 9-й армии. С 4 сентября он уже помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии, сражавшейся против австрийцев. В сентябре 1914 г., феврале-августе 1915 г. эта армия действовала на австрийской территории³⁶.

24 марта Пехливанов был допущен к исполнению обязанностей штаб-офицера для поручений при отделе генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии. С 16 октября 1915 г. занимал пост и. д. старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии. 6 декабря 1915 г. произведен в подполковники с утверждением в занимаемой должности.

В годы войны Пехливанов продолжал переписку с любимой женщиной – Верой Пушкаревой-Котляревской, которая ярко проявила себя тогда на ниве благотворительности. Еще во время Первой балканской войны Пушкарева организовала сбор пожертвований для болгарских солдат, в годы Первой мировой открыла на станции Бологое приют для детей-сирот, а позднее – частный питательно-перевязочный отряд, причем за свою благотворительную патриотическую работу была награждена тремя Георгиевскими медалями³⁷.

Теперь, чтобы преодолеть строгости военного времени, переписка Пехливанова и Пушкаревой велась по телеграфу и была замаскирована под деловую. Пушкарева как председатель комитета «Петроград – Польша» занималась благотворительностью в 9-й армии, где служил Пехливанов, что позволяло им не только переписываться, но и встречаться.

Пушкарева-Котляревская приезжала в действующую армию к своему возлюбленному, о чем свидетельствует телеграмма Пехливанова председателю комитета «Петроград – Польша» от 12 ноября 1914 г.: «Штаб 9 армии. Получен первый транспорт груза комитета при сопровождении госпожи Котляревской. Шлем привет всем чинам комитета. Мехов. Капитан Пехливанов»³⁸. Визит Пушкаревой пришелся на период сильных боев в районе Кракова. По итогам поездки при содействии Пушкаревой был создан частный летучий Петроградский питательно-перевязочный пункт³⁹.

Фактически Пехливанов был уполномочен штабом армии курировать вопросы получения помощи от благотворительной организации Пушкаревой. В частности, он информировал петроградский комитет о ходе продвижения их грузов, давал советы организационного характера⁴⁰. Деятельность комитета Пушкаревой была активной и разнообразной. При ее участии на фронт отправлялись новогодние подарки, солдат угощали горячим чаем, обеспечивали бельем, обувью и припасами⁴¹. В марте 1915 г. Пушкарева вновь приехала на фронт, а позднее приезжала неоднократно.

В апреле 1916 г. Пехливанов покинул штаб 9-й армии, в котором служил с самого начала войны. В телеграмме Пушкаревой от 27 марта 1916 г. он сообщил, что в начале апреля рассчитывает приехать в Петроград на две недели⁴². 15 апреля он был назначен и. д. начальника штаба 3-й Заамурской пограничной пехотной дивизии. На новом месте офицер также блестяще проявил себя⁴³.

15 августа 1917 г. Пехливанов был произведен в чин полковника со старшинством с 4 октября 1916 г. Во время корниловского выступления офицер был выдвинут армейскими организациями на должность начальника штаба фронта⁴⁴, однако это назначение не состоялось.

С 22 августа 1917 г. Пехливанов отправился в двухмесячный отпуск по болезни. Речь шла о нервном переутомлении⁴⁵, но период, на который пришелся отпуск, дает возможность предполагать и другое, в частности, что его действия были связаны с внутренней обстановкой в стране. Впрочем, это только догадки. Еще находясь в отпуску, Пехливанов получил распоряжение отправиться в Петроград в распоряжение военного министра, куда и убыл. В распоряжении военного министра он пребывал с 10 октября.

Впоследствии он вспоминал: «я был вызван в Петроград, как офицер Генер[ального] Штаба, выдвинутый войной, ...здесь мне делались разные предложения, от которых я решительно отказался»⁴⁶. Вскоре полковник получил предписание начальника личной канцелярии военного министра и 19 октября отбыл в действующую армию через Ставку и штаб Юго-Западного фронта. Пока Пехливанов ехал на фронт, был издан приказ по армии и флоту, согласно которому 20 октября он был назначен командующим войсками Приамурского военного округа вместо Генштаба генерал-майора К.Н. Хагондокова. 25 октября, сдав должность и. д. начальника штаба 3-й Заамурской пограничной пехотной дивизии, Пехливанов отправился на Дальний Восток.

Назначенный еще при Временном правительстве, он вступил в должность уже при большевиках. Смена правящего режима в стране практически не коснулась положения нашего героя в тот период. В этой связи полномочия Пехливанова неоднократно ставились местными властями под сомнение. Более того, дальневосточные большевики отнеслись к нему с подозрением как к контрреволюционеру. Не прошло и двух недель с момента прибытия командующего, как по решению краевого комитета он 2 января 1918 г. был арестован⁴⁷. Пехливанова изолировали у него на квартире, а затем, 4 января, под надзором делегатов Амурской речной флотилии, ехавших в Петроград, отправили обратно в столицу, в распоряжение СНК.

Пехливанова занимали проблемы формирования новой армии в общегосударственном масштабе. 4 февраля 1918 г. датирована его записка «Рабоче-Крестьянская Красная армия. Принципы формирования». В этом документе генштабист рассуждал о строительстве полевой армии и

местных управлений⁴⁸. Пехливанов писал, что власть в РСФСР отныне принадлежит народу – рабочим и крестьянам, она нуждается в организованной вооруженной силе, и цель создания Красной армии – защита социалистического строя от врагов. Отдавая дань революционной риторике, генштабист отметил, что Красная армия действует «в противоположность империалистическим армиям, действующим по указке царей и тайной дипломатии ради порабощения других народов, ради захвата их территории в интересах высших господствующих классов»⁴⁹.

Основным принципом строительства Красной армии, по мнению Пехливанова, должна была стать добровольность службы и сознательность бойцов. Иордан Георгиевич был убежден в том, что новой власти необходима постоянная армия, поскольку предстоит трудная классовая борьба за мировую революцию. Однако после победы он допускал возможность упразднения армии и сохранения лишь вооруженного пролетариата⁵⁰. К сожалению, сегодня сложно сказать, были ли это идеи самого Пехливанова или же он попал под влияние большевистских идеологов. Пехливанов активно разрабатывал теорию борьбы вдоль железных дорог, которая была характерна для начального, «эшелонного», периода Гражданской войны. Очень скоро эти наработки Иордану Георгиевичу пришлось применить на практике, обороняя Петроград от немцев.

В феврале 1918 г. положение в стране сложилось критическое: Советская Россия могла быть уничтожена. Мирный договор с противниками России по Первой мировой войне заключен еще не был, а старая армия уже фактически не существовала. После срыва советско-германских мирных переговоров в Брест-Литовске 18 февраля началось немецкое наступление на Восточном фронте (операция «Фаустшлаг» – «Удар кулаком»). Немцы заняли Луцк и Двинск, захватив в последнем штаб 5-й армии, 20-го взяли Ровно, 21 февраля вошли в Минск, где был взят в плен штаб Западного фронта, и в Новгород Волынский, в ночь 24–25 февраля заняли Псков (находившийся в городе штаб Северного фронта успел эвакуироваться в Тверь), 25 февраля – Ревель, 1 марта – Киев, 4 марта – Житомир. Германские войска наступали, практически не встречая на своем пути сопротивления. 19 февраля состоялось объединенное заседание ЦК партий большевиков и их союзников левых эсеров, на котором присутствовали бывшие генералы В.А. Черемисов и В.Ф. Новицкий. В.И. Ленин тогда высказался за необходимость отпора противнику⁵¹.

20 февраля Пехливанов принял участие в совещании большевистского руководства и военных специалистов, где решался вопрос об орга-

низации обороны⁵². 21 февраля был создан Комитет революционной обороны Петрограда во главе с Я.М. Свердловым. Тогда же был подписан, а на следующий день опубликован декрет-воззвание СНК «Социалистическое отечество в опасности!». Вечером 22 февраля в Петроград по вызову В.И. Ленина прибыл из Могилева начальник штаба Верховного главнокомандующего бывший генерал М.Д. Бонч-Бруевич, фактически возглавивший оборону Советской России от внешнего врага. После совещания с Лениным и другими представителями власти Бонч-Бруевич приступил к работе в Смольном, где разместился в комнате по соседству с кабинетом Ленина.

23 февраля прошла массовая мобилизация петроградского пролетариата на борьбу с врагом. Именно этот день считался днем рождения новой армии, сегодня он справедливо отмечается в России как День защитника Отечества. Эта дата и тогда, и сегодня ясно обозначает тот непреложный факт, что в каком бы тяжелом положении не находилась Россия и ее армия, у нее всегда найдутся свои надежные защитники, способные дать отпор врагу. По данным к 27 февраля, в Красную армию в Петрограде вступили около 13 000 человек⁵³. Немаловажно, что в ночь на 24 февраля СНК принял германские условия заключения мира, что привело к приостановке немецкого наступления⁵⁴.

Тем не менее, в ночь 24–25 февраля немцы с боем заняли Псков. Этой ночью в Смольном не спали. Ленин провел экстренное заседание СНК. В 4 часа утра было принято решение о выделении из Комитета революционной обороны Петрограда оперативного центра для руководства защитой столицы – Бюро, в состав которого вошли представители большевиков и левых эсеров, а в качестве военного специалиста – М.Д. Бонч-Бруевич, который должен был разработать план обороны Петрограда. Было решено дать гудки на всех фабриках и заводах столицы, чтобы как можно быстрее собрать рабочих, готовых пойти на борьбу с врагом.

Понедельник, 25 февраля, стал долгим днем для Пехливанова. В этот день, еще на рассвете, он получил из Смольного телеграфный приказ: «Немцы по сведениям 24 февр[аля] заняли Псков незначительными силами. Вы назначаетесь н[ачальни]ком Псковского отряда в составе: 5 батал[ьонов] при 12 пул[еметах] на каждый б[атальон], 3 батареи при необходимых технических средствах связи; на усиление отряда будут направлены части дополнительно. На Псковский отряд возлагается задача: выбить немцев из Пскова и преследовать до Изборска – Острова, который должен быть занят; скорейшее достижение поставленной цели

является основой Ваших действий. Дополнительные силы предполагается направить по жел[езной] дор[оге] Петроград – Дно – Псков, о времени их выступления будет сообщено. Штаб обороны. Петроград, Мойка, 67. До[м] в[оенного] мин[истра]. Наштаверх Бонч-Бруевич»⁵⁵.

Бонч-Бруевич ставил боевую задачу без учета реального соотношения сил и средств сторон, а также морального состояния красногвардейских отрядов, которое было невысоким. Однако Пехливанов немедленно приступил к выполнению поставленной задачи, возможно даже осознавая невозможность отбить Псков. Он возглавил оборону Советской России от германских войск на наиболее опасном псковском направлении, непосредственно угрожавшем Петрограду. То, что именно псковское направление считалось немцами главным, отмечено в некоторых исследовательских работах⁵⁶.

Отряд составили добровольцы из солдат старой армии, красноармейцев и красногвардейцев. Бойцы Красной армии и Красной гвардии шли защищать Петроград бок о бок с еще сохранявшимися подразделениями старой армии. Удивительно, что эти разнородные революционизированные силы были готовы подчиняться приказам бывшего офицера Генерального штаба. В будущем именно сочетание опыта и знаний старых офицеров с революционным порывом комиссаров и большой численностью красноармейского состава стало одной из сильных сторон Красной армии.

Бонч-Бруевич предполагал провести разведку в направлении Нарвы, Тапса, Дно, Новосокольников, Невеля и Идрицы. Он также требовал охраны технических сооружений стратегически важной в сложившихся условиях железной дороги Петроград – Москва, соединявшей театр военных действий и столицу Советской России с центром страны⁵⁷.

В 9.30 утра Пехливанов уже находился на Варшавском вокзале. К этому времени он знал, что накануне около 18 часов вечера немецкая конница и броневые автомобили незначительными силами заняли Псков и двигались далее на станцию Торошино, находившуюся на железнодорожной линии Псков – Петроград в 21 км северо-восточнее Пскова. Продолжение немецкого наступления создавало непосредственную угрозу столице Советской России. В отряде Пехливанова насчитывалось, как отмечалось в телеграмме Бонч-Бруевича, 5 батальонов при 60 пулеметах и 3 батареи. Однако эти силы были лишь расчетными, а не фактическими.

Никто точно не знал, какими силами оперируют немцы и как будут развиваться их дальнейшие действия⁵⁸. Пехливанов приказал бойцам

высадиться на станции Луга и принять меры к тому, чтобы задержать бронемашину противника южнее города, а также выяснить обстановку на железной и шоссейной дорогах Луга – Псков.

На начальника штаба отряда Ф.П. Никонова Пехливанов сразу произвел самое серьезное впечатление. Никонов впоследствии вспоминал: «Получил я назначение быть начальником штаба Псковских отрядов. Это было 25 февраля 1918 года. Мне сказали: «Спешите на Варшавский вокзал, там формируются эшелоны. Ищи полковника Пехливанова, командира отряда».

Прихожу на вокзал. Там сутолока неопишная, толкотня, крики, хаос. Проталкиваюсь через толпу. Вижу рослого военного в длинной серой шинели, в папаче, очень внушительного вида. Он совершенно спокоен среди этого хаоса. Отдает короткие деловые распоряжения. Подхожу, представляюсь. «Будем воевать вместе», – кратко отвечает он на мое представление. И продолжает распоряжения ровным голосом, но очень внушительно. Чувствуется большой авторитет командира. Думаю: «С таким хорошо воевать».

Хаос постепенно организуется. Погрузились в эшелоны. Едем. Стоим у окна. Видим группы деморализованных солдат, бредущих с фронта. «Надо их остановить, – говорю, – вернуть». А он: «Оставьте их, они нам не нужны. Воевать они не будут. Только лишний балласт. Нам нужны преданные, боевые, сознательные, надежные. Пусть меньше, но лучше».

Запомнились его спокойствие, деловитость, умение влиять на бойцов и всех подчиненных, организовать их, влиять на них без лишних слов, а просто своим присутствием и поведением, уверенность в победе, отсутствие показухи. Запомнились также его отеческая забота о быте солдат, понимание психологии бойцов, демократичность, не свойственная царским офицерам, и в то же время требовательность. Его очень любили и уважали за глубокое знание военного дела и правильный подход к людям»⁵⁹.

Нельзя не признать, что эта весьма благожелательная характеристика вряд ли отражала общее настроение революционной массы в отношении «царского офицера» – в то время оно не могло быть всецело доверительным. К примеру, один из ответственных советских работников, участвовавших в формировании псковских отрядов, отмечал, что назначение командиром отряда Пехливанова – это «громкая ошибка, кото-

рая впоследствии дала возможность генералам поднять голову»⁶⁰. В этом смысле положение Пехливанова было непростым.

Формирование, которое он возглавил, получило наименование псковских отрядов. Именно они стали одними из первых частей создававшейся Красной армии.

Пехливанов появился в Луге к 14 часам 26 февраля⁶¹. Сразу после доклада начальника авангарда он провел совещание с комиссарами Б.П. Позерном (член коллегии управления войсками Северного фронта) и П.А. Залуцким (комиссар Комитета революционной обороны Петрограда)⁶². Было решено немедленно выдвинуть в сторону Пскова разведывательный эшелон под начальством В.Я. Беркуля, а затем и перебросить все эшелоны и штаб отряда на станцию Струги Белые, расположенную между Псковом и Лугой.

Поздно вечером 26 февраля, в 23 часа, Пехливанов провел новое совещание с Позерном и Залуцким. К этому времени Иордану Георгиевичу уже было известно, что Псков занят силами немецкой дивизии, причем утром немцы организовали наступление от города. Командир отряда обоснованно осторожничал, считая, что силы неравны и вверенных ему войск достаточно только для разведки. Чтобы действовать более активно, Пехливанову были нужны еще четыре эшелона отряда, бронепоезд, бронедивизион и конница. Итогом совещания стало общее решение о невозможности противостоять немцам до сосредоточения всего отряда⁶³. Было также решено подготовить к взрыву железную дорогу к югу и северо-востоку от Луги.

Наступление на Псков вели соединения 8-й германской армии генерала Г. Кирбаха, в частности 53-й корпус. Разведка сообщила, что в районе Ревеля сконцентрировано до 9000 немецких солдат⁶⁴. В Пскове расположилась дивизия с номерами полков 345, 346, 347, 348. Всего около 4000 человек. Штаб дивизии находился с 26 февраля в здании реального училища. Позднее был сообщен и номер дивизии — 78-я пехотная⁶⁵. Вечером 27 февраля немцы подтянули к городу еще два пехотных полка. Помимо этих сил были замечены подразделения еще четырех полков. Также в городе сосредоточились три артиллерийских полка и пять кавалерийских. В марте Псков оборонял 8-й немецкий корпус со штабом в деревне Череха (с 12 марта), которая была сильно укреплена. В 5–6 верстах от города немцы выставляли полевые караулы силой 10–15 человек при пулемете, вокруг города рыли окопы, укрепляли позиции колючей проволокой. 27 февраля было замечено движение отряда вдоль

железной дороги Псков – Гдов. Кроме того, сразу после занятия города немцами была начата отправка из Пскова в Германию всех военнослужащих и военнообязанных русских⁶⁶.

Бонч-Бруевич из Петрограда требовал от Пехливанова решительных действий, и они не заставили себя ждать. Несмотря на множество недостатков, бойцы Пехливанова действовали против немцев крайне успешно. Авангард сил Пехливанова выдвинулся со станции Новоселье (50 километров от Пскова) на станцию Торошино, заняв последнюю при поддержке бронепоезда после короткого боя. Одно из первых боевых столкновений произошло 1 марта в 23 часа у станции Черняковицы в десяти верстах от Пскова, где поддержку красноармейцам оказывал бронепоезд. Пехливанов тогда лаконично телеграфировал в Петроград: «Первое столкновение! П.»⁶⁷. В этих двух словах заключались противоречивые чувства: и обеспокоенность дальнейшим развитием ситуации и стремление показать, что бойцы отряда способны на активные действия. Произошел бой и у деревни Яхново, где была уничтожена немецкая застава⁶⁸. У станции Струги Белые бойцы Пехливанова отразили налет немецкой авиации.

1 марта пришла новая строгая телеграмма от Бонч-Бруевича: «Несколько раз указывалось Вам [на] развитие самых энергичных быстрых действий. Строгий расчет и разумную осторожность учитывать надо, но в излишнем промедлении гибель дела. Прошу Вас сообщить Ваш план [и] время, когда окончательно приступите [к] его исполнению...»⁶⁹.

В 23 часа 5 минут 1 марта Бонч-Бруевич телеграфировал Пехливанову уже в более спокойном тоне: «Ваш способ действий признаю соответствующим обстановке. Мои телеграммы вызваны вашим молчанием в то время, когда желательно было получать более частые донесения с псковского направления, дабы удовлетворить запросам правительства и мне самому быть вполне ориентированным»⁷⁰.

Германская оккупация вызывала волну недовольства псковских крестьян и городского населения. По данным разведки, в Пскове шел грабеж местного населения⁷¹. Особое возмущение вызвали хлебные реквизиции и требования отправки военнообязанных в Германию. Пользуясь близостью линии фронта, крестьяне посылали делегатов в отряд Пехливанова с просьбами их вооружить для партизанских действий, помогали бойцам Пехливанова продовольствием⁷². Пехливанов распорядился снабжать оружием всех желающих⁷³. Только за 4 марта, например, было вооружено около 800 крестьян⁷⁴. В общей сложности, если верить свиде-

тельству одного из участников формирования партизанских отрядов, было вооружено до 7000 крестьян⁷⁵. Партизаны совершали дерзкие нападения на оккупантов.

2 марта председатель СНК В.И. Ленин телеграфировал всем, всем, всем быть в полной готовности в связи с возможным перерывом мирных переговоров в Брест-Литовске. В телеграмме предписывалось: «Обязательно поднять всех на ноги, принять меры охраны и обороны»⁷⁶. Выполняя указания по противодействию немцам, 2 марта бойцы Пехливанова даже сумели подбить один германский аэроплан⁷⁷.

До сих пор считалось, что Бонч-Бруевич требовал от Пехливанова более решительных действий и даже едва не снял того с поста начальника отряда за медлительность⁷⁸. Однако очевидно, что позиция петроградского руководства не была все время одинаковой. После первых успехов псковских отрядов и признания Бонч-Бруевичем правильности действий Пехливанова поздно вечером 1 марта ситуация переменилась. Из-за того, что пока не найдена ключевая телеграмма Бонч-Бруевича по данному вопросу, точку в этой истории ставить рано. Однако в полной мере нельзя исключать, что именно активизация действий Пехливанова в начале марта и его тактические успехи вызвали неудовольствие или опасения в Петрограде, где не желали возобновления полномасштабных боевых действий с немцами. Впрочем, 3 марта Бонч-Бруевич по-прежнему занимался организацией наступления на Псков⁷⁹.

Так или иначе, но в 16 часов 2 марта Пехливанов телеграфировал Бонч-Бруевичу, что не держится за свой пост, если петроградское начальство что-то в его действиях не устраивает: «При данных средствах и обстановке другого способа действий, кроме принятого мною, я не нахожу, а потому прошу Вас подыскать отвечающего Вашим требованиям Начальника отряда. 2 Марта 1918 года. 16 часов. Ст. Струги Белые. № 31. Пехливанов. Дополнение. План действий н[ачальни]ка отряда Пехливанова всецело разделяем. Пом[ощник] н[ачальни]ка отряда Малютин. Начальник штаба Член Коллегии формирования Красн[ой] арм[ии] Ф. Никонов»⁸⁰. Однако свой пост Пехливанов тогда сохранил.

К 3 марта в отряде числилось 2200 штыков, 130 шашек, 93 пулемета и 4 орудия. Пехливанов продолжал работу по вооружению крестьян и по формированию партизанских отрядов. В этот же день произошли новые столкновения с немцами, причем красноармейцы даже потеснили противника⁸¹. В районе Торошино бойцы Пехливанова подбили второй германский аэроплан, производивший разведку⁸².

3 марта был подписан Брестский мирный договор. Россия вышла из Первой мировой войны, последние бои которой на Восточном фронте навсегда связаны с именем болгарина на русской службе Иордана Пехливанова.

4 марта в войсках был распространен приказ Верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко о немедленном прекращении боевых действий при нахождении на занимаемых позициях⁸³. 5 марта в 17 часов Пехливанов направил к противнику парламентариев для решения вопроса о прекращении боевых действий и определении нейтральной полосы⁸⁴. Посланцы вернулись на следующий день в час ночи. Было решено прекратить боевые действия, летчики могли летать только над расположением своих войск, принято решение об установлении нейтральной зоны и демаркационной линии. На 7 марта была намечена новая встреча для обозначения нейтральной полосы⁸⁵. Демаркационная линия была проведена всего в 3 верстах севернее Пскова и в 6 верстах восточнее железной дороги Псков – Двинск. Была достигнута договоренность о том, что перед Псковом должна быть очищена от войск 10-верстная зона⁸⁶. К этому времени пассажирские поезда из Советской России доходили лишь до станции Струги Белые⁸⁷, а далее сообщения не было.

По данным Пехливанова, ко дню прекращения боевых действий численность псковских отрядов доходила до 3620 человек, в т.ч. 2100 штыков при 97 пулеметах и 4 орудиях и 113 шашек. Наиболее боеспособными из своего отряда Пехливанов считал латышей-туккумцев⁸⁸. 9 марта, находясь на станции Новоселье, Пехливанов отмечал, что «теперь заключен мир, и боевое дело кончилось. Предстоит перед всеми нами ответственная работа по формированию и организации Социалистической Армии Республики. Будучи связан с командованием отрядами, я должен остаться и работать»⁸⁹.

После ликвидации угрозы германского нашествия весна – лето 1918 г. для Пехливанова стали периодом рутинной службы в формированиях завесы, тяжелой, напряженной работы по созданию Красной армии.

Казалось бы, его служба в Красной армии складывалась вполне благополучно, он пользовался авторитетом, как у других военных специалистов, так и среди комиссаров. Однако 28 сентября 1918 г. он неожиданно для всех бежал к белым⁹⁰. В этот день, находясь в Луге, Пехливанов набросал карандашом прямо и по-солдатски рапорт военному совету Петроградского района: «Только что получил известие о чрезвычайно тяжелом положении моей семьи, которую не видел в течение года.

Ввиду воспрещения отпусков и длительности хлопот по выезду, вынужден нелегально (подчеркнуто в документе читателями. – А.Г.) отправиться без промедления на выручку своих близких, о чем и доношу Военсовету»⁹¹.

На документе имелась резолюция о подготовке телеграммы – арестовать и предать суду Пехливанова, такой документ был составлен к 1 октября 1918 г. Впрочем, генштабиста в Советской России больше не видели. Как оказалось, он уехал спасать семью в Крым. И непонятно, зачем вообще понадобился нашему герою этот прощальный рапорт.

Секретная и весьма срочная телеграмма комиссара Северного участка отрядов завесы Л.М. Глезарова о розыске беглеца была следующей: «Инспектор формирований второй инспекции Северного Участка Генштаба Иордан Георгиевич ПЕХЛЕВАНОВ рапортом от 28/15 Сентября, за номером 404, сообщил Военному Совету, что ввиду воспрещения отпусков и длительности хлопот по выезду, он принужден нелегально отправиться на выручку своей семьи, находящейся в тяжелом положении, и которую он не видел в течение года. По агентурным сведениям разведки ПЕХЛЕВАНОВ бежал в направлении Крыма. Приметы его высокий рост, черные волосы, черные подстриженные усы, темно-карие глаза, темный загорелый цвет лица, когда читает, одевает пенсне. Носит смешанную военную форму, иногда носит серый штатский костюм. ПЕХЛЕВАНОВ родом из Болгарии. Предлагается всем немедленно принять все меры к задержанию бежавшего как дезертира и преданию его военно-революционному суду»⁹².

Оказавшись на белом Юге, Пехливанов поступил на службу в войска генерала А.И. Деникина. В феврале 1920 г. Пехливанов вернулся в Болгарию, где работал инженером и школьным учителем. В Болгарию он перебрался вместе с супругой и дочерью. В годы Второй мировой войны помогал партизанам в борьбе с гитлеровцами, затем восторженно встретил приход Красной армии, однако конкретных данных об оказываемой Пехливановым партизанам помощи, кроме краткого свидетельства его дочери, в моем распоряжении нет. В 1946 г. вышел на пенсию, поселившись на севере страны, в городе Сухиндол, но работал лектором в обществе советско-болгарской дружбы. Умер 26 марта 1955 г.

Жизненный путь полковника Пехливанова, во многом, характерен для судеб немалой части офицеров-генштабистов русской армии, но в то же время сопряжен с целым рядом уникальных событий, которые выделяют биографию Пехливанова из многих других. Пехливанов отличался

незаурядными способностями к учебе, тягой к знаниям, оставил обширное письменное наследие, ряд статей и книг (как переводов других авторов, так и собственных трудов).

За исправным несением Пехливановым службы до мировой войны последовало его героическое участие в этой войне, подкреплявшееся русофильскими и антигерманскими настроениями (которые, кстати, в полной мере проявились у него и в годы Второй мировой войны). Затем наступил 1917 г. Тогда Пехливанову оказала доверие и поддержку, выдвигала на руководящие посты солдатская масса. Многие офицеры, прошедшие через схожее признание революционных солдатских масс, позднее оказались в Красной армии. Не стал исключением и Пехливанов.

Офицер добросовестно пытался понять суть нового режима, установившегося в стране. Более того, он оказал полную поддержку новой власти в деле защиты страны от германского наступления. Фактически речь шла о защите России, безотносительно ее политической системы. Именно патриотическими, антигерманскими мотивами руководствовался сам Пехливанов. Тяжелое положение семьи вынудило его осенью 1918 г. поставить личные интересы выше служебных, дезертировать из Красной армии и бежать на белый юг.

Пехливанов был далеко не единственным перебежчиком от красных к белым. Даже в сравнительно узкой корпорации генштабистов таких людей были сотни, не говоря уже об офицерстве в целом. Неопределенность идейного выбора и метания были отличительной чертой поведения офицерства в Гражданской войне. Однако к перебежчикам, бывшим военспецам, белые тоже относились с недоверием. Положение людей, которых не принимали ни в том, ни в другом лагере, было сложным, нередко трагическим. У Пехливанова оказался свой выход из этой ситуации – возвращение на родину в Болгарию, позволявшее забыть об ужасах Гражданской войны в России и избежать репрессий за измену Советской власти со стороны победивших большевиков.

Жизнь Пехливанова в Болгарии оказалась сродни пребыванию в странах рассеяния русских офицеров-эмигрантов, и облегчалась только тем, что он был у себя на родине и не ощущал языковой и культурной изоляции. Тем не менее, на военную службу он принят не был, и оказался вынужден подыскивать другие источники средств существования. Материальное положение семьи Пехливанова в первые годы после Гражданской войны было крайне неблагоприятным, но со временем жизнь нормализовалась.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Далее в статье используется написание имени Пехливанова, принятое в русских служебных документах — Иордан.
- ² Можно назвать лишь единственную небольшую заметку, к сожалению, не лишенную неточностей (так, ее автор указал неверный год рождения своего героя): *Николаев П.А.* И.Г. Пехливанов // Военно-исторический журнал. 1981. № 1. С. 95–96. Также см. энциклопедическую статью: Пехлеванов И.Г. // Псковская энциклопедия. Псков, 2003. С. 535.
- ³ См. краткую справку о Пехливанове: *Танчев И.* Българи в чуждестранни военноучебни заведения (1878–1912). София, 2008. С. 175. В этой справке неверно указана дата рождения Пехливанова. Выражаю благодарность к.и.н. В.Б. Каширину за возможность ознакомиться с этим изданием.
- ⁴ См., напр.: *Стрекалов И.И.* Создание войск завесы (февраль–май 1918 года): Исторический очерк. М., 2001. С. 7–8.
- ⁵ *Барбасов А.П., Золотарев В.А.* О прошлом во имя грядущего: традиции российско-болгарского боевого содружества. М., 1990. С. 212–213; Великий Октябрь и защита его завоеваний. Т. 1. М., 1987. С. 392, 398; В.И. Ленин в Октябре и в первые годы Советской власти. Л., 1970. С. 220; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974. С. 33, 46; *Кавтарадзе А.* Военспец в революции // Переписка на исторические темы. Диалог ведет читатель. М., 1989. С. 186; *Кораблев Ю.И.* В.И. Ленин и создание Красной армии. М., 1970. С. 212; Крах первого нашествия империалистов на страну Советов. М., 1973. С. 78; *Кузьмин Г.В.* Разгром интервентов и белогвардейцев в 1917–1922 гг. (научно-популярный очерк). М., 1977. С. 59–60; *Мицун И.И.* Год 1918-й. М., 1982. С. 90; *Муратов Х.И.* Первый советский главковерх. М., 1979. С. 98; *Панайотов П.* Болгары в борьбе за Советскую власть 1917–1920. София, 1967. С. 82, 90; *Он же.* Болгарські интернаціоналісти в боротьбі за перемогу і захист Радянської влади // Український історичний журнал. 1986. № 11. С. 101; *Петров В.И.* Непокорившиеся кайзеровскому нашествию. М., 1988. С. 44; *Он же.* Отражение страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году. М., 1980. С. 89, 108, 110, 112; Под знаменем Октября. Сб. док. и мат. Т. 1. Участие болгарских интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции и защите ее завоеваний. М.-София, 1981. С. 403; *Томан Б.А.* За свободную Россию, за свободную Латвию: Латышские стрелки и красногвардейцы в первый год советской власти. М., 1975. С. 90; *Фрайман А.Л.* Революционная защита Петрограда в феврале–марте 1918 г.

- М.-Л., 1964. С. 150–151, 188–189, 194–195; Человек с ружьем. Воспоминания. Документы. Очерки. Л., 1988. С. 19 и др.
- ⁶ *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 196.
- ⁷ См., напр.: *Акунов В.* «А был ли мальчик?» или 23 февраля как «День порабитителей Отечества» – <http://www.proza.ru/2008/07/20/227>; *Лискин И.* 23 февраля – День порабитителей Отечества // Наши вести (Санта Роза, Калифорния). Издание Союза чинов Русского корпуса. № 450/2751. 1998. Март. С. 20–21; *Миронов В.* 23 февраля. История фальсификации // Новый Часовой (Санкт-Петербург). 1994. № 1. С. 39–42.
- ⁸ Дата из послужных списков Пехливанова. В письме дочери Пехливанова Киры Иордановны историку П.А. Николаеву от 16 марта 1980 г. указана другая дата – 12 апреля 1877 г. Кира Иордановна специально отметила, что ее отец родился «в день объявления Освободительной русско-турецкой войны, в которой его старший брат Добри участвовал в рядах болгарского ополчения и погиб на Шипке», дядя Иордана Георгиевича, художник Димитр Добревич Пехливанов, состоял в армии Джузеппе Гарибальди – Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф. 9837. Оп. 1. Д. 117. Л. 1. Выражаю благодарность сотрудникам архива М.А. Киселевой и Е.Л. Лысых, любезно предоставившим мне копию этого документа.
- ⁹ Данные о службе Пехливанова приводятся по его послужным спискам на 22 августа 1917 г. – Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37562. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–10; на 24 октября 1917 г. – Там же. Л. 21–26; на 14 января 1914 г. – Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. П/с. П/с 36–475.
- ¹⁰ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 1. Л. 2об.
- ¹¹ *Шапошников Б.М.* Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. С. 130–131.
- ¹² Список офицеров Болгарской службы, окончивших курс Николаевской академии генерального штаба (ныне Императорской Николаевской военной академии) // Известия Императорской Николаевской военной академии (Санкт-Петербург). 1913. № 37. Январь. С. 134–145; *Танчев И.* Указ. соч.
- ¹³ *Пехливанов Ю.* Вооруженные силы Болгарии // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1912. № 33. Сентябрь. С. 1379.
- ¹⁴ *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи 1801–1914. М., 2006. С. 550.

- ¹⁵ Подробнее о В.В. Пушкаревой см.: Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 5. М., 1993. С. 43; *Косик В.И.* Русские краски на балканской палитре: художественное творчество русских на Балканах (конец XIX – начало XXI века). М., 2007. С. 104; *Он же.* Софии русский уголок. Очерки со стихами о русских, покинувших Россию после октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны. М., 2008. С. 137–141; *Каназирска М.* В.В. Пушкарева – Н.А. Котляревский // «Погасло дневное светило...» Руската литературна емиграция в България 1919–1944. София, 2010. С. 370–392.
- ¹⁶ *Каназирска М.* Указ. соч. С. 372, 378.
- ¹⁷ Там же. С. 378.
- ¹⁸ *Николаев П.А.* И.Г. Пехливанов // Военно-исторический журнал. 1981. № 1. С. 95; *Он же.* На защиту Петрограда! Л., 1986. С. 244; Пехливанов И.Г. // Псковская энциклопедия. Псков, 2003. С. 535; Под знаменем Октября. Сб. док. и мат. Т. 1. Участие болгарских интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции и защите ее завоеваний. М.-София, 1981. С. 403.
- ¹⁹ *Пехливанов Ю.* Вооруженные силы Болгарии // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1912. № 33. Сентябрь. С. 1379.
- ²⁰ *Каширин В.Б.* Высший и старший командный состав армий стран Балканского полуострова в оценках и суждениях русских военных специалистов в начале XX века // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011. С. 221.
- ²¹ *Капитан Пехливанов.* Вооруженные силы Болгарии // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1913. № 38. Февраль. С. 231.
- ²² РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 1. Л. 8об.
- ²³ *Капитан Пехливанов.* Война на Балканах. Действия на Восточном театре // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1913. № 43. Июль. С. 999–1023.
- ²⁴ Там же. С. 999.
- ²⁵ Там же. С. 1015–1016.
- ²⁶ Там же. С. 1022.
- ²⁷ Там же. С. 1023.
- ²⁸ *Пехливанов И.* Война на Балканах. Мобилизация болгарской армии // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1913. № 46. Октябрь. С. 1493–1503.

²⁹ Там же. С. 1503.

³⁰ Пехливанов И. Война на Балканах. Действия на Фракийском театре // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1913. № 47. Ноябрь. С. 1671–1688.

³¹ Там же. С. 1678.

³² Пехливанов И. Война на Балканах. Военные действия на Фракийском театре. Лозенградская операция // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1914. № 49. Январь. С. 53–77; № 50. Февраль. С. 281–317; № 51. Март. С. 503–523; № 53. Май. С. 811–836.

³³ Пехливанов И. Действия полевых болгарских армий во Фракийской равнине // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1914. № 54. Июнь. С. 1003–1022.

³⁴ *Général Percin*. Боевая связь сверху и снизу. СПб., 1912.

³⁵ Кирков К. Записки по военной педагогике (Психология, обучение и воспитание). СПб., 1913.

³⁶ Пехливанов отличился в октябре 1914 г. в период тяжелейших боев Варшавско-Ивангородской операции, за что впоследствии был награжден Георгиевским оружием. Согласно формулировке приказа по 9-й армии № 422 от 24 августа 1915 г. награждение было произведено «за то, что в Октябрьских боях армии, при форсировании р. Вислы: 1) с целью выполнения предложенной им мысли о подготовке переправы двумя корпусами, руководя лично работами с 7 по 11 октября под сильным огнем противника, установил прочную связь, благодаря которой достигалась не только полная ориентировка в ходе боя всех войсковых начальников, но и сосредоточение огня более 200 орудий нашей артиллерии с правого берега Вислы, чем действительно содействовал нашему крупному окончательному успеху 11 Октября под Ивангородом и Ново-Александрией (Ново-Александрия находилась в 23 верстах от Ивангорода – А.Г.); 2) Находясь на своем наблюдательном пункте у Ново-Александрии и следя непосредственно за ходом боя одного из корпусов армии, своевременно и точно ориентировал в обстановке Командира этого корпуса, а личным словесным докладом в Штабе армии способствовал безотлагательному принятию целого ряда экстренных мер, приводимых к достижению поставленной армии цели, т. е. успешному форсированию реки Вислы у Ново-Александрии и к решительному поражению противника на левом берегу Вислы» (РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–4об.). Таким образом, пригодились как специальные знания Пехливанова-артиллериста, так и подготовка, полу-

ченная им в академии Генштаба. Пожалование было утверждено 7 февраля 1916 г. За участие в боях с 22 августа по 8 сентября 1914 г. Пехливанов был представлен к ордену Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. Представление было направлено начальником штаба 9-й армии в Главный штаб. Кроме того, за бои с 7 по 24 октября Пехливанова представили к ордену Св. Станислава 2-й ст. с мечами (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27209. Л. 215об.).

31 января 1915 г. Высочайшим приказом наш герой был награжден сразу двумя наградами. Вскоре последовало еще одно представление за то, что «4–5 ноября при начале боев под Краковом командирован из Штаба армии в район боев корпусов Гвардейского и 25-го для ориентирования, поручение выполнил отлично, принимал непосредственное участие в бою. Представляется к ордену Св. Анны 4 степени с надписью за храбрость» (Там же). 24 февраля 1915 г. Пехливанов получил аннинское оружие – орден Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (Высочайше утверждено 15 сентября 1915 г.), а 27 марта был награжден орденом Св. Анны 2-й ст. с мечами за отличия в делах против неприятеля. Наконец, 15 апреля офицеру была пожалована светло-бронзовая медаль за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 г. на ленте ордена Белого Орла.

³⁷ Сохранилось телеграфное поздравление Пехливанова от 7 января 1917 г., адресованное Пушкаревой, в связи с ее награждением Георгиевской медалью 3-й ст. – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома; РО ИРЛИ). Ф. 135. Д. 1020. Л. 20.

³⁸ Там же. Л. 10.

³⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 718. Оп. 1. Д. 23. Л. 13.

⁴⁰ РО ИРЛИ. Ф. 135. Д. 1020. Л. 11–13.

⁴¹ Там же. Л. 12, 16, 24, 26; РГИА. Ф. 718. Оп. 1. Д. 23. Л. 13об.

⁴² РО ИРЛИ. Ф. 135. Д. 1020. Л. 19.

⁴³ С 22 по 28 мая он участвовал в боях у местечка Самушино (Самушин), 15 июня – в бою у деревни Малый-Гвоздец, 15 июля – у деревни Хощимеж, 25 июля – у деревни Грушка, 30 июля – у города Станиславов и 18 июня 1917 г. у Лысонского леса, а также в период отступления с 8 по 13 июля 1917 г. В качестве награды 15 августа 1916 г. ему было даровано старшинство в чине с 6 декабря 1914 г. Кроме того, 7 декабря 1916 г. объявлено Высочайшее благоволение за отличие в делах против неприятеля. Наконец, 30 января 1917 г. приказом по 9-й армии № 66

Пехливанов был награжден самой желанной для любого офицера русской армии боевой наградой – орденом Св. Георгия 4-й ст. за подготовку и участие в событиях Брусиловского прорыва, «за то, что личной разведкой, сопряженной с явной для его жизни опасностью, в период времени с 6-го по 22-е мая 1916 г. детально изучил позицию противника и все подступы к ней в районе д. Самушин и на основании этих данных разработал план прорыва этой сильно укрепленной, казавшейся неприступной, позиции. 22-го мая принял деятельное участие в бою за овладение позицией в районе вышеуказанной деревни, приведшем к крупной победе над противником. Затем, перед решительным боем 28-го мая у д. Окна, он во главе партии разведчиков при условиях исключительной опасности тщательно изучил подступы к левому флангу позиции, куда намечался главный удар. Во время боя, находясь при начальнике правой колонны, личным указанием направил правофланговые роты, которыми была обойдена и захвачена неприятельская передовая укрепленная позиция, что и послужило началом успеха частей 41-го армейского корпуса, имевшего важное значение на ход дальнейших операций в Буковине» (РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 1. Л. 4об.). В революционном 1917 г. в качестве признания заслуг офицеров солдатской массой практиковалось награждение их солдатскими Георгиевскими крестами с серебряной лавровой ветвью. Именно такой крест 4-й ст. за № 1130648 получил приказом по дивизии № 266 от 16 августа 1917 г. Пехливанов по решению всех частей дивизии «за то, что 1) Исполняя должность Начальника Штаба дивизии в критический период отступления нашей армии 11-го Июля 1917 года, подвергая свою жизнь явной опасности, лично произвел разведку прорыва нашего фронта в районе Д. Дорохув, быстро расположил в этом прорыве наши полки и тем способствовал успеху нашей дивизии задержать наступление германцев с севера на юг между р. Стрыпой и р. Серет, чем была дана возможность трем армейским корпусам своевременно перейти на восточный берег реки Серет и 2) В период нашего отступления, проявляя необыкновенное хладнокровие и распорядительность, прекратил панику в обозах и на биваке 8-го Июля в д. Козувке, 11-го Июля в д. Хмельювка и др., развитие которых грозило оставление[м] войсками своих мест и бедствиями в тылу в обозах и парках» (Там же. Л. 4об.–5об.)

⁴⁴ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1316. Л. 77.

- ⁴⁶ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.
- ⁴⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2.
- ⁴⁸ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–4.
- ⁴⁹ Там же. Л. 2.
- ⁵⁰ Там же. Л. 2об.
- ⁵¹ Николаев П.А. На защиту Петрограда! Л., 1986. С. 20.
- ⁵² Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера генерального штаба за 1917–1918 года. Таллин, 1929. С. 50–56.
- ⁵³ История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974. С. 31.
- ⁵⁴ Базанов С.Н. Демобилизация действующей армии в ноябре 1917 г. – марте 1918 г. и ее последствия // Военная интервенция и Гражданская война в России (1918–1920 годы). М., 2009. С. 50.
- ⁵⁵ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 102–102об.
- ⁵⁶ Фрайман А.Л. Революционная защита Петрограда в феврале–марте 1918 г. М.-Л., 1964. С. 188.
- ⁵⁷ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 103–103об.
- ⁵⁸ Фрайман А.Л. Указ. соч. С. 189.
- ⁵⁹ Воспоминания были записаны дочерью Пехливанова Киной Иордановой в 1969 г. в Москве и хранились в собрании П.А. Николаева. Цит. по: Николаев П.А. На защиту Петрограда! С. 245–246.
- ⁶⁰ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Т. 1. Ноябрь 1917 г. – март 1919 г. Сб. док. в 4-х т. М., 1971. С. 110.
- ⁶¹ Таким образом, не соответствуют действительности данные П.А. Николаева о том, что он прибыл в Лугу лишь 27 февраля - Николаев П.А. На защиту Петрограда! С. 108.
- ⁶² РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 115об.
- ⁶³ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 118об.
- ⁶⁴ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.
- ⁶⁵ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.
- ⁶⁶ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 126об., 130, 137об.; РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.
- ⁶⁷ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 132.
- ⁶⁸ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 9. Л. 19.
- ⁶⁹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 62.
- ⁷⁰ Под знаменем Октября. Сб. док. и мат. Т. 1. С. 420. В работе П.А. Николаева эта телеграмма почему-то отнесена к 3 марта, что су-

- щественно меняет логику развития событий – *Николаев П.А.* На защиту Петрограда! С. 126.
- ⁷¹ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 2. Л. 72.
- ⁷² РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 9. Л. 25.
- ⁷³ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 138.
- ⁷⁴ Под знаменем Октября. Сб. док. и мат. Т. 1. С. 422.
- ⁷⁵ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Т. 1. С. 111.
- ⁷⁶ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.
- ⁷⁷ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 138; Ф. 7150. Оп. 1. Д. 9. Л. 19; Д. 10. Л. 112.
- ⁷⁸ *Николаев П.А.* На защиту Петрограда! С. 114–115.
- ⁷⁹ Рождение Красной армии. Публ. В.В. Душенькина и Н.М. Вьюновой // Советские архивы. 1968. № 1. С. 19.
- ⁸⁰ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 9. Л. 52; Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 136.
- ⁸¹ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 140.
- ⁸² РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 140об.
- ⁸³ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 141.
- ⁸⁴ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 1. Л. 69.
- ⁸⁵ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.
- ⁸⁶ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 1. Л. 109.
- ⁸⁷ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 9. Л. 28а.
- ⁸⁸ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 10. Л. 2об.
- ⁸⁹ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 3. Л. 6а.
- ⁹⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 267.
- ⁹¹ РГВА. Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 126.
- ⁹² Там же. Л. 158.

Британская пресса о Балканских войнах

Балканские войны стали поворотным моментом в том, как британская пресса писала о балканских государствах и народах. Выраженная туркофильская направленность, в той или иной степени превалировавшая на протяжении XIX и в начале XX в., уступила место более объективному освещению балканских реалий. Первые военные победы, одержанные союзом балканских государств над Османской империей, снискали симпатию британских газет. Публиковавшиеся в них статьи, вступительные комментарии и сообщения стали в большей, чем прежде, мере отражать законные интересы балканских народов. Особую значимость репортажам английских журналистов придавало то обстоятельство, что внешнеполитический курс британского правительства находился под сильным влиянием общественного мнения (особенно с середины XIX в.) и, в первую очередь, прессы¹. Из всех союзников Сербия и Болгария были наиболее интересны британским газетам. Накануне конфликта на Балканах находившийся в Лондоне сербский дипломат Славко Груич сообщал об особом внимании, уделяемом Сербии местными СМИ. Он неоднократно извещал Белград о благосклонности британской печати, проявлявшейся в отсутствии как открыто антисербских, так и протурецких материалов. Груич отмечал, что все газеты соглашались с тем, что требование фундаментальных реформ в Османской империи было оправданным, что великие державы, так или иначе должны выступить гарантом их осуществления. Одновременно единодушно признавалась необходимость того, что следовало локализовать очаг войны, которая становилась все более вероятной².

С того момента, как сербская армия оказалась вовлеченной в боевые действия, ряд британских газет, включая «Daily News» и «Leader», выступали на сербской стороне. В номере от 9 октября 1912 г. была опубликована статья Гарольда Спенсера – личного друга В. Гладстона, – возлагавшего ответственность за развязывание конфликта на великие державы, в первую очередь, на Англию³.

Первым британским изданием, безоговорочно поддержавшим балканские государства, стал консервативно настроенный «The Bystander». Напечатанная в номере от 9 октября 1912 г. статья «Горячее пожелание успеха народам Балкан» объясняла позицию редакции, вставшей на сторону балканских стран и выразившей надежду, что те раз и

навсегда выгонят турок из Европы в Малую Азию. Однако «The Times» и «Pall Mall Gazette» не разделяли этой точки зрения, полагая, что британскому общественному мнению следовало сохранять сдержанность, а прессе – нейтралитет. Свое мнение они обосновывали опасностью эскалации конфликта на Балканах до уровня общеевропейской войны⁴.

Славные военные победы балканских союзников над Турцией подкрепили уверенность европейских держав в том, что поддерживать неизменность status-quo более невозможно, и что следует признать фактическое положение вещей. В Великобритании возникла парадоксальная ситуация, когда наметилось расхождение позиций правительства, с одной стороны, и общественного мнения и прессы, с другой стороны, единодушных в том, что завоевания балканских триумфаторов должны получить признание. Такой консенсус общественности и прессы заставил кабинет принять реальное положение дел, то есть приложить усилия к тому, чтобы союзники удержали освобожденные территории. Этой тематике уделяли внимание, главным образом, «The Westminster Gazette», «Daily Telegraph», «Daily News», «Daily Mail» и «The Times», высказывавшиеся в поддержку союзников, а также за изменение status-quo и признание результатов войны. Первыми газетами, обнародовавшими тезис о невозможности сохранения status-quo на Балканах, были «The Westminster Gazette» и «Daily News». В статье «Ростки общей политики», напечатанной 15 октября 1912 г., «The Westminster Gazette» утверждала, что «прежнего положения вещей не вернуть, что общие интересы всех сторон диктуют необходимость заменить его на новую устойчивую форму правления, неважно какую»⁵. 26 октября то же издание опубликовало статью «Великая стратегия», в которой подчеркивалось, что союзники добились окончательной победы, продемонстрировавшей, что Балканский союз оказался сильнее, чем ожидалось. Автор полагал, что, «в случае победы балканских государств, принцип „Балканы балканским народам“ становится единственно жизненным. Отказ от его применения делал бы мир недостижимым»⁶. Анализируя заявление Эдуарда Грея о невозможности поддержания прежнего состояния, та же газета в статье «На пути к линии фронта в Чаталдже» (1 ноября) приводила различные мнения, высказывавшиеся накануне войны. При этом отмечалось, что впоследствии события развивались быстрее, чем можно было предположить, и что status-quo не сохранить⁷.

Официальные круги и пресса Великобритании высказывали огромное изумление в связи со стремительными успехами членов Балкан-

ского союза, особенно сербской армии, в Первой балканской войне. Многочисленные статьи по данной теме выходили во всех без исключения газетах. Больше остальных внимание войне уделяли «The Times» и «Daily Telegraph», объективно и часто с симпатией писавшие о Сербии. Так, например, 4 ноября 1912 г. «The Times» опубликовала редакционную статью «Вступление короля Петра в Скопье: патриотический прием», в которой описывалось освобождение сербами города.

Обычно сдержанная в отношении к Сербии газета «Standard» 9 ноября опубликовала положительный отзыв о сербской армии – «Сербская армия. Впечатления о военнослужащих и их подготовке», принадлежавший перу специального военного корреспондента, находившегося среди сербских солдат. Автор отмечал, что до Балканской войны Великобритания недооценивала сербскую армию, что, вероятно, было связано с реакцией отторжения за участие сербских офицеров в убийстве короля Александра Обреновича, а также с общим предубеждением по отношению к сербам. Далее он подчеркивал аккуратность сербских солдат, которые, даже будучи ранеными, выглядели достойно. Положительной чертой сербской армии, по словам автора, было одинаковое отношение в госпиталях к раненым сербам и туркам, получавшим равное лечение. Журналист цитировал нескольких сербских солдат, не испытывавших ненависти к туркам, но ненавидевших албанцев, по их словам, жестоко расправлявшихся с сербами, сжигавших сербские села, совершавших преступления в отношении сербского мирного населения⁸.

Британские газеты много писали о проблемах выхода Сербии к морю и восточной албанской границы. Как показала Лондонская конференция послов, эти два вопроса стали предметом наиболее активной полемики великих держав⁹. Отчеты о ходе конференции публиковали «The Times», «Daily Telegraph», «Westminster Gazette» и «Daily Mail», позиции которых были разнообразны. Большая часть статей отражала негативное отношение к сербским требованиям. С 12 ноября 1912 г. в британской прессе стали появляться публикации, в которых утверждалось, что сербские притязания на Приморье являются проблемой местного значения и не могут служить оправданием для крупномасштабной войны. Сразу после появления подобных суждений были опубликованы статьи, в которых сербские требования получали одобрение и поддержку. Меньше всего было нейтральных и сугубо информативных статей, большая часть которых вышла в «Daily Mail».

Равное количество позитивных и негативных материалов о сербских претензиях на Адриатику напечатала только «The Times», журналисты которой избегали оценочных суждений. Передовица «Путь к миру» (19 ноября 1912 г.) критиковала Сербию за невоздержанность в территориальных вопросах и за провоцирование Австро-Венгрии. В статье подчеркивалось, что сербы после одержанных побед могли бы, как болгары, вести себя и поскромнее. Как было сказано, европейские государства были готовы пойти навстречу сербским устремлениям, но в определенных пределах и в свое время. Чего европейцам не хотелось, так это ввязаться в большую войну из-за нетерпеливости сербов. В конце текста Сербия предупреждалась, что Британия не допустит, чтобы ее втянули в войну из-за локального конфликта, который можно без проблем урегулировать мирными средствами¹⁰.

Опубликованная на следующий день в той же газете статья «Условия союзников» адресовала сербской стороне следующее послание: «Положительный эффект от побед Сербии растрочен впустую по причине ее безумного и провокационного поведения в отношении Австрии. Вся Европа была готова принять восстановление средневековой сербской империи, способствовать ее развитию, однако сербы сами сделали все, чтобы уничтожить собственную репутацию. Продолжать в том же духе не в интересах Сербии»¹¹. В то же время, издание напечатало несколько материалов в поддержку предоставления Сербии территориальных компенсаций. Например, 27 ноября автор статьи «Причины напряженности» отмечал, что Сербия как развитая страна имеет разумные основания требовать выхода к Адриатике для обеспечения своих торговых интересов, тем более, что данное требование подкреплено военными победами. «Такая позиция разделяется Англией, которая не хочет ущемления интересов Сербии, но настаивает, чтобы та выражала свои запросы в мирной форме и в более подходящий момент»¹².

Что касается сербских притязаний на Печ, Призрен, Джаковицу и Дебар, позиция британских газет была либо негативной, либо нейтрально-информативной. В статье «The Times» (15 января 1913 г.) «Сербы в Дибре», авторства константинопольского корреспондента, занимавшегося изучением этнического состава спорных территорий в Албании, Старой Сербии и Македонии, описывалось взятие сербами города Дебар. По его словам, хотя албанское население города было против присоединения к Сербии, жалоб с его стороны не поступало, так как взятие города прошло мирно. Что касается статистики, то согласно данным журналиста, на 75% город был албанским. Остальное население – болгары, которых сербские

пропагандисты называли сербами. Албанской была вся долина реки Дрим – от города Дебар до Везирова моста. Исключительно албанцы проживали в Люме, Джаковице и Качанике, по соседству с которым только два села были сербскими. В Призрене, Пече, Приштине, Рожаяе, Гнилане и Вучитрне албанцы составляли большинство. Сербь преобладали в Митровице и в районах, прилегавших к сербской границе¹³.

Британские газеты публиковали не только позитивные материалы о роли Сербии в Первой балканской войне. Из большого числа критических статей можно выделить ту, в которой шла речь об исчезновении в Призрене австрийского консула Прохазки. Пресса дружно подвергла критике Сербию за препятствование контактам консула с Веней, что противоречило нормам международного права.

* * *

Если в ходе Первой балканской войны английская пресса по отношению к Сербии и ее внешнеполитическим задачам относилась с известной холодностью, то Вторая балканская война отчетливо знаменовала начало нового восприятия сербского вопроса общественностью и прессой. В это время также появлялись негативные статьи и комментарии, но их было не так много, и они не были столь недоброжелательными, как ранее¹⁴.

Популярной темой у английских журналистов стали конфликты и разногласия между членами Балканского союза. Местная пресса еще в начале Первой балканской войны отмечала наличие серьезных разногласий между союзниками, в первую очередь, между Сербией и Болгарией. Начало их открытого противостояния было лишь вопросом времени. С ходом войны противоречия становились все более выраженными. С апреля 1913 г. материалы о них публиковались в островной прессе каждый день. «The Times» и «Daily Telegraph» писали о ходе конфликта особенно детально, не вдаваясь при этом в его предысторию. Отмечалось только, что несогласие становится все более очевидным. «The Times» в статье «Опасности балканского соперничества. Совет союзникам» (14 апреля 1913 г.) указывала, что болгарские журналисты и политики своими неразумными заявлениями серьезно вредят общим интересам балканских государств¹⁵.

В номере от 21 апреля Джеймс Баучер (James Bourchier) в статье «Напряженные отношения союзников. Серьезная ситуация. Требования Сербии в Македонии» констатировал, что отношения между Сербией и Болгарией с каждым днем становятся все более критичными. Баучер сообщал, что исход противостояния предсказать невозможно. По его словам,

«сербское правительство колебалось некоторое время, но, в конце концов, уступило армейским кругам, стремившимся к присоединению к Сербии всех занятых территорий и установлению общей границы с Грецией»¹⁶. За несколько дней до начала Межсоюзнической войны автор признавал, что достижение компромисса между Сербией и Болгарией более невозможно. Спасением могло бы стать лишь вмешательство «европейского концерта»¹⁷.

В материале «Распри балканских союзников» «Daily Telegraph» (26 мая 1913 г.) выступила с проболгарских позиций и, тем самым, нарушила взятый ход освещения вопроса британскими газетами. Издание сообщало, что между Белградом и Афинами существовал своего рода пакт относительно амбиций Софии. Редакция выражала понимание позиции последней, хотя и не одобряла ее безоговорочно. Свои притязания Болгария оправдывала тем, что на нее пала основная тяжесть войны с Турцией, сербам и грекам осталось лишь разобраться с жалкими остатками неприятельских сил. «Daily Telegraph» утверждала, что большая часть Македонии была болгарской – по настроениям и этнической принадлежности, в особенности, район от Сереза до Эгейского моря и Драмы¹⁸.

Любопытно, что выступавшая на стороне Болгарии «Westminster Gazette», в статье «Установление равновесия на Балканах» от 14 июля, открыто признавалась в своих симпатиях к Софии. Такие издания, как «Pall Mall Gazette», «The Times», «Daily Chronicle», «Daily Telegraph», «Morning Post» много внимания уделили требованиям Сербии относительно раздела спорных территорий и пересмотра союзнического соглашения. Вышеперечисленные печатные органы во многом соглашались с сербскими притязаниями. «Pall Mall Gazette» в нескольких статьях, вышедших в мае-июне 1913 г., советовала Болгарии пойти на некоторые уступки, вместо того, чтобы настаивать на выполнении каждой буквы договора, который никогда не был бы подписан в его теперешней форме, если бы было возможно предсказать реальный ход событий.

Неожиданное и молниеносное нападение Болгарии на Сербию 17 июня 1913 г., положившее начало Второй балканской войне, получило широкое освещение в британских газетах. В погоне за тиражом «Pall Mall Gazette», «The Times», «Daily Chronicle», «Daily Telegraph», «Morning Post» буквально соревновались, кто первым опубликует эксклюзивные новости о боевых операциях и положении дел на балканском театре военных действий. Эти газеты излучали симпатию по отношению к Сербии, за исключением «The Times», колебавшейся между нейтральностью и проболгарской точкой зрения.

7 июля белградский спецкор «Daily Telegraph» Эшмид-Бартлет (Ashmead-Bartlett) опубликовал две статьи о ходе сербо-болгарского конфликта. В первой, как о доказанном факте, говорилось о болгарской агрессии. Отмечалось, что сербы находятся в стратегически более выгодном положении¹⁹. Во второй автор писал, что «с фронта приходят только хорошие новости. Раненые сербы не теряют духа и верят в победу»²⁰.

Корреспондент «The Times» Джеймс Баучер регулярно извещал читателей о ходе боевых действий. К сожалению, его тексты были по большей части односторонними и недостоверными, так как автор черпал информацию только из болгарских источников. В статье от 5 июля 1913 г. он сообщал, что основные сражения происходят в районе между городами Штип и Кочани, что болгарам сопутствует успех, а сербы несут тяжелые потери. Баучер также стал источником информации, будто болгарские силы проникли вглубь Тимокской краины и захватили города Неготин, Заечар, Княжевац и Алексинац²¹. Подобная бесчестная писанина и приукрашивание ситуации в пользу Болгарии вынудили редакцию нанять специального корреспондента в Скопье, что способствовало более объективному и правдивому изложению фактов в материалах газеты. Увы, в статье «Ситуация на Балканах» (10 июля) журналист вынужден был с расстройством признать, что «Болгария переживает тотальную катастрофу. Более тяжелого кризиса в стране не было с 1885 г., когда король Милан объявил ей войну».

Очень много внимания британская пресса уделяла вопросу ответственности за развязывание Второй балканской войны. «The Times», «Morning Post», «Daily Mail», «Daily Chronicle» возлагали ее на Болгарию. И только одна статья в «Morning Post» – на Сербию²². Славко Груич упоминал ее в своем донесении Пашичу от 5 июля 1913 г. Он также сообщал, что британская пресса почти единодушна в своих оценках и комментариях по поводу причин Второй балканской войны: «Они постоянно употребляют эпитеты “безобразная” и “отвратительная”, и почти все соглашаются, что войну начала Болгария»²³. «The Times» (8 июля) в статье «Новая война на Балканах» также обвиняла Болгарию в развязывании войны с Сербией: «Болгарское нападение было запланированным и преднамеренным». И далее: «Вероломное нападение было совершено с упорной извращенностью»²⁴.

Хотя ответственность за развязывание войны была возложена на Болгарию, британские газеты, особенно «Morning Post» и «Westminster Gazette», без большого энтузиазма восприняли перераспределение спор-

ных территорий в пользу Сербии. Несмотря на наличие высказываний в пользу того, что те области Македонии, из-за которых разгорелась войны, должны достаться Сербии, ее право на них оспаривалось в большей части статей. Проболгарский подход к проблеме уступок территорий в Македонии нашел отражение в статьях «Westminster Gazette» «Триумф цинизма» и «Травля Болгарии», опубликованных 3 и 10 июля 1913 г. Главным аргументом был тот, что Болгария вынесла главную тяжесть войны с Турцией, и без нее Сербии и Греции никогда бы не представился шанс разделить Македонию. Газета называла Болгарию цивилизованной нацией и призывала великие державы не допустить ее ослабления и унижения, так как это не в интересах поиска долгосрочного решения проблемы²⁵.

В августе 1913 г. военная авантюра Болгарии закончилась ее полным дипломатическим поражением. В Бухаресте за зеленым сукном она потеряла почти все, что получила, благодаря победам, одержанным в ходе Первой балканской войны с Турцией. Сербия, напротив, пережила триумф. Британские газеты подробно описывали ход Бухарестской конференции. Интерес представляют комментарии «The Times» по поводу результатов Балканских войн и Бухарестской мирной конференции, опубликованные во второй половине 1913 г. 9 августа известный Джеймс Баучер представил свою оценку конференции в интонационно остром материале «Несправедливое урегулирование», в котором говорилось, что Бухарестский договор полностью игнорирует существенные особенности этнического состава Македонии и поэтому не может считаться долговременным. Автор отмечал, что соглашение, согласно которому окруженная с пяти сторон Болгария оказывалась в отчаянном положении, не может быть окончательным²⁶.

Анализируя результаты Второй балканской войны, Баучер в статье «Вторая балканская война» (25 ноября 1913 г.) подчеркивал, что в начале война союзников с Турцией была войной за освобождение. Для Болгарии – за освобождение Македонии, для Греции – Эгейских островов, для Сербии – Санджака. Однако, подлинной целью Сербии была оккупация северной Албании и выход к морю. Подобные намерения не были озвучены сразу, так как противоречили официально декларируемым целям, которые ставили союзники в начале войны. Баучер обвинял Сербию в удвоении собственной территории в результате поглощения всей центральной и северной Македонии. В завершение предельно антисербского текста автор подытоживал: «Остается посмотреть, сможет ли Сербия переварить откушенный кусок». По словам Баучера, будет непросто

сохранять status-quo, хотя политика сербизации, несомненно, принесет какие-то результаты²⁷...

В заключение можно констатировать, что накануне событий, перекоивших политическую карту Европы, британская пресса придерживалась официальной позиции Лондона, которая заключалась в том, что следует сохранять целостность территории Турции. Однако блестящие успехи союзников на Балканах побудили наиболее видных журналистов встать на их сторону. Зазвучали призывы изменения status-quo и признания результатов достигнутых завоеваний. Почти все наиболее влиятельные издания имели своих специальных военных корреспондентов на балканском театре военных действий. Их репортажи были, в основном, объективными, особенно, что касалось течения Первой балканской войны. В то же время, то там, то сям проскальзывали саркастические и циничные ремарки относительно балканских народов и их устремлений.

Во время Второй балканской войны некоторые комментаторы и спецкоры, в частности, корреспондент «The Times» Джеймс Баучер, встали на сторону одного из участвовавших в конфликте государств, что привело к снижению объективности анализа причин и хода войны между бывшими союзниками. В целом же, Балканские войны знаменовали этап нового, более объективного освещения британской прессой событий на Балканах. До того населявшие их народы, особенно сербы, имели в глазах прессы и общественности дурную репутацию «плохих парней», склонных к дестабилизации обстановки в регионе. Балканские войны привели к формированию гораздо более объективного представления о балканских народах и ситуации на Балканах²⁸.

Перевод А.А. Силкина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Kennedy P.M. The Realities behind Diplomacy: Background Influences on British External Policy 1865-1880. London, 1996. P. 52.

² Архив Србије (далее – АС). Ф. МИДС. ПО. 1912. Ф-ХІ. Д-VIII. Пов. бр. 1616 (С. Грујић – Н. Пашићу. 20.IX.1912).

³ АС. Ф. МИДС. ПО. 1912. Ф-ХІ. Д-IX. Пов. бр. 1754 (С. Грујић – Н. Пашићу. 2.X.1912).

⁴ Там же. Ф-II. Д-VII. Пов. бр. 217; 2163 (посланство Краљевине Србије у Великој Британији – председнику министарског савета и министру иностраних дела Краљевине Србије, Николи Пашићу. 29.IX.1912).

⁵ Westminster Gazette. October 15. 1912. Vol. XL. N° 6049. P. 1. The Gems of a Common Policy.

- ⁶ Westminster Gazette. October 26. 1912. Vol. XL. N°6059. P. 1. The Great Strategy.
- ⁷ Westminster Gazette. November 1. 1912. Vol. XL. N°6064. P. 1. Towards the Chataldja Lines.
- ⁸ Standard. November 9. 1912. N°27587. P. 9, The Servian Army. Impressions of the Man and their Training.
- ⁹ Растовић А. Велика Британија и Србија 1903–1914. Београд, 2005. С 304.
- ¹⁰ The Times. November 19. 1912. N°40060. P. 9. The Pathway to Peace.
- ¹¹ The Times. November 20. 1912. N°40061. P. 9. The Terms of the Allies.
- ¹² The Times. November 27. 1912. N°40067. P. 9. The Causes of Tension.
- ¹³ The Times. January 15. 1913. N°40109. P. 5. The Servians at Dibra.
- ¹⁴ Растовић А. Указ. соч. С. 310–311.
- ¹⁵ The Times. April 14. 1913. N°40185. P. 5. The Danger of Balkan Rivalry. Advice to the Allies.
- ¹⁶ The Times. April 21. 1913. N°40191. P. 6. The Tension between Allies. A Serious Situation. Servian Claims in Macedonia.
- ¹⁷ Преглед стране штампе // Прес-биро Београд. 13. јун 1913.
- ¹⁸ Daily Telegraph. May 26. 1913. N°18126. P. 11. Quarrels of the Balkan Allies. Bulgaria, Servia and Greece. Approaching Crisis. Irreconcilable Views. New War Feared.
- ¹⁹ Daily Telegraph, July 7, 1913. N°18161. P. 13, Belgrade Accounts.
- ²⁰ Daily Telegraph, July 7. 1913, N°18161. P. 14, Bulgarian Prisoners. Arrival at Belgrade.
- ²¹ The Times, July 5, 1913. N°40256. P. 7, Bulgarian Successes Reported. A Servian Incursion.
- ²² Растовић А. Указ. соч. С. 325.
- ²³ АС. Ф. МИДС. ПО. 1912. Ф-ХІХ. Д-ІV. Пов. бр. 4519 (С. Грујић – Н. Пашићу. 22.VI.1913.).
- ²⁴ The Times. July 8. 1913. N°40258. P. 9. The New War in the Balkans.
- ²⁵ Westminster Gazette. July 3. 1913. Vol. XLII. N°6268. P. 1. The Triumph of the Crisis; Westminster Gazette. July 10. 1913. Vol. XLII. N°6274. P. 1. Bulgaria at Bay.
- ²⁶ The Times. August 9. 1913. N°40286. P. 7. An Inequitable Settlement.
- ²⁷ The Times. November 25. 1913. N°40378. P. 7. The Second Balkan War. Causes of the Bulgarian Disaster.
- ²⁸ Растовић А. Указ. соч. С. 333–334.

Н А Ш И А В Т О Р Ы

- Белов Михаил Валерьевич** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Нижегородского Госуниверситета им. Н.И. Лобачевского.
- Виноградов Владилен Николаевич** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.
- Вишняков Ярослав Валерианович** – кандидат исторических наук, доцент МГИМО (У) РФ.
- Ганин Андрей Владиславлевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.
- Гришина Ритта Петровна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.
- Елдаров Светлозар** – доктор исторических наук, профессор, Институт балканистики с Центром фракологии Болгарской академии наук.
- Животич Александр** – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института новейшей истории Сербии.
- Игнатъев Роман Николаевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая.
- Ильина Галина Яковлевна** – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.
- Искендеров Петр Ахмедович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.
- Косик Виктор Иванович** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.
- Куманов Милен Костадинов** – старший научный сотрудник, доктор истории Институт теории и практики лидерства им. Ст. Стамболова, София.
- Лабаури Дмитрий Олегович** – кандидат исторических наук, доцент Уральского Госуниверситета им. А.М. Горького.
- Лобачева Юлия Владимировна** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.
- Растович Александр** – доктор исторических наук, профессор Нишского университета (Сербия).

- Соломон Флавиус** – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Румынской академии наук, Яссы
- Струнина Наталья Григорьевна** – младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.
- Субаев Рашид Рашатович** – кандидат исторических наук, Москва.
- Тимофеев Алексей Юрьевич** – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института новейшей истории Сербии.
- Улуриян Артем Акопович** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.
- Хлебникова Варвара Борисовна** – кандидат исторических наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Шевцова Галина Игоревна** – кандидат исторических наук, Москва.
- Шемякин Андрей Леонидович** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....	3
-----------------	---

I

Балканы: история и судьба.

Осмысленне

по этнопсихологическому и иным параметрам

№13–62сз

Субаев Р.Р.

Имперская политическая традиция в Юго-Восточной Европе как идеологическая предпосылка Балканских войн 1912–1913 гг.	15
--	----

Улуния Ар.А.

Опыт невраждебного историописания: Балканские войны в контексте «новой историографии» региона	46
--	----

Косик В.И.

«Крыло бабочки»	59
-----------------------	----

II

Балканская ментальность и ее отражение

в деятельности политиков региона начала XX в.

№63–268сз

Лабаури Д.О.

Национальные символы, идеи и мифы болгарского освободительного движения в Македонии и Фракии в 1894–1912 гг.	65
---	----

Белов М.В.

Актуальность героического прошлого: история и политика в предвоенной Сербии	92
--	----

Тимофеев А.И.

Сербские четники накануне и в ходе Балканских войн: социальный феномен, национальная традиция и военная тактика	102
---	-----

Шемякин А.Л.

Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве)	123
--	-----

Хлебникова В.Б.

Скутари 1913 г.: проверка российско-черногорского союза на прочность	163
---	-----

Гришина Р.П.

Болгарский дипломат Димитр Ризов
и Балканские войны 178

Куманов М.

Иван Евстратиев Гешов и «делёж» Македонии:
к истории дипломатической подготовки Болгарии
к Балканской войне 1912–1913 гг. 203

Елдаров Св.

Последний «крестовый поход»:
крещение болгарских мусульман в 1912–1913 гг. 218

Соломон Фл.

Румынские социалисты и проблемы войны и мира
на Балканах. 1910–1916 гг. 241

Игнатъев Р.Н.

Балканские войны на службе этнографии
(судьба горан в XX в.) 253

Ильина Г.Я.

Мирослав Крлежа и Балканские войны 259

III**События Балканских войн.****Деятельность общественных и тайных организаций.****Оценки современников**

»269–430«

Вишняков Я.В.

Балканские войны 1912–1913 гг.
и организация «Черная рука» 271

Шевцова Г.И.

Деятельность С.-Петербургского
Славянского благотворительного общества
по оказанию помощи Сербии
во время Балканских войн 292

Искендеров П.А.

Албанское измерение Балканских войн 307

Животич А.

Сербия и албанский вопрос (1912–1913).
Причины, политика, традиция 329

Виноградов В.Н.	
Румыния во Второй Балканской войне	347
Лобачева Ю.В.	
Балканские войны 1912–1913 гг. и развитие общественного движения югославян в Америке	367
Струнина Н.Г.	
Деятельность великой княгини Милицы Николаевны Романовой по оказанию помощи Черногории во время Балканских войн	378
Гании А.В.	
И.Г. Пехливанов – один из первых историографов Первой балканской войны	391
Растович А.	
Британская пресса о Балканских войнах	421
Наши авторы	431

Научное издание

Модернизация vs. война
Человек на Балканах
накануне и во время
Балканских войн
(1912–1913)

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения РАН*

Оригинал-макет, обложка – М.И. Леньшиной

Подписано в печать 29.05.2012 г., Формат 60×84 1/16. Печать цифровая.
Бум.офсетная № 1. Гарнитура Times New Roman. 27,25 п.л.
Тираж 500 экз. Заказ № 125.

Институт славяноведения Российской академии наук
119334 г. Москва, Ленинский проспект, 32 А, корп. В.

Отпечатано в типографии издательства «ТЕЗАУРУС»
Тел./факс: 8 (499) 252 14 31. E-mail: tez_sale@mail.ru

978-5-7576-0253-0

9 785757 602530

inslav